

63.3(чит)5

0-70

Піетро Ори.

Современная Италія.

Исторія послѣднихъ 150 лѣтъ до вступленія
на престоль Виктора Эмануила III.

Переводъ съ Итальянскаго

О. Шенрокъ.

(Подъ редакціей проф. Г. Форстена).

Изданъ В. Березовскимъ

КОМИССІОНЕРЪ ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ

С.-Петербургъ, Колокольная улица, 14.

1907.

63.3/4M)5 *регистр*

9(м) | Орел Ф.
0-40

Современная литература
79447

29.05.91. | Заполнит.

29.09.2000 | *ЛЛ*

м/р

79447

9(м)
~~Ф. Бегунов~~

Р.Ф.

Піетро Ореи.

63.3/4ит

0-70

1897.

Современная Италія.

Исторія послѣднихъ 150 лѣтъ до вступленія
на престоль Виктора Эмануила III.

Переводъ съ Итальянскаго

О. Шенрокъ.

Подъ редакціей проф. Г. Форстена).

79447
1950

ЦЕНТРАЛЬНІЙ
БИБЛІОТЕКЪ.

Идаль В. Березовскій

КОМИССИОНЕРЪ ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ
С.-Петербургъ, Колокольная улица, 14.

1907.

⊕

+

13 7.

2072

„Современная Италия“ Пиетро Орси, вышедшая первоначально на английскомъ языкѣ въ 1901 г., а затѣмъ со значительными дополненіями на итальянскомъ, вскорѣ была переведена на французскій и нѣмецкій языки.

Задача автора — дать иностранному читателю краткое доступное изложеніе исторіи Италіи съ конца XVIII и до начала XX вѣка. Центр тяжести работы — политическое возрожденіе Италіи. Живое изложеніе прерывается цитатами изъ рѣчей, прокламацій, парламентскихъ преній. Авторъ — искренній итальянскій патриотъ и воодушевленный сторонникъ Савойскаго дома; стараясь быть объективнымъ, онъ, можетъ быть, изрѣдка и нѣсколько строго и пристрастно судить политику Австріи, на что указываетъ въ своемъ разборѣ книги Орси вѣнскій критикъ von Zwiedeneck (см. Mittheilungen des Instituts für österr. Geschichtsforschung, XXVII, 3 Heft, 1906).

Преимущества книги Орси передъ имѣющимися русскими переводами Сорена и Больтона Кинга—ея сжатость, яркость и живость стиля, а также и то обстоятельство, что авторъ ея—итальянецъ. Общественному мнѣнію итальянцевъ XIX вѣка авторъ придаетъ большое значеніе, мѣстами тонко анализируя его; не забыты и важнѣйшіе культурные моменты эпохи. Въ общемъ оптимистъ—Орси не скрываетъ и отрицательныхъ явленій современной ему эпохи, но горячо и искренно вѣритъ въ лучшее будущее своей родины.

Г. Форстенъ.

Оглавленіе.

	Стр.
Глава I. Италія послѣ Ахенскаго мира	1
Глава II. Италія во время французской революціи	28
Глава III. Господство Наполеона	39
Глава IV. Реставрація: старыя формы правленія и новыя народы	52
Глава V. Первыя движенія	61
Глава VI. Десять лѣтъ реакціи	73
Глава VII. Джузеппе Мадзини и „Молодая Италія	84
Глава VIII. Сила общественнаго мнѣнія	95
Глава IX. Отъ реформъ къ революціи	102
Глава X. Война 1848 года	126
Глава XI. Война 1849 года	157
Глава XII. Начало царствованія Виктора Эмануила II.	174
Глава XIII. Звѣзда Пьемонта	187
Глава XIV. Война 1859 года	198
Глава XV. Экспедиція тысячи	216
Глава XVI. Римскій вопросъ	228
Глава XVII. Война 1866 года	242
Глава XVIII. Римъ-столица	247
Глава XIX. Италія послѣ 1870 года	253
Глава XX. Италія въ 1900 году	277
Глава XXI. Науки и искусства	287

Замѣченныя опечатки.

<i>Стр.</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Надо читать</i>
3	3 снизу	Викторъ-Эммануиль III	Викторъ-Амедей III
6	10 снизу		
58	11 сверху	находилось	находились
—	8 снизу	корооа	короля
81	9 сверху	Каноса	Каноза
85	5 сверху	другія,	другія
—	9 сверху	создай какъ	создай, какъ
104	4 снизу	домойне довольные	домой недовольные
113	въ примѣчаніи	„Говорить Мартино...	Онъ хвастался ка- кимъ-то нелѣпымъ предпріятіемъ. Гово- рить Мартино...
115	14 снизу	baldiassa	baldrassa
149	9 снизу	что если	что, если
159	12 снизу	Раморинъ	Раморино
163	14 сверху	Шіалоіа	Шалойя
172	13 сверху	Козенцо	Козенць
187	7 сверху	дочь	рѣчь
204	7 сверху	недавныхъ	недавнихъ
209	6 снизу	dalle	delle
209	9 сверху	Касале	Казале
305	13 сверху	Maestro	Mastro

ГЛАВА I.

Италія послѣ Ахенскаго мира.

Королевство Сардинія.—Ломбардія.—Венеція.—Генуя.—Парма и Піаченца, Модена и Реджіо.—Великое герцогство Тосканское.—Папская область.—Неаполь и Сицилія.—Общественное самосознаніе; Джузеппе Парини.—
Національное чувство; Витторіо Альфіери.

Путешественникъ, который съ Мон-Сениса спускается въ Италію, прежде всего встрѣчаетъ населеніе, грубое, подобно Альпійскимъ скаламъ, холодное, какъ долгія зимы этой страны у подножія горъ (а ріе dei monti), населеніе, вслѣдствіе непрерывныхъ войнъ, ставшее сильнымъ, смѣлымъ, преданнымъ долгу и оставшееся честнымъ, благодаря вѣковому правленію благородной Савойской династіи.

Начиная съ XI в., эта династія, родомъ изъ Моріоны, стала распространять свои владѣнія въ Пьемонтѣ, и, благодаря настойчивости и умѣнью, постепенно подчинила его себѣ: какъ разъ въ первой половинѣ XVIII в. Карль-Эммануиль III завершилъ присоединеніе Пьемонта къ прежнимъ владѣніямъ своего рода, раздвинувъ такимъ образомъ ихъ границы по направленію къ Милану отъ Сези до Тичино. Кромѣ Пьемонта и Савойи,—своей родины—эта династія владѣла еще областью Ниццы, которая давала ей выходъ къ морю; а на этомъ чудномъ Тирренскомъ морѣ она незадолго до того приобрѣла островъ, доставившій ей королевскій ти-

туль — предметъ долготѣннихъ мечтаній всѣхъ государей Савойской династіи. *)

Эти пріобрѣтенія были результатомъ войны, и только война могла ихъ расширить или уменьшить. Поэтому въ періодъ времени съ 1748 до 1792 г., когда повсюду въ Италиі господствовалъ миръ, во владѣніяхъ Савойскаго дома не произошло никакихъ измѣненій. Въ этихъ владѣніяхъ считалось около 3.500.000 жителей, изъ которыхъ почти 2.800.000 приходилось на Сардинію. Островъ Сардинія послѣ почти четырехъ вѣковаго господства испанцевъ находился въ самомъ жалкомъ положеніи: пути сообщенія были плохи, земли, почти не обрабатываемыя, были въ рукахъ феодаловъ-помѣщиковъ, большею частью испанскаго происхожденія. Необходимы были самыя радикальныя реформы; нѣкоторыя попытки къ реформѣ были сдѣланы въ царствованіе Карла-Эммануила III (1730 — 1773) по инициативѣ министра Боджино (Bogino), но имѣли самыя незначительныя результаты.

Пьемонтъ, напротивъ, былъ страной довольно культурной. Большая часть земель была покрыта виноградниками; вслѣдствіе раздробленности земельной собственности почти каждый земледѣлецъ являлся собственникомъ обрабатываемаго имъ участка. Промышленность начинала развиваться, но была стѣснена цѣлымъ рядомъ подробныхъ правилъ и постановленій, которыя только затрудняли ея развитіе вмѣсто того, чтобы способствовать процвѣтанію.

*) По Утрехтскому миру (1713) Викторъ-Амедей II Савойскій получилъ Сицилію; однако, вслѣдствіе стремленія испанскаго министра кардинала Альберони возвратить Испаніи бывшія ея владѣнія въ Италиі, императоръ отказался охранять Неаполитанскую область, если не получитъ Сициліи, и принудилъ Виктора-Амедея II уступить ему этотъ островъ и взять вмѣсто него о. Сардинію (1720 г.). Таково происхожденіе титула, сохранившагося за Савойской династіей до 1861 г., когда Викторъ-Эммануиль II принялъ титулъ короля Итальянскаго.

Столица королевства, Туринъ, гдѣ считалось около 75.000 жителей, отличался своимъ благоустройствомъ: прямыя чистыя улицы, широкія, правильныя площади придавали ему симпатичный видъ. Монтескье, посѣтившій Туринъ въ 1728 году, назвалъ его „красивѣйшей деревней въ мірѣ“ (le plus beau village du monde *).

Туринскій дворъ былъ точнымъ снимкомъ съ Версальскаго, но, къ счастью, не отличался такой распушенностью нравовъ. При королѣ состояло около 330 придворныхъ, вслѣдствіе чего годовой расходъ достигалъ болѣе 2.000.000 лиръ, т. е. составлялъ десятую часть доходовъ всего государства. Изъ этихъ лицъ—всѣхъ безъ исключенія дворянскаго происхожденія—назначались министры и другія должностныя лица. Аристократія занимала также всѣ высшія должности въ церкви. Около 2.500 дворянъ служили въ войскѣ, и исключительно изъ ихъ среды назначались офицеры. Какъ бы въ отплату за дарованныя привилегіи дворянство было обязано безпрекословно подчиняться волѣ своего государя, даже въ частной своей жизни. Подобная зависимость была тяжела, потому что, вслѣдствіе небольшихъ размѣровъ королевства, король всегда былъ хорошо освѣдомленъ о дѣлахъ каждаго дворянина. Это иногда вызывало недовольство, но лишь въ наиболѣе непокорныхъ характерахъ, не терпѣвшихъ порабощенія; но это недовольство скоро проходило или смягчалось, благодаря тому, что государи Савойской династіи отличались необыкновенной добротой и исполнены были самыхъ лучшихъ намѣреній. Даже Витторіо Альфьери, непримиримый врагъ всякой тираніи, пишетъ слѣдующее о королѣ Викторѣ-Эммануилѣ III, который царствовалъ отъ 1773 до 1796 года:

„Несмотря на то, что я не люблю государей вообще, а

*) Voyages de Montesquieu, publiés par le baron Albert de Montesquieu. Paris, 1894, vol. I, p. 122.

самодержавныхъ въ особенности, я долженъ сказать, что наши короли—лучшіе изъ нихъ, особенно въ сравненіи съ другими европейскими государями. Въ глубинѣ души я чувствую къ нимъ скорѣе расположеніе, нежели непріязнь, ибо нынѣ царствующій король, подобно своему предшественнику (Карлу-Эммануилу III), имѣетъ добрыя намѣренія, отличается добротою и нравственностью и приноситъ странѣ скорѣе пользу, чѣмъ вредъ“.

Къ несчастью, Викторъ-Амедей III, при всей своей добротѣ и справедливости, не обладалъ ни достаточной силой характера, непониманіемъ своего времени; этимъ объясняется, почему при немъ получили вліяніе наименѣе достойные изъ его приближенныхъ. Вслѣдствіе этого въ его царствованіе не только не были начаты реформы, могущія удовлетворить новыя требованія народа, но даже начатыя его предшественниками преобразованія не были завершены. Вліяніе духовенства усилилось болѣе чѣмъ когда-либо: духовенство завѣдывало школами, вѣдало общественной благотворительностью. Не считая Сардиніи и Савойи, въ одномъ Пьемонтѣ было около 20.000 священниковъ и 12.000 монаховъ и монахинь. Духовная власть имѣла свои тюрьмы и суды; она одна разбирала дѣла, возбуждаемая противъ духовныхъ лицъ, и стремилась распространить свою компетенцію и на мірянъ во всемъ, что касается вопросовъ вѣры, ересей, браковъ и т. д.

Духовенство, не смотря на свою многочисленность, было довольно богато; этого нельзя сказать про дворянство, среди котораго очень немногіе располагали 50.000 франками годового дохода. Дворянство и духовенство было освобождено почти отъ всѣхъ налоговъ, которые поэтому всей своей тяжестью ложились на другія сословія.

Среднее сословіе, само собою разумѣется, должно было неодобрительно относиться къ этимъ привилегіямъ дворянства. Наиболѣе богатые представители бур-

жуазіи старались купить титуль и такимъ образомъ перейти въ ряды дворянства, въ теченіе 70 лѣтъ (послѣ 1722 г.) было продано 819 грамотъ на дворянство. Другіе, по мѣрѣ того, какъ возрастало ихъ богатство и повышался умственный уровень, все болѣе и болѣе ясно сознавали несправедливость этихъ социальныхъ различій, проявлявшихся всегда и во всемъ, даже въ одеждѣ, и вслѣдствіе привязанности своей къ славной и древней царствующей династіи, желали многихъ преобразованій.

Къ этому времени среди буржуазіи Пьемонта стали появляться люди, замѣчательные своимъ умомъ и учеными трудами. Видя равнодушіе правительства и не встрѣчая сочувствія въ мало еще культурномъ Пьемонтѣ, они стали искать поддержки въ другихъ странахъ. Такъ, на примѣръ, извѣстный критикъ Джузеппе Баретти (1716—1789), авторъ „*Frusta Letteraria*“, провель много лѣтъ въ Англіи; историкъ Карло Денина (1731—1813), авторъ книги „*Rivoluzioni d'Italia*“, преслѣдуемый монахами за сочиненія „*Dell'imperio delle persone*“, удалился въ Берлинъ по приглашенію Фридриха II, а оттуда переѣхаль въ Парижъ, гдѣ и умеръ; великій математикъ Луиджи Лагранжъ (1736—1814) тоже провель лучшіе годы своей жизни въ Берлинѣ и Парижѣ. Такимъ образомъ, лучшіе представители буржуазіи, тѣ, которые могли пробудить полезное умственное движеніе, принуждены были эмигрировать изъ Италіи. Король Викторъ-Амедей III думаль только о войскѣ, посвящая ему все свое время и заботы. Онъ хотѣль подражать Фридриху II, поэтому ввель мундиры, оружіе и команду по прусскому образцу, но эти нововведенія не принесли никакой особенной пользы. Тѣмъ не менѣе, они потребовали огромныхъ суммъ: изъ бюджета въ 20.000.000 лиръ, на войско расходовалось не менѣе 10.000.000 лиръ. Понятно, что вслѣдствіе чрезмѣрныхъ расходовъ, требуемыхъ дворомъ и войскомъ, финансы находились въ плачевномъ со-

стояніи: дефицитъ, обнаружившійся уже въ послѣднее время царствованія Карла-Эммануила III, возрастала съ каждымъ годомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ росли и налоги. Не смотря на это, дѣла велись все въ томъ-же направленіи съ паразитической беззаботностью и полнымъ непониманіемъ вѣяній времени.

Впрочемъ, иногда раздавался призывъ къ благоразумію, особенно со стороны болѣе интеллигентной части общества. Такъ напр., графъ Далмаццо Васко издалъ въ переводѣ сочиненія Монтескье съ комментаріями и написалъ „Философическій опытъ“ (Saggio filosofico) о новомъ сводѣ законовъ и реорганизациіи магистратуры. Впослѣдствіи за книгу „Ограниченная монархія“ (Monarchia moderata), въ которой онъ развивалъ идею конституціонной монархіи, онъ былъ заключенъ въ тюрьму (1791 г.), а въ 1794 г. умеръ въ заточеніи въ крѣпости Иврея (Ivrea). Его братъ, аббатъ Дж. Б. Васко, былъ дѣятельнымъ защитникомъ свободы торговли и промышленности и остроумнымъ толкователемъ многихъ новыхъ идей въ области политической экономіи. *) Графъ Галеани Наппіоне также высказывалъ надежду на болѣе славное будущее Италіи, но всего громче раздавался голосъ Витторіо Альфіери, чье вліяніе распространилось на весь Аппенинскомъ полуостровѣ.

По другую сторону рѣки Тичино разстилается прекрасная и плодородная Ломбардская низменность, нѣкогда центръ и родина итальянскихъ городскихъ общинъ. Къ этому времени относятся многія изъ лучшихъ зданій, еще понынѣ украшающихъ ея города, и многія полезныя общественныя учрежденія, которыя сдѣлали Ломбардію настоящимъ раемъ Италіи. Расцвѣтъ образованности, начавшійся одновременно съ политическими правами свободныхъ общинъ, продолжался и во время господства Висконти и

*) Нѣкоторые считаютъ Джіованни Баттиста Васко предшественникомъ социализма (см. Riforma Sociale отъ 25 авг. 1895 г.).

Сфорца. Но съ водвореніемъ испанскаго владычества всякій прогрессъ остановился, всякая полезная дѣятельность была подавлена, и хотя Ломбардія не дошла до такого ужаснаго состоянія упадка, какъ Неаполитанская область и Сицилія, однако пониженіе культуры за это время достаточно замѣтно: Верри говоритъ, что испанцы застали въ Миланѣ 300.000 жителей и оставили тамъ 100.000; до нихъ тамъ было 70 шерстяныхъ фабрикъ, а осталось всего пять; вездѣ господствовала распушенность нравовъ, невѣжество, страхъ и суевѣріе.

Въ началѣ XVIII в. Миланская область перешла къ Австріи, которая присоединила къ ней Мантую, отнявъ ее у династіи Гонзага, потому что во время послѣднихъ войнъ эта династія оказалась противъ Австрійской имперіи. Подъ властью Австріи Миланская область начала оправляться отъ того тяжелаго состоянія, до котораго ее довело господство Испаніи. Когда, по окончаніи войны за Австрійское наслѣдство, Марія-Терезія утвердилась на престолѣ, для Ломбардіи наступило настоящее матеріальное и умственное возрожденіе. Все управленіе было преобразовано, подати и налоги распределены правильнѣе, привилегіи дворянства ограничены, инквизиція и азильное право отмѣнены. Правительство строило дороги, поощряло земледѣліе, торговлю и промышленность. Сама страна откликнулась на реформы новыхъ властителей: лучшія дворянскія фамиліи приняли участіе въ управленіи; такъ напр., Бельджойозо, Висконти, Сербеллони, Тривульціо, Кастельбарко, Д'Адда, Паллавицино, Борромео, Литта и др. занимали высшія должности въ государствѣ. Эти и многія другія аристократическія фамиліи вели роскошный образъ жизни и въ этомъ отношеніи Миланъ занималъ первое мѣсто среди другихъ городовъ Италіи. Въ 1778 г. открылся театръ La Scala, быстро пріобрѣвшій извѣстность грандіозностью представлений. Наука также процвѣтала, и во многихъ аристократиче-

сихъ домахъ гостепрiимно принимали ученыхъ и литераторовъ; здѣсь обсуждались новыя идеи французскихъ философовъ и проекты реформъ, предложенныя высшими должностными лицами государства. Между ними графъ Джiанъ-Ринальдо Кальди (Gian Rinaldo Caldi) (1720—1795), авторъ „Исторiи монетъ и учрежденiя монетныхъ дворовъ въ Италiи“, былъ ревностнымъ защитникомъ реформъ. Гораздо смѣлѣе его былъ графъ Пiетро Верри (1728—1797), который заслуживаетъ похвалы не столько за свое сочиненiе „Размышленiя о политической экономiи“, сколько за дѣятельное участiе въ улучшенiи государственнаго устройства и за то, что онъ побудилъ правительство уничтожить арендаторовъ и создать новую финансовую систему. Будучи братомъ извѣстнаго писателя Александра Верри (1731—1816) и близкимъ другомъ маркиза Чезаре Беккарiа (1738—1793), онъ сдѣлался центромъ кружка молодежи, который, съ цѣлью пробудить въ странѣ умственную дѣятельность, рѣшилъ издавать журналъ „Il Caffè“, гдѣ въ теченiе года (1764—1765) печатались статьи юридическiя, причемъ безъ всякаго стѣсненiя высказывались многiя горькiя истины. Тогда-то, по настоянiю Верри, Чезаре Беккарiа издалъ брошюру „О преступленiяхъ и о наказанiяхъ“, въ которой требовалъ отмѣны пытокъ и смертной казни и установленiя большаго соотвѣтствiя между преступленiемъ и наказанiемъ. Однимъ словомъ, Миланъ сталъ центромъ новой науки. Пока это умственное движенiе охватывало одни привилегированныя классы, оно оставалось въ извѣстныхъ границахъ; лишь одинъ человекъ, вышедшiй изъ народа,— Джузеппе Парини—почувствовалъ и проповѣдывалъ необходимость коренной социальной реформы.

Въ Миланѣ было 130.000 жителей, въ остальной области число ихъ достигало миллiона. Между провинциальными городами Павiя славилась университетомъ, куда правительство призвало многихъ извѣстныхъ ученыхъ, какъ, напр., физика

Александра Вольта, естествоиспытателя Спалланцани, математика Маскерони и др. Въ иныхъ городахъ, напр., въ Комо, процвѣтала промышленность. Земля была хорошо обработана, благодаря густой сѣти ирригаціонныхъ каналовъ, но крестьяне почти не имѣли собственности и отличались крайней бѣдностью. Многія имѣнія принадлежали духовенству, которое все еще было сильно и многочисленно: общее число священниковъ, монаховъ и монахинь достигало 18.000 чел. Іосифъ II, вступившій на престолъ послѣ матери своей Маріи-Терезіи (1780), дѣйствовалъ болѣе энергично: онъ упразднилъ нѣкоторые монастыри, казавшіеся лишними, т. е. принадлежавшіе тѣмъ монашескимъ орденамъ, которые не имѣли школъ и больницъ, не проповѣдывали, не исповѣдывали и не славилась учеными трудами; относительно остальныхъ онъ постановилъ, чтобы они были подчинены мѣстному епископу, а не генералу ордена, жившему въ Римѣ; ограничено было число праздниковъ и издано множество другихъ постановленій дисциплинарнаго характера, затрагивающихъ вопросы, находившіеся въ вѣдѣніи папы. Пій VI пытался сдержать реформаторскія стремленія Іосифа II и съ этой цѣлью въ 1782 г. предпринялъ поѣздку въ Вѣну, но она не имѣла желанныхъ результатовъ. Императоръ ограничилъ также права дворянства и издалъ цѣлый рядъ постановленій съ цѣлью обновленія и преобразованія всѣхъ отраслей управленія. Воодушевленный наилучшими намѣреніями, онъ хотѣлъ провести на практикѣ идею просвѣщеннаго абсолютизма; онъ говорилъ, что достигнетъ блага подданныхъ хотя бы съ помощью палочныхъ ударовъ, и поэтому не хотѣлъ считаться ни съ чьими интересами, ни съ традиціями, ни съ обычаями. Дѣятельность Іосифа II, поспѣшная, порывистая и слишкомъ централизирующая, не всѣмъ нравилась, но оставила глубокой слѣдъ во всей странѣ. Привыкнувъ къ господству иностранцевъ, Ломбардія не питала къ императору особенной непріязни, до-

вольная своимъ матеріальнымъ благосостояніемъ, расцвѣтомъ образованности и постепеннымъ введеніемъ дальнѣйшихъ реформъ.

Венеція, наоборотъ, будто не чувствовала вліянія новыхъ идей. Въ то время, какъ весь міръ вокругъ нея преобразовывался, Венеція всѣми силами старалась сохранить въ полной неприкосновенности прежній государственный строй изъ опасенія, чтобы при малѣйшемъ измѣненіи онъ не рушился совершенно. Эта область съ почти тремя милліонами жителей подчинялась одному городу, даже одному только классу горожанъ Венеціи, управлявшихъ по праву наслѣдственности. Вся Венеціанская область, Истрія, Далмація, Албанскія земли и Ионическіе острова не принимали никакого участія въ управленіи государствомъ. Верховная власть принадлежала Верховному Совѣту, состоявшему изъ всѣхъ патриціевъ старше 25 лѣтъ; въ 1720 г. число ихъ достигало 1023 человекъ. Верховный Совѣтъ избиралъ изъ своей среды Сенатъ изъ 250 членовъ, который долженъ былъ обсуждать всѣ дѣла; но на самомъ дѣлѣ исполнительная власть принадлежала Синьоріи, въ составъ которой входили: дожъ, шесть его совѣтниковъ, три начальника *Guarantia criminale* (совѣтъ 40) и шестнадцать „мудрецовъ“ (*Savii*), избранныхъ Сенатомъ. Дожъ не могъ ничего предпринять безъ Синьоріи, даже читать письма отъ иностранныхъ государей; онъ являлся только представителемъ государства.

Такое государственное устройство совершенно не соотвѣтствовало своему времени. Веронскій литераторъ, маркизь Сципіонъ Маффеи уже въ 1736 г. обратился къ правительству съ „Политическимъ совѣтомъ“ (*Consiglio politico*), въ которомъ высказывалъ мысль, что весьма полезно было бы дать провинціямъ право участвовать въ управленіи и этимъ заинтересовать ихъ въ судьбахъ страны; его совѣтъ однако не приняли къ свѣдѣнію. Па-

триции, стоявшіе у власти, разсчитывали на вѣчность олигархіи, а всякому увлекавшемуся занесенными изъ Франціи новыми идеями грозила опасность плохо кончить; такъ случилось съ Анджело Кверини, который былъ арестованъ въ 1761 г. за попытку произвести правительственныя реформы.

Во главѣ консервативной партіи стоялъ извѣстный писатель Марко Фоскарини, даже избранный въ 1762 г. дожемъ за услуги, оказанныя при усмиреніи возстанія.

Нѣсколько лѣтъ спустя другіе два патриція—Джорджіо Пизани и Карло Контарини—предложили новыя реформы, но тоже были арестованы въ 1780 году. Пизани оставался въ тюрьмѣ до 1797 г., Контарини же былъ заключенъ въ Катаро, гдѣ и умеръ. Правительство смотрѣло на эти попытки, какъ на выходки праздныхъ, увлекающихся юношей и лучшей политикой считало сохраненіе республиканскаго строя въ полной неприкосновенности.

Точно такая же система примѣнялась и во внѣшней политикѣ. Послѣдняя война, предпринятая Венеціей, была война съ Турціей въ 1714—1718 г., послѣ которой она потеряла Морею. Съ тѣхъ поръ республика замкнулась въ полномъ одиночествѣ и предалась совершенному бездѣйствію. Правда, она опасалась честолюбивыхъ замысловъ Австріи, но не рѣшалась открыто выступить противъ нея и заключить союзъ съ Франціей; вслѣдствіе этого во всѣхъ войнахъ, происходившихъ въ Италиі, въ теченіе первой половины XVIII в., Венеція сохраняла нейтралитетъ, который, не будучи вооруженнымъ, не внушалъ никакого уваженія. Поэтому значеніе Венеціи среди другихъ державъ быстро упало *).

*) Не стоить упоминать объ экспедиціи въ Тунисъ (1784—86), потому что, хотя она доставила заслуженныя лавры адмиралу Анджело Эмо, она не имѣла серьезныхъ послѣдствій. Чтобы заставить бея уважать ея знамя и подданныхъ, Венеція возобновила дань, вносимую морскими державами африканскимъ прибрежнымъ государствамъ.

Кромѣ того, эта послѣдняя война обнаружила не только политическое безсиліе Венеціи, но и плохое состояніе ея военныхъ учреждений. Въ ея, нѣкогда богатомъ, арсеналѣ, теперь строилось самое незначительное число судовъ, былъ недостатокъ въ рабочихъ, а оружіе находилось въ совершенно неудовлетворительномъ состояніи. Еще въ болѣе печальномъ положеніи было сухопутное войско: въ немъ насчитывалось едва ли 20.000 человѣкъ, плохо одѣтыхъ и недисциплинированныхъ. Вполнѣ справедливы слова стараго патриція Франческо Пезаро: „Мы живемъ подъ защитой довѣрчивости нашихъ сосѣдей и друзей, на нее возлагаемъ всѣ наши надежды“.

Казалось бы, такое опасное положеніе должно было внушить серьезныя заботы, но на самомъ дѣлѣ оно ничуть не измѣнило веселаго и безпечнаго образа жизни венеціанцевъ. Всѣ праздные люди охотно съѣзжались въ Венецію, гдѣ пользовались полной свободой въ развлеченияхъ. Въ теченіе доброй половины года всѣ ходили въ маскахъ, нравы отличались чрезвычайной свободой, чтобы не сказать большаго; страсть къ игрѣ развита была повсюду.

Извѣстный авантюристъ, Франческо Казанова въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ описалъ (конечно, съ нѣкоторыми преувеличеніями) веселую жизнь венеціанцевъ этой эпохи. Празднества отличались необыкновенной пышностью; все становилось поводомъ для радости, развлечения и праздниковъ. Особенно блестящую встрѣчу устроили русскому великому князю въ 1782 г.; два года спустя Пизани истратили на два пріема въ честь шведскаго короля Густава III около 18.700 дукатовъ, что составляетъ болѣе 53.000 лиръ. Нѣкоторыя аристократическія фамиліи — такихъ, впрочемъ, было немного — получали огромные доходы. Очень богато и многочисленно было духовенство, — число его достигало 40.000 человѣкъ. Вообще же страна не отличалась богатствомъ: промышленность была мало развита, торговля находилась

въ упадкѣ, и никто объ этомъ не заботился. Единственное полезное сооруженіе, относящееся къ этому времени, это такъ наз. *Migazzi*—огромная мраморная стѣна, защищавшая Венецію отъ наводненій.

Государственные доходы достигали 7.000.000 дукатовъ, т.е. немного болѣе 28.000.000 лиръ. Подати не были обременительны, вслѣдствіе чего правительство пользовалось симпатіями народа.

Республика въ то время находилась на закатѣ своей славы, но закатъ ея былъ веселый и красивый, сопровождаемый расцвѣтомъ изяшныхъ искусствъ. Музыка Бенедетто Марчелло (1686—1739), живопись Джіан - Баттиста Тьеполо (1693—1770), комедіи Карло Гольдони (1707—1793), извѣстнаго преобразователя итальянскаго театра,—все это придавало такой яркій блескъ славы отживающей республикѣ, что ея упадокъ можно сравнить съ чуднымъ солнечнымъ закатомъ, которымъ такъ часто можно любоваться въ Венеціи.

Гораздо меньшее политическое значеніе имѣла Генуэзская республика, владѣнія которой ограничивались Лигурійскимъ побережьемъ съ 400.000 жителей.

Наскучивъ постоянными возстаніями на о. Корсикѣ, Генуя уступила въ 1768 г. Людовику XV всѣ права на этотъ островъ, который послѣ упорнаго сопротивленія долженъ былъ подчиниться Франціи; Пасквале Паоли, герой Корсиканской войны за независимость, съ немногими товарищами на англійскихъ судахъ уплылъ въ Англію. Въ борьбѣ съ Корсикой обнаружилось безсиліе Генуи; а между тѣмъ генуэзцы сохранили и гордость, и силу и доказали это въ незабвенные дни декабря 1746 г., изгнавъ изъ города русско-австрійскія войска. Подобныя единичныя вспышки, однако, были недостаточны, чтобы возбудить энергію и жизненность въ правительствѣ, стремящемся къ миру и безмятежной жизни.

Въ Генуѣ власть принадлежала дворянству; дожъ избирался Верховнымъ Совѣтомъ, остальные должности распредѣлялись по жребію среди аристократіи; отсюда возникла игра въ лото (lotto — жребій), распространившаяся впоследствии во многихъ итальянскихъ государствахъ.

Вся дѣятельность жителей сосредоточилась на торговлѣ, которая продолжала процвѣтать, такъ что Генуя являлась первой гаванью Италіи. Число богатыхъ людей было весьма значительно, а вслѣдствіе ихъ скромнаго образа жизни богатство ихъ постоянно возрастало. Дворяне занимались торговлей, и въ ихъ великолѣпныхъ мраморныхъ дворцахъ нижній этажъ предназначался для складовъ товара. Торговое значеніе Лигуріи много разъ возбуждало честолюбивыя мечты сосѣдней Савойи, но ея завоевательныя попытки не достигли никакихъ результатовъ, вызвавъ только враждебныя отношенія между обоими сосѣдними народами, вслѣдствіе чего самыя пустыя причины производили серьезныя недоразумѣнія въ пограничныхъ мѣстностяхъ.

Совершенно ничтожно было значеніе двухъ герцогствъ— Пармы и Модены. Герцогство Парма и Піаченца было создано въ 1545 г. папой Павломъ III Фарнезе для его сына Піерлуиджи. Въ 1731 г. династія Фарнезе, никогда не имѣвшая особеннаго значенія, совершенно прекратилась. Въ концѣ концовъ герцогство въ 1748 г. перешло къ Филиппу Бурбонскому, второму сыну Елизаветы, сестры послѣдняго герцога Фарнезе, которая впоследствии сдѣлалась испанской королевой. Подъ вліяніемъ своего перваго министра, француза Дю-Тилло, Филиппъ ввелъ многія преобразования: ограничилъ права дворянства и духовенства и покровительствовалъ наукамъ и искусствамъ, такъ что Парма стала однимъ изъ наиболѣе культурныхъ городовъ Италіи. Реформаторская дѣятельность Дю-Тилло продолжалась и послѣ смерти Филиппа (1765 г.) во время малолѣтства герцога Фердинанда; но когда этотъ послѣдній достигъ со-

вершеннолѣтія, вліяніе Дю-Тилло пало, и онъ вышелъ въ отставку (1771 г.).

Молодой герцогъ, воспитанный подъ вліяніемъ идей Кондильяка и Мабли, по странному — впрочемъ, довольно частому противорѣчію—сталъ не только вѣрующимъ, но даже ханжой: онъ пѣлъ съ монахами на клиросѣ, украшалъ алтари, давалъ аудіенціи въ ризницѣ и любилъ звонить въ колокола, что, впрочемъ, ничуть не мѣшало ему вести безнравственную жизнь. При этомъ не только не были введены новыя реформы, но и предпріятыя раньше были отмѣнены.

Въ этомъ государствѣ было немного болѣе 400.000 жителей. Еще меньше было сосѣднее съ нимъ герцогство Модена (300.000 жителей), гдѣ правилъ Эрколе-Ринальдо III, послѣдній представитель древняго рода Д'Эсте, пользовавшагося одно время такой громкой славой за роскошь двора и за покровительство наукамъ и искусствамъ. Почти двумя столѣтіями раньше родъ Д'Эсте лишился своей древней столицы Феррары (въ 1598 г. возвращенной папѣ) и принужденъ былъ переселиться въ Модену, довольствуясь только областями Моденой и Реджіо. Съ этихъ поръ его исторія получаетъ лишь мѣстное значеніе. Эрколе III жилъ спокойно, не думая о реформахъ и избѣгая столкновеній съ Римомъ; больше всего онъ старался копить деньги и, какъ говорятъ, изъ трехъ милліоновъ доходовъ ухитрился сберегать милліонъ ежегодно. Единственная его дочь Беатриса въ 1771 г. вышла за эрцгерцога Фердинанда Австрійскаго, одного изъ сыновей Маріи Терезіи, охотно давшей согласіе на этотъ бракъ, такъ какъ онъ способствовалъ распространенію въ Италіи австрійскаго вліянія*).

*) Эрколе III былъ женатъ на послѣдней представительницѣ рода Чибо (Суво) и такимъ образомъ его дочь Марія-Беатриче наслѣдовала синьорію Массы и Каррары, въ теченіе болѣе двухъ столѣтій составлявшую достояніе рода Чибо.

Судьба, казалось, нарочно устроила такъ, что всѣ главнѣйшія династіи итальянскихъ государей прекратились одновременно. Въ 1737 г. угасъ родъ Медичи, чье имя тѣсно связано не только съ исторіей Флоренціи, но и съ исторіей наукъ и искусствъ; можно даже сказать, что эта династія какъ будто была предназначена для такого талантливаго народа. Впрочемъ, послѣдніе Медичи не показали себя достойными преемниками своихъ предковъ и допустили быстрый упадокъ Тосканы; единственное ихъ созданіе, это — Ливорно, основанный и украшенный ими, быстро сдѣлавшійся крупнымъ торговымъ центромъ.

По Вѣнскому миру 1738 г. герцогство Тосканское досталось Францу Лотарингскому, супругу Маріи-Терезіи. Онъ недолго пробылъ во Флоренціи, такъ какъ вмѣшался въ войну за австрійское наслѣдство и впоследствии сталъ императоромъ. Однако его министры положили начало преобразованіямъ, достигшимъ широкаго развитія при второмъ сынѣ его, Петрѣ-Леопольдѣ I, который получилъ великое герцогство Тосканское послѣ смерти своего отца въ 1775 г.

Еще и теперь въ Тосканѣ съ любовью и благодарностью вспоминаютъ Петра-Леопольда I, который вполне справедливо можетъ считаться наиболѣе выдающимся изъ государей-преобразователей Италіи. Окруженный даровитыми сотрудниками (какъ, напр., Помпео, Негри, Джуліо Ручеллаи и др.), Леопольдъ задумалъ уничтожить всякіе слѣды средне-вѣковья. Прежде всего онъ старался ограничить власть духовенства—мѣра, необходимая въ Тосканѣ, гдѣ при помощи послѣднихъ Медичи духовенство пріобрѣло необычайное вліяніе богатства: среди миллионнаго населенія число духовныхъ лицъ достигало 27.000, причемъ они владѣли лучшими землями во всей Тосканѣ *).

*) Путешествуя въ 1728 г. по Тосканѣ, Монтескье писалъ: *On ne peut sur les chemins d'Italie tourner la tête sans voir un moine, comme dans*

шинство не сумѣло оцѣнить благотворныхъ результатовъ, которые онѣ должны были принести.

Въ Тосканѣ существовалъ еще остатокъ общиннаго періода — маленькая республика Лукка, владѣнія которой оканчивались на берегу моря у Виареджіо. Населеніе, достигавшее 120.000, управлялось сотней дворянскихъ семействъ, земли были во владѣніи дворянства и духовенства, войско содержалось исключительно ради внѣшней пышности; такимъ образомъ, Лукка представляла, такъ сказать, въ миниатюрѣ типъ итальянскаго государства XVIII столѣтія.

Цѣной многолѣтнихъ трудовъ папамъ удалось наконецъ упрочить за собой свѣтскую власть и объединить свои владѣнія. Даже Болонья, долго сохранявшая нѣкоторые остатки республиканскаго строя и автономіи, должна была въ концѣ концовъ отъ нихъ отказаться (1788 г.). Такимъ образомъ, въ центрѣ полуострова оказалось государство съ населеніемъ въ 2.000.000, управляемое священниками, съ папой — королемъ, избираемымъ кардиналами, съ кардиналами по назначенію папы, служителями алтаря и въ то-же время чиновниками, съ епископами — правителями и т. д.

Если въ другихъ итальянскихъ государствахъ духовенство было могущественно, то здѣсь оно было всѣмъ; оно смотрѣло на государство, какъ на церковный бенефицій, изъ котораго можно извлекать пользу, и не помышляло даже о благосостояніи населенія или о распространеніи культуры! Римъ кишѣлъ духовенствомъ, собиравшимся туда со всего міра ради карьеры; это составляло единственную ихъ работу. Понятно, что при подобномъ правительствѣ среди жителей развились инертность, нищета и развращенность. Серьезный французскій писатель Charles de Brosses, прожившій нѣкоторое время въ Римѣ въ 1740 году, писалъ горячія воззванія противъ такого порядка вещей.

„Правительство такъ плохо, какъ только можно себѣ

представить. Макиавелли и Морь сочинили утопію; здѣсь мы видимъ возможность противоположной крайности. Представьте себѣ народъ, четверть котораго — священники, другая четверть — статуи, третья — люди праздные; гдѣ нѣтъ ни земледѣлія, ни торговли, ни промышленности, не смотря на плодородіе земли и на судоходную рѣку; гдѣ государь, всегда старый и недолговѣчный, часто неспособный что-бы то ни было предпринять самостоятельно, окруженъ родственниками, заботящимися исключительно о томъ, чтобы набить себѣ карманы, пока есть еще время, и гдѣ при каждой перемѣнѣ правителя являются все новые грабители на смѣну прежнимъ, уже нажившимся; гдѣ безнаказанность обезпечена каждому, желающему поселить смуту въ общество, если только онъ знакомъ сановнику или живетъ по сосѣдству съ учрежденіемъ, пользующимся азильнымъ правомъ*). Франческо Беккати (Francesco Beccatini, Storia di Pio VI, Venezia 1800) въ „Исторіи Пія VI“ принужденъ подтвердить, что, за исключеніемъ Турціи, въ Европѣ хуже всего было управленіе Папской областью. Слѣдовательно, вполнѣ справедливо слѣдующее описаніе Витторіо Альфіери:

„Обширная, нездоровая область, которая называетъ себя государствомъ; бесплодная, необработанныя поля, блѣдная, подавленная, истощенная лица народа преступнаго, трусливаго и окровавленнаго...“ (**).

Въ Папской области совершенно отсутствовала работающая и образованная буржуазія, начинавшая пробивать себѣ

*) Lettres historiques et critiques sur l'Italie de Charles de Brosses. Paris, an. VII, tome II, p. 245—246.

**) Vasta, insalubre region, che Statu
Ti vai nomando, aridi campi incolti,
Squallidi, oppressi, estenuati visi.
Di popol rio, codardo e insanguinato.

V. Alfieri.

дорогу въ сѣверной Италіи; рядомъ съ невѣжественнымъ и тшеславнымъ дворянствомъ была только чернь; города были, такъ сказать, наводнены безчисленнымъ множествомъ нищихъ. Любую должность можно было купить за деньги и, благодаря этимъ доходамъ и пожертвованіямъ благочестивыхъ чадъ церкви со всего міра, Римская курія могла существовать, не слишкомъ обременяя налогами своихъ подданныхъ; но, вслѣдствіе упадка земледѣлія и совершеннаго отсутствія промышленности и торговли, народъ затруднялся уплачивать даже эти незначительные налоги. Венеціанскій посланникъ Джироламо Дзуліанъ (Zulian) въ донесеніи своему правительству въ 1783 году писалъ слѣдующее: „Во внутреннемъ управленіи Церковной Области господствуетъ полный беспорядокъ и государство все болѣе и болѣе теряетъ могущество и значеніе. Въ государственной казнѣ замѣченъ большой дефицитъ. Два съ половиною милліона скуди составляютъ въ настоящее время всѣ доходы государства. До послѣднихъ лѣтъ доходъ былъ значительнѣе вслѣдствіе большаго противъ настоящаго поступленія пожертвованій со всего католическаго міра за различныя привилегіи, даруемыя папой. Нынѣ эта помощь изсякла отчасти вслѣдствіе послѣднихъ распоряженій нѣкоторыхъ государей; поэтому и образовался дефицитъ въ 300.000 скуди. Великолѣпныя предпріятія нынѣшняго папы еще болѣе увеличили беспорядокъ“. Надо, впрочемъ, сознаться, что Римъ значительно украсился за послѣднія три столѣтія, т. е. съ тѣхъ поръ, какъ папы занялись всецѣло свѣтской властью; въ послѣдніе годы была выстроена грандіозная колоннада на площади св. Петра, фонтанъ на Piazza Navona и на площади Trevi, храмъ San Giovanni Laterano и др. Трудями двухъ послѣднихъ папъ этого періода, Климента XIV и Пія VI, собрана великолѣпная коллекція, составляющая нынѣ музей Пія и Климента. Въ Римѣ было тогда 160.000 жителей.

Папа Пій VI (1775—1799) обратилъ вниманіе на окружающую Римъ мѣстность и пробовалъ осушить Понтійскія болота, но истратилъ огромную сумму денегъ безъ особеннаго успѣха. Это обстоятельство только помогло нажитья его племяннику Браски, для котораго выстроень былъ по приказанію папы цѣлый дворець въ Римѣ*). Непотизмъ въ настоящемъ значеніи слова былъ уничтожень, однако племянники папы все еще пользовались при дворѣ огромнымъ вліяніемъ и по своему усмотрѣнію распоряжались государственной казной. У князя Браски, племянника Пія VI, секретаремъ служилъ молодой абать Винченцо Монти, начинавшій пріобрѣтать извѣстность въ литературномъ мірѣ, благодаря своей трагедіи „Aristodemo“.

Въ Римѣ существовала и литературная и артистическая жизнь: археологъ Энніо Квирино Висконти пріобрѣлъ уже извѣстность; скульпторъ Антоніо Канова, прибывшій изъ Венеціи двадцатилѣтнимъ юношей, уже обращалъ на себя вниманіе своими первыми произведеніями; миланскій писатель Александръ Верри поселился въ Римѣ, а Витторіо Альфіери написалъ здѣсь свои первыя трагедіи. Однако, все это имѣло очень незначительное вліяніе и только на ограниченный кружокъ образованныхъ людей. Римское дворянство не занималось науками, а духовенство объ нихъ и не помышляло; новѣйшая философія была предметомъ всеобщей ненависти, такъ какъ высказывала тенденціи, клонившіяся ко вреду духовенства**).

*) Во дворцѣ Браски теперь помѣщается Министерство Внутреннихъ Дѣлъ.

**) Папы этого періода должны были вести борьбу изъ-за ордена Іезуитовъ, которые были изгнаны изъ Португаліи, Франціи, Испаніи, Неаполя и Пармы; наконецъ, въ 1773 г. папа Климентъ XIV рѣшилъ его упразднить. Орденъ Іезуитовъ впоследствии былъ восстановлень папой Піемъ VII въ 1814 году.

Изъ всѣхъ государствъ Италіи наибольшее пространство занимало Неаполитанское королевство съ Сициліей, населеніе котораго составляло около шести съ половиной милліоновъ. Эта несчастная страна доведена была до полного истощенія испанскимъ правительствомъ, которое разоряло народъ, ничего не дѣлая для его пользы. Ни одно правительство не заботилось такъ мало о своихъ подданныхъ, какъ испанское. Когда испанцы въ началѣ XVIII в. принуждены были отдать Сицилію и Неаполь, въ этихъ областяхъ совершенно не существовало ни торговли, ни промышленности, ни удобныхъ путей сообщенія.

Послѣ кратковременнаго владычества Австріи здѣсь въ 1734 г. утвердилась династія Бурбоновъ въ лицѣ Карла III, старшаго сына испанской королевы Елизаветы Фарнезе. Между тѣмъ, какъ старинныя династіи относились равнодушно или враждебно къ реформаторскому движенію, охватившему большую часть Европы, характерную черту новыхъ династій, утвердившихся на Аппенинскомъ полуостровѣ въ XVIII в. (въ Миланѣ, Флоренціи, Пармѣ и Неаполѣ) составляетъ именно ревностное слѣдованіе новому теченію. Карлъ III назначилъ первымъ министромъ профессора Бернардо Тануччи, который, можно сказать, задумалъ всѣ преобразованія, произведенныя въ королевствѣ. Правительство начало съ ограниченія правъ и доходовъ духовенства и старалось уменьшить число монаховъ, монахинь и священниковъ, которое было очень велико: въ самомъ Неаполитанскомъ королевствѣ, не считая Сициліи, среди населенія, едва равнявшася 5 милліонамъ, считалось 100.000 духовенства. Кромѣ того, сдѣланы были попытки ослабить феодальный строй, пустившій здѣсь болѣе крѣпкіе корни, нежели въ остальной Европѣ. Для достиженія этой цѣли старались привлекать ко двору бароновъ; частыя празднества и роскошь придворной жизни многихъ разорили, а отсутствіе ослабляло ихъ вліяніе въ провинціи. Городъ

Неаполь много выигралъ съ воцареніемъ новой династіи, не только въ виду пышности королевскаго двора, но и благодаря многимъ воздвигнутымъ ею великолѣпнымъ зданіямъ, какъ напр. театръ Санъ-Карло и дворецъ Каподимонте. Желая подражать Версальскому двору, Карль III построилъ дворецъ въ Казертѣ съ большимъ паркомъ, истративъ на него болѣе 6.000.000 дукатовъ. При немъ же начаты раскопки въ Помпеѣ и Геркуланумѣ, погребенныхъ подъ пепломъ вслѣдствіе изверженія Везувія въ 79 г. до Р. Х. Въ окрестностяхъ Неаполя были проведены широкія дороги, впрочемъ, больше для удобства двора, нежели всѣхъ жителей. Роскошь придворной жизни составляла главную заботу правителя, но она не могла скрыть бѣдности населенія, среди котораго было множество нищихъ: ладзарони въ Неаполѣ проводили всю жизнь въ праздности, существуя подаеніемъ монастырей.

Въ 1759 г. Карль III, призванный на испанскій престолъ, передалъ королевство малолѣтнему сыну своему Фердинанду. Государствомъ продолжалъ управлять Тануччи; въ 1767 г. по соглашенію съ Испаніей онъ изгналъ иезуитовъ, а нѣсколько позже отмѣнилъ обычай „chinea“, заключавшійся въ томъ, что ежегодно правительство приносило въ даръ папѣ богато убраннаго бѣлаго коня и 7000 золотыхъ, какъ бы въ знакъ вассальной зависимости отъ Рима. Къ этому же времени относится попытка усовершенствовать гражданскіе законы и судебныя учрежденія. Скоро, однако, съ Тануччи случилось то-же, что произошло въ Пармѣ съ Дю Тилло: вліяніе министра все слабѣло и въ 1776 г. онъ былъ уволенъ. Однако управленіе перешло не къ королю, а къ его женѣ королевѣ Маріи-Каролинѣ Австрійской, дочери Маріи-Терезіи. Между тѣмъ, какъ невѣжественный и грубый Фердинандъ вовсе не интересовался дѣлами государства, Марія-Каролина, женщина смѣлая и честолюбивая, предсѣдательствовала въ совѣщаніяхъ министровъ и ввела

туда Джона Актона; онъ былъ по происхожденію ирландецъ, родился въ г. Безансонѣ, служилъ сначала во французскомъ и тосканскомъ флотѣ, наконецъ Фердинандомъ былъ призванъ въ Неаполь, гдѣ и достигъ высшихъ должностей во флотѣ.

Актонъ вскорѣ сдѣлался любимцемъ королевы и первымъ лицомъ въ странѣ. Все свое вниманіе онъ обратилъ на войско и флотъ, дѣйствительно находившіеся въ жалкомъ состояніи; но, не смотря на огромные расходы (3.000000 дукатовъ изъ 11¹/₂ милліоновъ бюджета), онъ достигъ очень незначительныхъ результатовъ*). Зато онъ замедлил введеніе реформъ какъ разъ въ то время, когда новыя идеи распространялись чрезвычайно быстро, благодаря трудамъ многихъ выдающихся писателей, какъ напр. профессора политической экономіи Антоніо Дженовези, секретаря посольства въ Парижѣ Фердинандо Галіани (1728—1787), Гаэтано Филанджери (1852—1788), трудъ котораго „Исторія законодательства“ произвелъ большое впечатлѣніе на всѣхъ мыслящихъ людей въ Неаполѣ; Маріо Пагано (1748—1799), прекрасный популяризаторъ новой философіи, и др. Въ Неаполѣ былъ центръ умственной жизни и чувствовалось вліяніе французскихъ энциклопедистовъ.

Что касается Сициліи, то она гораздо болѣе отстала въ умственномъ отношеніи, такъ какъ долгое время держалась внѣ теченія европейской цивилизаціи. Отдѣлившись отъ Неаполя послѣ Сицилійской Вечерни (1282 г.), Сицилія составляла самостоятельное государство до 1409 г., когда прекратилась царствующая Арагонская династія; съ этого времени Сицилія перешла во владѣніе Испаніи и управлялась вице-королемъ. Въ началѣ XVIII в. она досталась сначала Виктору-Амедею II, потомъ перешла къ Австріи и

*) Изъ несчастій, постигшихъ страну за это время, особенно памятно землетрясеніе въ Калабріи въ 1783 г.

наконецъ при Бурбонахъ была присоединена къ Неаполитанскому королевству.

Не смотря на перемѣну правительства, въ Сициліи сохранился парламентъ, состоявшій изъ дворянъ, прелатовъ и выборныхъ городовъ (*citta demaniali*); на самомъ дѣлѣ въ немъ преобладали бароны и духовенство. Изъ 1.200000 жителей около 800.000 находились въ зависимости отъ помѣщиковъ, а число священниковъ, монаховъ и монахинь достигало 63.000. Отъ времени до времени невѣжественное, голодное населеніе возставало противъ притѣснителей какъ напр. въ 1773 г., но, такъ какъ эти возстанія вызывались не политическими стремленіями, а только голодомъ и охватывали лишь простой народъ, то правительству легко удавалось успокоить ихъ временными уступками, ничуть не измѣняя дѣйствительнаго положенія вещей. Въ 1780 г. вице-королемъ былъ назначенъ маркизь Доменико Карачіоло, бывшій раньше посланникомъ въ Парижѣ. Воодушевленный реформаторскими идеями, воспринятыми во Франціи, онъ предпринялъ цѣлый рядъ реформъ, но ему воспротивилось духовенство и дворянство, затронутыя въ своихъ интересахъ; буржуазіи въ Сициліи не существовало а народъ не могъ понять пользы задуманныхъ преобразованій; вслѣдствіе этого замыслы Карачіоло, слабо поддерживаемые дворомъ, потерпѣли неудачу *).

Италія, слѣдовательно, въ 1789 г. представляла настоящій рай для духовенства и дворянъ. Однако, въ нѣкоторыхъ городахъ, особенно въ сѣверной Италіи, вмѣстѣ съ

*) Неаполитанскому королевству принадлежали такъ наз. *Presidici* въ Тосканѣ, т. е. Портолонгоне на о. Эльбѣ, Орбетелло, Порто-Эрколе и др. мѣстности въ Мареммѣ. Здѣсь не мѣсто говорить подробно о болѣе мелкихъ государствахъ, достаточно лишь упомянуть о нихъ: группа о. Мальта, принадлежащая Ордену св. Іоанна Іерусалимскаго, маленькая республика Санъ-Марино, княжество Пьембино, управляемое Буонкомпаньи, и княжество Монако, которое принадлежало Мартиньонамъ, наслѣдовавшимъ въ 1731 г. семейству Гримальди.

развитіемъ промышленности и торговли развивалась и буржуазія, которая, по мѣрѣ возрастанія ея числа и ея богатства, все громче начинала выражать недовольство существующимъ государственнымъ строемъ. Въ народѣ, одаренномъ такимъ пылкимъ воображеніемъ, какъ итальянцы, новыя идеи легче получаютъ распространеніе посредствомъ поэзіи. Милань, центръ либераловъ того времени, былъ родиной Джузеппе Парини (1729—1799). При немъ поэзія возобновила свою просвѣтительную миссію: его поэма „Il Giorno“ („День“) является замѣчательной сатирой на праздную, безсодержательную жизнь аристократіи и вмѣстѣ съ тѣмъ горячей хвалебной пѣснью трудолюбію другихъ сословій; (въ ней Парини открыто высказываетъ идею равенства сословій *). Стихотворенія Парини получили широкое распространеніе и встрѣтили сочувствіе на всемъ полуостровѣ.

Вниманіе итальянцевъ того времени было обращено на театръ, больше приходившійся по нраву высшему обществу, изнѣженному, праздному, преданному блеску и суетѣ придворной жизни, которая является, такъ сказать, вѣчнымъ представленіемъ. Судя по внѣшнимъ признакамъ, кажется, что Италія XVIII вѣка увлекалась только театромъ: всѣ лучшіе и богатѣйшіе театры возникли именно въ это время, и въ нихъ нашли новое примѣненіе архитектура и скульптура. Первое мѣсто, само собою разумѣется, принадлежало музыкѣ. Перголезе, Порпора, Тартини и многіе другіе композиторы вызвали восторженные рукоплесканія публики, которая, впрочемъ, съ такимъ-же наслаженіемъ смотрѣла комедіи и трагедіи. Именно поэтому Витторіо Альфіери

*) „Forse vero non è, ma un giorno è fama
Che fur gli uomini eguali, e ignoti nomi
Fur plebe e nobiltà“ (Parini „Il Giorno“).

„Можетъ быть, это неправда, но существуетъ преданіе, что люди были равноправны и что неизвѣстны были слова чернь и дворянство“).

(1749—1803), человекъ смѣлый, энергичный и самостоятельный, вздумалъ воспользоваться театромъ, чтобы пробудить своихъ современниковъ, представлявшихся ему слабыми, изнѣженными, нерѣшительными. Необходимо было прежде всего возбудить въ Италіи сознаніе національности: продолжительная раздробленность страны сдѣлала жителей отдѣльныхъ государствъ совершенно чуждыми другъ другу, каждое государство имѣло свою собственную исторію, свои собственные интересы и во многихъ мѣстахъ между сосѣдями даже существовала ненависть.

Въ такомъ-то обществѣ Альфіери первый дерзнулъ громко говорить объ итальянской національности, призывая своихъ единоплеменниковъ подумать о быломъ величій и о настоящемъ упадкѣ родины; онъ заставилъ сознать необходимость пробужденія и предсказалъ его приближеніе; онъ вездѣ говорилъ о новой Италіи, когда о ней еще никто не думалъ, и посвятилъ свое произведеніе „Bruto Secondo“ „будущему итальянскому народу“. Трагедіи Альфіери, следовательно, имѣютъ болѣе политическое, чѣмъ литературное значеніе, такъ какъ способствовали развитію національнаго самосознанія.

ГЛАВА II.

Италія во время французской революціи.

Вліяніе французской революціи въ Италіи. Первая война Наполеона Бонапарта (1796—97); происхождение трехцвѣтнаго итальянскаго знамени. Паденіе республики въ Венеціи. Новыя демократическія республики. Завоеваніе Италіи французами. Побѣды русскихъ и австрійскихъ войскъ и торжество реакціи. Изгнанники 1799 года и сознаніе единства итальянскихъ народностей.

Французская революція имѣла въ Италіи двоякаго рода послѣдствія: напуганные правители пріостановили реформы, тогда какъ народъ еще сильнѣе сталъ стремиться къ ихъ осуществленію. Разладъ этотъ возрасталъ съ каждымъ днемъ, тѣмъ болѣе, что правительства, для подавленія распространявшагося въ ихъ владѣніяхъ революціоннаго духа, сочли необходимымъ прибѣгнуть къ арестамъ и казнямъ. Вслѣдствіе этого въ обществѣ, особенно среди буржуазіи, начала образовываться партія, желавшая свергнуть прежній порядокъ вещей; она не была многочисленна, но отличалась большой смѣлостью и ея торжеству много способствовало вторженіе въ Италію французовъ.

Сначала у нѣкоторыхъ итальянскихъ государей возникла мысль о союзѣ противъ Франціи, но взаимное соперничество и стремленіе къ первенствующей роли помѣшало осуществленію этой идеи. Тогда Пьемонтъ заключилъ союзъ съ Австріей и въ 1792 г. началъ войну. Французы побѣдили, въ томъ-же 1792 г. заняли Савойю и Ниццкую

область, и затѣмъ медленно стали подвигаться впередъ по альпійскимъ долинамъ и вдоль Лигурійскаго берега, не обращая никакого вниманія на нейтралитетъ Генуэзской республики.

Въ 1796 г. французское правительство поручило командованіе арміей молодому генералу—корсиканцу Наполеону Бонапарту, который при самомъ началѣ кампаніи обратился къ своимъ солдатамъ съ слѣдующимъ воззваніемъ:

„Солдаты! Ваше содержаніе крайне плохо. Правительство вамъ обязано многимъ, но ничего не можетъ для васъ сдѣлать. Ваше терпѣніе и ваша храбрость дѣлаютъ вамъ честь, но не дали вамъ ни денегъ, ни славы. Я поведу васъ въ плодороднѣйшія долины всего міра; тамъ вы найдете большіе города и богатыя области; тамъ вы приобрѣтете почести, славу и богатства. Солдаты итальянской арміи, неужели у васъ неостанетъ храбрости?“

У солдатъ, конечно, не было недостатка въ храбрости, да и полководецъ ихъ обладалъ талантомъ, нужнымъ для исполненія данныхъ имъ обѣщаній. Благодаря сраженіямъ въ Монтенотте, Миллезимо и Дего, Наполеону удалось отрѣзать австрійскую армію отъ пьемонтской: австрійцы были оттѣснены вдоль долины р. Бормиды къ Акви и Алессандріи, между тѣмъ, какъ Пьемонтское войско отступило въ долину р. Танаро къ Чево и Мондови. Бонапартъ сначала пошелъ противъ пьемонтцевъ, и 28 апрѣля 1796 года заставилъ Витторіо-Амедея III заключить миръ, по которому король отказался отъ Ниццы и Савойи, уступивъ нѣсколько крѣпостей въ Пьемонтѣ, и далъ французамъ право свободнаго прохода чрезъ свои владѣнія.

Обезопасивъ себя такимъ образомъ съ тылу, Наполеонъ двинулся противъ австрійцевъ, отступившихъ уже въ Ломбардію, и 9 мая одержалъ блистательную побѣду при Лоди, вслѣдствіе чего вся Ломбардія оказалась въ его власти. Герцогъ Пармскій поспѣшилъ заключить съ нимъ союзъ,

заплативъ огромную контрибуцію и уступивъ двадцать лучшихъ картинъ изъ своей галереи. Моденскій герцогъ, захвативъ всё свои сокровища, бѣжалъ въ Венецію, а поданнымъ предоставилъ вступить въ переговоры съ побѣдителемъ, который и здѣсь заставилъ уплатить себѣ контрибуцію и захватилъ 15 лучшихъ картинъ изъ герцогскаго дворца.

Австрійцы отступили въ Тироль, оставивъ сильный отрядъ въ Мантуѣ. Наполеонъ овладѣлъ теченіемъ рѣки Эчь, не смотря на нейтралитетъ Венеціи, созвалъ милицію для защиты горныхъ проходовъ, по которымъ непріятель могъ бы снова спуститься въ Италію, и затѣмъ обратился противъ папы, протестовавшаго противъ французской республики. Болонья, Феррара и Равенна легко были заняты французами, что принудило папу начать переговоры о мирѣ.

Между тѣмъ Австрія послала новое войско подъ начальствомъ маршала Вурмсера. Оно спустилось по долинь р. Эчь, разбивъ по дорогѣ французскіе отряды, уступавшіе ему въ численности. Бонапартъ въ это время осаждалъ Мантую и надѣялся, что она сдастся на капитуляцію, но въ виду грозившей опасности снялъ осаду и, собравъ всё свои военныя силы, разбилъ австрійцевъ при Лонато и Кастильоне делле Стивіере, къ югу отъ озера Гарда. Вурмсеръ отступилъ вверхъ по рѣкѣ Эчу, но, дойдя до Триента, снова пошелъ въ Италію по долинь р. Brentы. Наполеонъ, все время преслѣдовавшій его, настигъ его въ Бассано, гдѣ и нанесъ окончательное пораженіе; Вурмсера, съ остатками своей арміи, съ трудомъ удалось добраться до Мантуи; Наполеонъ преслѣдовалъ его и осадилъ его въ этой крѣпости.

Само собою разумѣется, что при извѣстіи о побѣдахъ французовъ вся Италія встрепенулась отъ апатіи, и затаенныя стремленія народа стали проявляться съ новой силой. Ка-

залось, будто вмѣстѣ съ французскимъ войскомъ съ Альпъ подулъ живительный вѣтеръ, просвѣтившій умы и укрѣпившій физическія силы; страсти и надежды волновали душу; кругозоръ каждаго расширялся, пробуждались болѣе возвышенныя мысли, и прежніе идеалы не казались болѣе недостижимыми. 25 августа 1796 г. городъ Реджіо возсталъ противъ династіи Д'Эсте, и скоро возстаніе вспыхнуло во всемъ герцогствѣ. Французы поспѣшили на помощь мятежникамъ и учредили временное правительство. Модена и Реджіо вмѣстѣ съ Болоньей и Феррарой, еще раньше отнятыми у папы, образовали республику, названную Циспаданской. Это было первое государство, возникшее въ Италіи послѣ вторженія французовъ, и оно первое на конгрессѣ въ Реджіо 7 января 1797 официально приняло трехцвѣтное знамя, заимствуя бѣлый и красный цвѣтъ изъ французскаго флага и замѣнивъ синій цвѣтъ зеленымъ, который уже былъ въ употребленіи въ мѣстныхъ войскахъ.

Австрія, однако, не признала себя побѣжденной и на деньги, доставленныя Англіей, вооружила третье войско подъ начальствомъ Альвинци. Наполеонъ оказался въ очень затруднительномъ положеніи, но и на этотъ разъ онъ сумѣлъ преодолѣть препятствія, казавшіяся непреодолимыми: послѣ сраженья на Аркольскомъ мосту близъ Вероны (въ ноябрѣ 1796 года) Альвинци принужденъ былъ отступить. Собравъ новый отрядъ въ Тиролѣ, Альвинци опять подступилъ къ Веронѣ, но потерпѣлъ пораженіе при Риволи въ январѣ 1797 года. Мантуя, доведенная до крайности продолжительной осадой, должна была сдаться.

Надѣясь на побѣду австрійцевъ, папа не выполнилъ условій, заключенныхъ съ французами; вслѣдствіе этого Наполеонъ, покончивъ съ австрійцами, вступилъ въ Папскую область и беспрепятственно прошелъ черезъ Мархію и Умбрию. Тогда Пій VI подписалъ миръ въ Толентино (февраль 1797 года), по которому отказался отъ Авиньона и области

Венассино, которые были заняты французами еще въ концѣ 1791 года, отъ Феррары, Болоньи, Романьи (отнятыхъ въ 1796 году) и обязался уплатить огромныя суммы денегъ а также уступить многія произведенія искусства.⁵

Заклучивъ миръ съ папой, Наполеонъ поспѣшно возвратился въ Верхнюю Италію, гдѣ появилось новое австрійское войско подъ командой эрцгерцога Карла, (брата императора Франца II *). Произошло сраженіе при Тальяменто, и австрійцы снова потерпѣли пораженіе. Французы преслѣдовали ихъ и, разбивъ на высотахъ Тревизо, двинулись впередъ по австрійской территоріи причеъ дошли до Леобена, на разстояніи всего двадцати пяти лье отъ Вѣны. Австрія, наконецъ, начала переговоры о мирѣ, и 18 апрѣля 1797 г. въ Леобенѣ были подписаны предварительныя условія мира.

Въ это время въ Венеціи распространилось ложное извѣстіе, будто французы потерпѣли пораженіе; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ крестьяне, вообще не сочувствующіе новому порядку вещей, подстрекаемые дворянствомъ и духовенствомъ, возстали противъ французовъ; въ Веронѣ толпы крестьянъ ворвались въ городъ, соединились съ чернью и избили всѣхъ французовъ. Этотъ мятежъ, извѣстный подъ названіемъ „Веронской пасхи“, скоро удалось подавить, но генераль Бонапартъ воспользовался имъ, какъ поводомъ для жалобъ на венеціанское правительство.

Одновременно съ этимъ событіемъ комендантъ Лидо приказалъ открыть огонь по французскому судну, намѣревав-

*) Петръ-Леопольдъ, вступившій на австрійскій престолъ въ 1790 году подъ именемъ Леопольда II, умеръ въ 1792 г., оставивъ нѣсколько сыновей: старшій, Францъ II, наслѣдовалъ австрійскій престолъ, а второй, Фердинандъ—Тоскану. Изъ остальныхъ отмѣтимъ Карла, знаменитаго полководца періода Наполеоновскихъ войнъ, и впоследствии бывшаго вице-королемъ Ломбардо-Венеціанской области.

шемуся пройти въ гавань Венеціи безъ соблюденія установленныхъ правилъ; это явилось источникомъ новыхъ жалобъ Бонапарта; угрожая войной древней аристократической республикѣ, онъ заставилъ ее измѣнить образъ правленія. Уступая требованіямъ Наполеона, Верховный Совѣтъ 27 мая 1797 г. отказался отъ власти, и такимъ образомъ безъ всякаго сопротивленія пала олигархія, въ теченіе столькихъ вѣковъ господствовавшая въ славной республикѣ Св. Марка.

Вмѣсто нея установлено было демократическое правительство, которое предоставило французскимъ войскамъ свободный доступъ въ городъ. Французы разграбили сокровища Венеціи и ея произведенія искусства, какъ будто распоряжались въ завоеванной странѣ; такъ, на примѣръ, были увезены въ Парижъ четыре коня, украшавшіе фасадъ храма св. Марка, которые венеціанцы вывезли изъ Константинополя въ 1204 году.

Въ Генуѣ по требованію Наполеона былъ отмѣненъ прежній аристократическій образъ правленія, и образована Лигурійская республика по образцу французской.

Отнятая у Австріи Ломбардія вмѣстѣ съ Циспаданской республикой образовала одну республику — Цизальпійскую, организованную тоже подобно французской: исполнительная власть принадлежала директоріи изъ пяти членовъ, а законодательная — двумъ совѣтамъ (Juniori и Seniori).

9-го іюля 1797 г. въ Миланѣ торжественно праздновалось образованіе новой республики, сдѣлавшейся впослѣдствіи главнымъ центромъ итальянской общественной жизни *). Во всѣхъ этихъ республикахъ распоряжались французскіе генералы, и новыя демократическія правительства были не

*) 26-го октября 1797 г. Бонапартъ присоединилъ къ Цизальпійской республикѣ области Вальтеллину, Борміо и Кіавенну, которыя возстали, чтобы освободиться отъ власти кантона Граубюндена, и просили покровительства Франціи и ея великаго полководца.

въ силахъ избавиться отъ непрощенныхъ опекуновъ. Наполеонъ же, при окончательныхъ переговорахъ съ Австріей о мирѣ не задумался пожертвовать Венеціей, чтобы добиться болѣе выгодныхъ условий.

Миръ былъ заключенъ въ Кампоформіо 17 октября 1797 года. Австрія уступила Франціи Бельгію и всѣ свои владѣнія на лѣвомъ берегу Рейна, признала существованіе Цизальпинской республики, образовавшейся изъ бывшихъ австрійскихъ же владѣній; въ замѣнъ того Австрія получила всю территорію Венеціанской республики. Согласно послѣднему условію французы покинули Венецію, которая 8-го января 1798 года была занята имперскими войсками. Такимъ позорнымъ образомъ кончила свое существованіе древняя республика, не проявивъ ни одного геройскаго подвига, который могъ бы вызвать уваженіе къ ея печальной судьбѣ или сожалѣніе къ ея паденію *). Уступка Венеціи австрійцамъ поколебала довѣріе къ даннымъ французами обѣщаніямъ свободы и независимости; производимыя ими притѣсненія въ обѣихъ республикахъ, находившихся въ положеніи какъ бы вассальномъ, возбуждали сильное недовольство среди многихъ итальянцевъ. Тѣмъ не менѣе, эти два года (1796—1797), представляющіе періодъ пробужденія всего полуострова, произвели окончательный переворотъ въ прежнемъ строѣ: народъ начинаетъ интересоваться общественными дѣлами, и наиболѣе выдающіеся люди пробуютъ свои силы, принимая участіе въ первыхъ политическихъ обществахъ, возникавшихъ во всей Италиі.

Послѣ мира въ Кампоформіо Наполеонъ вернулся во Францію, а затѣмъ предпринялъ походъ въ Египетъ.

Между тѣмъ въ различныхъ итальянскихъ государствахъ начинала смѣлѣе дѣйствовать революціонная партія, хотя и

*) Уго Фосколо въ своемъ произведеніи „Послѣднія письма Якова Ортисъ“ выразилъ скорбь, испытанную итальянцами при уступкѣ Венеціи.

бывшая въ меньшинствѣ, но чувствовавшая поддержку во французскихъ войскахъ, еще остававшихся въ Италиі; отсюда возникали беспорядки и стычки. Въ Римѣ поднялся бунтъ, при чемъ чернь ворвалась въ домъ французскаго посланника. Франція воспользовалась этимъ случаемъ, чтобы послать въ Римъ вооруженный отрядъ; 15-го февраля 1798 г. онъ безпрепятственно вступилъ въ Римъ; свѣтская власть папы была отмѣнена и учреждена Римская республика *).

Вскорѣ послѣ описанныхъ событій неаполитанскій король Фердинандъ, увлекшись побѣдой англійскаго адмирала Нельсона надъ французскимъ флотомъ въ Абукирѣ (въ Египтѣ), счелъ своевременнымъ объявить войну Франціи и двинулся съ войскомъ къ Риму, чтобы возстановить власть папы. Французы отступили вслѣдствіе своей немногочисленности, и неаполитанцы 27 ноября 1798 г. заняли городъ. Впрочемъ нѣсколько дней спустя, французскому генералу Шампюннэ удалось стянуть свои войска и снова начать наступательныя дѣйствія; неаполитанскій король немедленно отступилъ и даже, проходя черезъ Неаполь, не остановился въ столицѣ, а передалъ управленіе генералу Пиньятелли и отплылъ въ Сицилію. Французы вступили въ королевство и, благодаря поддержкѣ части неаполитанской буржуазіи, заняли городъ, не смотря на отчаянное сопротивленіе народа (22 янв. 1799 г.). Въ Неаполѣ была провозглашена республика, названная Партенопейской, по древнему имени города.

Въ Пьемонтѣ также возникло и распространялось движеніе въ пользу революціонныхъ идей, создавшее цѣлый рядъ затрудненій королю Карлу-Эммануилу III (въ 1796 г. наслѣдовавшему Виктору-Амедею III). Во многихъ мѣстностяхъ вспыхнули мятежи, и принятыя правительствомъ

*) Пій VI, изгнанный изъ Рима, бѣжалъ въ Тоскану; впоследствии онъ былъ арестованъ по требованію Франціи и отвезенъ въ Валансъ на р. Ронѣ, гдѣ и умеръ 29 августа 1799 года.

мѣры къ ихъ усмиренію подали поводъ къ вмѣшательству Франціи въ дѣла Пьемонта. Король былъ принужденъ допустить французскій гарнизонъ въ крѣпость Турина, но вскорѣ послѣ того (въ декабрѣ 1798 г.) онъ отрекся отъ престола и покинулъ городъ. Французы заняли Пьемонтъ, а Карль-Эмануиль IV удалился въ Сардинію. Узнавъ, что Австрія въ союзѣ съ Россіей и Англіей подготавливаетъ новый походъ въ Италію, французы изгнали Габсбурго-Лотарингскую династію изъ Тосканы и заняли ее своими войсками. Такимъ образомъ, въ мартѣ 1799 г. вся континентальная часть Италіи (за исключеніемъ Пармы и Піаченцы, гдѣ еще удержалось прежнее правительство, и Венеціи, принадлежавшей Австріи) перешла во владѣніе Франціи.

Въ это именно время въ Италію вступилъ Суворовъ съ союзной русско-австрійской арміей и одержалъ рядъ побѣдъ въ Верхней Италіи. Войска со всего полуострова двинулись на сѣверъ, но потерпѣли пораженіе и были принуждены отступить въ Лигурію.

Установленныя французами республиканскія правительства не имѣли достаточной опоры въ народѣ, поэтому и были немедленно свергнуты, а многіе жители, обвиненные въ распространеніи новыхъ идей, должны были эмигрировать. Въ Неаполѣ республиканцы пытались отразить натискъ бурбонскихъ войскъ, дѣйствовавшихъ подъ командой кардинала Руффо, но скоро капитулировали (19 іюня 1799 г.). Имъ была обѣщана амністія; однако король и королева не исполнили обѣщанія и съ необычайной жестокостью преслѣдовали представителей республиканскаго правительства, которые всѣ пытки переносили съ настоящимъ героизмомъ. Наболѣе извѣстны изъ числа казненныхъ докторъ Доменико Чирилло, адвокаты Маріо Пагано и Франческо Конфорти и адмиралъ Франческо Караччіоло *).

*) Въ неаполитанскихъ событіяхъ принималъ участіе англійскій

Реакція повсюду торжествовала: прежній государственнй строй былъ возстановленъ; подстрекаемые дворянствомъ и духовенствомъ, крестьяне собирались вооруженными толпами и съ яростью преслѣдовали революціонеровъ; многіе бѣжали во Францію въ ожиданіи новаго переворота.

Среди этихъ изгнанниковъ со всѣхъ концовъ полуострова стала развиваться идея о единствѣ итальянской націи. Уроженецъ Пьемонта Карло Ботта (которому принадлежитъ заслуга широкаго распространенія этого чувства посредствомъ своихъ произведеній) первый подписалъ петицію Совѣту Пятисотъ, призывая Францію объединить Италію. „Римъ“—такъ заканчивается петиція, — „никогда не былъ такъ великъ, какъ въ то время, когда владѣлъ землями, гдѣ находился Сципіонъ Африканскій; величіе Франціи до-

адмиралъ Гораций Нельсонъ, образъ дѣйствій котораго возбудилъ сильныя нареканія. Проф. Виллари въ послѣдней своей статьѣ въ „Nuova Antologia“ отъ 16 февраля 1899 г. излагаетъ результаты послѣднихъ исследованийъ по этому вопросу.—Нельсонъ прибылъ со своимъ флотомъ въ Неаполь, когда перемиріе уже было заключено; онъ зналъ, что король Фердинандъ и королева Каролина не желали дѣлать никакихъ уступокъ; поэтому, увидавъ на крѣпости бѣлый флагъ, Нельсонъ тотчасъ же поднялъ сигналъ къ протесту и сообщилъ кардиналу Руффо намѣренія короля. Кардиналъ объявилъ, что условія капитуляціи должны быть соблюдены. При такомъ разногласіи рѣшающее слово принадлежало, конечно, королю, тогда находившемуся въ Италіи. Разными дипломатическими хитростями, можетъ быть предписанными посланникомъ Гамильтономъ, Нельсонъ старался замедлить выполненіе тѣхъ условій капитуляціи, которыя были выгодны мятежникамъ. Когда же изъ Палермо пришелъ приказъ отмѣнить условія капитуляціи, онъ арестовалъ вожаковъ республиканской партіи. Однимъ словомъ, можно сказать, что Нельсонъ въ данномъ случаѣ забылъ, что онъ—представитель Англіи, и сдѣлался исполнителемъ мести Бурбоновъ, вмѣсто того, чтобы оказать умиротворяющее вліяніе. Причина такого образа дѣйствій кроется въ слѣпой, непреодолимой страсти къ леди Гамильтонъ, которая въ свою очередь была лишь послушной исполнительницей жестокихъ замысловъ королевы Каролины.

стигнетъ апогея, когда она объявитъ Италію свободной и независимой изъ самаго Рима, порабошеннаго иностранными войсками*. Эту петицію подписали изгнанники изъ всѣхъ итальянскихъ государствъ—изъ Пьемонта, Ломбардіи, Венеціи, Рима, Неаполя—и доказали этимъ, что изгнаніе объединило всѣ ихъ стремленія въ одинъ общій великій идеаль—единой Италіи.

ГЛАВА III.

Господство Наполеона.

Переходъ Наполеона черезъ С.-Бернардъ и сраженіе при Маренго.—Лионскій съѣздъ и Итальянская республика; Франческо Мельци.—Итальянское королевство; Евгений Богарнэ.—Итальянскія провинціи, присоединенныя къ Французской имперіи.—Завоеваніе Неаполя.—Отмѣна свѣтской власти папъ.—Пробужденіе умственной жизни во время Наполеоновскаго владычества. — Королевство Неаполитанское при Іосифѣ Бонапартѣ и Іоакимѣ Мюратѣ.—Бурбонскій дворъ въ Сициліи; конституція 1812 г.—Паденіе Наполеона. — Возстановленіе прежнихъ правительствъ.—Сто дней.—Война за независимость, начатая Мюратомъ; потеря трона.—Послѣдняя его попытка и смерть.

Въ началѣ 1800 года австрійцы совершенно основательно могли считать себя властителями Италіи, которая въ теченіе этого времени была предоставлена всѣмъ ужасамъ реакціи и самымъ преувеличеннымъ притязаніямъ новыхъ завоевателей. Французское войско, оттѣсненное въ Лигурию послѣ героическихъ попытокъ продолжать войну, принуждено было запереться въ Генуѣ, гдѣ выдержало блокаду съ моря, произведенную англійскимъ адмираломъ Кейтомъ.

Между тѣмъ Наполеонъ, посредствомъ государственнаго переворота 18-го брюмера захватившій управленіе Франціей и принявшій титулъ перваго консула, задумалъ снова завоевать Италію. Отдавъ генералу Массена, командовавшему осажденнымъ въ Генуѣ отрядомъ, приказъ держаться

до послѣдней крайности, Наполеонъ задался смѣлымъ планомъ—провести другой отрядъ прямо черезъ Альпы. Въ маѣ 1800 года, сохраняя свои дѣйствія въ строгой тайнѣ, французскія войска сконцентрировались въ окрестностяхъ Женеви; тогда Наполеонъ самъ принялъ командованіе и направилъ ихъ къ хребту Большого С.-Бернарда. Переходъ пѣхоты совершился довольно легко, но кавалерія встрѣтила значительныя затрудненія: солдатамъ пришлось спѣшиться и вести лошадей въ поводу, причемъ многіе падали въ пропасть вмѣстѣ съ конемъ. Артиллерійскія орудія пришлось снять съ передковъ и переносить на носилкахъ или перевозить на мулахъ; самыя большія орудія клались между выдолбленными для этого стволами деревьевъ и волоклись при помощи канатовъ. Когда послѣ продолжительнаго подъема французы достигли гостиницы на вершинѣ горы, монахи ордена св. Бернарда, заранѣе получившіе отъ Наполеона деньги назаготовку провіанта, роздали солдатамъ хлѣбъ, сыръ и вино; послѣ отдыха начался спускъ съ горъ, хотя и менѣе тяжелый, нежели подъемъ, но зато и болѣе опасный.

Преодолевъ столько препятствій, войско Наполеона вступило въ долину Аосты и, пройдя нѣкоторое разстояніе, стало угрожать австрійцамъ съ тылу. Австрійцы, которымъ только что удалось взять Геную, сдавшуюся послѣ геройской защиты вслѣдствіе недостатка съѣстныхъ припасовъ, немедленно отступили въ Ломбардію, чтобы сохранить сообщеніе съ Австріей. Въ Маренго близъ Александрии произошло кровопролитное сраженіе (14-го іюля 1800 года). Сначала французы были разбиты; но къ нимъ подоспѣлъ на помощь отрядъ генерала Десэ (Desaix), который раньше былъ посланъ Бонапартомъ по направленію къ Нови, но слышавъ выстрѣлы, счелъ за лучшее возвратиться. Онъ сказалъ: „Сраженіе проиграно, но теперь всего три часа; есть еще время выиграть другое сраженіе“.

Наполеонъ отдалъ приказъ снова идти въ атаку; Десэ

быль убитъ, но день окончился блестящей побѣдой французовъ.

Австрійцы были принуждены отказаться отъ всѣхъ своихъ завоеваній и заключить миръ въ Кампоформіо.

Наполеонъ возстановилъ Цизальпійскую и Лигурийскую республики, Пьемонтъ же былъ занятъ французскими войсками и вскорѣ послѣ того присоединенъ къ Франціи.

Между тѣмъ собравшимся въ Венеціи конклавомъ былъ избранъ новый папа въ лицѣ кардинала Варнавы Кіарамонти (Barnaba Chiaramonti), принявшій имя Пія VII (14-го марта 1800 года); въ іюлѣ папа вступилъ въ Римъ и получилъ свои владѣнія, освобожденныя отъ неаполитанскихъ и австрійскихъ войскъ, которыя годъ тому назадъ изгнали изъ Рима французовъ.

Черезъ короткое время въ политическомъ устройствѣ Аппенинскаго полуострова произошли новыя важныя измѣненія: Парма и Пиаченца перешли во владѣніе Франціи, а Бурбоны, владѣвшіе до той поры этимъ герцогствомъ, получили вмѣсто него Тоскану, отнятую у Лотарингской династіи и преобразованную въ королевство Этрурію.

Въ концѣ 1801 года Наполеонъ созвалъ въ Ліонѣ 452 нотаблей, выборныхъ представителей Цизальпійской республики съ цѣлью учредить новую конституцію, подобную французской: законодательная власть принадлежала четыремъ собраніямъ (консульство, цензура, совѣтъ и законодательный корпусъ), а власть исполнительная сосредоточивалась въ рукахъ президента, избираемаго на десять лѣтъ и имѣющаго право законодательной инициативы и назначенія должностныхъ лицъ. Республика получила названіе Итальянской; президентомъ былъ избранъ Наполеонъ Бонапартъ, назначившій вице-президентомъ графа Франческо Мельци (Melzi).

Наконецъ, отдохнувъ отъ невзгодъ военной оккупации прежнихъ лѣтъ, республика могла наслаждаться настоя-

шимъ благоденствіемъ подъ защитой великихъ принциповъ свободы и равенства; самое названіе республики— „Итальянская“ льстило умамъ; вслѣдствіе отсутствія президента независимость казалась болѣе полной, а Мельци сумѣлъ приобрести всеобщую симпатію и управлять справедливо. Въ короткое время всѣ отрасли управленія получили хорошую организацію, многія злоупотребленія были искоренены и приведены въ порядокъ финансы, главнымъ образомъ благодаря дѣятельности искуснаго министра Прина (Prina).

Когда въ 1804 г. первый консулъ принялъ титулъ Императора Французовъ, казалось совершенно естественнымъ, что онъ не можетъ оставаться президентомъ республики, поэтому ему была поднесена корона Итальянскаго королевства; онъ короновался ею въ Миланѣ 26-го мая 1805 года, причемъ произнесъ извѣстныя слова: „Dio me la diede, guai a chi la tocca!“ (Богъ далъ мнѣ ее, — горе тому, кто ея коснется!). Во время своего путешествія по Италіи Наполеонъ ввелъ много реформъ въ администрацію королевства и прежде, чѣмъ вернуться во Францію, назначилъ вице-королемъ своего пасынка Евгенія Богарнэ, которому было тогда только двадцать четыре года.

Обладая чрезвычайно мягкимъ характеромъ и будучи всей душой преданъ императору, Евгеній Богарнэ старался полнымъ повиновеніемъ доказать ему свою признательность; поэтому, при первомъ же проявленіи оппозиціи при обсужденіи нѣкоторыхъ законопроектовъ въ Законодательномъ Корпусѣ, онъ пересталъ его созывать, слѣдуя въ этомъ отношеніи приказанію Наполеона. Такимъ образомъ въ Итальянскомъ королевствѣ водворился такъ называемый „просвѣщенный абсолютизмъ“.

Во время пребыванія Наполеона въ Миланѣ къ нему

явились представители Лигурійской республики и предложили присоединиться къ Франціи; согласно съ этимъ Наполеонъ, прибывъ въ Геную, образовалъ изъ древней республики три французскихъ департамента. Въ томъ же году послѣ сраженія въ Аустерлицѣ Наполеонъ принудилъ Австрію заключить Пресбургскій миръ (26 декабря 1805 г.), по которому Австрія отказалась отъ Венеціанской области; въ послѣдствіи эта область была присоединена къ Итальянскому королевству, къ великой радости итальянцевъ, которые тѣшили себя надеждой такимъ образомъ достигнуть объединенія всего Апеннинскаго полуострова.

Въ теченіе этой войны неаполитанскій король вновь заключилъ союзъ съ Англіей, Австріей и Россіей. Побѣдивъ Австрію, Наполеонъ немедленно отправилъ войско въ Неаполитанское королевство, предлагая солдатамъ покончить со дворомъ, „у котораго нѣтъ ни вѣры, ни чести, ни здраваго смысла“, и торжественно заявилъ, что „Неаполитанская династія перестала царствовать“. Побѣда досталась чрезвычайно легко: Бурбоны бѣжали въ Сицилію, и 30-го марта 1806 года Іосифъ Бонапартъ, братъ Наполеона, былъ провозглашенъ королемъ.

Годъ спустя Наполеонъ отнялъ Тоскану у династіи Бурбоновъ, которой сначала далъ ее, и присоединилъ ее къ Франціи. Потомъ, подъ предлогомъ, будто Пій VII недостаточно строго держался такъ называемой континентальной системы противъ Англіи, онъ занялъ берега Папской области, а такъ какъ Пій VII протестовалъ и, повидимому, дѣйствовалъ за-одно съ врагами Наполеона, снова заключившими союзъ, онъ въ 1809 году объявилъ свѣтскую власть папы отмѣненной и присоединилъ Римъ съ окружающею мѣстностью къ Франціи, а Мархію—къ Италіи *).

*) Пій VII былъ взятъ въ плѣнъ и отвезенъ сначала въ Савону (Savona), а потомъ въ Фонтенбло.

Посылая французскому сенату проектъ закона объ этомъ присоединеніи, Наполеонъ писалъ: „Предлагаемый декретъ завершитъ одно изъ самыхъ важныхъ событій переживаемой нами эпохи... Онъ проведетъ рѣзкую границу между политикой и религіей... Пусть въ европейской дипломатіи совершенно исчезнетъ выраженіе: „политика Римской куріи“. Пусть всеобщимъ благоденствіемъ Итальянскаго полуострова совершенно будетъ поглощенъ узкій эгоизмъ государя, обладающаго страной безъ войска, портами безъ флота, властью лишенной силы, и нейтралитетомъ, ничѣмъ не обезпеченнымъ“.

Такимъ образомъ весь полуостровъ, непосредственно или косвенно, находился въ зависимости отъ Наполеона. Пьемонтъ, Лигурія, Парма и Піаченца, Тоскана и Римъ, т. е. цѣлая треть полуострова, были присоединены къ Франціи. Если Пьемонтъ и Лигурія, вслѣдствіе близости и сходства съ Франціей, легко привыкли къ французскимъ законамъ и учрежденіямъ, то совсѣмъ иначе обстояло дѣло въ остальныхъ мѣстностяхъ, которыя, отвыкнувъ отъ употребленія оружія, особенно тяготились воинской повинностью, введенной Наполеономъ. Тѣмъ не менѣе, повсемѣстно замѣчалась значительная перемѣна, какъ въ матеріальномъ, такъ и въ умственномъ и социальномъ отношеніи. Народъ постепенно впитывалъ въ себя и усваивалъ принципы революціи; Code Civil (Сводъ гражданскихъ законовъ) перестраивалъ общество на новыхъ началахъ равенства, между тѣмъ какъ огромный ростъ всеобщей дѣятельности далъ начало многочисленному среднему сословію (буржуазіи), богатому, образованному и энергичному, которое съ успѣхомъ могло занять мѣсто униженной аристократіи.

Эта перемѣна особенно рѣзко обнаружилась въ такъ называемомъ Итальянскомъ королевствѣ, обнимавшемъ Ломбардію, Венеціанскую область, Реджіо и Модену, Романью и Мархію, и имѣвшемъ около семи милліоновъ

жителей: здѣсь были проведены новыя дороги и широкіе каналы, воздвигнуты великолѣпные памятники; правительство покровительствовало развитію земледѣлія, промышленности и искусствъ и организовало войско, которое вновь заставило всѣхъ съ уваженіемъ относиться къ итальянцамъ. „Изъ всѣхъ эпохъ подчиненія“, говоритъ извѣстный историкъ Чезаре Бальбо, „ни одна не была болѣе веселой, дѣятельной, пожалуй, полезной, почти великой и славной, чѣмъ эпоха подчиненія Наполеону. Менѣе позора въ томъ, чтобы вмѣстѣ съ половиной Европейскихъ государствъ подчиняться человѣку дѣятельному и великому, котораго можно считать знатнаго происхожденія, и по крови, по имени безусловно итальянцу; подчиняться ему, участвуя въ великихъ дѣянiяхъ, многочисленныхъ, непрерывныхъ, постоянно измѣняющихся, послѣдствій которыхъ невозможно было предвидѣть, но которыя—надо было надѣяться—привели бы къ объединенію и освобожденію Италіи; въ этомъ по моему мнѣнію, меньше позора, нежели, какъ въ былыя времена, однимъ быть подъ игомъ среди всеобщей независимости, свободы и дѣятельности... Правда, независимости не было на самомъ дѣлѣ, но, по крайней мѣрѣ, въ большомъ центрѣ существовали внѣшніе ея признаки; гражданская свобода не была вполне гарантирована, но, по крайней мѣрѣ, законна; къ тому же было равенство, которое многихъ утѣшаетъ въ недостаткѣ свободы. Съ этого времени снова начали съ большимъ уваженіемъ и любовью произносить слово: „Италія“. Менѣе сильно оказалось вліяніе французовъ въ Неаполитанскомъ королевствѣ, частью вслѣдствіе особенностей мѣстныхъ условій, слишкомъ различныхъ отъ Франціи, частью вслѣдствіе непродолжительности существованія новаго правительства и необходимости, въ которую оно часто было поставлено защищаться отъ попытокъ Бурбоновъ (бѣжавшихъ въ Сицилію и поддерживаемыхъ Англіей) возвратить себѣ Неаполитанскія владѣнія,

а также и отъ разбойничьихъ шаекъ, беспокоившихъ главнымъ образомъ Калабрію. Іосифъ Бонапартъ едва только началъ ориентироваться въ новомъ королевствѣ, когда Наполеонъ, перемѣщавшій королей, точно простыхъ чиновниковъ, далъ ему Испанскій престоль, а въ Неаполь, прислалъ своего свояка Іоахима Мюрата (1808 г.).

Благодаря своимъ чисто личнымъ качествамъ, Мюратъ пріобрѣлъ всеобщую симпатію, но онъ былъ болѣе солдатъ, чѣмъ администраторъ. Въ 1808 году ему удалось изгнать англичанъ съ острова Капри, а годъ спустя онъ отразилъ экспедицію англичанъ и сицилійцевъ. Увлечшись этимъ успѣхомъ, Мюратъ подготовилъ въ 1810 году цѣлую экспедицію противъ Сициліи, но вслѣдствіе неудачи, постигшей первыя попытки въ этомъ направленіи, онъ отказался отъ задуманнаго предпріятія. Между тѣмъ, генералу Манхесу съ большою жестокостью удалось прекратить разбой въ Калабріи. Само собою разумѣется, что постоянныя войны помѣшали съ должнымъ вниманіемъ и энергіей провести внутреннія реформы; во всякомъ случаѣ, если Іоахиму Мюрату и не удалось преобразовать страну, онъ все-таки внесъ въ нее новые жизненные элементы.

Въ Сициліи Бурбонская династія удержалась благодаря поддержкѣ Англіи, которая воспользовалась островомъ, какъ центромъ военныхъ дѣйствій противъ Франціи. Впрочемъ, гордая и самолюбивая королева Марія-Каролина очень неохотно подчинялась такому протекторату Англіи; съ другой стороны, она возстановила противъ себя сицилійцевъ частью покровительствомъ итальянскимъ эмигрантамъ, частью тѣми огромными расходами, которыхъ требовала война. Недовольство выразилось въ парламентѣ тѣмъ, что даже бароны отказали въ требуемой субсидіи на войну; тогда дворъ рѣшилъ обойтись безъ парламента, самовольно установилъ новые налоги и велѣлъ арестовать пятерыхъ бароновъ, наиболѣе упорствовавшихъ въ оппозиціи. Англій-

скій посланникъ лордъ Бентинкъ, понимавшій, что подобный образъ дѣйствій можетъ привести къ вмѣшательству французовъ, заставилъ бурбонское правительство освободить арестованныхъ и убѣдилъ королеву въ необходимости дать конституцію, при чемъ сказалъ извѣстныя слова: „Madame, Constitution ou Révolution“ (Ваше Величество, Конституція, или революція“). Палермскій дворъ, не имѣя возможности противиться требованіямъ Англіи, прибѣгъ къ компромиссу: король Фердинандъ, подъ предлогомъ болѣзни, передалъ управленіе королевствомъ своему сыну Франческо, принявшему титулъ намѣстника (*vicario generale*) всего королевства (16-го января 1812 года), и удалился въ свое имѣніе Фикуццу.

Принцъ-намѣстникъ созвалъ парламентъ, который немедленно провозгласилъ конституцію, составленную по примѣру англійской, съ палатой пэровъ и нижней палатой; въ это время въ Сициліи было отмѣнено феодальное право. Королева Марія-Каролина, всѣми средствами старавшаяся противиться новому направленію политики и освободиться отъ вліянія Англіи, была принуждена, вслѣдствіе настойчивыхъ требованій лорда Бентинка, покинуть Сицилію и вернуться въ Вѣну, гдѣ она вскорѣ и умерла (въ сентябрѣ 1814 года).

Между тѣмъ, подъ вліяніемъ успѣха, сопровождавшаго всѣ его предпріятія, Наполеонъ отступилъ отъ революціонныхъ принциповъ и, увлекшись идеей монархіи Карла Великаго, пытался передѣлать прошлое, учредивъ новое феодальное дворянство, уничтоживъ всѣ политическія права и осмѣливаясь даже помышлять о созданіи всемірной монархіи. Народъ, именно въ это время начинавшій проявлять признаки болѣе яснаго сознанія своихъ правъ и болѣе опредѣленныя стремленія къ самоуправленію, очень скоро почувствовалъ несогласіе этихъ послѣднихъ съ честолюбивыми замыслами Наполеона. Многіе итальянцы, сознавая, какой сильный

толчекъ дало новое правительство всѣмъ отраслямъ общественной жизни, въ то-же время глубоко чувствовали тягость рабства и болѣе восторгались смѣлыми и полными негодования стихами Уго Фосколо, нежели льстивыми произведениями Винченцо Монти. Несчастная война съ Россіей вызвала всеобщую ненависть къ человѣку, который ради своихъ личныхъ честолюбивыхъ цѣлей пожертвовалъ жизнью столькихъ тысячъ солдатъ. Тогда государи, дотолѣ тщетно боровшіеся противъ Наполеона, наконецъ прозрѣли и, сознавъ силу новыхъ принциповъ, которыхъ они такъ долго не признавали, рѣшились ими воспользоваться; они стали поддерживать новыя стремленія народовъ и такимъ путемъ легко достигли сочувствія и поддержки своихъ подданныхъ.

Австрія стала угрожать Итальянскому королевству; вице-король Евгенийъ пытался защищаться на границахъ, но скоро былъ принужденъ, отступить на линію р. Эчъ (въ ноябрѣ 1813 года). Одновременно съ этимъ Іоакимъ Мюратъ, затѣявшій, ради сохраненія за собой престола, тайныя сношенія съ Австріей, приближался съ войскомъ изъ Неаполя по направленію къ Верхней Италіи, при чемъ вице-король не зналъ, идетъ ли онъ противъ него или на помощь къ нему. Тогда Евгенийъ отошелъ къ р. Минчіо (въ февралѣ 1814 года).

Англичане между тѣмъ заняли Ливорно и Геную; въ это время пришло извѣстіе, что Парижъ сдался союзнымъ войскамъ, и что Наполеонъ былъ принужденъ отречься отъ престола.

Евгений надѣялся собственными силами удержать Ломбардію за собой, а чтобы расположить союзныя державы въ свою пользу, немедленно пріостановилъ военныя дѣйствія.

Въ Миланѣ большинство населенія, тяготившееся господствомъ Франціи, было настроено враждебно: они надѣялись создать національное правительство, другіе желали

возстановленія австрійскаго владычества. Поэтому, когда собравшійся въ Миланѣ сенатъ королевства рѣшилъ послать державамъ депутацію, чтобы высказаться въ пользу Евгенія, въ городѣ вспыхнулъ мятежь, и министръ финансовъ графъ Прина былъ убитъ чернью (20 апрѣля 1814 г.) Возмущенный этимъ, вице-король передалъ крѣпость Мантую австрійцамъ, а самъ бѣжалъ къ тестю въ Баварію.

Черезъ нѣсколько дней австрійцы вступили въ Миланъ. Такимъ образомъ пало Итальянское королевство, которое могло гордиться многими выдающимися учеными, художниками, общественными дѣятелями и офицерами и которое въ теченіе всего этого памятнаго времени являлось главнымъ центромъ общественной жизни.

Скоро прежнія правительства были возстановлены. Пій VII, освобожденный еще раньше, вернулся въ Римъ; великому герцогу Фердинанду III была возвращена Тоскана; герцогства Парма и Модена были возстановлены; Викторъ-Эммануиль I Савойскій (въ 1802 году наслѣдовавшій брату своему Карлу-Эммануилу IV Сардинскому) возвратился въ Туринъ. Одинъ только Іоакимъ Мюрать сохранилъ въ своихъ рукахъ Неополитанское королевство.

Наполеонъ избралъ себѣ мѣстомъ изгнанія островъ Эльбу; однако всѣ понимали, что человѣкъ совершившій столько славныхъ дѣяній, одержавшій столько блестящихъ побѣдъ и считавшій Европу слишкомъ узкой ареной для своихъ подвиговъ,—такой человѣкъ не могъ добровольно обречь себя на бездѣйствіе въ тѣсныхъ границахъ небольшого острова. Нѣкоторые итальянцы думали воспользоваться имъ для объединенія Италіи, и 19 мая 1814 года послали изъ Турина адресъ, прося его имя и оружіе и предлагая ему итальянскую корону. Наполеонъ, повидимому, благосклонно принялъ это предложеніе, но мысли его были направлены не на Римъ, а на Парижъ. 26-го февраля 1815 года онъ бѣжалъ съ острова Эльбы съ тысячею солдатами и на-

правился во Францію, намѣреваясь вернуть себѣ власть. Онъ высадился въ заливѣ Jюан 1-го марта, и въ двадцать дней съ помощью войска оставшагося вѣрнымъ своему вождю, вернулъ себѣ престоль и вступилъ въ Парижъ при восторженныхъ кликахъ народа.

Однако этотъ періодъ величія и славы оказался кратко-временнымъ. Государи Европы, собравшіеся на Вѣнскій конгрессъ, рѣшили покончить съ Наполеономъ: они объявили его „врагомъ и нарушителемъ мірового спокойствія“ и поставили его „въ обществу и цивилизаціи“ и вслѣдствіе этого двинули войска во Францію. 18-го іюня 1815 года произошла знаменитая битва при Ватерлоо, положившая конецъ этому періоду волненій и войнъ; въ этотъ день герои Маренго, Аустерлица, Іены и Ваграма были наголову разбиты англійскими ветеранами Веллингтона и прусскими гренадерами Блюхера. Союзная армія двинулась къ Парижу и возстановила правленіе Людовика XVIII. Потерявъ всякую надежду, Наполеонъ сдался англичанамъ и былъ заключенъ на островѣ Св. Елены. Въ тотъ самый день, когда Наполеонъ впервые увидѣлъ утесъ, на которомъ ему суждено было провести послѣдніе годы жизни, Іоакимъ Мюратъ былъ убитъ въ Калабріи.

Странно сложилась судьба короля Іоакима за этотъ послѣдній годъ его жизни! Въ 1814 году цѣной измѣны Наполеону онъ получилъ право сохранить за собой Неаполитанское королевство; однако онъ имѣлъ основаніе сомнѣваться въ томъ, что это обѣщаніе осуществится. Поэтому онъ примирился съ Наполеономъ, находившимся тогда на о. Эльбѣ; когда Наполеонъ отправился во Францію, Мюратъ повелъ войска противъ австрійцевъ, призывая итальянцевъ къ борьбѣ за независимость *).

*) Въ это время было написано много стихотвореній въ честь короля Іоакима; особенно извѣстно стихотвореніе Манцони (1785—1873), кото-

Немногіе откликнулись на его призывъ. Онъ достигъ Эмилиі, но долженъ былъ отступить, когда узналъ, что берегамъ Неаполитанскаго королевства угрожаютъ англичане.

Потерпѣвъ пораженіе отъ австрійцевъ близъ Мачераты, Мюратъ вернулся въ свое королевство, гдѣ снова начинали усиливаться приверженцы Бурбоновъ. Между тѣмъ въ войскѣ усиливалось дезертирство. Тогда Мюратъ 20-го мая 1815 года отрекся отъ престола, и въ Неаполѣ вновь воцарился Фердинандъ Бурбонскій.

Мюратъ отправился во Францію, но не дерзнулъ явиться къ Наполеону. Послѣ сраженія при Ватерлоо онъ задумалъ удалиться на о. Корсику, родину многихъ его сторонниковъ и товарищей въ войнахъ. Оттуда онъ надѣялся вернуть себѣ Неаполитанскую область. 28-го сентября Мюратъ съ 250 товарищами отплылъ изъ Аяччіо, но буря уничтожила его флотъ. Корабль, на которомъ онъ находился, присталъ къ Пиццо въ Калабріи, гдѣ Мюратъ тщетно старался настроить населеніе въ свою пользу. Онъ былъ взятъ въ плѣнъ и черезъ нѣсколько дней, согласно приказу изъ Неаполя, преданъ военному суду и приговоренъ къ разстрѣлянію; приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе 13 октября 1815 г.; Мюрату было тогда 48 лѣтъ.

рый—по собственнымъ его словамъ—ради достиженія цѣли пожертвовалъ изъ любви къ родинѣ красотой стиха и сознательно написалъ неудачный стихъ: „*Liberi non sarete, se non siam uni*“ (не будемъ свободны, если не соединимся). Пеллегрино Росси, читавшій законовѣдніе въ Болоньѣ, оставилъ каведру и въ качествѣ комиссара послѣдовалъ за войскомъ Мюрата. Когда экспедиція потерпѣла неудачу, онъ уѣхалъ въ Англію, потомъ въ Женеву и наконецъ окончательно поселился въ Парижѣ, гдѣ былъ назначенъ профессоромъ въ *Collège de France*.

ГЛАВА IV.

Реставрація: старыя формы правленія и новыя народы.

Вѣнскій конгрессъ и переустройство Италіи; преобладаніе Австріи. — Возвратъ къ прошлому. — Викторъ-Эммануиль I, король Сардиніи. — Ломбардо-Венеціанское королевство подъ властью Австріи. — Состояніе герцогствъ. — Слабость тосканскаго правительства. — Папская область. — Фердинандъ I, король Обѣихъ Сицилій. — Священный Союзъ.

Среди торжества и празднествъ Вѣнскаго конгресса — на которомъ, въ числѣ другихъ дипломатовъ, особенно выдѣлился австрійскій первый министръ князь Меттернихъ, тогда еще въ полномъ расцвѣтѣ силъ, — было установлено въ Европѣ новое политическое устройство. Ни въ какую другую историческую эпоху человѣческому разуму, быть можетъ, не представлялось болѣе благопріятнаго случая, направить политическое движеніе согласно велѣніямъ разсудка: предстояло передѣлать почти всю карту Европы; слѣдовательно, до извѣстной степени можно было удовлетворить окрѣпшее тогда національное чувство; что же касается политическихъ правъ, то стремленіе къ покою побуждало народы къ большей умѣренности въ желаніяхъ, которыя поэтому легко было удовлетворить.

Вмѣсто этого государи-побѣдители воспользовались вызваннымъ войной всеобщимъ утомленіемъ, горячей жаждой спокойствія и мира, обнаружившейся всюду, чтобы при-

ковать народы къ своимъ стопамъ, пренебрегая данными въ минуту опасности обѣщаніями.

Дипломаты заявили, что новый политическій порядокъ будетъ основываться на принципѣ законности, т. е., что слѣдуетъ возстановить прежнія формы правленія, свергнутыя революціоннымъ движеніемъ. Этотъ принципъ примѣнялся вездѣ, кромѣ республикъ: такъ, въ Италіи не были возстановлены древнія республики—Венеція, Генуя и Лукка; первыя двѣ, напротивъ, совершенно исчезли изъ числа самостоятельныхъ государствъ. Венеціанскую область, такъ же, какъ и Ломбардію захватила Австрія, а Генуя была присоединена къ Савойскимъ владѣніямъ; Лукка досталась Пармской линіи Бурбоновъ на все время, пока герцогство Парма будетъ управляемо Маріей-Луизой (дочерью императора Австрійскаго Франца и женою Наполеона I), которая владѣла имъ пожизненно; впоследствии Лукка должна была перейти къ великому герцогству Тосканскому.

Во всей остальной Италіи возстановлено положеніе 1789 г. причеиъ возросло преобладаніе Австріи, такъ какъ она завладѣла самыми богатыми, цвѣтущими и сильными въ стратегическомъ отношеніи провинціями Италіи; вслѣдствіе этого, господство Австріи чувствовалось во всемъ полуостровѣ, тѣмъ болѣе, что въ Пармѣ, Моденѣ и Тосканѣ царствовали члены Австрійскаго царствующаго дома. Такимъ образомъ въ Италіи французское вліяніе Наполеоновскаго періода смѣнилось вліяніемъ Австріи, которая должна была поставить себѣ задачей уничтоженіе всякаго слѣда революціи.

Чтобы ближе познакомиться съ жизнью Италіи съ 1815 г. и до 1820 г., рассмотримъ ее отдѣльно въ каждомъ государствѣ.

Послѣ шестнадцатилѣтняго господства французскаго режима Туринъ, древняя столица Пьемонта, 20 мая 1814 г. съ искреннимъ энтузіазмомъ встрѣтилъ Савойскую королевскую семью. Массимо д'Адзеліо (Massimo d'Azeglio), тогда

только шестнадцатилѣтній юноша, принадлежавшій къ городской гвардіи, созванной для встрѣчи, описываетъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ то впечатлѣніе, которое произвела эта встрѣча: „Я находился на Дворцовой площади (Piazza Castello) и отлично помню группу, которую образовали король и его свита. Одѣтые по прежней модѣ, и причесанные à la Фридрихъ II, всѣ они были порядочно смѣшны; однако, мнѣ и другимъ они казались прекрасными и по всѣмъ правиламъ; обычные „*cris mille fois gèpètés*“ встрѣтили этого добраго государя, такъ что у него не могло остаться и тѣни сомнѣнія въ расположеніи къ нему его вѣрныхъ туринцевъ“. Такимъ образомъ Пьемонтъ радостно привѣтствовалъ конецъ господства иностранцевъ и встрѣчалъ короля Виктора-Эммануила I, представителя династіи, которая всегда поддерживала честь Пьемонта.

Однако, къ этой радости вскорѣ примѣшалось недовольство. Король и окружавшіе его воображали, что въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ добрые его подданные спали такъ же, какъ и они сами, тогда какъ, напротивъ, для народовъ эти немногіе годы равнялись цѣлому столѣтію прогресса. Король говорилъ, что на все прошедшее въ его отсутствіе смотритъ какъ на „долгій сонъ“ и хотѣлъ доказать свое великодушіе тѣмъ, что „набросилъ покрывало“ на прошлое. По возвращеніи его въ Пьемонтъ какой то старый придворный далъ ему альманахъ Palmaverde за 1798 г. со спискомъ прежнихъ чиновниковъ; въ чрезмѣрномъ рвеніи къ прошлому, принялись возстановлять въ должности тѣхъ, кто еще оставался въ живыхъ.

Подобную систему примѣнили и въ арміи, призывая на службу лицъ, столько лѣтъ не занимавшихся этимъ дѣломъ; служившіе при Наполеонѣ теряли чинъ при принятіи на службу; для пополненія состава офицеровъ назначали совершенно неопытныхъ молодыхъ людей изъ аристократіи. Д'Адзеліо (D'Azeglio), назначенный подпоручикомъ, впо-

слѣдствіи писалъ такъ: „Странный существовалъ у насъ порядокъ формированія полка! Начальники, люди другой эпохи, все позабыли; мы, юноши, ничему еще не научились; наши же подчиненные,—унтеръ-офицеры и солдаты,—почти всѣ прошедшіе лучшую военную школу въ мірѣ, и знавшіе свое ремесло, какъ свои пять пальцевъ, смѣялись надъ нами исподтишка въ нашемъ присутствіи и открыто — за нашей спиной“.

Пьемонтское правительство, такимъ образомъ, не только не сдѣлало никакихъ уступокъ, но тщательно старалось возстановить прошлое. Пьемонтъ внезапно вернулся снова къ XVIII в. съ его привилегіями дворянства и духовенства. Этотъ возвратъ къ прошлому возмущалъ многихъ, особенно въ наиболѣе интеллигентныхъ слояхъ общества; не имѣя возможности препятствовать теченію событій, они стали образовывать различныя тайныя общества.

Большое количество тайныхъ обществъ распространялось въ Ломбардо-Венеціанской области, гдѣ, не смотря на паденіе Итальянскаго королевства, не изгладились еще воспоминанія о періодѣ его славы.

Австрія, правда, всегда заботилась о матеріальномъ благосостояніи подвластныхъ ей областей, но теперь этого было недостаточно. Если до французской революціи ломбардцы были довольны правленіемъ Маріи-Терезіи или Іосифа II, то такое отношеніе стало невозможнымъ послѣ того, какъ временное существованіе Итальянскаго королевства пробудило въ душѣ національное самосознаніе. Въ сознаніи народа произошла важная перемѣна, и Федерико Конфалоньери совершенно вѣрно замѣтилъ: „Мы не тѣ, что двадцать лѣтъ тому назадъ, и не можемъ стать прежними, не отказавшись отъ привычекъ, ставшихъ намъ дорогими и вошедшихъ въ плоть и кровь народа, одареннаго умомъ, энергіей и страстью, народа, который приобрѣлъ

большую опытность въ дѣлахъ политическихъ и сильную любовь къ родинѣ и который умѣетъ сражаться“.

Императоръ австрійскій, наоборотъ, объявилъ населенію Ломбардо-Венеціанской области: „Вы принадлежите мнѣ по праву завоеванія и должны забыть, что вы—итальянцы“. Это нелѣпое приказаніе только заставило жителей вспомнить, что они—итальянцы и что это слѣдуетъ доказать.

Вслѣдствіе этого въ наиболѣе культурномъ и интеллигентномъ классѣ начинаетъ возникать оппозиція правительству, появляются тайныя общества, а для борьбы съ ними создается ужасная полицейская система, которая съ каждымъ днемъ развивается все шире и скоро становится единственной опорой австрійскаго владычества въ Италіи.

Въ то время, какъ Вѣнскій кабинетъ предполагаетъ удерживать эти области въ повиновеніи посредствомъ вооруженнаго наблюденія, въ Миланѣ образуется кружокъ образованныхъ и дѣятельныхъ людей для распространенія въ народѣ либеральныхъ идей и свѣдѣній объ успѣхахъ новыхъ воззрѣній. Имъ было отказано въ разрѣшеніи на устройство народныхъ школъ, но имъ все-таки удалось основать журналъ „Il Conciliatore“ съ задачами скорѣе литературнаго и соціальнаго, чѣмъ политическаго характера. Журналъ началъ выходить 3 сентября 1818 г. Въ немъ участвовали Конфалоньери, Романьози (G. D. Romagnosi), Сильвіо Пеллико, Джіованни Разори (Giovanni Rasori), Филиппо Угони (Filippo Ugoni), Пьетро Борсьери, Мельхіоръ Джойя (Melchiorre Gioia), Джузеппе Пеккіо (Giuseppe Pecchio), Giovanni Berchet и другіе, сдѣлавшіеся извѣстными благодаря изгнанію или перенесеннымъ преслѣдованіямъ. Въ ноябрѣ того же 1818 г. Австрія открыла заговоръ въ Polesine и начала длинный рядъ арестовъ и политическихъ процессовъ, поэтому она не замедлила обратить вниманіе на смѣлую революціонную пропаганду, предпринятую въ „Il Conciliatore“: въ октябрѣ 1819 г. изданіе журнала было прекращено, а

въ октябрѣ слѣдующаго года, послѣ безпорядковъ въ Неаполѣ, были арестованы Марончелли, Джойя, Романьоли, Арривабене, что произвело нѣкоторое замѣшательство въ революціонныхъ планахъ ломбардцевъ.

Австрія полновластно распоряжалась также въ герцогствахъ Парма и Піаченца. Послѣ паденія французской имперіи австрійскій императоръ Францъ, желая создать приличное положеніе своей дочери Маріи-Луизѣ, супругѣ Наполеона I, добился для нея герцогства Парма и Піаченца. Бывшая императрица однако пользовалась лишь почестями, присущими ея положенію, а настоящей повелительницей страны стала Австрія, содержавшая въ Піаченцѣ свой гарнизонъ. Между тѣмъ, какъ австрійскій маршалъ Нейпергъ старался заставить Марію-Луизу позабыть своего супруга, сосланнаго на о. Св. Елены, Вѣнскій кабинетъ распоряжался въ герцогствѣ и всѣми средствами стремился препятствовать развитію всякихъ либеральныхъ и національныхъ тенденцій. Положеніе вещей нисколько не измѣнилось съ перемѣной любимцевъ герцогини.

Положеніе сосѣдняго герцогства Модена и Реджіо было еще печальнѣе. Здѣсь правилъ эрцгерцогъ Австрійскій Франческо IV, сынъ Маріи-Беатриче, послѣдняго отпрыска рода Эсте. Франческо IV былъ уменъ и самолюбивъ и придерживался самыхъ крайнихъ деспотическихъ воззрѣній, и настолько презиралъ людей, что для достиженія цѣли считалъ допустимыми всякія средства. Въ сообществѣ съ іезуитами онъ неумолимо преслѣдовалъ секты и сектантовъ.

Нѣсколько лучше жилось подъ чуднымъ небомъ Тосканы. Еще до французской революціи Лотарингская династія ввела тамъ нѣкоторыя реформы: уничтожила инквизицію, пытки, смертную казнь, улучшила всѣ отрасли государственной жизни. Въ 1715 г. въ Тоскану возвратился давно желанный всѣмъ народомъ Фердинандъ III и немедленно воз-

становиль мягкое правленіе своихъ предшественниковъ, вполнѣ соотвѣтствовавшее врожденной кротости населенія этой страны. Лучшимъ выразителемъ характера правительства былъ первый министръ Фоссомброни; онъ любилъ спокойствіе, вѣрилъ въ счастье и въ благодѣтельную силу времени до такой степени, что часто говорилъ: „Все въ мірѣ идетъ само собою“. При такомъ правленіи тосканцы становились вялыми и апатичными; все-таки эта относительная терпимость казалась почти истинной свободой сравнительно съ деспотизмомъ другихъ итальянскихъ государей. Въ самомъ худшемъ положеніи находилось Папская область и Неаполитанское королевство.

По возстановленіи свѣтской власти папа ввелъ совершенно средневѣковый строй, возвратилъ іезуитовъ и возстановилъ инквизицію. Французское законодательство было отмѣнено и вновь введено прежнее, непонятное и сбивчивое. Неизмѣнной основой новаго режима считалось совершенное устраненіе свѣтскихъ лицъ отъ всякихъ должностей. Пій IX и его министръ Консальво были преисполнены самыхъ благихъ намѣреній, но современное имъ теченіе неудержимо влекло ихъ на путь реакціи.

Убійствомъ Іоахима Мюрата Фердинандъ Бурбонскій упрочилъ за собою недавно пріобрѣтенный неаполитанскій престоль и, подобно другимъ государямъ Италіи, приступилъ къ возстановленію прежняго государственнаго строя. Всѣ французскія учрежденія, выгодныя для корооя, были не только сохранены въ Неаполѣ, но и примѣнены въ Сициліи; остальное было отмѣнено. Дарованная Сициліи въ 1812 г. конституція подверглась забвенію, парламентъ болѣе не созывался, и король принялъ титулъ Фердинанда I, короля Обѣихъ Сицилій, упразднивъ доселѣ носимые имъ титулы Фердинанда IV Неаполитанскаго и Фердинанда III, короля Сициліи *). Это не было простой перемѣной названія: соеди-

*) Обѣ Сициліи ведутъ начало отъ Сицилійской Вечерни (1282 г.),

неніе обоихъ государствъ въ одно королевство знаменовало прекращеніе самостоятельности Сициліи и уничтожало всякую разницу въ управленіи по эту и по ту сторону пролива Фаро.

По своему географическому положенію королевство Обѣихъ Сицилій, повидимому, могло ускользнуть отъ австрійскаго владычества, тяготѣвшаго надъ Италіей, тѣмъ болѣе, что Англія старалась въ него проникнуть какъ бы въ противовѣсъ Австріи. Неаполитанскій король однако даже послѣ смерти Маріи-Каролины продолжалъ начатую ею политику и остался покорнымъ слугою Вѣнскаго кабинета.

Австріи такимъ образомъ предстояло охранять Италію и устроить такъ, чтобы прекрасная грѣшница продолжала прерванный сонъ. Въ этомъ дѣлѣ Австрія не была одинока: она могла рассчитывать на Россію и Пруссію, заключившихъ вмѣстѣ съ нею Священный Союзъ. Это соглашеніе между тремя могущественными монархами, заключенное съ благородными словами мира и милосердія, названное Священнымъ потому, что создалось подъ покровомъ религіи,— было только союзомъ противъ ненавистнаго либерализма. Народы, которые въ теченіе 25 лѣтъ жили подъ вліяніемъ пришедшихъ изъ Франціи революціонныхъ идей, неминуемо должны были желать реформъ; противъ этихъ-то новыхъ идей и направилъ свои силы Священный союзъ.

Желательно было, чтобы люди снова погрузились въ сонъ, какъ до революціи, точно возможно остановить ходъ мысли въ умѣ человѣка! Покой и инерція должны были

благодаря которой Сицилія отдѣлилась отъ Неаполя: т. к. неаполитанскіе короли Анжуйскаго дома продолжали титуловаться королями Сициліи, то получились два королевства Сициліи. Когда Альфонсъ Арагонскій ссединилъ оба королевства подъ своей властью (1442 г.), то впервые официально вошло въ употребленіе наименованіе Королевства Обѣихъ Сицилій.

господствовать въ Европѣ, и лучше всѣхъ воплощать въ въ себѣ эту политическую систему канцлеръ Австрійской имперіи князь Меттернихъ. Временно его политика восторжествовала, вслѣдствіе необходимости въ покоѣ, которая чувствовалась во всей Европѣ. Въ теченіе нѣкотораго времени историческая жизнь, столь бурная въ Наполеоновскую эпоху, успокаивается, но среди этого наружнаго спокойствія развиваются новыя силы революціоннаго духа народовъ. Не смотря на усилія реакціонеровъ, древній міръ измѣнялся, и въ внѣшней жизни обнаруживалась эта перемѣна, все стало другимъ,—образъ мыслей, обычаи и нравы; по-немногу исчезало различіе между классами населенія; даже въ отношеніи одежды подготавливалось сліяніе различныхъ общественныхъ слоевъ.

Отмѣна привилегій, введенная кодексомъ Наполеона, и другія либеральныя идеи, пробившія себѣ дорогу за эти годы, заронили въ сердца итальянцевъ зародышъ революціи, Отнынѣ она стала неизбѣжной!

ГЛАВА V.

Первыя движенія.

Карбонерія. — Революція въ Неаполѣ (1820). — Экспедиція Священнаго Союза противъ сторонниковъ конституціи и возстановленіе абсолютизма.—Революція въ Пьемонтѣ (1821); поведеніе Карла-Альберта.—Возстановленіе абсолютизма Карло-Феличе. — Политическіе процессы въ Ломбардо-Венеціанской области. — Жестокость Франческо IV, герцога Модены и его притязанія на Савойское наслѣдство.—Вѣнскій конгрессъ.

Карль-Альбертъ въ Испаніи.

Наиболѣе распространенное въ Италіи тайное общество было такъ называемо общество Карбонаріевъ. Его происхожденіе до сихъ поръ покрыто мракомъ неизвѣстности. Въ первые годы вѣка, во время господства французовъ, оно пустило глубокіе корни въ Неаполитанскомъ королевствѣ, такъ что внушало серьезныя опасенія королю Іоахиму. Послѣ возвращенія Бурбоновъ оно распространялось еще больше и въ самомъ королевствѣ и внѣ его предѣловъ, принимая всѣ недовольные элементы.

Много недовольныхъ было въ войскѣ, которымъ пренебрегалъ дворъ Бурбоновъ; поэтому въ рядахъ арміи общество Карбонаріевъ нашло много сторонниковъ. Въ это время разнесся слухъ объ успѣхѣ революціоннаго движенія въ Испаніи—странѣ связанной съ Италіей столькими родственными чертами. Тогда вожаки движенія рѣшили начать дѣйствовать.

2-го іюля 1820 г. подпоручики Морелли и Сильвати съ

сотней кавалеристовъ вышли изъ казармъ Нолы (Nola) съ крикомъ: „Богъ, король и конституція!“, развѣвая знаменемъ карбонаріевъ (черное, красное и голубое). Изъ Нолы они, вмѣстѣ съ священникомъ Меникини и другими карбонаріями, направились въ Авеллино, губернаторъ котораго послѣ нѣкотораго колебанія присоединился къ нимъ; отсюда они двинулись къ столицѣ королевства, при чемъ многія провинціи выражали сочувствіе возстанію.

Между тѣмъ испуганные и ошеломленные министры не знали, на что рѣшиться, и ихъ колебанія увеличили смѣлость возставшихъ. Въ ночь съ 5 на 6 іюля генераль Вильгельмъ Пепе, пользовавшійся репутаціей либерала, бѣжалъ изъ Неаполя изъ боязни быть арестованнымъ, и сталъ во главѣ повстанцевъ.

Революціонное движеніе въ столицѣ приняло тогда такіе размѣры, что король Фердинандъ обѣщалъ ввести конституцію (6 іюля 1820 г.); но подъ предлогомъ болѣзни онъ поручилъ правленіе своему сыну Франческо съ титуломъ намѣстника (vicario). Другими словами, повторилась комедія, разыгранная въ 1812 г. въ Сициліи. Однако неаполитанцы, не довѣрившіе Бурбонамъ, требовали немедленнаго введенія конституціи, а такъ какъ на готовѣ была испанская конституція (которой Фердинандъ долженъ былъ присягать въ качествѣ инфанта испанскаго), то народъ требовалъ ея введенія и требовалъ, чтобы ей присягали не только намѣстникъ, но и самъ король. Старику-Фердинанду поневолѣ пришлось, положивъ руку на Евангеліе, призвать на себя громы небесныя, если онъ измѣнитъ своей клятвѣ *).

*) Въ это время Габріэль Россетти (род. въ Васто въ Абруццахъ въ 1783 г., умеръ въ Лондонѣ въ 1854 г.) привѣтствовалъ зарю свободы Неаполя гимномъ, впоследствии получившимъ огромную популярность:

Sei pur bella cogli astri sub crine
Che scintillan quai vivi zaffiri,

Вновь пробудилась любовь къ родинѣ и умственная дѣятельность; Неаполь, казалось, проснулся отъ долгаго сна. Вскорѣ однако возникли серьезные безпорядки, благодаря сепаратистскому движенію въ Сициліи. До 1815 г. Сицилія имѣла свое собственное государственное устройство, а конституція, сохранившаяся, не смотря на смѣну столькихъ государей, въ 1812 г. развилась еще шире, благодаря возстанію, которому покровительствовала Англія. Бурбоны, какъ сказано, водворившись снова въ Неаполь, поспѣшили предать забвенію сицилійскую конституцію. Сицилія превратилась въ провинцію Неаполитанскаго королевства и подверглась притѣсненіямъ неаполитанскихъ чиновниковъ. Вслѣдствіе этого въ населеніи Сициліи укрѣпилось желаніе возвратить себѣ конституцію и отдѣлиться отъ Неаполя. Когда пришло извѣстіе о революціи въ Неаполь, и въ Палермо поднялось возстаніе, но къ крикамъ: „Да здравствуетъ конституція“ жители Палермо прибавили еще новый: „Да здравствуетъ независимость“. (15 іюля 1820 г.) Неаполитанскія войска должны были покинуть городъ. Примѣру Палермо послѣдовала провинція Джирдженти; остальные же области Сициліи большею частью остались вѣрными Неаполитанскому правительству.

Усмирять возстаніе былъ посланъ генераль Флорестанъ

È pur dolce il fiato che spiri,
Porporina foriera del dì.
Col sorriso del pago desio
Tu ci annunzi dal balzo vicino
Che d'Italia nell'almo giardino
Il servaggio per sempre finì...

Переводъ: Ты прекрасна, чело твое увѣнчано звѣздами, блистающими подобно яркимъ сапфирамъ; дыханіе твое пріятно, прекрасная предвозвѣстница дня. Улыбкой удовлетвореннаго желанія—Ты возвѣщаешь намъ съ сосѣдней скалы, Что въ чудной цвѣтущей Италіи—На всегда пало рабство...

Пепе съ войскомъ; но въ Неапольъ нашли, что договоръ 5 октября 1820 г. давалъ слишкомъ большія льготы населенію острова, поэтому генераль Пепе былъ отозванъ, и его замѣнилъ генераль Пьетро Колетта (впослѣдствіи онъ сталъ извѣстенъ, благодаря своей „Исторіи Неаполитанскаго Королевства“). Ему удалось суровыми, но справедливыми мѣрами подавить возстаніе и убѣдить жителей избрать депутатовъ въ парламентъ, уже открывшій свои засѣданія въ Палермо 1 октября 1820 г. *).

Не успѣла еще миновать внутренняя опасность, какъ стала грозить новая, уже внѣшняя: Неаполь къ удивленію своему узналъ, что государи Австріи, Россіи и Пруссіи, обезпеченные распространеніемъ въ Европѣ конституціонныхъ идей, собираются силой прекратить совершившійся въ немъ переворотъ **). Съ своей стороны Фердинандъ I по-

*) Согласно принятой въ Неаполь испанской конституціи парламентъ состоялъ только изъ одной палаты, въ которую слѣдовало избрать 98 депутатовъ. Сначала были избраны только 85, а именно 74 изъ неаполитанскихъ провинцій и 11 изъ окрестностей Катаньи, Мессины и Сиракузъ; изъ остальныхъ 13, избранныхъ уже послѣ подавленія возстанія въ Палермо, лишь немногіе принимали участіе въ работахъ парламента, и то лишь въ послѣднихъ его засѣданіяхъ (Giovagnoli „Il Risorgimento“, Миланъ, 1899, стр. 148).

***) На эту внѣшнюю опасность намекаетъ Росетти въ своемъ стихотвореніи:

Cittadini, possiamo sicuri
Sotto l'ombra dei lauri mietuti,
Ma coi pugni sui brandi temuti
Stiamo in guardia del patrio terren...
Che guardate, gelosi stranieri?
Non uscite dai vostri burroni,
Chè la stirpe dei prischi leoni
Più nel sonno languente non è,
Adorate le vostre catene
(Chi v'invidia cotanto tesoro?)

спѣшилъ тайно сообщить тремъ государямъ, что онъ ничего не имѣетъ противъ возстановленія абсолютизма. Вслѣдствіе этого онъ получилъ пригласеніе на конгрессъ въ Лайбахѣ, столицѣ Каринтіи. По конституціи король не могъ выѣхать изъ королевства безъ разрѣшенія парламента, поэтому Фердинандъ написалъ въ палату письмо—неслышанный образецъ лжи—въ которомъ говорилъ, что хочетъ защищать конституцію предъ государями Священнаго Союза, и что во всякомъ случаѣ, если не удастся отстоять требованій народа, онъ вернется въ Неаполь, чтобы защищать ихъ во главѣ своего войска. Разрѣшеніе было дано, и Фердинандъ уѣхалъ, передавъ правленіе своему сыну Франческо. Въ Лайбахѣ рѣшилась судьба Неаполя, Священный Союзъ заявилъ, что его право и обязанность—блжести спокойствіе Европы, и что государственное устройство королевства Обѣихъ Сицилій угрожаетъ спокойствію державъ; поэтому онъ поручилъ австрійскому войску вступить въ Неаполитанское королевство, чтобы возстановить порядокъ; Фердинандъ I убѣждалъ своихъ подданныхъ дружески принять войска его вѣрныхъ союзниковъ. Парламентъ, хотя нѣсколько разочарованный, призналъ однако, что король не былъ вполнѣ свободенъ среди государей Сѣвера, и что, слѣдовательно, его рѣшеніе недѣйствительно; онъ рѣшилъ бороться. Намѣстникъ Франческо, продолжая обманъ, къ чему его приучилъ отецъ, выказывалъ особенное рвеніе къ оборонѣ.

Ma lasciate tranquilli coloro
Che disdegnan sentirsele al piè...

(Переводъ: Граждане, мы спокойно отдыхаемъ подъ сѣнью собранныхъ нами лавровъ, но, съ мечомъ въ рукѣ, Будемъ охранять родную землю... Что нужно вамъ, завистливые иноземцы?—Не выходите изъ вашихъ логовищъ,—Ибо потомки древнихъ львовъ—Больше не охвачены сномъ.

Боготворите ваши цѣпи—(Кто позавидуетъ такому сокровищу?) Но оставьте въ покоѣ тѣхъ,—Кто не хочетъ терпѣть ихъ на себѣ.

Однако ничего не было готово къ оборонѣ отъ вторженія непріятели. Генераль Пепе со своимъ недисциплинированнымъ войскомъ атаковалъ австрійцевъ въ Рieti 7 марта 1821 г., былъ разбитъ, и большая часть его войска разсѣялась, распространяя уныніе по всему государству. Доступъ къ Неаполю былъ открытъ австрійцамъ; ни одного боя не произошло болѣе. Многіе либералы бѣжали или скрылись. 19 марта въ залахъ парламента въ Неаполѣ собрались 25 депутатовъ и подписали энергической протестъ, составленный адвокатомъ Джузеппе Поэріо, однимъ изъ лучшихъ ораторовъ въ парламентѣ. Въ протестѣ говорилось слѣдующее: „Назначенные избирательными коммиссіями, мы получили наши полномочія согласно формѣ, предписанной самимъ королемъ; мы исполнили наши обязанности по мѣрѣ силъ, согласно съ присягой короля и съ нашей собственной. Но присутствіе въ королевствѣ иностраннаго войска принуждаетъ насъ пріостановить исполненіе нашихъ обязанностей... Объявляя объ этомъ при скорбномъ событіи, мы протестуемъ противъ нарушенія правъ народа... и передаемъ участь престола и народной свободы въ руки Господа Бога, управляющаго судьбами монарховъ и народовъ“.

23 марта австрійцы вступили въ Неаполь и возстановили абсолютную монархію. Вскорѣ порядокъ былъ водворенъ во всѣхъ провинціяхъ *).

Прежде, нежели вернуться въ Неаполь, король Фердинандъ отправился въ храмъ Благовѣщенія во Флоренціи и принесъ ему въ даръ лампаду изъ серебра и золота, вѣроятно, въ видѣ искупительной жертвы за свои вѣроломства.

*) Последнее сопротивленіе оказали жители Мессины подъ предводительствомъ генерала Джузеппе Россароля, бѣжавшаго въ Испанію, затѣмъ въ Грецію, гдѣ онъ и умеръ въ 1825 году.

Въ то самое время, когда въ Неаполѣ, благодаря коварству Бурбоновъ, былъ отмѣненъ конституціонный образъ правленія, на другомъ концѣ Италіи—въ Пьемонтѣ—снова вспыхнула революція. Среди спокойнаго и осторожнаго населенія Пьемонта нашлось немало членовъ общества карбонаріевъ, особенно въ войскѣ. Пьемонтскіе карбонаріи задумали освободить Виктора-Эммануила отъ вліянія его приближенныхъ, принадлежавшихъ къ реакціонной партіи, убѣдить его въ необходимости конституціи и заставить его начать войну съ Австріей. Они рассчитывали на поддержку князя королевской крови,—на Карла-Альберта, герцога Кариньяно, наслѣдника Пьемонтскаго престола, такъ какъ у Виктора-Эммануила I не было сыновей, а братъ его Карль-Феличе былъ бездѣтенъ.

Карль-Альбертъ, воспитанный въ Парижѣ при Наполеонѣ, вернулся въ 1814 г. въ Пьемонтъ; ему было тогда шестнадцать лѣтъ. Проникнутый господствовавшими во Франціи идеями, онъ не сочувствовалъ возврату къ режиму XVIII столѣтія и, по живости характера, не сумѣлъ скрыть своихъ мнѣній. Поэтому онъ приобрѣлъ репутацію либерала и большую популярность въ Туринѣ; говорили даже, что онъ принадлежитъ къ обществу карбонаріевъ. Достоверно однако лишь то, что онъ былъ другомъ многихъ вожаконъ революціонной партіи изъ числа высшаго пьемонтскаго дворянства, какъ, на примѣръ, маркиза Санъ-Марцано, графа Прована ди Колленьо, графа Моффа ди Лизіо, графа Сантароза и др. По слабости характера Карль-Альбертъ легко поддавался краснорѣчивымъ и полнымъ энтузіазма убѣжденіямъ окружавшихъ его лицъ; онъ увлекся полной благороднаго тщеславія мечтою, что ему суждено спасти Италію; быть можетъ, въ сношеніяхъ съ карбонаріями онъ далъ себя увлечь дальше, чѣмъ ему самому было желательно.

Пьемонтскіе заговорщики рѣшили возстать въ ту минуту, когда австрійское войско будетъ занято борьбой съ неапо-

литанцами; такимъ образомъ либераламъ легче было бы одержать побѣду на обѣихъ окраинахъ полуострова. Къ сожалѣнію они рассчитывали на болѣе упорное сопротивленіе неаполитанцевъ.

10 марта 1821 г., когда въ Пьемонтъ еще не пришло извѣстіе о пораженіи при Ріети 7 марта, въ Александріи вспыхнуло возстаніе; народъ требовалъ конституціи по образцу испанской и немедленнаго объявленія войны Австріи. Возстаніе быстро распространялось, и послѣ полудня 12 марта Туринскій гарнизонъ послѣдовалъ примѣру гарнизона въ Александріи. Все это сопровождалось криками: „Да здравствуетъ король!“

Не желая измѣнить данному Австріи обѣщанію не вводить конституціи, а съ другой стороны, по добротѣ и кротости своей, стараясь не проливать крови своихъ подданныхъ, Викторъ-Эммануилъ I въ тотъ же день отрекся отъ престола въ пользу своего брата Карло-Феличе. Въ это время Карло-Феличе находился въ Моденѣ, вслѣдствіе чего временнымъ правителемъ былъ назначенъ Карль-Альбертъ. Подъ вліяніемъ своихъ друзей и вообще всего хода событій молодой государь 13 марта вечеромъ провозгласилъ въ Туринѣ конституцію по образцу испанской.

Дней черезъ пять послѣ того изъ Модены пришелъ декретъ Карла-Феличе, которымъ всѣ предпріятыя безъ него рѣшенія объявлялись недѣйствительными и предписывалось возстановить абсолютизмъ, Карлу же Альберту было приказано удалиться изъ Турина. Молодой регентъ оказался въ очень затруднительномъ положеніи: либералы хотѣли увлечь его на открытое возмушеніе противъ Карла-Феличе, но такой образъ дѣйствій по отношенію къ старшему въ родѣ казался ему подлостью; съ другой стороны не оставалось никакой надежды на успѣхъ: побѣдивъ Неаполь, Австрія готовила на Тичино новое войско противъ Пьемонта; Карль-Альбертъ ничего не могъ бы достигнуть, кромѣ своей

гибели и гибели своихъ друзей. Какъ раньше Карль-Альбертъ, по слабости характера, далъ себя увлечь революціоннымъ теченіемъ, такъ и теперь онъ обнаружилъ такую же слабость воли въ способѣ удаленія отъ этого движенія: ночью, почти тайкомъ, онъ покинулъ Туринъ (21 марта). Либералы обвинили его въ измѣнѣ; этимъ объясняются стихи Berchet *). Либералы, однако, ошибались: Карль-Альбертъ былъ виновенъ въ слабости воли, но не въ измѣнѣ, и онъ доказалъ это впоследствии. Карль-Феличе не принялъ его въ Моденѣ; только во Флоренціи онъ встрѣтилъ радушный пріемъ у великаго герцога, своего тестя.

Неожиданный отъѣздъ регента произвелъ смущеніе и безпорядокъ среди сторонниковъ революціи. Въ эту труд-

*) Lui sospinto avea il suo fato
Sulla via dei gloriosi,
Ma un infame lo sciagurato
Ne preferse e in mano ai rè
Diè la patria e i generosi
Che in lui posta avean la fè.
Eseerato, o Carignano,
Va il tuo nome in ogni gente!
Non v'è clima sì lontano
Ove il tedio, lo squallor,
La bestemmia d'un fuggente
Non ti annunzi traditor.

(Переводъ: Судьба направила его на путь славы, но несчастный предпочелъ путь позора и въ руки королей предалъ родину и тѣхъ храбрецовъ, которые возложили на него всѣ свои надежды. Твое имя, о Кариньяно, да будетъ проклято всѣми народами! Нѣтъ такой далекой страны, гдѣ тоска, несчастье и проклятія изгнанника не говорили бы о твоей измѣнѣ!)

Джіованни Бершэ (Berchet) (1783—1851) написалъ эти стихи въ изгнаніи, такъ какъ бѣжалъ изъ Милана за нѣсколько дней до ареста Федерико Конфалоньери. Вернувшись въ Италію въ 1847 г., когда лучше стали извѣстны чувства Карла-Альберта, поэтъ честно сознался въ своей ошибкѣ относительно пьемонтскаго государя.

ную минуту управленіе государственными дѣлами перешло въ руки графа Санторре ди Сантароза, который по силѣ ума и характера, по добротѣ и величію души можетъ быть причисленъ къ благороднѣйшимъ дѣятелямъ итальянскаго возрожденія. Однако партія абсолютизма, усилившаяся благодаря поддержкѣ короля, смѣло подняла голову, а генераль Де ла Туръ поднялъ въ Новарѣ королевское знамя, призывая оставшіяся вѣрными войска соединиться вокругъ Карла-Феличе. Маленькое войско революціонеровъ подъ командой полковника Реджисъ (Regis) встрѣтилось съ арміей Де ла Тура при Новарѣ (8 апрѣля 1821 г.); съ помощью корпуса австрійцевъ, перешедшаго Тичино, генераль де ла Туръ отбѣснилъ противника. Можно сказать, что въ теченіе мѣсяца пьемонтская революція была подавлена. Бѣглецы скрылись въ Геную, откуда отправились въ изгнаніе. Джузеппе Мадзини пишетъ объ этомъ слѣдующее: „Однажды въ апрѣлѣ 1821 г., въ воскресенье, я, тогда еще совсѣмъ юноша, гулялъ съ моей матерью и съ стариннымъ другомъ нашей семьи, въ Генуѣ по Новой улицѣ. Возстаніе въ Пьемонтѣ было уже подавлено, благодаря измѣнѣ, неспособности вожаковъ и вмѣшательству Австріи. Повстанцы, ища спасенія въ морѣ, собрались въ Генуѣ, безъ средствъ, нуждаясь въ помощи, чтобы отправиться въ Испанію, гдѣ революція шла успѣшно. Большинство изъ нихъ скрывались въ Сампьердаренѣ, ожидая удобнаго момента для отплытія. Многіе уже понемногу пробрались въ городъ, и я слѣдилъ за ними, узнавая ихъ среди нашихъ по чертамъ лица, по покрою платья, по воинственному виду, а главнымъ образомъ по выраженію нѣмой, глубокой скорби. Населеніе было возбуждено. Нѣкоторые, наиболѣе смѣлые, предложили вожакамъ возстанія — кажется, Сантароза и Ансальди — собраться въ городѣ, овладѣть имъ и защищаться; но городъ въ военномъ отношеніи былъ беззащитенъ, — на фортахъ не доставало орудій,

и главари возстанія отказались и отвѣтили: „Берегите себя для лучшаго будущаго“. Ничего не оставалось дѣлать, какъ оказать денежную помощь этимъ несчастнымъ святымъ провозвѣстникамъ будущаго; жители Генуи охотно исполняли это. Вдругъ насъ остановилъ человѣкъ съ строгимъ, энергичнымъ лицомъ, смуглый, бородатый, съ сверкающимъ взоромъ, котораго я никогда не забуду; онъ держалъ въ рукахъ платокъ и сказалъ только: „Для итальянскихъ изгнанниковъ.“ Моя мать и другъ нашъ высыпали въ платокъ нѣсколько монетъ, и человѣкъ удалился къ другимъ. Впослѣдствіи я узналъ его имя: это былъ нѣкто Рини, капитанъ національной гвардіи, образовавшейся въ самомъ началѣ движенія. Онъ уѣхалъ съ тѣми, для кого собиралъ деньги и, кажется, былъ убитъ, подобно столькимъ изъ нашихъ, въ борьбѣ за свободу Испаніи. Въ этотъ день впервые въ моей душѣ пробудилось—не скажу понятіе о родинѣ и свободѣ—но мысль, что можно, а слѣдовательно и должно, бороться за свободу родины“.

Въ основѣ революціонныхъ движеній въ Неаполѣ и Пьемонтѣ была ошибка: они не исходили изъ народа, а были лишь бунтомъ войска, которому населеніе сочувствовало, но не принимало въ немъ участія; кромѣ того, они возникали въ разное время, такъ что революція была почти подавлена въ Неаполитанскомъ королевствѣ, когда провозгласили конституцію въ Пьемонтѣ. Теперь, подъ руководствомъ Австрій, государи могли приступить къ мести. Въ Пьемонтѣ почти всѣ замѣшанные въ возстаніи успѣли бѣжать и отправились помогать Испаніи или же сражаться за свободу Греціи; между этими послѣдними былъ Санторре ди Санта-роза, убитый на о. Сфактеріи въ 1825 г. Только двое—капитанъ Гарелли и подпоручикъ Ланери—были казнены. Когда такими примѣрами былъ, по мнѣнію Карла-Феличе, водворенъ порядокъ,—только тогда (въ октябрѣ 1821 г.) онъ рѣшился осчастливить Туринъ своимъ присутствіемъ.

Еще хуже Карла-Феличе — который пока представлялъ совершенно новое явленіе въ Савойской династіи—поступилъ Фердинандъ I, король Неаполитанскій. Ему предшествовалъ знаменитый министръ полиціи Каноза (Canosa), который арестами и пытками возстановилъ въ странѣ спокойствіе; въ числѣ другихъ на эшефотѣ погибли подпоручики Морелли и Сильвати, которые въ Нола впервые провозгласили свободу. Снова сталъ царствовать произволь; подкупы возобновились; установилось еще болѣе возмутительное правительство, поддерживаемое австрійскими войсками, содержаніе которыхъ тяжкимъ бременемъ ложилось на неаполитанцевъ.

ГЛАВА VI.

Десять лѣтъ реакціи.

Италія между 1821 и 1831 г.—Чиро Менотти и Франческо IV, герц. Модены.—Революція 1831 г.: Соединенныя Итальянскія Провинціи; вгъшательство Австріи и возстановленіе прежнихъ формъ правленія.—Метопандум державъ къ Папѣ.—Избіеніе въ Чезенѣ и Форли.—Австрійцы и французы въ Папской области.

Десятилѣтіе отъ 1821 до 1831 г. было для Италіи крайне тяжелымъ временемъ. Пользуясь покровительствомъ Австріи, государи безпощадно и съ непрестаннымъ рвеніемъ преслѣдовали либераловъ; іезуиты, захватившіе въ свои руки воспитаніе, старались сломить характеръ итальянцевъ, между тѣмъ какъ шпіонамъ и палачамъ было поручено въ корнѣ уничтожить всякіе слѣды либерализма. Выразителемъ состоянія духа Италіи въ то время былъ Джіакомо Леопарди, пѣвецъ страданія и скорби. Сколько препятствій представлялось на пути развитія святыхъ принциповъ родины и свободы! Не только не было свободы печати, наоборотъ, цензура самымъ грубымъ образомъ примѣнялась ко всякому, даже самому отдаленному, патріотическому намеку; театральная цензура дошла до такого абсурда, что въ одномъ изъ хоровъ въ „Нормѣ“ вычеркнула слово „свобода“ (libertà), замѣнивъ его словомъ „законность“ (lealtà). По этому поводу Джіованни Руффини вспоминаетъ курьезный фактъ, происшедшій въ Генуѣ. Знаменитый баритонъ

Ронкони, любимецъ публики, увлекшись ролью, позабылъ о вышеупомянутомъ запрещеніи и былъ посаженъ въ тюрьму на три дня, для укрѣпленія его памяти. Вскорѣ послѣ того онъ пѣлъ въ „Elisir d'amore“ и когда дошелъ до стиха, въ которомъ говорится о крестьянинѣ, поступившемъ въ солдаты (*vendè la libertà, si fè soldato*, т. е. онъ продалъ свободу, пошелъ въ солдаты“), Ронкони со свойственнымъ ему остроуміемъ, измѣнилъ стихъ такимъ образомъ: „онъ продалъ законность и сталъ солдатомъ“ (*vendè la lealtà, si fè soldato*). Этотъ вариантъ имѣлъ большой успѣхъ у публики, всегда сочувственно встрѣчавшей все, что пахло оппозиціей. На слѣдующій день бѣдный пѣвецъ былъ приглашенъ къ директору полиціи, чтобы выслушать выговоръ за то, что онъ сказалъ, будто можно продать законность; на что Ронкони отвѣтилъ, напомнивъ, какъ нѣсколько дней тому назадъ ему было указано—въ такой формѣ, которая нелегко забывается, что *lealtà* (законность) вездѣ должна замѣнить *libertà* (свободу). Дѣло не имѣло никакихъ дальнѣйшихъ послѣдствій, но дало возможность всей Генуѣ позабавиться надъ правительствомъ.

Другимъ препятствіемъ къ распространенію идей являлась трудность сообщеній, увеличивавшаяся, благодаря многочисленнымъ таможнямя, такъ что число книгъ, переходившихъ изъ одной области полуострова въ другую, было крайне ограничено.

Единственнымъ государствомъ, въ которомъ замѣчалась нѣкоторая умственная жизнь, была Тоскана, гдѣ Леопольдъ II, вступившій на престолъ въ 1824 г., повидимому, хотѣлъ продолжать мягкій режимъ отца своего Фердинанда III и дѣда своего Пьетро-Леопольда I. Туда собрались многіе либералы, эмигрировавшіе изъ другихъ провинцій Италіи. За нѣсколько лѣтъ до этого женевецъ Жанъ-Пьеръ Вьёссё (*Gian Pietro Vieusseux*) открылъ во Флоренціи читальню, потомъ основалъ „Антологію“, въ которой, въ теченіе двѣ-

надцати лѣтъ ея существованія, печаталось все то, что являлось самымъ выдающимся.

Совершенно иначе обстояло дѣло въ Неаполитанскомъ королевствѣ. Вѣроломному Фердинанду I въ 1825 г. наследовалъ его сынъ Франческо I, замѣчательный примѣръ ханжества и разврата, который, на ряду съ самымъ ревностнымъ исполненіемъ всѣхъ религіозныхъ обрядовъ, предавался самымъ отвратительнымъ оргіямъ. При немъ все было продажно: справедливость, почести, высшія государственныя должности; а король смѣялся надъ торговлей, которую велъ ими его лакей *Viglia* (Вилья). Понятно, какъ все это содѣйствовало развращенію населенія.

Франческо I въ высшей степени обладалъ характерной чертой своего рода—трусостью; вслѣдствіе этого онъ усилилъ строгость полиціи и сдѣлалъ шпіонство однимъ изъ важнѣйшихъ государственныхъ учреждений. Противъ такого произвола въ 1828 г. возстали жители Чиленто (гористая мѣстность въ провинціи Салерно); Франческо I послалъ туда своего министра Дель-Каретто, который подавилъ возстаніе неслыханно строгими мѣрами: головы казненныхъ, помѣщенные въ желѣзныя клѣтки, развозились изъ деревни въ деревню и выставлялись передъ домами, гдѣ жили матери, жены и дѣти мучениковъ.

Въ 1830 г. извѣстіе о французской революціи, лишившей престола старшую линію Бурбоновъ, привело Франческо I въ ужасъ; въ его памяти воскресли всѣ грозныя воспоминанія его прошлаго; мучимый ужасными видѣніями, терзаемый угрызениями совѣсти, онъ умеръ 8-го ноября 1830 года, проклиная всѣмъ населеніемъ.—Неаполитанцамъ нечего было завидовать жителямъ сосѣдней съ ними Папской области. Въ 1823 г. по смерти Пія VII папой сталъ кардиналъ Делла Дженга (*Della Genga*), принявшій имя Льва XII. Избранный благодаря реакціонной партіи, онъ былъ заклятымъ врагомъ всякихъ проявленій новыхъ идей. Въ то

время, какъ разбойники грабили жителей деревень, полиція задалась цѣлью захватить всѣхъ либераловъ, которыхъ арестовали въ такомъ количествѣ, что тюрьмы были переполнены. Полицейскіе и палачи разѣзжали по всѣмъ уголкамъ государства, особенно въ Романьѣ, Римской провинціи, которая больше другихъ возставала противъ ненавистнаго ига; кардиналь Риварола (Rivarola), посланный для усмиренія волненій, назначалъ самыя ужасныя наказанія. Положеніе дѣлъ ничуть не измѣнилось по смерти Льва XII въ 1829 г.: ибо Пій VIII, замѣнившій его, придерживался почти такой же политики.

Однимъ словомъ, реакція свирѣпствовала на всемъ полуостровѣ. Однако, если тюрьмы и казни могутъ иногда задержать естественный ходъ развитія мыслей, то онѣ никогда не будутъ въ состояніи его прекратить совершенно. Поэтому, несмотря на преслѣдованія, кружокъ патріотовъ продолжалъ работать для великаго дѣла освобожденія Италіи.

Французская революція 1830 г. естественно должна была получить откликъ въ Италіи. Это случилось не на сѣверѣ и не на югѣ (въ Пьемонтѣ и въ Неаполитанскомъ королевствѣ—области, которые подняли знамя конституціи въ 1820—21 г.), потому что тамъ многіе либералы были въ тюрьмѣ, многіе въ изгнаніи; кромѣ того, въ Пьемонтѣ арестъ адвоката Анджело Брофферіо (Angelo Brofferio) и двухъ братьевъ Дурандо (Durando) помѣшалъ исполненію заговора, а въ Неаполитанскомъ королевствѣ Фердинандъ II, какъ разъ въ это время вступившій на престоль, обѣщалъ немедленныя уллучшенія. Поэтому революція вспыхнула въ центральной Италіи.

Нѣкоторые изъ итальянскихъ либераловъ уже нѣсколько раньше вошли въ сношенія съ возникшимъ въ Парижѣ комитетомъ для распространенія въ Европѣ революціонныхъ

идей и для учрежденія, въ противовѣсъ союзу абсолютныхъ монархій Сѣверной Европы, лиги конституціонныхъ латинскихъ государствъ. Въ составъ комитета входили Лафайетъ, герцогъ Орлеанскій Луи-Филиппъ и др. Объ этихъ тайныхъ сношеніяхъ узналъ Моденскій герцогъ Франческо IV. Къ этому времени онъ потерялъ всякую надежду на Савойскій престоль, такъ какъ Карло-Феличе примирился съ Карломъ-Альбертомъ. Движимый своимъ непомѣрнымъ честолюбіемъ, Франческо IV рассчитывалъ извлечь выгоду изъ этой либеральной лиги и проникъ въ число союзниковъ, завязавъ тайныя сношенія съ Чиро Менотти (Ciro Menotti), богатымъ моденскимъ фабрикантомъ, однимъ изъ лицъ, стоявшихъ во главѣ движенія. Франческо IV обѣщаль свою поддержку съ тѣмъ, чтобы ему дали корону новаго королевства, которое будетъ учреждено въ Италіи; Чиро Менотти, зная вѣроломную душу государя, тѣмъ не менѣе довѣрился его необычайной жаднѣ власти. Когда вслѣдствіе іюльской революціи 1830 г. на французскій престоль вступилъ Луи-Филиппъ, Франческо IV надѣялся, что цѣль его достигнута; однако новый французскій король, желая быть признаннымъ другими самодержавными европейскими монархами, сообщилъ Австріи объ итальянскомъ заговорѣ. Узнавъ о доносѣ, Франческо IV, какъ будто ничего не зная, написалъ Вѣнскому двору, чтобы тамъ не довѣряли Луи-Филиппу, ибо ему извѣстно, что этотъ государь участвовалъ въ заговорѣ итальянскихъ либераловъ, къ которому самъ онъ примкнулъ съ цѣлью лучше узнать все дѣло. Затѣмъ, точно сомнѣваясь въ достаточности этого средства, чтобы заслужить прошеніе Австріи, онъ проявилъ особенное рвеніе противъ своихъ сообщниковъ.

Въ ночь со 2-го на 3 февраля 1831 г. въ домѣ Чиро Менотти въ Моденѣ собрались всѣ главари заговора, чтобы сдѣлать послѣднія распоряженія; вдругъ отрядъ герцог-

скихъ войскъ окружилъ домъ; заговорщики устроили баррикаду у дверей и отважно защищались въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, такъ что войска были принуждены привезти одно орудіе, домъ былъ почти совершенно разрушенъ, а заговорщики,—почти всѣ раненые—были схвачены. Франческо IV немедленно написалъ губернатору Реджіо слѣдующую записку: „Этой ночью открылся страшный заговоръ противъ меня. Заговорщики въ моихъ рукахъ. Пришлите палача“.

Палачъ былъ присланъ немедленно, но одновременно съ нимъ пришло извѣстіе о возстаніи, вспыхнувшемъ въ сосѣдней Болоньѣ. Оно вызвало такое волненіе въ городѣ, что перепуганный герцогъ бѣжалъ, взявъ съ собою крѣпко связаннаго Чиро Менотти и, преслѣдуемый грозой революціи, почувствовалъ себя въ безопасности только тогда, когда вступилъ на австрійскую территорію, въ хорошо вооруженную крѣпость Мантую.

Какимъ же образомъ революція вспыхнула въ Болоньѣ?

Въ теченіе правленія папъ Льва XII и Пія VIII Римская провинція терпѣла много жестокостей. Пій VIII умеръ 30 ноября 1830 г., когда извѣстія изъ Франціи вызывали уже извѣстное броженіе умовъ. Засѣданія конклава затянулись; этимъ періодомъ междуцарствія либералы рѣшили воспользоваться, чтобы поднять возстаніе. Прослышавъ объ опасности, кардиналы поспѣшили 2-го февраля 1831 г. приступить къ избранію папы въ лицѣ монаха Мауро Карреллагі, принявшаго имя Григорія XVI. Прежде, чѣмъ извѣстіе объ избраніи достигло Романьи, жители Болоньи возстали, частью также подъ вліяніемъ событій, происшедшихъ въ Моденѣ. Папскій легатъ долженъ былъ уѣхать, революція, спокойная, мирная, безкровная быстро охватила всю Римскую провинцію, Мархію и частью Умбрию.

Депутаты отъ освобожденныхъ провинцій, собравшись

на конгрессѣ въ Болоньѣ 26 февраля 1831 г., объявили отмѣну свѣтской власти папы и учредили союзъ Соединенныхъ Итальянскихъ Провинцій; президентомъ былъ избранъ адвокатъ Джіованни Вичини. Въ этомъ политическомъ движеніи принимали участіе оба брата Бонапартъ, одинъ изъ коихъ вскорѣ умеръ въ Форли, а другой сталъ впоследствии императоромъ французовъ подъ именемъ Наполеона III.

Такимъ образомъ въ теченіе немногихъ дней и почти безъ кровопролитія совершилась важная перемѣна: отъ береговъ нижняго теченія По до верховьевъ Тибра развѣвалось трехцвѣтное итальянское знамя. Революція не остановилась на рубежѣ Папской области. Бѣгство Франческо IV изъ Модены избавило страну отъ всякихъ опасеній, и возстаніе распространилось во всей Эмилии, такъ что герцогиня Марія-Луиза должна была бѣжать изъ Пармы въ гор. Піаченцу подъ защиту австрійскихъ штыковъ. Между тѣмъ повсюду учреждались временныя правительства. Усиленію народнаго энтузіазма способствовалъ написанный тогда Giovanni Berchet извѣстный военный гимнь ¹⁾.

¹⁾ Встаньте, сыны Италіи! Беритесь за оружіе, смѣлѣе!—Земля эта наша: оконченъ для королей постыдный торгъ за наше наслѣдство. Раздѣленный судьбою, разбитый на части семью границами, Народъ сливается во-едино, онъ больше не будетъ рабомъ.—Встань, Италія! Къ оружію! Твой день пришелъ. Насталъ конецъ кознямъ королей-союзниковъ. Отъ Альпъ и до проливовъ всѣ мы—братья. На открытыхъ границахъ, на разрушенныхъ престолахъ водрузимъ общіе наши три цвѣта: зеленый—цвѣтъ надежды, лелѣемой столько лѣтъ, красный—цвѣтъ радости, что надежда оправдалась, бѣлый—братская вѣра въ любовь... *).

^{*}) Su, figli d'Italia! su, in armi, coraggio
Il suolo qui è nostro: del nostro retaggio
Il turpe mercato finisce pei rè.
Un popol diviso per sette destini,

Къ сожалѣнію, иллюзія была непродолжительна. Папа, герцогъ Моденскій и герцогиня Пармская протестовали противъ дѣйствій временныхъ правительствъ, учрежденныхъ въ ихъ владѣніяхъ, и просили содѣйствія имперскихъ войскъ; Вѣнскій кабинетъ въ свою очередь желалъ скорѣе сломить революціонныя правительства къ югу отъ р. По, существованіе которыхъ могло угрожать его власти въ областяхъ къ сѣверу отъ этой рѣки. Итальянцы вѣрили въ принципъ невмѣшательства провозглашенный новой французской монархіей и примѣненный уже къ событіямъ въ Бельгіи; но обстоятельства скоро показали, что Луи-Филиппъ не очень ревностно защищалъ провозглашенные имъ самимъ принципы, когда это не согласовалось съ желаніями Австріи.

Въ февралѣ того же года, съ помощью австрійскаго отряда, расположеннаго въ Піаченцѣ, герцогиня Марія-Луиза возвратилась въ Парму; принципъ невмѣшательства, однако, казался не нарушеннымъ, такъ какъ герцогиня не выѣзжала изъ своего герцогства, а австрійскія войска, возвратившія ей престолъ, оставались въ самомъ герцогствѣ согласно договорамъ 1815 года. Но вотъ, въ первыхъ числахъ марта, войска появляются въ Моденѣ и возстановляютъ на герцогскомъ престолѣ Франческо IV. Австрія и на этотъ разъ могла сослаться на свои эвентуальныя наслѣдственныя права на это герцогство, вслѣдствіе чего

In sette spezzato per sette confini

Si fonde in un solo, più servo non è.

Su, Italia, su, in armi! Venuto è il tuo dì!

Dei rè congiurati la tresca finì.

Dall' Alpi alla Stretta fratelli siam tutti!

Sui limiti schiusi, sui troni distrutti

Piantiamo i comuni tre nostri color:

verde, la speme tant'anni pasciuta,

Il rosso, la gioia d'averla compiuta,

Il bianco, la fede fraterna d'amor...

Соединенныя Итальянскія Провинціи (Le Provincie Unite Italiane) продолжали считать себя въ безопасности; чтобы въ свою очередь не нарушить принципа невмѣшательства, онѣ заставили разоружиться моденское войско, которое подъ командой генерала Цукки отступило на территорію Болоньи. Какъ только Франческо IV снова завладѣлъ управленіемъ, онъ счелъ своей обязанностью торжественно доказать Австріи свою преданность и, для большей успѣшности этого дѣла, призвалъ ненавистнаго Каносу (Canosa), который при Фердинандѣ I Неаполитанскомъ былъ министромъ полиціи. Одной изъ первыхъ жертвъ герцога былъ Менотти (Ciro Menotti), не смотря на то, что во время заговора герцогъ обѣщаль сохранить ему жизнь при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ.

Между тѣмъ Австрія, зная о тайныхъ намѣреніяхъ Луи-Филиппа, не обращала вниманія на заявленія Франціи и послала отрядъ своихъ войскъ въ Романью. Сознывая невозможность сопротивленія, временное правительство Соединенныхъ Итальянскихъ Провинцій удалилось изъ Болоньи въ Анкону. Въ Римини произошло кровопролитное сраженіе, гдѣ маленькое итальянское войско (во главѣ котораго въ то время былъ поставленъ генераль Цукки) было разбито. Тогда временное правительство подписало капитуляцію съ кардиналомъ Бенвенути (26 марта 1831 г.), присланнымъ папой во время возстанія и оставленнымъ въ качествѣ заложника. Капитуляція однако не соблюдалась ни папой, ни австрійцами: корабль съ большимъ числомъ повстанцевъ при выходѣ изъ Анконы былъ захваченъ австрійской эскадрой, и всѣ патріоты были отвезены въ тюрьму въ Венецію. Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ заключенія многіе изъ нихъ—въ томъ числѣ Теренціо Маміани—были высланы за границу, гдѣ своими произведеніями способствовали усилению жалости къ несчастьямъ Итадіи. Немногіе осужденные остались въ тюрьмѣ; въ числѣ ихъ былъ и генераль

Цуки, въ теченіе нѣкотораго времени служившій въ австрійскомъ войскѣ и потому признанный измѣнникомъ и приговоренный къ смертной казни; въ послѣдствіи это наказаніе было замѣнено пожизненнымъ заключеніемъ въ крѣпости Пальманова, гдѣ мы снова встрѣтимся съ нимъ въ 1848 году.

Такимъ образомъ, въ теченіе менѣе двухъ мѣсяцевъ революція, такъ счастливо начавшаяся, была совершенно подавлена; въ городахъ, гдѣ еще такъ недавно радостно привѣтствовали трехцвѣтное знамя, нынѣ развѣвались австрійскія знамена и подъ сѣнью ихъ возвышались эшафоты.

Однако державы, прямо или косвенно способствовавшія возстановленію свѣтской власти церкви, сознавали, что это правительство нуждается въ коренныхъ реформахъ. Невозможно было допустить, чтобы въ XIX вѣкѣ свѣтское населеніе въ нѣсколько милліоновъ подчинялось произволу немногихъ тысячъ священниковъ; вслѣдствіе этого въ томъ же 1831 г. пять великихъ европейскихъ державъ (Англія, Франція, Австрія, Пруссія и Россія) представили папѣ коллективную ноту, извѣстную подъ именемъ меморандума, въ которой настаивали на нѣкоторыхъ безусловно необходимыхъ реформахъ.

Римскій дворъ, по своей привычкѣ, отнесся, повидимому, съ уваженіемъ къ этимъ совѣтамъ и обѣщалъ принять ихъ къ свѣдѣнію, но съ твердымъ намѣреніемъ никогда не приводитъ эти совѣты въ исполненіе. Дѣйствительно, сдѣланныя имъ уступки были совершенно лишены всякаго значенія, и страна продолжала страдать отъ произвола правительства. Тогда либералы, возлагавшіе большія надежды на это вмѣшательство дипломатіи, разочаровавшись въ своихъ ожиданіяхъ, рѣшили добиться своего силой; снова начались волненія, и образовались вооруженныя банды.

Такъ какъ австрійскія войска уже ушли, то папское пра-

вительство вооружило отрядъ швейцарцевъ, а потомъ роздало оружіе всему населенію Романы, возбуждая его противъ либераловъ: вслѣдствіе этого произошло избіеніе 1832 г. въ Чезенѣ и въ Форли. Въ виду этой рѣзни и погрома австрійцы вмѣшались вторично и заняли Болонью. Тогда Луи-Филиппъ, строго порицаемый палатой депутатовъ за некрасивую роль, сыгранную Франціей въ Италіи, счелъ своимъ долгомъ что-нибудь предпринять и отправилъ отрядъ, который занялъ крѣпость Анкону. Австрійцы оставались въ Болоньѣ, а французы—въ Анконѣ до самаго 1838 г., и подъ сѣнью ихъ знаменъ въ несчастной странѣ господствовалъ режимъ военныхъ законовъ и чрезвычайныхъ судовъ.

Во всѣхъ мѣстностяхъ Италіи господствовала система насильственного подавленія всякихъ проявленій либерализма, даже въ Пьемонтѣ, гдѣ по смерти Карло-Феличе, въ 1831 г. престолъ перешелъ къ Карлу-Альберту.

Его вступленіе на престолъ возбудило самыя радужныя надежды среди почти всѣхъ итальянскихъ либераловъ, которые въ немъ видѣли еще карбонарія 1821 г. Эти воспоминанія, однако, не были вовсе пріятны для короля, потому что съ ними было связано ужасное обвиненіе въ измѣнѣ, котораго онъ не заслужилъ; поэтому эти воспоминанія внушили ему ненависть къ революціонерамъ и развили въ немъ подозрительность, такъ что онъ никому не открывалъ своихъ мыслей и желаній. Изъ красиваго, веселаго, живого юноши, какимъ онъ былъ десять лѣтъ тому назадъ, Карль-Альбертъ превратился въ блѣднаго, молчаливаго челоуѣка, отъ котораго всегда вѣяло глубокой грустью. Въ первые года своего царствованія онъ какъ-будто отказался отъ своихъ юношескихъ мечтаній о славѣ, отрекся отъ святой идеи о національной независимости; казалось, что онъ помнитъ только гренадера въ Трокадеро!

ГЛАВА VII.

Джузеппе Мадзини и „Молодая Италия“.

Письмо Мадзини къ Карлу-Альберту.—Семейство Руффини.—Заговоръ 1833 г.—Экспедиція въ Савойю.—Жестокія репрессалии.—Императоръ Фердинандъ I.—Король Неаполитанскій Фердинандъ II и движенія въ Сицилии.—Искусство и наука въ качествѣ заговорщиковъ въ пользу родины.

Въ первые дни царствованія Карла-Альберта среди итальянскихъ патріотовъ распространилось напечатанное въ Марсели письмо къ новому королю, которое вездѣ возбуждало сильный энтузіазмъ.

Карль-Альбертъ также получилъ и прочелъ его *).

Государь!

...Вамъ никогда не случалось окинуть взоромъ—тѣмъ орлинымъ взоромъ, предъ которымъ открывается цѣлый міръ—прекрасную Италію, сіяющую улыбками природы, увѣнчанную славными воспоминаніями двадцати вѣковъ,— родину генія, сильнаго безконечными средствами, коимъ недостаетъ лишь единства,—окруженную такимъ оплотомъ, что нужна только сильная воля и немногія доблестныя груди, дабы защитить ее отъ оскорбленій иноземцевъ? Неужели вы никогда не говорили себѣ: „Она создана для

*) Это письмо содержитъ около двадцати страницъ; я привожу только важнѣйшія мѣста. (Прим. автора).

великой будущности?“ Неужели вы никогда не наблюдали населяющій ее народъ, все еще прекрасный, не смотря на тѣнь, которой рабство покрыло его главу; народъ, великій духомъ жизни, ясностью ума, силой страстей, жестокихъ или безумныхъ—ибо обстоятельства подавляютъ другія, но которыя все-таки составляютъ элементы, изъ коихъ создаются націи; народъ, дѣйствительно великій, ибо невзгоды не смогли унижить его и отнять у него надежду. Не возникла у васъ мысль: создай какъ Богъ изъ хаоса, цѣлый міръ изъ этихъ разрозненныхъ элементовъ; соедини разбросанные члены и скажи: „Она моя вся, и счастлива!“ Ты будешь великъ, какъ великъ Господь Богъ, Вседержитель, и двадцать милліоновъ людей воскликнуть: „Богъ на небѣ, а Карль-Альбертъ на землѣ“. Государь! Вы лелѣяли эту мечту; кровь кипѣла въ вашихъ жилахъ, когда она представлялась вамъ, сіяющая надеждой и славой; много бессонныхъ ночей вы посвятили этой мечтѣ; вы стали заговорщикомъ ради нея. Не стыдитесь этого, Государь! На свѣтѣ нѣтъ дѣятельности, болѣе святой, чѣмъ дѣятельность заговорщика, который является мстителемъ за человѣчество, и истолкователемъ вѣчныхъ законовъ природы. Тогда время было неблагоприятно; но неужели десять лѣтъ жизни и преждевременно доставшаяся корона могли разрушить думы вашей юности, мечты бессонныхъ ночей?!...

Государь! Если душа ваша дѣйствительно не способна больше на великіе замыслы, если вы, царствуя, не стремитесь ни къ чему другому, какъ только раздѣлять жалкую участь предшествовавшихъ вамъ королей, если у васъ душа вассала,—тогда оставайтесь среди нихъ; сгибайтесь покорно подъ палкою нѣмца, и будьте тираномъ, но тираномъ въ полномъ смыслѣ слова, ибо единственный шагъ за предѣлы начертанныхъ вамъ границъ создастъ вамъ врага въ лицѣ Австріи, которой вы такъ боитесь. Австріецъ не довѣряетъ вамъ; но бросьте ему подъ ноги десять—двад-

цать головъ вашихъ жертвъ, удвойте оковы другихъ; платите безграничною покорностью за то презрѣніе, которымъ десять лѣтъ тому назадъ облавалъ васъ австріецъ; быть можетъ, тиранъ Италіи забудетъ, что и вы были въ заговорѣ противъ него; быть можетъ, онъ дозволитъ вамъ еще въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ охранять для него завоеваніе, которое онъ замышляетъ съ 1815 года...

Если, читая эти строки, вы душой унесетесь назадъ, къ тѣмъ мгновеньямъ, когда вы дерзали стремиться къ высшей цѣли, чѣмъ владѣнье нѣмецкимъ феодеомъ; если въ вашей душѣ поднимается голосъ, который воскликнетъ: „Ты родился для великихъ дѣяній!“ О, государь! послушайте этого голоса: это голосъ генія, голосъ времени, который предлагаетъ вамъ помощь, чтобы достигнуть безсмертія; это голосъ всей Италіи, которая ждетъ отъ васъ только слова, одного только слова, чтобы отдаться вамъ. Скажите это слово!... Станьте во главѣ народа и напишите на вашемъ знамени слова: Единство, Свобода, Независимость! Провозгласите святость мысли! Объявите себя мстителемъ, истолкователемъ правъ народныхъ, возсоздателемъ всей Италіи! Освободите Италію отъ варваровъ! Создайте будущее! Дайте имя ваше цѣлому вѣку! Начните свою собственную эру!...

...Государь! предпріятіе это можетъ казаться слишкомъ великимъ для тѣхъ людей, которые признаютъ только значеніе численныхъ силъ, для людей, которымъ незнакомы иные пути къ измѣненію правленія, кромѣ договоровъ и посольствъ. Если вы сумѣете вполне понять свое положеніе; если вы убѣдитесь, что предназначены для высокой миссіи; если вы будете дѣйствовать открытыми, энергичными, смѣлыми мѣрами,—то этотъ путь приведетъ васъ къ вѣрной побѣдѣ. Убѣжденіе, государь, есть сила, уравновѣшивающая всѣ остальные. Великія дѣянія совершаются не путемъ протоколовъ, но благодаря пониманію вѣянія времени. Тайна власти заключается въ силѣ воли. Изберите

путь, согласный съ стремленіями всего народа; слѣдуйте имъ неизмѣнно; будьте тверды и умѣйте пользоваться благоприятной минутой: побѣда будетъ въ вашихъ рукахъ!...

Государь!... Если вы не свершите этого, то совершать другіе, безъ васъ и противъ васъ. Не обольщайте себя народнымъ восторгомъ, привѣтствовавшимъ первый день вашего царствованія; ищите источникъ этого восторга, испытайте думы толпы; причина ея радости въ томъ, что, привѣтствуя васъ, народъ привѣтствовалъ надежду; въ томъ, что съ вашимъ именемъ связано воспоминаніе о дѣятелѣ 21 года. Обманите ожиданія: взрывъ ярости замѣнитъ клики восторга, который имѣетъ въ виду лишь будущее...

Государь! Я сказалъ вамъ правду. Свободные люди ждутъ, чтобы отвѣтъ вашъ выразился фактами. Каковъ бы онъ ни былъ, будьте увѣрены, что потомство привѣтствуетъ въ вашемъ лицѣ или перваго изъ всѣхъ людей, или же послѣдняго изъ итальянскихъ тирановъ.

Выбирайте!

Итальянецъ.

Кто же былъ этотъ итальянецъ, такъ ясно выразившій мысль о возвращеніи Италіи свободы и единства? Это былъ двадцати-шестилѣтній генуэзецъ, только что вышедшій изъ Савонской тюрьмы,—его звали Джузеппе Мадзини. Еще будучи студентомъ, онъ увлекся идеаломъ родины и свободы; подозрѣваемый въ сообщничествѣ съ карбонаріями, онъ былъ арестованъ и пробылъ нѣсколько мѣсяцевъ въ заключеніи. Въ тюрьмѣ онъ много размышлялъ и убѣдился въ томъ, что причиной неудачи всѣхъ революціонныхъ движеній въ Италіи было то обстоятельство, что народъ въ нихъ не участвовалъ. Слѣдовательно, надо было воспитать въ толпѣ эту новую вѣру, и прежде всего выяснить, что подъ родиной слѣдуетъ понимать не только свою область, но всю Италію. Мадзини, слѣдовательно, первый настоящій апостоль единства Италіи.

По выходѣ его изъ тюрьмы, Сардинское правительство поставило ему такую альтернативу: или отправиться въ ссылку въ маленькій городокъ въ Пьемонтѣ, или же выѣхать изъ королевства. Джузеппе Мадзини, въ тиши каземата уже составившій въ умѣ своемъ планъ новаго тайнаго общества, разсчиталъ, что въ маленькомъ городкѣ, подъ постояннымъ надзоромъ полиціи, ему не удастся осуществить своего намѣренія; поэтому онъ предпочелъ изгнаніе и отправился въ Марсель, откуда и написалъ письмо къ Карлу-Альберту. Впослѣдствіи онъ говорилъ, что сдѣлалъ это для того, чтобы отнять у либераловъ послѣднюю надежду на этого государя и побудить всѣхъ стать на сторону республиканскихъ идей. Карлъ-Альбертъ отвѣтилъ на письмо именно такъ, какъ ожидалъ Мадзини: онъ приказалъ арестовать автора, если тотъ когда-нибудь приблизится къ границѣ королевства и удвоилъ строгость по отношенію къ либераламъ.

Между тѣмъ, Мадзини основалъ въ Марсели задуманное имъ тайное общество, назвавъ его „Молодая Италія“; подъ такимъ же заглавіемъ онъ издавалъ журналъ, чтобы развить въ народѣ идею о свободной, объединенной, независимой Италіи съ республиканскимъ образомъ правленія. Благодаря своей горячей вѣрѣ, безупречной жизни, благодаря своему сильному уму и живому слогу, Джузеппе Мадзини имѣлъ огромное вліяніе на итальянскихъ патріотовъ, большинство которыхъ подписалось на „Молодую Италію“. Полиція различныхъ государствъ часто арестовала тѣхъ, кого подозрѣвали въ сношеніяхъ съ нимъ, но этимъ не могли воспрепятствовать тому, что журналъ Мадзини проникалъ всюду, такъ какъ многіе, ради чтенія и распространенія его, рисковали свободой и даже жизнью.

Въ Генуѣ лучшимъ другомъ Мадзини и самымъ ревностнымъ послѣдователемъ его идей былъ Яковъ Руффини

(Jacopo Ruffini). Будучи арестованъ и опасаясь, чтобы полиція однимъ изъ своихъ ужасныхъ средствъ не вырвала у него какихъ-нибудь признаній, онъ рѣшилъ покончить съ собой: онъ вытащилъ изъ двери своего каземата заржавѣвшій желѣзный пруть, заострилъ его объ стѣну и открылъ себѣ вены. Такъ, въ генуэзской тюрьмѣ della Torre 19 июня 1833 г. Якопо Руффини, двадцати лѣтъ отъ роду, покрылъ себя безсмертной славой. Его братъ Джіованни, съ трудомъ успѣвшій скрыться отъ полиціи, бѣжалъ сначала въ Марсель, потомъ въ Швейцарію и, наконецъ, въ Англію, гдѣ въ послѣдствіи приобрѣлъ извѣстность, благодаря своимъ романамъ „Il Dottor Antonio“ и „Lorenzo Benoni“.

Въ этомъ же году отправился въ изгнаніе изъ Сардинскаго государства по тѣмъ же политическимъ причинамъ молодой священникъ, начинавшій приобретать извѣстность своими философскими сочиненіями,—аббатъ Винченцо Джіоберти (Vincenzo Gioberti).

Къ несчастью реакціонеры, окружавшіе Карла-Альберта, рѣшили заставить его испробовать крови и успѣли въ своемъ жестокомъ намѣреніи: нѣкоторые изъ заговорщиковъ 33 г. были казнены, какъ, на примѣръ, два сержанта—Франческо Мильо (Francesco Miglio) и Джузеппе Билья (Giuseppe Biglia) и учитель фехтованья Антоніо Гавотти въ Генуѣ, и прокуроръ Андрей Вокьери (Andrea Vochieri), разстрѣлянный въ Александріи и обнаружившій въ теченіе всего процесса и до самой послѣдней минуты своей жизни, дѣйствительно героическое величіе духа.

Преслѣдованія приверженцевъ Мадзини Пьемонтскимъ правительствомъ побудили его организовать движеніе противъ Пьемонта. Онъ собралъ около сотни бѣглецовъ и во главѣ ихъ поставилъ полковника Раморино, приобрѣвшаго нѣкоторую извѣстность во время недавняго польскаго возстанія. Въ началѣ 1834 г. они проникли въ Савойю, но убѣдились въ полномъ равнодушіи населенія, которое со-

вершено не поддавалось пылкимъ воззваніямъ Мадзини; вслѣдствіе этого, послѣ первой стычки съ королевскимъ войскомъ, отрядъ возвратился обратно.

Одновременно рѣшено было поднять возстанія въ другихъ городахъ королевства, но они были отложены въ виду неудачи Савойской экспедиціи. Въ это время начались аресты, такъ какъ полиція узнала объ этихъ намѣреніяхъ.

Въ заговорѣ участвовалъ молодой морякъ родомъ изъ Ниццы—Джузеппе Гарибальди, распространявшій въ арміи идеи Мадзини; за это онъ въ 1834 г. былъ приговоренъ къ смертной казни. Къ счастью для Италиі, Гарибальди удалось бѣжать. Жестокія мѣры, которыми подавлены были революціонныя вспышки 1833 и 1834 годовъ, нѣсколько ослабили симпатію либераловъ къ Карлу-Альберту, но не уничтожили ее совершенно; поэтому достаточно было незначительныхъ реформъ въ управленіи государствомъ, чтобы во многихъ поддержать вѣру въ его либеральныя убѣжденія.

Въ 1835 г. умеръ австрійскій императоръ Францъ, и ему наслѣдовалъ Фердинандъ I, человѣкъ совершенно неспособный и ограниченный; объ ограниченности его ума свидѣлствуютъ его слова, что должность императора была бы не лишена пріятности, если бы не скучная обязанность подписывать декреты. Понятно, что при такомъ государѣ вся власть была въ рукахъ перваго министра князя Меттерниха, самаго яраго представителя идеи абсолютизма, самаго рѣшительнаго противника патріотическихъ стремленій итальянцевъ, человѣка, которому принадлежитъ извѣстное изреченіе: „Италія—только географической терминъ“.

Меттернихъ счелъ нужнымъ свезти императора въ Италію и короновать его въ Миланѣ королемъ Ломбардіи и Венеціи; на это торжество онъ хотѣлъ созвать всѣхъ государей полуострова для того, чтобы они, подобно вассаламъ, привѣтствовали своего общаго тирана (1838 г.). Карлъ-Альбертъ отказалъ въ посредничествѣ, и этого проявленія независи-

мости было достаточно, чтобы воскресить въ душѣ итальянцевъ ослабѣвшую было симпатію къ Карлу-Альберту.

Другой итальянскій государь зато вполне заслужилъ всеобщую ненависть; это былъ Фердинандъ II, король Неаполитанскій. Онъ вступилъ на престоль въ 1830 г., когда ему было немного болѣе двадцати лѣтъ, и возбудилъ надежды на лучшее будущее своимъ манифестомъ, въ которомъ заявилъ, что Провидѣніе налагаетъ на него обязанность залечить раны, нанесенныя неаполитанскому народу, и что его царствованіе будетъ царствомъ мудрости и справедливости. Назначеніе Дель-Каретто министромъ полиціи показало народу, что онъ ошибся. Двѣ страсти руководили Фердинандомъ II: ненасытная жажда власти и необыкновенная алчность къ деньгамъ; благодаря первой, онъ не хотѣлъ допустить въ своемъ королевствѣ и тѣни конституціоннаго правленія; вслѣдствіе второй онъ терпѣлъ хищенія чиновниковъ, лишь бы не увеличивать ихъ содержанія. Поэтому въ администраціи королевства господствовало самое наглое взяточничество; чиновниками практиковалась цѣлая система хищенія. И никто не смѣлъ жаловаться, ибо за напечатаніе малѣйшаго намека на злоупотребленія виновному въ такой дерзости угрожало тюремное заключеніе или ссылка. Всякій, заподозрѣнный въ либерализмъ, могъ быть подвергнутъ тюремному заключенію, при чемъ правительство не считало себя обязаннымъ указать причину ареста; шпіоны проникали во всѣ кружки, такъ что никто не рѣшался высказывать своихъ мнѣній. Впрочемъ, Фердинандъ II говорилъ: моему народу нѣтъ надобности думать: „о его благосостояніи и достоинствѣ забочусь я“. Единственнымъ лицомъ при дворѣ, которое пользовалось любовью народа, была супруга короля Марія Христина Савойская, дочь Виктора-Эммануила I; за ея добродѣтель народъ называлъ ее святой. Послѣ ея смерти въ 1836 г. Фердинандъ II, всегда

обращавшійся съ нею грубо, немедленно отправился въ Вѣну и просилъ руки одной изъ эрцгерцогинь Австрійскихъ.

Народное недовольство выразилось въ Сициліи возстаніемъ 1837 года. Тамъ свирѣпствовала холера; вслѣдствіе страха, невѣжества и суевѣрія, населеніе повѣрило распространившемуся слуху, будто правительство отравляетъ жителей; въ нѣсколькихъ мѣстахъ вспыхнулъ бунтъ. Либералы хотѣли воспользоваться возмушеніемъ, чтобы освободить Сицилію отъ ига Бурбоновъ.

Въ Сиракузахъ началось возстаніе и охватило сосѣдную Катанію. Фердинандъ II послалъ туда Дель-Карретто, которому удалось водворить на островѣ „порядокъ“ при помощи полиціи, палачей и эшафотовъ.

Между тѣмъ Мадзини, изгнанный также и изъ Франціи, отправился въ болѣе культурную Англію, гдѣ своими статьями много способствовалъ знакомству публики съ итальянской литературой и распространенію горячей симпатіи къ національному дѣлу итальянцевъ. Отсюда Мадзини смѣло продолжалъ свою дѣятельность, стараясь пробудить въ душѣ итальянцевъ ненависть къ тиранамъ и къ иностранному игу.

Впрочемъ, не изъ однѣхъ только статей Мадзини черпали итальянцы эти чувства: вся итальянская поэзія и проза того времени была, такъ сказать, постояннымъ заговоромъ. „Le mie Prigioni“ („Мои тюрьмы“) Сильвіо Пеллико—спокойный разсказъ о перенесенномъ имъ мученичествѣ—причинили Австріи больше вреда, нежели проигранное сраженіе; а стихи изъ его „Франческа да Римини“ заставляли толпу вострепнуться, особенно когда ихъ читалъ Густавъ Модена *).

*) Per te, per te, che cittadini hai prodi,
Italia mia combatterò, se oltraggio
Ti muoverà l'invidia. E il più gentile
Terren non sei di quanti scalda il sole?

Еще болѣе сильнымъ гнѣвомъ противъ тиранозъ и любовью къ родинѣ дышали трагедіи Никколини (Niccolini). Во время исполненія „Джіованни изъ Прочиды“ („Giovanni da Procida“—легендарный зачинщикъ Сицилійской Вечерни)—австрійскій посланникъ во Флоренціи, обратившись къ французскому послу, замѣтилъ, что это—письмо, адресованное Франціи, но по содержанію предназначаемое для Австріи; именно такъ и понималъ его итальянскій народъ. Въ „Арнальдо Брешіанскомъ“ (Arnaldo da Brescia), одной изъ трагедій, вызвавшихъ самый горячій энтузіазмъ, выразительный стихъ Никколини безошадно бичуетъ пороки духовенства и несправедливость свѣтской власти.

Наряду съ Никколини молодежь увлекалась Франческо-Доминикомъ Гуэрацци (Francesco Domenico Guerrazzi). Онъ говорилъ Мадзини: „Я написалъ эту книгу („Assedio di Firenze“—„Осада Флоренціи“), потому что не могъ сражаться въ битвахъ“. Конечно, эти жгучія страницы способствовали тому, что изъ среды итальянскаго народа вышло столько героевъ.

Въ романахъ Д'Ацеліо (D'Azeglio), Гросси, Манцони, въ повѣстяхъ Бальбо (Balbo), Коллетта, Амари, Тройя (Troja), въ статьяхъ Томмазео, Вануччи, Каппони, Канту, въ стихотвореніяхъ Россетти, Верчет, Джусти, Прати,—ездѣ слышалась патриотическая нота, отголосокъ которой чувствуется даже въ музыкѣ Беллини, Россини, а позднѣе—Верди. Писатели искали такія темы, которыя лучше выражали бы чувства всего народа, и малѣйшіе намеки подхватывались на лету публикой, настроенной совершенно такъ же, какъ

D'ogni bell' arte non sei madre, o Italia?
Polve di eroi non è la polve tua?

(Переводъ: За тебя, за тебя, родина доблестныхъ гражданъ, я буду сражаться, о Италія, если завистники нанесутъ тебѣ оскорбленіе. Не ты ли прекраснѣйшая изъ всѣхъ странъ, освѣщаемыхъ солнцемъ? Развѣ не ты родина всѣхъ искусствъ, о Италія? Твой прахъ не есть ли прахъ героевъ?)

и авторы. Такъ, напр., когда въ „Ломбардской лигѣ“ (Lega Lombarda) Berchet доходили до слѣдующихъ стиховъ:

Смѣлѣе, въ отвратительнаго, назойливаго германца,
Ломбардцы, вонзайте мечи,
Овладейте вашей землей—

Прекрасной страной, которую дало вамъ небо *),—

мысль каждаго обращалась не къ германцамъ временъ Фридриха Барбароссы, а къ австрійскимъ войскамъ Фердинанда I. Всѣ эти книги способствовали тому, что идея о возрожденіи Италіи, долгое время остававшаяся мечтой немногихъ избранныхъ умовъ, наконецъ стала всеобщимъ желаніемъ.

Распространенію этихъ идей много помогли научные конгрессы. Великаго герцога Тосканскаго Леопольда II удалось убѣдить, что научные конгрессы послужатъ къ вящей славѣ его, герцога, который правитъ прекрасной Тосканой, гдѣ наука всегда находила покровительство; и Леопольдъ II, польщенный умѣлыми рѣчами, разрѣшилъ начать въ 1839 г. въ Пизѣ серію конгрессовъ. Примѣръ великаго герцога Тосканскаго, который даже торжественно привѣтствовалъ ученыхъ, съѣхавшихся въ Пизу, повліялъ на другихъ, наиболѣе честолюбивыхъ государей. Карль-Альбертъ и Фердинандъ II тоже разрѣшили подобные конгрессы, которые созывались впослѣдствіи во всѣхъ итальянскихъ государствахъ, за исключеніемъ Папской области, и которые, хотя и не имѣли существеннаго значенія для науки, принесли большую пользу національному дѣлу тѣмъ, что облегчили сношенія между наиболѣе выдающимися людьми, разсѣянными по различнымъ провинціямъ Италіи, и тѣмъ еще, что освободили полуостровъ отъ политической спячки, которую съ особымъ стараніемъ до сихъ поръ подерживали въ немъ его правители.

*) Su, nell' irto increscioso Alemanno,
Su, Lombardi, puntate la spaga,
Fate vostra la vostra contrada,
Questa bella che il ciel vi sortì.

ГЛАВА VIII.

Сила общественнаго мнѣнія.

Смерть братьевъ Бандіера.—Джіоберти и его „Первенство“ (Primato).—Происхождение нео-гвельфской партіи.—„Надежды Италіи“ (Speranze d'Italia) Бальбо.—Правленіе Григорія XVI.—„Послѣднія судьбы Романьи“ (Gli Ultimi casi di Romagna) Адзеліо.

Мадзини говорилъ: „Мученичество никогда не бываетъ бесплодно“, и поэтому сочувствовалъ всѣмъ планамъ возстанія, которые ему предлагались самыми рьяными его послѣдователями. Благодаря этому произошло нѣсколько возстаній, быстро усмиренныхъ,—въ Абрुццахъ (1841 г.), въ Романьѣ (1843 г.) и въ Калабріи (1844 г.). Съ движеніемъ въ Калабріи связанъ славный эпизодъ смерти братьевъ Бандіера. Аттиліо и Эмиліо Бандіера, молодые венеціанскіе офицеры (сыновья того австрійскаго адмирала, который захватилъ въ Анконской гавани корабль съ участниками возстанія 1831 г.), увлеклись статьями Мадзини и рѣшили посвятить свою жизнь освобожденію Италіи. Въ 1842 году они заявили Мадзини о своемъ рѣшеніи и съ тѣхъ поръ находились въ постоянныхъ сношеніяхъ съ нимъ. Имъ удалось привлечь на свою сторону еще другого венеціанскаго морскаго офицера Доменико Моро; они бросили австрійскія суда, которыми командовали, и отправились въ Корфу, ожидая извѣстія о возстаніи въ какой-нибудь мѣстности Италіи, чтобы отправиться туда сражаться за правое дѣло. Возстаніе въ

Калабріи было сейчас же подавлено, но благодаря ложным слухамъ, дошедшимъ въ Корфу, тамъ предполагали, что оно еще продолжается въ горахъ. Братья Бандіера рѣшили поспѣшить на помощь; къ нимъ присоединились и другіе, всѣхъ было 19 человекъ. Они высадились въ Котроне (Cotrone) въ Калабріи и направились къ Козенцѣ. Къ сожалѣнію, среди нихъ нашелся предатель. Они были окружены значительнымъ отрядомъ солдатъ, послѣ короткаго сопротивленія они были всѣ схвачены и отвезены въ Козенцу, гдѣ и присуждены къ смертной казни. Девять были казнены; Аттиліо и Эмилио Бандіера, Доменико Моро, Николай Риччіотти изъ Фрозиноне, Лукателли изъ Перузы, Рокка изъ Луго, Венеруччи изъ Форли, Берти изъ Равенны и Нарди изъ Модены 25 іюля 1844 г. пали подъ пулями солдатъ Бурбоновъ въ долину Ровито. Послѣднія ихъ слова были: „Да здравствуетъ Италия!“

Смерть братьевъ Бандіера привела въ ужасъ всѣхъ въ Италиі; но, оплакивая печальную кончину этихъ смѣльчаковъ, большинство итальянцевъ понимало, что такія единичныя движенія не могутъ имѣть серьезныхъ практическихъ результатовъ, что надо избрать другой путь, слѣдовать совершенно иному плану, который тогда и началъ пропагандировать кружокъ писателей съ Винченцо Джіоберти во главѣ.

Джіоберти, аббатъ изъ Турина, эмигрировалъ изъ Пьемонта въ 1833 г. въ Брюссель, гдѣ своими философскими статьями приобрѣлъ нѣкоторую извѣстность. Въ 1834 г. онъ издалъ книгу: „Нравственное и политическое первенство итальянцевъ“ („Il primato morale e civile degli Italiani“). На самомъ дѣлѣ въ то время итальянцы не только не могли похвастаться никакимъ первенствомъ, но испытывали глубокой позоръ и униженіе, и самъ Джіоберти признавалъ это:

— „Что мы, итальянцы, создали прекраснаго или вели-

каго? Каковы подвиги нашихъ рукъ и нашего ума? Гдѣ флотъ нашъ и наши колоніи? Какое мѣсто занимають, какое значеніе имѣють, какимъ вліяніемъ пользуются, въ смыслѣ авторитета или вліянія, наши послы при иностранныхъ дворахъ? Какое значеніе среди другихъ державъ Европы имѣеть названіе „итальянецъ“? Развѣ иностранцы посѣщаютъ полуостровъ съ иной цѣлью, чѣмъ наслажденіе красотами его неба или изученіе его развалинъ? Но что я говорю о славѣ, о богатствѣ, о могуществѣ? Развѣ можно сказать, что Италія существуетъ? Можетъ ли она имѣть собственную жизнь и политическую автономію, когда она находится во власти перваго, кто смѣетъ и хочетъ попирать ее ногами и наложить на нее свое ярмо? Кто не содрогнется при мысли, что, вслѣдствіе нашей разрозненности, мы—добыча всякаго, кто дерзнетъ напасть на насъ, и что жалкой долей независимости, которую намъ даруютъ договоры и протоколы, мы обязаны только милости нашихъ сосѣдей?“ Однако Джіоберти заключаетъ такими словами: „Все это происходитъ исключительно по нашей винѣ: при незначительной долѣ желанія и силы воли мы могли бы безъ потрясеній, безъ революцій, безъ всякой несправедливости, стать однимъ изъ первыхъ народовъ въ мірѣ“.

Такая программа, конечно, была очень заманчива, и она дѣлалась еще болѣе привлекательной, благодаря полному воодушевленія слогу Джіоберти при необыкновенной умѣренности идей. Онъ хвалилъ всѣхъ—народъ и государей—стараясь примирить ихъ; особенно же онъ хвалилъ папство, которое называлъ славой Италіи, и выражалъ желаніе, чтобы образовался прочный и мирный союзъ итальянскихъ государей подъ главенствомъ и покровительствомъ папы; къ этому союзу должна была примкнуть также и Австрія.

Книга Джіоберти имѣла самыя неожиданныя послѣдствія. Государи, видя въ ней похвалу себѣ, не мѣшали ей

распространенію въ Италіи; народъ, польщенный краснорѣчивыми страницами, говорившими о его быломъ первенствѣ и о приобрѣтеніи этого первенства снова,—горячо сочувствовалъ автору; духовенство, очарованное краснорѣчіемъ своего собрата, который доказывалъ, что любовь къ родинѣ и къ религіи должны идти рука объ руку,—духовенство съ восторгомъ приняло идеи Джіоберти. Одни только іезуиты предвидѣли далекія опасныя послѣдствія этой книги и потому подвергли безпощадной критикѣ автора и его произведеніе. Джіоберти отвѣтилъ имъ въ 1845 г. книгой „Prolegomeni“, а впослѣдствіи и другимъ произведеніемъ—„Gesuita Moderno“ („Іезуитъ нашего времени“).

Общественное мнѣніе такъ сочувственно отнеслось къ идеямъ Джіоберти, что образовалась новая партія, называвшаяся нео-гвельфами (нео-guelfi), потому что хотѣла поставить папу во главѣ итальянскаго освободительнаго движенія. Другая книга, вышедшая въ 1844 г., тоже привлекла вниманіе многихъ; это была книга „Надежды Италіи“ („Le speranze d'Italia“) Чезаре Бальбо. Бальбо тоже хвалилъ папство и высказывалъ очень умѣренныя требованія: онъ тоже хотѣлъ образованія союза итальянскихъ государствъ, но съ тѣмъ, чтобы охрана этого союза лежала на Карлѣ-Альбертѣ, королѣ Сардиніи, какъ на единственномъ итальянскомъ государѣ, который располагалъ сильнымъ войскомъ. Онъ находилъ, что Австрію слѣдуетъ изъ союза исключить, но не вооруженной силой: слѣдовало дожидаться паденія Турціи; тогда Австрія, распространивъ свои владѣнія на востокъ, могла бы уступить Италіи Ломбардо-Венеціанскую область. Такія чрезмѣрно умѣренныя идеи высказывались отчасти съ практической цѣлью,—чтобы эти произведенія не подверглись запрещенію со стороны различныхъ правительствъ.

Чрезвычайно страннымъ представляется то обстоятель-

ство, что можно было привѣтствовать папство, какъ благословеніе для Италіи, въ книгахъ, изданныхъ при Григоріи XVI, которій вовсе не можетъ служить идеаломъ папы. Этотъ монахъ изъ Камальдоли сдѣлался извѣстнымъ благодаря своей страсти къ богословію, въ которомъ сотрудникомъ его былъ его цырюльникъ Гаэтано Морони. Кромѣ того, у него была замѣтная слабость къ вину, а политическія дѣла онъ предоставлялъ на полное усмотрѣніе своихъ секретарей—кардинала Бернетти въ началѣ правленія и кардинала Ламбрускини впослѣдствіи. Населеніе Папской области продолжало пребывать въ полномъ невѣжествѣ и въ самой ужасающей нищетѣ; разбойники безнаказанно разоряли провинціи, а папа вступалъ съ ними въ соглашенія. Однимъ словомъ, за счастье быть подданными намѣстника св. Петра жители платили лишеніемъ всѣхъ преимуществъ новѣйшей цивилизаціи *). На полныя энтузіазма страницы Джіоберти Григорій XVI отвѣтилъ еще болѣе жестокимъ преслѣдованіемъ либераловъ. Тогда произошелъ слѣдующій случай въ Римини (1845 г.): группа патріотовъ, высадившись близъ этого городка, безъ особаго труда овладѣла имъ; но, поднимая оружіе противъ папскаго правительства, они сознавали необходимость оправдать предъ Европой свое возстаніе и издали воззваніе, написанное Луиджи-Карло Фарини, въ которомъ описывали страданія народа и излагали желательныя реформы.

Главные ихъ требованія заключались въ слѣдующемъ: полное и всеобщее помилованіе политическихъ преступниковъ;

*) Въ 1838 г. англійскій историкъ Маколэй писалъ изъ Рима: „Папская область управляется хуже всѣхъ другихъ государствъ въ мірѣ. Глупость полиціи, подкупность чиновниковъ, разореніе страны, низкій уровень развитія народа привлекаютъ вниманіе самаго разсѣяннаго путешественника. Нисколько не будетъ преувеличеніемъ, если я скажу, что населеніе состоитъ, главнымъ образомъ, изъ иностранцевъ, духовенства и нищихъ“.

изданіе законовъ гражданскихъ и уголовныхъ по образцу законовъ другихъ цивилизованныхъ народовъ Европы; учрежденіе муниципальных совѣтовъ, избираемыхъ горожанами и утверждаемыхъ папой; учрежденіе областныхъ совѣтовъ, назначаемыхъ папой изъ списка лицъ (*sopra terne*), представленныхъ муниципальными совѣтами; учрежденіе высшаго государственнаго совѣта (съ правомъ голоса рѣшающаго въ вопросахъ бюджета и совѣщательнаго въ другихъ вопросахъ), избираемаго папой изъ числа лицъ (*sopra terne*), представленныхъ областными совѣтами; предоставленіе всѣхъ должностей: гражданскихъ, военныхъ и судебныхъ исключительно свѣтскимъ лицамъ; ограниченіе предварительной цензуры; распушеніе иностраннаго войска и учрежденіе городской охраны. Наконецъ они требовали, чтобы „правительство вступило на путь всѣхъ соціальныхъ реформъ, которыхъ требуетъ вѣяніе времени, по примѣру всѣхъ правительствъ Европы“. Воззваніе заключалась словами: „Мы вложимъ оружіе въ ножны и будемъ мирными и покорными подданными Римскаго Первосвященника, но не раньше, чѣмъ онъ, за поручительствомъ другихъ державъ, приметъ къ свѣдѣнію наши заявленія и согласится на наши требованія“. Это заявленіе показываетъ, насколько въ этотъ періодъ времени распространились умѣренные идеи. Само собою разумѣется, что Римини не могъ долго держаться, и, тѣснимые швейцарскими солдатами, революціонеры отошли въ Тоскану. Тамъ въ то время находился Массимо д'Адзеліо, который уже сталъ извѣстенъ своими романами и описаніями природы, а во время путешествій по всему полуострову заслужилъ всеобщую симпатію, благодаря необыкновенному благородству характера. Увидѣвъ несчастныхъ бѣглецовъ, онъ написалъ извѣстную брошюру „Судьбы Романы“ („*Gli ultimi casi di Romagna*“). Въ этой брошюрѣ, осуждая заговоры и насилія, онъ горячо ратуетъ противъ папскаго правительства и заключаетъ увѣщаніемъ не составлять заговоровъ,

а протестовать открыто, при всякомъ удобномъ случаѣ, противъ всѣхъ совершающихся несправедливостей. „Такой заговоръ при свѣтѣ дня, когда никто не скрываетъ своего имени,—единственный цѣлесообразный, единственный достойный насъ и сочувствія общественнаго мнѣнія... Когда въ народѣ всѣ признаютъ какое-либо дѣло справедливымъ и желаютъ его, то дѣло сдѣлано...“. Эта книга была очень сочувственно принята во всей Италіи.

Словомъ, повсюду обсуждались итальянскія дѣла, и наибольшимъ успѣхомъ въ публикѣ пользовались умѣренные писатели, т. е. тѣ, которые старались согласовать революціонныя теоріи съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ. Въ числѣ вышедшихъ тогда книгъ замѣчательна книга Джакомо Дурандо (Giacomo Durando—„Della nazionalità italiana“) „Объ итальянской національности“. Въ ней проводится та мысль, что Италія должна состоять изъ двухъ дружественныхъ и союзныхъ государствъ: одного сѣвернаго, подъ властью Карла-Альберта, и другого—Южнаго—подъ властью Бурбоновъ; въ центрѣ остается Папская область, но доведенная до минимальныхъ размѣровъ. Писатели не были вполне согласны между собой относительно того устройства, которое слѣдовало ввести на Аппенинскомъ полуостровѣ, однако всѣ сходились на томъ, что дальнѣйшее существованіе въ томъ видѣ, въ какомъ была Италія, невысказано, и что подобный порядокъ вещей не можетъ долѣе продолжаться. Въ душѣ народа тайно клокотало возмущеніе, какъ лава въ глубинахъ Этны.

ГЛАВА IX.

Отъ реформъ къ революціи.

Карль-Альбертъ и населеніе Пьемонта.—Избраніе Пія IX, амнистія и реформы.—Пробужденіе національнаго самосознанія.—Волненія народа и образъ дѣйствій государей, реформы въ Тосканѣ и въ Пьемонтѣ.—Фердинандъ II и Сицилійско-Калабрійское движеніе.—Состояніе Ломбардо-Венеціанской области и герцогствъ Модены и Пармы.—Италія въ началѣ 1848 г. Возстаніе въ Палермо.—Конституція въ Неаполѣ, Пьемонтѣ, Тосканѣ и въ Римѣ.

Король Карль-Альбертъ, всегда нерѣшительный въ своемъ образѣ дѣйствій, теперь угрожаемый—какъ онъ говорилъ — кинжаломъ Карбонаріевъ съ одной стороны и шокаладомъ іезуитовъ — съ другой, начиналъ проявлять открыто глубокую ненависть, которую онъ всегда въ душѣ питалъ къ Австріи. Публика съ удовольствіемъ узнала, что Чезаре Бальбо, авторъ „Надежды Италіи“, былъ другомъ Карла-Альберта; многіе замѣчали, что и другіе близкіе къ нему люди высказывали патріотическія стремленія. Въ 1845 г. Массимо д'Адзеліо, въ разговорѣ, который онъ имѣлъ съ королемъ, получилъ отъ него порученіе сообщить либераламъ всѣхъ другихъ областей Италіи, что они могутъ расчитывать на него, когда настанетъ благоприятный моментъ. Все это были хорошіе признаки для патріотовъ, и вотъ въ 1846 г. королю представился поводъ

публично и официально выразить свою вражду къ Австріи; поводомъ этимъ послужило таможенное недоразумѣніе.

Въ 1843 г. Пьемонтъ предоставилъ кантону Тичино свободный провозъ соли, доставляемой этому кантону изъ Марсели или чрезъ порто-франко Геную. Австрія, до того доставлявшая соль изъ Венеціи въ эту часть Швейцаріи, была недовольна и утверждала, что разрѣшеніе пьемонтскаго правительства противорѣчитъ существующимъ между боими государствами договорамъ. Дипломатическія ноты слѣдовали одна за другой съ обѣихъ сторонъ, но достигли только того результата, который всегда такъ прекрасно достигается дипломатіей: протянуть время, ничего не разрѣшая. Наконецъ, Австрія, возмущенная новымъ отношеніемъ Карла-Альберта къ либераламъ, задумала смѣлымъ ударомъ заставить его измѣнить свой образъ дѣйствій, и 20 апрѣля 1846 г. увеличила пошлину на вино, не предупредивъ объ этомъ пьемонтское правительство. Это нанесло тяжелый ударъ интересамъ торговли въ Пьемонтѣ, для которой Ломбардія служила главнымъ мѣстомъ сбыта вина; поэтому Австрія надѣялась, что Карль-Альбертъ будетъ вынужденъ пойти на уступки. Однако Карль-Альбертъ, возмущенный этимъ, не только не поддался требованіямъ императора, но приказалъ напечатать въ „Официальной Пьемонтской газетѣ“ (*Gazzetta ufficiale piemontese*) отъ 2 мая отчетъ объ этомъ фактѣ, который заканчивался заявленіемъ, что Австрія, рѣшившись на эту мѣру, совершила актъ репрессалій.

Всѣ итальянскія государства до сихъ поръ такъ раболѣпствовали предъ Австріей, что эти смѣлыя слова показали чуть ли не объявленіемъ войны и вызвали сильный энтузіазмъ въ Туринѣ, тѣмъ болѣе, что распространился слухъ, будто въ совѣтѣ министровъ на слова Де-ла-Тура королю: „Что станетъ дѣлать Пьемонтъ, если Австрія, до сихъ поръ намъ дружественная, станетъ враждебной намъ?“

Карль-Альбертъ будто бы отвѣтилъ: „Если Пьемонтъ потеряетъ Австрію, то приобрететъ Италію, и тогда Италія можетъ обойтись безъ помощи (*l'Italia farà da sè*)“; всѣ жители повторяли эти слова взволнованнымъ голосомъ.

Вожаки либеральной партіи задумали извлечь пользу изъ этого энтузіазма и устроили демонстрацію, съ цѣлью показать королю, насколько населеніе желаетъ, чтобы онъ продолжалъ идти по этому пути. Каждый четвергъ Карль-Альбертъ присутствовалъ на ученіи на плацу; и вотъ въ первый же четвергъ послѣ напечатанія статьи въ „Газетѣ“ (т. е. 7 мая 1846 г.) огромная толпа народа къ 10 часамъ утра собралась на площади Castello передъ королевскимъ дворцомъ, ожидая выхода короля, чтобы торжественно привѣтствовать его. Народъ, въ теченіе пятнадцати лѣтъ относившійся къ своему государю очень холодно и сдержанно, теперь своимъ энтузіазмомъ хотѣлъ воодушевить его.

У окна во дворцѣ стоялъ Карль-Альбертъ въ полной генеральской формѣ и наблюдалъ за толпой на площади, въ глазахъ его свѣтилась радость при мысли о тѣхъ новыхъ ощущеніяхъ, которыя онъ могъ испытать, слыша необычныя для него изъявленія восторга толпы. Къ сожалѣнію, еще для него не ударилъ часъ смѣлыхъ рѣшеній! Министры-реакціонеры убѣждали его не поддаваться восторгу толпы; онъ колебался еще, когда явился De la Tour, поспѣшившій—какъ онъ говорилъ—спасти монархію. De la Tour сказалъ, что австрійскому посланнику извѣстно, будто во время демонстраціи раздадутся враждебныя Австріи крики, и что это будетъ принято ею, какъ вызовъ со стороны Пьемонта. Потрясенный этими словами, боясь ускорить событія, Карль-Альбертъ рѣшилъ не выходить; демонстрація не состоялась, и жители Турина вернулись домойне довольные.

Снова надъ всѣмъ полуостровомъ нависли тучи; но вдругъ блеснула надежда на лучшіе дни и снова впервые блеснула въ Римѣ.

Новыя идеи похожи на крѣпкій запахъ, который проникъ даже въ крѣпко запертыя помѣщенія; такимъ закрытымъ для новыхъ идей мѣстомъ былъ Папскій дворъ въ теченіе пятнадцатилѣтняго правленія Григорія XVI. Тѣмъ не менѣе, сейчасъ же послѣ его смерти (1 іюня 1846) въ коллегіи кардиналовъ появились тѣ же партіи, которыя встрѣчались во всемъ остальномъ мірѣ: реакціонеры и либералы, люди прошлаго и люди будущаго. Кардиналы изъ реакціонеровъ намѣтили своего кандидата въ лицѣ генуэзца Ламбускини, въ качествѣ государственнаго секретаря руководившаго папской политикой въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ. Другая партія въ сущности не имѣла кандидата, выдающагося изъ числа другихъ, какъ не имѣла опредѣленной программы; вообще либеральная партія ограничилась заявленіемъ, что необходимо ввести реформы въ управленіе государствомъ и постараться примѣнить прогрессъ цивилизациі; ей казалось, что она нашла человѣка, способнаго провести эти идеи, въ лицѣ кардинала Джіованни Мастаи Ферретти (*Giovanni Mastai Ferretti de Senigallia*).

Сначала дружественная ему партія казалась слабѣе другой, но она усилилась благодаря двумъ требованіямъ, которыя имѣли всегда большое значеніе въ конклавѣ: во-первыхъ, чтобы взгляды новаго папы были иные, чѣмъ у его предшественника, и во-вторыхъ, чтобы онъ былъ уроженецъ римскаго государства. Послѣ первыхъ обсужденій, нѣкоторые изъ сторонниковъ Ламбускини, видя, что ихъ кандидату имѣетъ мало шансовъ, перешли на сторону Мастаи, считая его слабохарактернымъ и разсчитывая вслѣдствіе этого сохранить и при немъ свое вліяніе; такимъ образомъ, послѣ трехдневнаго конклава 16 іюня 1846 г. Джіованни Мастаи былъ избранъ папой и принялъ имя Пія IX.

Пію IX было 54 года; онъ отличался добрымъ и мягкимъ характеромъ и обнаружилъ это, управляя епархіей въ Иمولѣ. Тамъ онъ поддерживалъ дружескія отно-

шенія съ графомъ Джіованни Пазолини (Giovanni Pasolini), убѣжденнымъ либераломъ, и они вмѣстѣ читали и восхищались „Primate“ Джіоберти, „Speranze d'Italia“ Бальбо и „Судьбами Романы“ (Casi di Romagna) Адзеліо; даже уѣзжая на конклавъ, кардиналь Мастаи повезъ съ собой въ Римъ эти три книги, намѣреваясь ихъ поднести новому папѣ.

Его добродушное, улыбающееся, открытое лицо, привѣтливое и вѣжливое обращеніе привлекали къ нему всеобщую симпатію; онъ ее заслуживалъ, потому что отличался большой добротой и имѣлъ самыя благія намѣренія. Къ сожалѣнію доброта и благія намѣренія недостаточны въ томъ, кто стоитъ во главѣ государства, особенно въ такой важный моментъ. Въ виду положенія, въ которомъ тогда находилась Папская область и вся Италія, Пію IX необходимы были бы величіе ума и сила воли, которыми онъ не былъ одаренъ.

Онъ не имѣлъ даже яснаго представленія о трудности этого положенія. Однимъ изъ самыхъ сильныхъ желаній, выраженныхъ во время конклава даже въ петиціяхъ отъ различныхъ городовъ Папской области, было помилованіе политическихъ преступниковъ; другое нововведеніе, желаемое многими и распространившееся уже во всей Италіи, за исключеніемъ Папской области, было устройство желѣзныхъ дорогъ. Этимъ ограничивалась намѣченная Піемъ IX программа реформъ, такъ что въ одномъ собраніи дипломатовъ, состоявшемся въ первые дни правленія Пія IX, кардиналь Ферретти, двоюродный братъ папы и выразитель его идей, въ разговорѣ съ Пеллегрини Росси (Pellegrino Rossi), французскимъ посланникомъ при римскомъ дворѣ, сказалъ ему: „Дадутъ амнистію и устроятъ желѣзныя дороги, и все пойдетъ благополучно“.

Ровно черезъ мѣсяць послѣ своего избранія—16 іюля 1846 г., Піи IX совершилъ первый политическій актъ, даруя полную и всеобщую амнистію всѣмъ политическимъ пре-

ступникамъ. Итальянцамъ, настроеннымъ уже нео-гвельфской партіей, показалось, что дѣйствительно явился папа возстановитель свободы и величія Италиі, о которомъ мечталъ Джіоберти, поэтому Пій IX возбудилъ всеобщій восторгъ. Назначеніе коммисіи для разсмотрѣнія и изученія необходимыхъ государственныхъ реформъ оправдывало повидимому одобреніе и похвалы, расточаемыя новому папѣ; каждый разъ, когда папа выѣзжалъ въ городъ, толпа восторженно привѣтствовала его, и ея крики: „Да здравствуетъ Пій IX“ являлись выраженіемъ всѣхъ надеждъ и желаній Италиі.

Празднества слѣдовали одно за другимъ по всякому поводу, и народъ привыкалъ выходить на площадь для выраженія своихъ чувствъ процессіями, криками, пѣньемъ, и это ему нравилось. Руководителемъ подобныхъ демонстрацій сталъ Анджело Брунетти (Angelo Brunetti), прозванный Сісегуасчіо, имѣвшій извѣстное вліяніе на чернь; одновременно съ этимъ сицилійскій монахъ, о. Вентура (padre Ventura) съ кафедры восхвалялъ союзъ между духовенствомъ и народомъ. Энтузіазмъ столичнаго населенія сейчасъ же распространился во всѣхъ провинціяхъ Папской области; казалось, что новый трепеть охватилъ умы и сердца, подобно тому, какъ трепещетъ природа, когда солнце показывается на горизонтѣ.

Пій IX охотно поддавался пріятнымъ волненіямъ, вызваннымъ его популярностью, но къ великому своему удивленію замѣтилъ, что народъ ежедневно высказывалъ какое-нибудь новое желаніе; мало-по-малу инициатива реформъ стала исходить не отъ него, а отъ толпы. Свобода печати была скорѣе захвачена, чѣмъ дарована; съ января 1847 г. въ Римѣ и въ Болоньѣ (главнѣйшіе города Папской области) стали издаваться политическіе журналы, а за ними послѣдовало образованіе кружковъ, которые стали вдохновителями и руководителями народныхъ демонстрацій.

Пока дѣлались изысканія для желѣзныхъ дорогъ, папа въ апрѣлѣ 1847 г. объявилъ объ учрежденіи государственнаго совѣта (Consulta dello Stato) съ правомъ рѣшающаго голоса въ вопросахъ о налогахъ; онъ долженъ былъ состоять изъ 24 совѣтниковъ изъ свѣтскихъ лицъ, избираемыхъ папой изъ числа лицъ, представленныхъ областными совѣтами (consigli provinciali). Это было крупнымъ шагомъ впередъ, ибо до того времени міряне были исключены изъ управленія страной; Пій IX считалъ даже, что такимъ образомъ достигъ уже границы реформы.

Преклоненіе предъ новымъ папой быстро распространилось на всемъ полуостровѣ: всѣ были согласны, что съ Пиемъ IX для Италіи настала новая эра. На самомъ дѣлѣ это движеніе, повидимому, возникшее въ Римѣ, исходило изъ самосознанія народа: это былъ могучій голосъ всей Италіи, раздавшійся властно, подобно реву рѣки, готовящейся выступить изъ береговъ.

Движеніе это прежде всего отразилось на Тосканѣ. Начались демонстраціи въ честь папы; проѣздъ черезъ Флоренцію извѣстнаго англійскаго экономиста Ричарда Кобдена (Riccardo Cobden) послужилъ поводомъ къ выраженію сочувствія либеральнымъ принципамъ, представителемъ коихъ онъ являлся. Затѣмъ, пользуясь слабостью правительства, пошли еще дальше и открыто стали совѣтовать герцогу послѣдовать примѣру папы.

Леопольдъ II, котораго утомили постоянные упреки со стороны общественнаго мнѣнія и котораго возмущало распространеніе подпольной печати, — въ маѣ 1847 г. рѣшилъ дать новый, болѣе терпимый законъ о цензурѣ, вслѣдствіе чего немедленно появились новые журналы во Флоренціи, въ Пизѣ и въ Ливорно.

Благодаря большей культурности страны и благодаря существованію буржуазіи, болѣе многочисленной, чѣмъ въ Римѣ, здѣсь журнализмъ процвѣталъ болѣе, чѣмъ въ Римѣ, ему от-

дали свои силы многіе замѣчательные люди: сициліецъ Джузеппе Ла Фарина, тосканцы Атто Вануччи, Беттино Рикасоли, Винченцо Салваньоли, Джузеппе Монтанелли, Франческо Доменико Гуэрацци, Маццони, Чентофанти, Джіорджини и др.

Печать скоро заставила тосканское правительство ввести многія судебныя и административныя реформы.

Карль-Альбертъ, котораго до сихъ поръ въ его патриотическихъ стремленіяхъ до извѣстной степени останавливалъ страхъ предъ осужденіемъ церкви, теперь увидѣлъ, что глава католицизма опередилъ его въ либеральныхъ тенденціяхъ. Поэтому самое его религиозное убѣжденіе, до сихъ поръ служившее ему помѣхой, теперь побуждало его дѣйствовать болѣе рѣшительно на поприщѣ, на которомъ онъ уже сдѣлалъ нѣсколько незначительныхъ и робкихъ шаговъ. Вслѣдствіе этого во время пробужденія Италіи къ новой жизни Карль-Альбертъ старался отвлечь своихъ подданныхъ отъ идеи о политическихъ правахъ, чтобы направить всю силу общественнаго мнѣнія противъ Австріи.

Въ сентябрѣ 1846 г. въ Генуѣ состоялся восьмой конгрессъ итальянскихъ ученыхъ. Въ то время, когда воодушевленіе было уже всеобщимъ, этотъ конгрессъ вызывалъ живѣйшій интересъ, и на него съѣхались почти всѣ наиболѣе выдающіеся умы всей Италіи, такъ что Бальбо имѣлъ право называть его первымъ итальянскимъ парламентомъ. Обсуждались скорѣе политическіе, чѣмъ научные вопросы, и обнаружались самыя горячія патриотическія стремленія. Прекраснымъ поводомъ для рѣчей ораторовъ служило то обстоятельство, что какъ разъ тогда минуло сто лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ генуэзцы, слѣдуя смѣлому примѣру мальчишки, бросившаго первый камень, возстали и изгнали австрійцевъ изъ города. Члены конгресса посѣтили мѣсто, гдѣ впервые вспыхнуло возстаніе, а населеніе го-

рода рѣшило отпраздновать годовщину изгнанія австрійцевъ. Это празднество состоялось 5 декабря и было очень шумнымъ. Пьемонтская полиція, повидимому, совершенно лишилась слуха и зрѣнія ¹⁾.

Охватившее Италію движеніе, которое, въ крайнихъ своихъ проявленіяхъ, давало возможность точно опредѣлить, насколько сильна была ненависть итальянцевъ къ австрійцамъ,—движеніе это вызвало опасеніе князя Меттерниха. Онъ говорилъ, что либеральный папа—существо неправдоподобное, и прежде всего пытался совлечь съ этого пути папскій дворъ, а также намекнулъ о томъ-же флорентійскому и туринскому дворамъ; увидѣвъ, что отнынѣ великій герцогъ руководствуется волей народа, а въ Туринѣ и въ Римѣ его дружескія увѣщанія остаются тщетными, онъ задумалъ актъ настоящей угрозы. Согласно договорамъ 1815 г. отрядъ австрійскихъ войскъ занималъ крѣпость въ Феррарѣ (папская область); и вотъ, въ августѣ 1847 г. эти войска, въ полной боевой готовности, заняли также и остальную часть города.

Насиліе это возмутило всю Италію: Пій IX, подъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія, заявилъ самый рѣшительный протестъ, а Карль-Альбертъ, радуясь, что папа является его сообщникомъ въ недоразумѣніяхъ съ Австріей предложилъ ему свое содѣйствіе. Что же касается населенія, то подобныя дѣйствія Австріи имѣли такое же значеніе, какъ ударъ шпорой для упрямаго коня, — они еще болѣе раз-

¹⁾ Въ слѣдующемъ году молодой генуэзскій поэтъ Mameli (1827 — 1849) написалъ въ память этой годовщины гимнъ съ такимъ припѣвомъ: Если народъ возстаетъ,—То Богъ сражается во главѣ его,—Даруетъ ему громъ небесный (Che se il popolo si desta—Dio combatte alla sua testa—La sua folgore gli dà); а во второй строфѣ прибавляетъ: „Велико всегда то, что онъ творитъ,—Онъ привѣтствуетъ воспоминанія,—Но подготавливаетъ побѣду (Grande è sempre quel ch'egli opera—Ei saluta una memoria,—Ma prepara una vittoria).

дражили народъ. Волненіе Италіи не поддается описанію: казалось, что папа готовъ объявить крестовый походъ, и ждали, что онъ повторитъ восклицаніе Юлія II: „Долой варваровъ!“ Національная гвардія, учрежденія которой настоятельно требовала римская и тосканская печать, была организована въ обоихъ государствахъ. Студенты университета, возвратившіеся на каникулы домой, распространяли патріотическія идеи даже въ самыхъ отдаленныхъ мѣстахъ. Исчезала вражда между семьями и округами, чувствовалась необходимость соединиться новыми узами дружбы, и повсюду происходили празднества въ честь различныхъ союзовъ. Возбужденіе охватило также маленькое герцогство Лукку, такъ что Карль-Людовикъ Бурбонскій, чувствуя себя не въ силахъ его сдержать, предупредилъ присоединеніе этой мѣстности къ Тосканѣ, получивъ обѣщаніе ежегоднаго пенсіона (октябрь 1847).

Между тѣмъ Карль-Альбертъ рѣшилъ болѣе энергично выказать свои чувства. Въ первыхъ числахъ сентября (1847) въ Казалэ (Casale) былъ сельскохозяйственный конгрессъ, на которомъ произнесены были очень смѣлыя политическія рѣчи, причемъ полиція пьемонтская, по видимому, ничего не знала. На послѣднемъ засѣданіи произошло еще болѣе важное событіе: графъ Кастанъето (di Castagneto), другъ Карла-Альберта, всталъ и прочелъ письмо короля, написанное къ нему въ тѣ дни, и оканчивавшееся такими словами: Если когда либо Богъ удостоилъ начать войну за независимость, то я одинъ буду командовать войскомъ, и я рѣшилъ сдѣлать для гвельфской партіи то-же, что Шамиль дѣлаетъ противъ огромной русской имперіи... Прекрасенъ будетъ день, когда мы будемъ въ состояніи провозгласить національную независимость“. Наконецъ, Карль-Альбертъ вполнѣ открылъ душу, начерталъ программу своей жизни. Это поняли и съ восторгомъ привѣтствовали члены конгресса въ Казалэ; это поняли жители

всего Пьемонта, которые столпились вокругъ короля и встрѣтили его особенно восторженно, когда онъ въ серединѣ сентября отправился на закладку моста, строившагося черезъ Бормиду близъ Акви (Acqui).

Въ Генуѣ демонстраціи не ограничивались простыми привѣтствіями: тамъ пользовались этимъ, чтобы выразить совѣмъ другія надежды; Туринъ же продолжалъ молчать. Конечно, въ столицѣ красивыя патріотическія фразы короля тоже возбуждали восторгъ, но теперь желали большаго, ожидали, что король введетъ такія же реформы, какъ Пій IX и великій герцогъ Тосканскій. Этого рассчитывали достигнуть тѣмъ же способомъ, который имѣлъ такой успѣхъ тамъ, т. е. кликами одобренія. Вечеромъ 1-го октября (1847), наканунѣ дня рожденія короля, толпа собралась на бульваръ Рипари, собираясь пѣть гимнъ Пію IX, кричать „да здравствуетъ король“ и просить реформъ; внезапно отряды гвардіи и карабинеровъ напали на толпу и арестовали первыхъ, кто попался имъ подъ руку.

Это было печальнымъ сюрпризомъ для всего города. Значить, король раскаивается въ своихъ либеральныхъ поступкахъ и хочетъ отступить отъ своихъ столько обѣщающихъ намѣреній? Значить, это — король Флюгеръ, какъ называлъ его молодой поэтъ Доменико Карбоне въ стихотвореніи, написанномъ въ ночь 1-го октября и ставшемъ сейчасъ же очень популярнымъ? Въ этомъ стихотвореніи авторъ смѣется надъ постоянными противорѣчіями въ поступкахъ короля, благодаря которымъ онъ держалъ при себѣ въ качествѣ министра иностранныхъ дѣлъ графа Соларо Делла Маргерита (Solaro Della Margherita), наиболѣе яраго представителя реакціонныхъ идей, а въ качествѣ военнаго министра—маркиза Вилламарина, пользовавшагося славой (нѣсколько незаслуженной) либерала ¹⁾.

¹⁾ Ei fu chiamato Tentenna primo,—Or lo ninnava Biagio, or Martino;—Ma l'uno in fretta, l'altro adagio,—E il re diceva: In fretta, adagio;—

Вѣроятно, король былъ пораженъ дерзостью поступка, когда однажды утромъ, просматривая свою личную корреспонденцію, нашелъ это стихотвореніе; вниманіе его остановилось главнымъ образомъ на слѣдующихъ стихахъ:

Vantava in aria da caporale
Non so che impresa d'uno stivale.
Dicea Martino:—Volgiti a Roma,
L'Austro dà i tratti dell'agonia,
Schianta la briglia, scuoti la soma,
Prendilo a calci nel dietrovia.
Biagio diceva:—Roma si vanta:
Non si fa guerra coll' acqua santa,
Tienti al Tedesco: contro ai cannoni
Ei ci vuol altro che bei crocioni.
E il re:—Mi provo se ci riesco;
Evviva il Papa, Viva il Tedesco! ¹⁾

Кто можетъ поручиться, что эти стихи, очень неудачные въ сущности, не имѣли рѣшительнаго вліянія на колеблющійся умъ короля?

Къ народнымъ манифестаціямъ присоединилось дѣйствіе дипломатіи, тоже стремившейся избавить Карла-Альберта

¹⁾ Переводъ:

Говоритъ Martino: „Обратись къ Риму,
Австріецъ обнаруживаетъ признаки агоніи;
Оборви поводья, сбрось иго,
Дай ему хорошаго пинка“.
Biagio говоритъ: „Римъ хвастается:
Нельзя воевать съ одной святой водою;
Держись за нѣмца: противъ пушекъ
Нужно кое-что другое помимо крестнаго знамени
А король въ отвѣтъ: Попробую, удастся ли;
Да здравствуетъ папа! Да здравствуетъ нѣмецъ.

Bravo Martino, benone Biagio... Переводъ: Его прозвали Флюгеръ I (?).—То имъ вертѣлъ Biagio, а то Martino;—Одинъ вертѣлъ быстро, другой тихонько,—А король говорилъ: Скорѣе, тише, прекрасно, Martino! отлично Biagio...

отъ колебаній. Въ Туринъ пріѣхалъ лордъ Минто (Minto), подъ видомъ путешествія по Итали, исполнявшій тайное порученіе англійскаго правительства. Онъ откровенно посовѣтовалъ савойскому королю устранить препятствія, даровать реформы и уволить своихъ совѣтниковъ черной партіи. Черезъ нѣсколько дней король одновременно разстался и съ Della Margherita и съ Вилламарина; послѣ этого онъ приказалъ составить проектъ цѣлаго ряда реформъ, который былъ напечатанъ въ *gazzetta ufficiale* (официальной газетѣ) 30 сентября.

Читая теперь эти четыре страницы мелкаго шрифта, нельзя даже отдать себѣ отчета въ томъ страшномъ порывѣ радости, который охватилъ все населеніе. Въ сущности преобразования были довольно ограничены: было постановлено свободное избраніе коммунальныхъ и провинціальныхъ совѣтниковъ, вводились нѣкоторыя улучшенія въ организацію полиціи и судебное вѣдомство, и ограничивалась власть цензуры. Но эти реформы, въ виду прежняго абсолютизма, являлись рѣшительнымъ шагомъ въ либеральномъ направленіи; съ другой стороны, масса населенія создала себѣ изъ реформъ какой-то смутный идеалъ, точно онѣ должны были вернуть золотойвѣкъ. Вслѣдствіе этого повсюду начались иллюминація, музыка, молебны, сочинялись надписи, раздавались неизбѣжно сонеты, пѣсни, гимны. Вскорѣ послѣ того Карль-Альбертъ, отправляясь по обыкновенію на мѣсяцъ въ Геную, въ теченіе всего путешествія встрѣчалъ повсюду самый восторженный пріемъ; даже Генуя, всегда враждебная господству пьемонтскихъ королей и словно оплакивавшая свое старинное республиканское устройство,— даже Генуя устроила ему торжественную встрѣчу.

Совершенно иной ходъ приняли дѣла въ Неаполитанскомъ королевствѣ. Избраніе Пія IX и тутъ возбудило тотъ же восторгъ и тѣ-же надежды, что и во всей Итали, но король Фердинандъ II немедленно воспротивился новому

теченію и объявилъ своимъ подданнымъ, что не станеть подражать никакой модной картинкѣ. Тогда ненависть буржуазіи выразилась въ нетерпѣливой и злобной анонимной статьѣ, автора которой—это былъ Луиджи Сетембрини—полиціи, къ счастью, не удалось найти. Въ этой брошюрѣ подъ заглавіемъ: „Протестъ населенія Обѣихъ Сицилій“ („Protesta del popolo delle Due Sicilie“) горячо описывались позорныя стороны господствовавшаго режима:

„Правительство—это огромная пирамида,“—говорится между прочимъ въ „Протестѣ“—основаніемъ которой являются полицейскіе и духовенство, вершиной—король. Каждый чиновникъ, начиная съ солдата и до генерала, отъ жандарма до министра полиціи, отъ священника до духовника короля, каждый писаришка, является безжалостнымъ деспотомъ—и даже хуже—по отношенію къ своимъ подчиненнымъ, и самымъ подлымъ рабомъ по отношенію къ начальникамъ. Вслѣдствіе этого тотъ, кто не находится въ числѣ притѣснителей, чувствуетъ со всѣхъ сторонъ гнеть тиранніи тысячи мошенниковъ, и спокойствіе, свобода и состояніе честныхъ людей зависятъ отъ каприза не государя или министра, а любого чинушки, отъ baldiassa, отъ шпіона, отъ іезуита. О, братья итальянцы, не считайте эти слова слишкомъ рѣзкими, не пишите въ вашихъ журналахъ, что слѣдуетъ говорить болѣе сдержанно и осторожно, но придите къ намъ, почувствуйте сами, какъ раскаленная желѣзная рука насъ жжетъ, сжимаетъ намъ сердце; выстрадайте то, что выстрадали мы, и тогда пишите и давайте намъ совѣты“.

Подобныя брошюры были очень многочисленны, и всѣ онѣ выражали всеобщее революціонное настроеніе: насиліе казалось единственнымъ средствомъ для прекращенія слишкомъ долгихъ страданій.

Перваго сентября 1847 г. возстаніе вспыхнуло одновременно въ Реджіо и въ Мессинѣ. Къ вечеру въ Мессинѣ

около пятидесяти смѣльчаковъ провозгласили: „Да здравствуетъ Италія, да здравствуетъ Пій IX, да здравствуетъ Конституція!“ и хотѣли врасплохъ захватить офицеровъ, собравшихся на банкетъ; но офицеры были предупреждены и успѣли скрыться въ крѣпость. Тогда войска стали на улицахъ преслѣдовать мятежниковъ, которые, послѣ отчаяннаго сопротивленія, разсѣялись по всему городу и всѣ скрылись. Въ Реджіо (Калабрія) наоборотъ сначала побѣда была на сторонѣ повстанцевъ: подъ предводительствомъ Доменико Ромео (Domenico Romeo) они взяли крѣпость и учредили временное правительство; вскорѣ однако пришло извѣстіе о неудавшемся возстаніи въ Мессинѣ; изъ Неаполя прибыли два королевскихъ судна, бомбардировавшія городъ и высадившія отрядъ солдатъ. Мятежники были принуждены оставить Реджіо и скрыться въ горы Аспромонте, гдѣ продолжали борьбу почти въ теченіе цѣлаго мѣсяца; однако, ихъ преслѣдовали повсюду и большинство было арестовано; раненый Доменико-Ромео, спрятавшійся въ соломѣ, былъ найденъ тамъ и убитъ. Такимъ образомъ эти возстанія пока не имѣли другихъ послѣдствій, кромѣ новыхъ и все болѣе жестокихъ преслѣдованій, на изобрѣтеніе которыхъ были такіе мастера государи династіи Бурбоновъ, а приведеніе которыхъ въ исполненіе такъ удавалось ихъ агентамъ.— Вмѣстѣ съ тѣмъ введенныя Тосканскимъ великимъ герцогомъ и Карломъ-Альбертомъ преобразованія все болѣе и болѣе возбуждали умы; въ ноябрѣ произошли демонстраціи въ Неаполѣ и въ Палермо. Въ декабрѣ наиболѣе выдающіеся либералы въ Пьемонтѣ и въ Римѣ рѣшили обратиться къ Фердинанду II съ петиціей, чтобы побудить его слѣдовать политикѣ Пія IX, Леопольда II и Карла-Альберта; теперь подписавшіе эту петицію могутъ казаться наивными, но они хотѣли доказать всему свѣту, что итальянцы пытаются дѣйствовать путемъ убѣжденія, прежде чѣмъ прибѣгнуть къ насилію. Конечно, Фердинандъ II съ улыбкой

презрѣнія прочель эту, по его мнѣнію, совершенно бесполезную бумагу, и чтобы помѣшать какимъ бы то ни было волненіямъ, воспретилъ въ своемъ королевствѣ крики: „Да здравствуетъ Пій IX“.

Этотъ магическій возгласъ, выражавшій всю будущность и ускорявшій ея наступленіе, естественно долженъ былъ считаться преступнымъ во всѣхъ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ желательно было сохранить прошлое въ полной неприкосновенности.

Въ январѣ 1846 г. въ Моденѣ умеръ Франческо IV, предатель Чиро-Меноти, но правительство ничуть не измѣнилось къ лучшему при сынѣ и наслѣдникѣ его Франческо V. При первыхъ же демонстраціяхъ въ честь папы, войска бросились на толпу съ оружіемъ въ рукахъ, и Франческо V объявилъ своимъ подданнымъ, что, если бы его жандармы оказались недостаточными, чтобы обуздать либераловъ, то по ту сторону По къ его услугамъ цѣлое войско. Дѣйствительно вскорѣ, по просьбѣ герцога, австрійскія войска вступили въ герцогство для прекращенія всякихъ либеральныхъ манифестацій.

Ничуть не лучше было положеніе вещей въ сосѣднемъ герцогствѣ Пармѣ и Пиаченцѣ. Состарѣвшись, Марія-Луиза, вдова Наполеона, почувствовала потребность покаяться въ множествѣ содѣянныхъ ею согрѣшеній и поэтому представила монахамъ и священникамъ распоряжаться во всей странѣ. Послѣ ея смерти (въ декабрѣ 1847 г.) ей наслѣдовалъ Карль-Людовикъ Бурбонскій, нѣкогда герцогъ Луккскій, который, чтобы выяснитъ подданнымъ свои намѣренія, призвалъ въ свои владѣнія отрядъ австрійскихъ войскъ. Что же касается Ломбардо-Венеціанской области, то попытки Австріи ее онѣмечить потерпѣли неудачу. Тамъ образовались два элемента, которые не могли слиться: съ одной стороны австрійцы-властители, съ другой—итальянцы-притѣсняемые; итальянцы по временамъ даже открыто проявляли свои

непріязненные чувства. Въ Миланѣ лучшимъ представителемъ этой оппозиціи является Чезаре Корренти (Cesare Correnti), въ Венеціи же душой всего національнаго движенія былъ Даніэль Манинъ (Daniele Manin).

Увлеченіе Піемъ ІХ естественно достигло и провинцій, подвластныхъ Австріи, гдѣ отнынѣ пользовались всякимъ поводомъ къ мирному протесту противъ тиранніи иностранцевъ, въ ожиданіи, пока обстоятельства сдѣлаютъ возможными и болѣе рѣшительныя дѣйствія. Первая политическая демонстрація въ Миланѣ произошла по случаю погребенія графа Федерико Конфалоньери, умершаго въ швейцарской деревнѣ 10 декабря 1846 г. черезъ десять лѣтъ послѣ его освобожденія изъ крѣпости Шпильбергъ. Въ 1847 г. въ Венеціи состоялся девятый научный конгрессъ, и Даніэль Манинъ сумѣлъ имъ воспользоваться, чтобы еще сильнѣе возбудить въ Венеціанской области жажду свободы и независимости и чтобы укрѣпить связь съ другими итальянскими провинціями.

Послѣ занятія Феррары императорскими войсками волненіе возросло. Пятаго сентября 1847 г. происходилъ торжественный въѣздъ въ Миланъ новаго архіепископа графа Ромилли. Онъ былъ итальянецъ, занялъ мѣсто австрійца Гайсруха (Gaisruch) и былъ назначенъ Піемъ ІХ: всего этого было достаточно, чтобы его встрѣтили празднествами и выраженіями живѣйшей радости. Три дня спустя по случаю праздника въ честь Богородицы иллюминація повторилась, сопровождаемая новымъ выраженіемъ энтузіазма и криками: „Да здравствуетъ Пій ІХ“; внезапно жандармы врываются въ толпу съ саблями на-голо и начинаютъ рубить направо и налево; былъ одинъ убитый и нѣсколько раненыхъ. Это насиліе правительства и полиціи послужило къ большому сближенію между различными классами населенія, такъ что всѣ были за-одно противъ Австріи.

Австрійское правительство допустило существованіе двухъ центральныхъ конгрегацій—одной въ Ломбардіи, дру-

гой для Венеціанской области—которыя могли дѣлать свои заявленія относительно управленія. И вотъ, въ декабрѣ 1847 г. одинъ изъ жителей Бергамо, совѣтникъ Нащари, представилъ въ Ломбардскую конгрегацію прошеніе о назначеніи комиссіи для составленія отчета о состояніи страны и о причинахъ народнаго недовольства; конгрегація одобрила это предложеніе. Какъ только Даніель Манинъ получилъ экземпляръ этого прошенія, онъ напечаталъ его и сталъ распространять въ Венеціанской области, а затѣмъ подалъ подобное же прошеніе въ Венеціанскую конгрегацію. Одновременно съ этимъ извѣстный писатель Никколо Томмазо прочелъ въ Атенеумѣ въ Венеціи лекцію, въ которой выразилъ пожеланіе, чтобы введенъ былъ болѣе либеральный законъ о цензурѣ. Австрійское правительство удвоило бдительность и строгость, чтобы бороться съ этимъ быстро распространявшимся движеніемъ. Итакъ, въ началѣ новаго 1848 г. Италія раздѣлилась на двѣ части, дѣйствовавшія совершенно различно. Въ Папской области, въ Тосканѣ и Пьемонтѣ развивалась преобразовательная политика, встрѣчаемая празднествами, восторженными кликами, всеобщимъ энтузіазмомъ; между этими тремя государствами предпринималась попытка таможеннаго союза—первый шагъ къ союзу политическому. Напротивъ, въ Неаполитанскомъ королевствѣ, въ Ломбардо-Венеціанской области и въ герцогствахъ Модена и Парма продолжали слѣдовать самой суровой реакціонной системѣ. Изъ этого ясно, что именно въ этихъ государствахъ и должна была вспыхнуть революція. Первый толчекъ исходилъ изъ безпокойной Сициліи.

Въ первыхъ числахъ января 1848 г. на стѣнахъ Палермо было вывѣшено, а затѣмъ всячески распространялось смѣлое воззваніе, въ которомъ говорилось, что миновало время просьбъ и мирныхъ демонстрацій и всѣ силы Сициліи призывались къ оружію на 12 января, день рожденія короля. Прокламація, конечно, была анонимная; только когда вспых-

нула революція, обнаружилось, что ее писалъ молодой скульпторъ Франческо Баньяско (Francesco Bagnasco. Сначала полиція смѣялась надъ нею, считая ее простымъ хвастовствомъ, но на всякій случай въ ночь съ 9 на 10 января арестовала одиннадцать самыхъ извѣстныхъ либераловъ (Франческо Перезъ, Габріэля и Генраха Амари, Франческо Феррара и др.); военныя власти въ свою очередь приняли необходимыя мѣры. Удивительно, что при подобныхъ обстоятельствахъ революція все-таки могла вспыхнуть и восторжествовать послѣ столькихъ предупредительныхъ мѣръ, спокойно принятыхъ правительствомъ, тогда какъ почти никакихъ серьезныхъ приготовленій не было сдѣлано со стороны революціонеровъ, которые главнымъ образомъ рассчитывали на настроеніе умовъ и на неожиданность, которая часто превращаетъ отдѣльные бунты въ грандіозныя народныя возстанія. Впрочемъ именно такимъ образомъ, безъ всякихъ приготовленій, произошла знаменитая Сицилійская Вечерня, какъ это доказалъ именно тогда извѣстный историкъ Михаилъ Амари, опровергнувшій легенду о Джіованни изъ Прочиды. Дѣло въ томъ, что когда необходимость революціи проникнетъ въ сознаніе народа, она поднимается совершенно внезапно.

Никто, впрочемъ, не предвидѣлъ ее утромъ 12 января. Горожане выходили толпами на улицы, замѣчали принятые полиціей предосторожности, но тщетно искали обѣщанныхъ вооруженныхъ отрядовъ и вожаковъ возстанія. Ожиданіе было очень мучительно, настолько, что около 8 часовъ одинъ молодой человекъ, который вышелъ съ оружіемъ въ одну изъ наиболѣе людныхъ мѣстностей Палермо, увидавъ, что онъ одинъ, предположилъ измѣну и въ отчаяніи сталъ стрѣлять на воздухъ. Тогда нѣсколько смѣльчаковъ, вооруженные, вышли на улицу, въ то время, какъ на какой-то колокольнѣ забилъ набатъ; Джузеппе Ла Маза (Giuseppe La Masa) во главѣ небольшой шайки началъ борьбу. Ко-

мандующіе войсками не рѣшились вывести ихъ изъ крѣпости и изъ казармъ и рѣшили ограничиться обороной. Ночью на помощь повстанцамъ пришли отряды изъ деревень и соѣднихъ округовъ. Войска Бурбоновъ съ фортовъ бомбардировали городъ; горожане въ свою очередь атаковали и разрушили казармы внутри города; потомъ, воодушевленные успѣхомъ, учредили временное правительство подъ предсѣдательствомъ почтеннаго адмирала Руджеро Сеттимо (Ruggiero Settimo).

Въ слѣдующіе дни борьба продолжалась все съ возрастающимъ счастьемъ для повстанцевъ, число которыхъ часъ отъ часу увеличивалось. Ни военныя суда, прибывшія изъ Неаполя, ни постоянная бомбардировка фортовъ не могли усмирить Палермо. Послѣ двухъ недѣль кровопролитной борьбы Бурбоны должны были совершенно уйти изъ города.

Другія же области Сициліи послѣдовали примѣру Палермо; въ началѣ февраля весь островъ, за исключеніемъ немногихъ крѣпостей, былъ освобожденъ отъ деспотизма Бурбоновъ.

Возбужденный извѣстіями изъ Сициліи, Неаполь тоже заволновался: по городу ходила составленная Ruggiero Bonghi петиція о дарованіи конституціи; 27 января, не смотря на всѣ предосторожности, принятыя полиціей, на главныхъ улицахъ города произошли грандіозныя демонстраціи. Тогда Фердинандъ II, опасаясь за свою корону, сдѣлалъ видъ, что добровольно даетъ то, въ чемъ не могъ долѣе отказать, и указомъ 28 января, опубликованнымъ рано утромъ 29 января, обѣщалъ конституцію, согласно которой, по образцу французской конституціи 1830 года, законодательная власть перешла къ двумъ палатамъ: палатѣ пэровъ, пожизненно назначаемыхъ королемъ и палатѣ депутатовъ, избираемыхъ народомъ.

Происшествія въ южной Италіи ускорили теченіе событій въ другихъ ея областяхъ.

Въ Пьемонтѣ, съ первыхъ чиселъ января, пытались довести до свѣдѣнія короля новыя и болѣе опредѣленныя желанія. Джіоберти тогда подалъ свою грозную книгу— „Іезуитъ новаго времени“ (Il Gesuita Moderno), и тотчасъ же его слова откликнулись въ сердцахъ всѣхъ итальянскихъ либераловъ, такъ что всѣ выражали желаніе, чтобы были изгнаны іезуиты и ихъ аффилированные члены, особенно дамы Sacré Coeur, которыхъ тосканцы очень мѣтко прозвали ласточками іезуитовъ. Въ Генуѣ задумали составить петицію отъ народа, чтобы ходатайствовать у Карла Альберта объ изгнаніи іезуитовъ и объ учрежденіи національной гвардіи, подобной той, что уже въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ дѣйствовала въ Тосканѣ и въ Римѣ. Особая комиссія отправилась изъ Генуи, чтобы подать королю эту просьбу.

Тогда туринскіе журналисты устроили совѣщаніе, чтобы найти способъ поддержать ходатайства генуэзцевъ. Какое великолѣпное собраніе именъ на этомъ совѣщаніи журналистовъ 7 января 1848 г.: Камилль Кавуръ, Микельанджело Кастелли, Піетро Деросси ди Сантароза, Карло Бонкомпаньи, Эрколе Рикотти, Лоренцо Валеріо, Риккардо Синео, Анджело Брофферіо, Джіакомо Дурандо, Предари, Монтеземоло (Montezemolo), Гальваньо, Корнеро и т. д.

Между тѣмъ какъ всѣ, повидимому, склонялись къ утверженію только своей солидарности съ генуэзцами, редакторъ „Risorgimento“ открыто заявилъ, что отнынѣ необходимо требовать нѣчто болѣе, т. е. конституцію.

Это смѣлое предложеніе, обнаруживавшее въ авторѣ глубокое пониманіе серьезности даннаго положенія вещей, было сдѣлано графомъ Камилломъ Бенсо ди Кавуръ (Camillo Benso di Cavour). Ему было 38 лѣтъ; онъ принадлежалъ къ старинной пьемонтской аристократіи, въ молодости служилъ подпоручикомъ въ саперахъ, потомъ, выйдя въ отставку, путешествовалъ по Франціи и Англии, прию-

брѣлъ обширный запасъ практическихъ данныхъ и соціальныхъ познаній, и теперь въ рядахъ журналистовъ смѣло начиналъ общественную дѣятельность. Среди слушателей его разсужденій находились люди, открыто придерживавшіеся либеральныхъ идей или безсознательно, или благодаря воспитанію, или благодаря избранной ими профессіи журналиста; и даже они сначала были точно смущены этимъ предложеніемъ; нѣкоторые выразили сомнѣніе, и собраніе было отложено до слѣдующаго вечера.

Между тѣмъ произошло важное событіе: король отказался принять депутацію изъ Генуи. Не смотря на это, журналисты, одобрившіе мысль Кавура, не отказались отъ своего намѣренія и во второмъ засѣданіи составили адресъ королю въ этомъ именно смыслѣ; маркизь Робертъ Д'Адзеліо, старшій братъ Массимо Д'Адзеліо, не менѣе его извѣстный распространеніемъ либеральныхъ взглядовъ, вызвался доставить адресъ самому королю. Карль-Альбертъ прочелъ его, разсмотрѣлъ откровенныя и честныя мнѣнія, въ немъ выраженныя, но отвѣтилъ, что для освобожденія Италіи нужны солдаты, а не адвокаты, и что въ интересахъ самой независимости Италіи, которой онъ отнынѣ посвящаетъ свою жизнь,—онъ никогда не согласится на конституцію.

Но вотъ до Пьемонта дошло извѣстіе о революціи въ Палермо 12 января и о томъ, что Неаполитанскій король обѣщаль дать конституцію. Тогда въ самомъ Туринѣ произошли демонстраціи, и 5 февраля муниципалитетъ, по предложенію Піетро Деросси ди Сантароза, друга Кавура, постановилъ просить короля о введеніи конституціи. Карль-Альбертъ, исповѣдавшись и причастившись, высказалъ свои взгляды архіепископу города Верчелли, монсиньору D'Angennes. Архіепископъ разсѣялъ религіозныя сомнѣнія, удерживавшія короля, и 8 февраля 1848 г. король обѣщаль ввести законъ о конституціи, намѣтивъ сейчасъ же его главныя черты. Начиная съ 8 февраля и до 4 марта, когда Статутъ

быль опубликованъ, въ Пьемонтѣ происходилъ непрерывный рядъ демонстрацій въ честь короля. Дѣйствительно, Карль-Альбертъ заслуживалъ любовь своего народа, ибо въ отличіе отъ другихъ государей, обѣщавшихъ съ мысленной оговоркой, онъ, разъ навсегда побѣдивъ свои колебанія и вступивъ на этотъ путь, открыто и честно шелъ впередъ *).

Въ первые мѣсяцы 1848 года общественное мнѣніе въ Италіи дѣйствовало какъ будто рикошетомъ. Извѣстія изъ Неаполя и Турина вызываютъ внушительныя демонстраціи въ Тосканѣ; муниципалитетъ Флоренціи, во главѣ котораго стоялъ тогда Беттино Риказоли, немедленно вотируетъ хвалебный адресъ Карлу-Альберту. Всѣ наиболѣе выдающіеся либералы убѣждаютъ великаго герцога даровать подобную же конституцію, и 11 февраля Леопольдъ II обѣщаетъ дать ее. Римъ, давшій первый толчекъ, теперь отсталъ отъ другихъ государствъ. Пій IX далеко не былъ тѣмъ идеальнымъ папой, о которомъ мечтали итальянцы. Онъ просто хотѣлъ нѣсколько улучшить положеніе своихъ подданныхъ, и вовсе не собирався стать провозвѣстникомъ революціи. Увидѣвъ, какой оборотъ приняли дѣла, онъ не прочь былъ бы возвратиться вспять, но имъ же самимъ начатое движеніе неудержимо влекло его дальше. Замѣтивъ колебанія папы, народъ дѣлалъ видъ, что приписываетъ ихъ его приближеннымъ и иезуитамъ, и кричалъ: „Да здравствуетъ Пій IX одинъ“. Перваго января 1848 года огромная толпа явилась къ Квириналу, гдѣ жилъ папа, чтобы поздравить его съ новымъ годомъ; дворецъ былъ окруженъ гвардіей, а двери заперты; разумѣется, народъ выразилъ недовольство. На другой день Пій IX въѣхалъ въ городъ, чтобы прекратить это недовѣріе, и еще разъ былъ встрѣченъ кликами восторга.

*) См. главнѣйшіе параграфы Статута Карла-Альберта въ „Приложеніи“ въ концѣ книги.

12 февраля въ Папской области было учреждено первое свѣтское министерство. Однако, этого было уже недостаточно: здѣсь тоже чувствовалась необходимость конституціи; городской совѣтъ (*consiglio comunale*) Болоньи открыто требовалъ ее. Конечно, разграниченіе дѣлъ церковныхъ и свѣтскихъ имѣло свои серьезныя трудности, но всѣ изслѣдованія, споры и препятствія были прерваны извѣстіемъ о революціи въ Парижѣ и о сверженіи съ престола Луи-Филиппа. Тогда (14 марта 1848 г.) Пій IX тоже даровалъ конституцію, согласно которой, кромѣ двухъ законодательныхъ совѣтовъ, общихъ другимъ статутамъ, въ верховной власти должна была принимать участіе священная коллегія кардиналовъ, подъ именемъ сената нераздѣльнаго отъ папы (*Senato inseparabile dal Pontefice*). Такимъ образомъ въ серединѣ марта 1848 г. вся Италія—за исключеніемъ земель, принадлежавшихъ Австріи—была освобождена и организована.

ГЛАВА X.

Война 1848 года.

Положеніе Ломбардо—Венеціанской области въ началѣ 1848 г.—Ходъ революціи въ Европѣ.—Освобожденіе Венеціи.—Пятидневная осада Милана.—Война за независимость.—Первые успѣхи итальянцевъ.—Воззваніе Пія IX 29 апрѣля.—15 мая въ Неаполѣ и отозваніе неопалитанскихъ войскъ съ театра войны.—Тосканцы въ Куртатонэ и Монтанарѣ.—Послѣднія побѣды Пьемонтцевъ.—Пораженіе при Кустоцѣ.—Отступленіе.—Перемиріе.—Событія въ отдѣльныхъ итальянскихъ государствахъ въ концѣ 1848 г.

Наступленіе 1848 года повсюду было встрѣчено съ трепетомъ: ожидались великія событія. Жители Ломбардо—Венеціанской области тоже хотѣли начать его демонстраціями: къ 1 января среди жителей распространилось предложеніе воздерживаться отъ куренія, чтобы нанести уронъ финансамъ австрійскаго правительства. Предложеніе было исполнено, особенно въ Миланѣ. Тогда разразился гнѣвъ австрійской полиціи: 2 января переодѣтые полицейскіе ходили по улицамъ, выставляя напоказъ зажженные сигары, пуская клубы дыма прямо въ глаза прохожимъ, и всячески старались ихъ задѣть; нѣкоторые поддались на это, вслѣдствіе чего явились стычки и аресты. Еще болѣе серьезные безпорядки произошли на слѣдующій день. Солдатамъ розданы были въ значительномъ количествѣ водка и сигары, потомъ ихъ посылали на улицы съ тѣмъ, чтобы они заставляли жителей курить, раздражить ихъ и потомъ пустить въ

дѣло оружіе. Вечеръ 3 января въ Миланѣ былъ ужасный вечеръ: повсюду въ городѣ происходили стычки, вызванныя пьяными солдатами, а по временамъ галопомъ проѣзжала кавалерія, топтавшая упавшихъ и наносившая раны копьемъ тѣмъ, кто не успѣвалъ бѣжать; насчитывали около 59 жертвъ.

Въ то время, какъ вся Италія содрогнулась при извѣстии объ этомъ избіеніи, Австрія не возмутимо шла своей дорогой и устраивала подобныя же кровавыя зрѣлища въ Павіи и Падую; она отказалась назначить комиссію, о которыхъ ходатайствовали Ломбардская и Венеціанская конгрегаціи, а въ Венеціи даже были арестованы Даніэль Манинъ и Никколò Томазео. Все это ничуть не успокаивало умы, а наоборотъ, еще больше ихъ возбуждало. Почти ежедневно австрійской полиціи представлялся случай наблюдать удивительное согласіе итальянцевъ въ противоправительственныхъ манифестаціяхъ; она старалась найти слѣды заговора, открыть распоряженія тайнаго комитета, но напрасно; ибо—какъ открыто заявилъ Массимо D'Адзельо въ брошюрѣ „Печали Ломбардіи“ (*I lutti di Lombardia*), заговоръ былъ самый страшный изъ всѣхъ заговоровъ: „заговоръ цѣлаго народа, имѣющаго одно сердце, одну привязанность, одну волю; это заговоръ общей надежды, гнѣва и всеобщаго негодованія, которое горитъ въ душѣ каждого, которое всякаго побуждаетъ къ послѣднимъ жертвамъ; это заговоры, во главѣ котораго стоятъ всѣ, а вожакомъ не является никто: ибо кто дѣлаетъ предложеніе отъ своего лица, въ томъ говоритъ духъ всѣхъ; всѣ убѣждены, всѣ ему слѣдуютъ; это заговоръ открытыхъ истинъ и всеобщихъ убѣждений“. Броженіе усилилось благодаря извѣстіямъ о новыхъ необыкновенныхъ событіяхъ: во-первыхъ, о революціи въ Сициліи, потомъ о конституціи, дарованной Фердинандомъ II, наконецъ, о статутѣ Карла-Альберта. Австрія тогда прибѣгла къ самымъ жестокимъ мѣрамъ:

объявила Ломбардо-Венеціанскую область въ осадномъ положеніи и ввела чрезвычайный высшій судъ (*giudizio statario*), согласно которому власти имѣли право безапелляціоннаго приговора и могли вѣшать немедленно.

Жители съ своей стороны готовились къ революціи, собирая деньги и оружіе и входя въ болѣе близкія сношенія съ либеральной партіей въ Пьемонтѣ и съ Карломъ Альбертомъ. Можно сказать, что въ Ломбардо-Венеціанской области подданные и правительство стояли другъ противъ друга, подобно двумъ врагамъ, ожидающимъ сигнала, чтобы начать поединокъ.

Французская революція ускорила событія: отголоски этой борьбы мощно откликнулись въ сердцахъ итальянцевъ, и при блескѣ побѣды, одержанной народомъ въ Парижѣ, у всѣхъ родилась вѣра въ непобѣдимую силу баррикады. Но рѣшительный толчекъ, побудившій къ возстанію, явился оттуда, откуда его всего менѣе ожидали. Сама Вѣна, оплотъ абсолютизма, не могла избѣжать волненія, охватившаго всю Европу: 13-го марта населеніе Вѣны возстало и потребовало конституцію; князь Меттернихъ долженъ былъ бѣжать.

Извѣстіе объ этомъ возстаніи пришло въ Венецію 17 марта и вызвало необычайный энтузіазмъ: населеніе толпой направилось на площадь св. Марка, громко требуя освобожденія заключенныхъ, особенно Манина и Томмазо, и, не дожидаясь отвѣта, бросилось къ тюрьмамъ и, отворивъ ихъ, торжественно вывело этихъ двухъ патріотовъ. На другой день броженіе усилилось: вывѣшивали трехцвѣтныя знамена, звонили въ колокола: уже готова была начаться борьба между толпой и солдатами, когда муниципалитетъ въ виду предупрежденія пролитія крови, просилъ у правительства разрѣшенія организовать національную гвардію. Пальффи (*Palfy*), гражданскій губернаторъ, и начальникъ войскъ Зичи (*Zichy*) согласились. Въ это время

изъ Вѣны пришло извѣстіе, что императоръ дароваль конституцію, и губернаторъ Пальффи самъ прочель ее народу съ балкона своего дворца, при чемъ заявилъ, что радуется тому, что онъ—первый конституціонный губернаторъ Венеціи. Умы успокоились, и городъ принялъ свой обычный видъ; по видимому, волненіе улеглось.

Совершенно иначе шло дѣло въ Миланѣ. Узнавъ въ ночь съ 17 на 18 марта о революціи въ Вѣнѣ, кружокъ патриотовъ рѣшилъ, что днемъ 18 марта городская депутация, сопровождаемая многочисленной толпой, отправится во дворецъ, чтобы требовать необходимѣйшихъ реформъ. Вице-король Раньери (Ranieri) уѣхаль, вице-президентъ О'Donnell, видя себя во власти раздраженной толпы, подписалъ все, что отъ него требовали, т. е. указъ объ учрежденіи національной гвардіи, причемъ муниципалитетъ бралъ на себя заботы объ общественной безопасности; но, когда депутация возвращалась въ ратушу (palazzo municipale), залпомъ, сдѣланнымъ отрядомъ солдатъ, убило одного изъ толпы. При видѣ крови возстаніе, уже назрѣвшее, вспыхнуло тотчасъ же и охватило весь городъ. Повсюду выросли баррикады (число ихъ достигало 523): столы, стулья, повозки,—все идетъ въ ходъ на устройство обороны, даже камни мостовой съ улицъ; всѣ берутся за оружіе; одна мысль овладѣла всѣмъ городомъ: изгнать австрійцевъ.

Невозможно описать лихорадочную борьбу, происшедшую одновременно во всѣхъ кварталахъ города въ теченіе этихъ памятныхъ дней; можно сказать, что съ каждой улицей связанъ славный эпизодъ, съ каждымъ домомъ—имя героя. Юноши, старики, дѣти,—всѣ исполнили свой долгъ; даже духовенство принимало участіе въ борьбѣ. Къ треску ружейныхъ залповъ, къ грохоту орудій присоединялся вызывающій непрерывный звонъ колоколовъ, въ теченіе пяти дней и пяти ночей преслѣдовавшій австрійцевъ, точно выражая ярость горожанъ. 20 марта маршалъ

Радецкій, начальникъ австрійской милиціи, предложилъ перемиріе, которое было отвергнуто; 21 австрійцы были изгнаны изъ всѣхъ пунктовъ внутри города, но крѣпость и стѣны были еще въ ихъ рукахъ. 22 задумали прорвать эту неприятельскую цѣпь, чтобы открыть себѣ сообщеніе съ деревнями и съ другими возставшими городами, и съ этой цѣлью произошла битва при Porta Tosa (нынѣ Porta Vittoria); борьба была продолжительна и упорна; но когда наконецъ молодой Luciano Managa поджегъ эти ворота, Миланъ могъ считать себя свободнымъ. На шпицахъ Собора развѣвалось трехцвѣтное итальянское знамя, и великій поэтъ Александро Манцони, подъ впечатлѣніемъ этой минуты, прибавилъ еще слѣдующую послѣднюю строфу къ своей одѣ „Мартъ 1821 г.“

O giornate del nostro riscatto!
 O dolente per sempre colui,
 Che da lungi, dal labbro d'altrui,
 Come un uomo straniero le udrà!
 Che ai suoi figli narrandole un giorno
 Dovrà dir sospirando: „io non c'era“.
 Che la santa, l'invitta bandiera
 Salutata in quel di non avrà! ¹⁾

Кто можетъ описать радость, испытанную въ эти дни жителями Милана, которымъ удалось отбросить за стѣны города цѣлое войско въ 14 тысячъ человѣкъ, хорошо вооруженное и дисциплинированное? Слава жителей Милана была чиста и безъ малѣйшаго пятнышка, ибо въ то время, какъ австрійцы дѣйствовали жестоко, они сохранили великодушный образъ дѣйствій. Приведу одинъ только случай: 20 марта, въ самый разгаръ борьбы, на какомъ-то

¹⁾ Переводъ: О дни нашего освобожденія!—О жалокъ тотъ, кто услышитъ о нихъ издалека, изъ устъ другихъ, точно иностранецъ! Жалокъ тотъ, кто, рассказывая о нихъ своимъ дѣтямъ, долженъ будетъ вздыхая сказать: „Я тамъ не былъ“. Кто въ тѣ дни не привѣтствовалъ наше святое, желанное знамя!

чердакъ нашли спрятавшагося тамъ графа Больца (Bolza), директора полиціи, который долженъ былъ въ эту минуту вспомнить, какъ много лѣтъ тому назадъ онъ арестовалъ графа Конфалоньери почти совершенно при тѣхъ же обстоятельствахъ; вспомнило объ этомъ и населеніе Милана, ненавидѣвшее этого подлаго приспѣшника Австріи. Арестованный освирѣпѣвшей толпой, Больца считалъ себя уже погибшимъ, но извѣстный Карло Каттанео (Carlo Cattaneo) отвѣтилъ толпѣ, просившей у него совѣта: „Если вы его убьете, то совершите дѣло справедливое, если не убьете совершите дѣло святое“; народъ послѣдовалъ этому послѣднему совѣту.

Революція не ограничилась Миланомъ, но распространилась немедленно во всей Ломбардіи, такъ что австрійскія войска, отовсюду угрожаемая, должны были совершенно оставить эту область и отступить къ рѣкѣ Минчіо.

Въ Венеціи, послѣ двухъ дней спокойствія, возникло сомнѣніе, не даетъ ли губернаторъ завѣдомо лживыя обѣщанія съ цѣлью выиграть время и подготовить бомбардировку города; первыя извѣстія о возстаніи въ Миланѣ еще болѣе способствовали возбужденію. Начинается новое возстаніе; былъ убитъ начальникъ арсенала Мариновичъ (Marinovich), котораго рабочіе не любили за его строгость. При этомъ извѣстіи Даніель Манинъ, сопровождаемый цѣлой толпой, отправился къ арсеналу и одними убѣжденіями достигъ того, что адмираль Мартини сдалъ ему арсеналь. Въ то же время муниципалитетъ, сознававшій важность положенія, отправилъ депутацію къ обоимъ австрійскимъ губернаторамъ для переговоровъ. Узнавъ отъ ассессора Медина (Medin) и другихъ членовъ депутаціи, что желаніе всего населенія заключается въ томъ, чтобы австрійское правительство отказалось отъ всякой власти въ Венеціи, гражданскій губернаторъ Пальффи (Palfffy) передалъ свои полномочія военному начальнику Зичи (Zichy);

этотъ послѣдній, запуганный рѣшительными словами адвоката Аvezани, согласился очистить городъ, при чемъ передалъ свою власть муниципалитету и оставилъ всѣ военные запасы ¹⁾. Такимъ образомъ, 22 марта 1848 г. на площади св. Марка было провозглашено сверженіе австрійскаго владычества и учрежденіе республики; на другой же день муниципальная коммиссія (commissione municipale), временно принявшая власть, передала ее назначенному національной гвардіей временному правительству, предсѣдателемъ котораго былъ избранъ Даніель Манинь.

Почти тѣ же событія повторились въ другихъ городахъ Венеціанской области: коменданты Тревизо и Удинэ (Udine) сдались, какъ и Зичи, такъ же поступили коменданты крѣпости Озоппо (Osoppo) и Пальманова, въ которой старый генераль Цукки былъ освобожденъ и назначенъ командующимъ. Другіе города, какъ, на примѣръ, Падуя, оставленныя гарнизонами, которые пошли на соединеніе съ войсками Радецкаго въ четырехугольникъ крѣпостей, оказались свободными сами собой. Во всей Венеціанской области только провинція Верона осталась во власти австрійцевъ; другія же подчинились временному правительству Венеции.

Слѣдовательно, австрійское войско занимало въ Италіи только мѣстность между Минціо и Эчемъ (Адижъ) съ крѣпостями Мантуа, Пескьера, Верона и Леньяго (Legnago); окруженное революціей, оно сохранило только одинъ путь отступленія въ Австрію—узкую долину р. Эча, а на него наступало пьемонтское войско.

Едва достигли Турина первыя извѣстія о возстаніи въ

¹⁾ Надо впрочемъ замѣтить, что, къ чести Зичи, онъ сдался не столько изъ страха, сколько изъ любви къ Венеціи, гдѣ жилъ болѣе 20 лѣтъ; въ послѣдствіи австрійское правительство приговорило его къ пожизненному тюремному заключенію, но въ 1851 г. онъ былъ помилованъ.

Миланъ и о борьбѣ его съ австрійцами, какъ все населеніе было охвачено настоящей лихорадкой патриотизма. Возлѣ зданій министерствъ и королевскаго дворца постоянно собирались толпы горожанъ, просившихъ оружія и требовавшихъ войны; наиболѣе энергичные даже вооружались и немедленно уѣзжали на Тичино; 22 марта студенты университета и ученики Академіи Искусствъ вмѣстѣ съ стрѣлками (*bersaglieri*) образовали большой отрядъ и направились на границу. Днемъ 23 марта, точно ударъ грома, разнеслось по всему Турину извѣстіе объ освобожденіи Милана, вмѣстѣ съ тѣмъ прибылъ изъ Милана посланный къ Карлу-Альберту, чтобы просить помощи противъ австрійцевъ, которые въ смятеніи отступали къ четырехугольнику крѣпостей.

Сейчасъ же вышли возбуждающія прибавленія къ газетамъ. Въ „*Risorgimento*“ появилась смѣлая статья Кавура, которая начиналась слѣдующими словами: „Пробиль торжественный часъ для савойской монархіи, часъ великихъ рѣшеній, часъ, отъ котораго зависятъ судьбы имперіи, судьбы народовъ. Въ виду событій въ Ломбардіи и въ Вѣнѣ, нерѣшительность, сомнѣнія, колебанія уже невозможны: это была бы самая пагубная политика. Мы, люди холоднаго разсудка, привыкшіе подчиняться болѣе велѣніямъ разума, нежели влеченію сердца, внимательно взвѣсивъ каждое наше слово, мы по совѣсти должны заявить, что одна дорога открыта для народа, для правительства, для короля,— война, война немедленная и безъ колебаній“.

Толпа собралась у королевскаго дворца, ожидая рѣшенія Совѣта Министровъ. Часы проходили, толпа не разсѣвалась, а все росла. Была уже полночь, когда открылась дверь балкона *Galleria d'armi*, и, освѣщенная проблесками свѣта, падавшего изъ оконъ на площадь, показалась высокая фигура Карла-Альберта вмѣстѣ съ Энрико-Мартини, посломъ ломбардскаго временнаго правительства. Огромная

дрожащая и нѣмая толпа пришла въ восторгъ настолько отъ немногихъ словъ, сказанныхъ королемъ, сколько отъ одного его жеста: взявъ трехцвѣтный поясъ, опоясывавшій Мартини, онъ взмахнулъ имъ нѣсколько разъ надъ своей головой, какъ символъ того дѣла, которое онъ готовился поддерживать. Восторгъ толпы въ эту минуту не поддается описанію: Савойская династія и пьемонтскій народъ соединились въ одномъ торжественномъ обѣтѣ—посвятить себя освобожденію Италіи.

На другой день появился слѣдующій манифестъ, составленный въ тотъ же вечеръ отъ имени короля министромъ „милости и юстиціи (ministro di grazia e giustizia) Федерико Склописъ (Sclopis)“:

„Народы Ломбардіи и Венеціи!

Судьбы Италіи свершились: болѣе счастливое будущее улыбается смѣлымъ защитникамъ поправныхъ правъ. Вслѣдствіе родовой привязанности, вслѣдствіе пониманія духа времени, вслѣдствіе общности желаній, мы первые присоединились къ единодушному восторгу, которымъ васъ привѣтствуетъ Италія.

Народы Ломбардіи и Венеціи! Наши войска, которыя собрались уже на вашей границѣ, когда вы предвидѣли освобожденіе славнаго Милана, теперь готовы дать вамъ, даже до послѣднихъ испытаній, ту помощь, которую братъ ожидаетъ отъ брата и отъ друга—другъ. Мы поддержимъ ваши справедливыя желанія, уповая на помощь Бога, который несомнѣнно съ нами, Бога, даровавшаго Италіи Пя IX, того Бога, который такими чудесными путями довелъ Италію до возможности дѣйствовать самостоятельно. Дабы внѣшнимъ образомъ обнаружить единеніе Италіи, мы желаемъ, чтобы наши войска, вступая на землю Ломбардіи и Венеціи, имѣли Савойскій гербъ надъ трехцвѣтнымъ итальянскимъ знаменемъ“. ¹⁾ Карль-Альбертъ.

¹⁾ Согласно § 77 статута королевство Сардинія сохранило свое го-

Черезъ нѣсколько дней пьемонтское войско перешло р. Тичино и побѣдоносно прошло по Ломбардіи, направляясь къ Минчіо.

Между тѣмъ повсюду на полуостровѣ населеніе радостно привѣтствовало свободу и войну. Модена и Реджіо, Парма и Піаченца тотчасъ же изгнали своихъ князьковъ и послали войска на помощь братьямъ въ Ломбардію и Венецію. Великій герцогъ Тосканскій и папа, увлеченные желаніями народа, тоже были принуждены отправить на войну отряды войскъ. Даже Неаполитанскій король обѣщаль послать отрядъ въ 15 тысячъ человекъ. Сицилія, боровшаяся съ Бурбонами за свою собственную независимость, не могла раздѣлить свои силы, но ради принципа національности и она послала нѣсколько сотенъ добровольцевъ. Вся итальянская молодежь спѣшила на поле сраженія, распѣвая дивный гимнъ Гоффредо Мамели (Goffredo Mameli):

Fratelli d'Italia,
L'Italia s'è desta;
Dell'elmo di Scipio
S'è cinta la testa.
Dov'è la Vittoria?
Le porga la chioma,
Chè schiava di Roma
Iddio la creò
Stringiamci a coorte,
Siam pronti alla morte,
Italia chiamò.
Noi siamo da secoli
Calpesti e derisi.
Perchè non siam popolo,
Perchè siam divisi.
Raccogliaci un'unica

любое знамя; но не прошло и 20 дней послѣ дарованія статута, какъ Карлъ-Альбертъ выше приведеннымъ манифестомъ уничтожилъ эту статью, принявъ трехцвѣтное итальянское знамя.

Bandiera, una speme;
Di fonderci in-sieme
già l'ora suonò...¹⁾

За всѣ тридцать вѣковъ исторіи Италіи впервые весь полуостровъ поднялся въ единодушномъ порывѣ противъ общаго врага; ничего подобнаго никогда не случалось даже въ Римской Италіи, такъ какъ славная борьба городовъ касалась только части полуострова. Теперь это удивительное согласіе, это чудо, котораго тщетно молили всѣ великіе люди Италіи, стало возможнымъ единственно только потому, что свободы, установленныя статутами, дали каждому гражданину право и вмѣнили въ обязанность высказать свое мнѣніе въ общественномъ дѣлѣ. Итальянскій народъ, взлѣтѣнный событіями столькихъ вѣковъ, наконецъ возсталъ съ полнымъ сознаниемъ своей силы, и весь—отъ Этны до Альпъ—поднимая трехцвѣтное итальянское знамя, гордо повторялъ вмѣстѣ съ Карломъ-Альбертомъ: „Италія обойдется безъ помощи другихъ (*L'Italia farà da sè*)“.

Впрочемъ, положеніе Европы было таково, что нечего было рассчитывать на поддержку другихъ державъ: двѣ только до извѣстной степени были настроены благожелательно—Англія и Франція. Но Англія послѣ февральской революціи въ Парижѣ нѣсколько умѣрила свои либеральные восторги, ибо не желала, чтобы пожаръ революціи изъ Парижа снова распространился по всей Европѣ; самое большее, что она согласна была сдѣлать, это—покровительство-

¹⁾ Переводъ:

Братья—Итальянцы, Италія поднялась; Вѣнпомъ Сципіона—Она украсила главу.—Гдѣ-же Побѣда?—Подставь ей чело—Ибо рабыней Рима—Ее создалъ Господь.—Сомкнемтесь въ полки—Будемъ готовы къ смерти,—Италія зоветъ—Въ теченіе многихъ вѣковъ—Мы были угнетены и осмѣяны,—Потому что мы—не народъ,—Потому что мы раздроблены.—Пусть соединитъ насъ единое—Знамя, одна надежда;—Слитъся во-едино—Насталъ уже часъ...

вать отдѣленію Сициліи отъ Неаполитанскаго королевства въ надеждѣ добиться отъ новаго королевства, которое должно было возникнуть съ ея помощью, большихъ торговыхъ преимуществъ. Что же касается французской республики, то, повидимому, она не собиралась предпринимать никакихъ рѣшительныхъ мѣръ для содѣйствія образованію обширнаго королевства въ Сѣверной Италіи; кромѣ того, ея вмѣшательство могло показаться подозрительнымъ монархическимъ правительствамъ Италіи, а особенно Карлу-Альберту.

Итакъ, Италія обойдется безъ помощи (*L'Italia farà da sè*), но, чтобы достигнуть этой благородной цѣли, необходимо было бы полное открытое и постоянное согласіе всѣхъ—государей и народовъ. Здѣсь же не всѣ государи были согласны со своими подданными, а тѣмъ болѣе между собой. За исключеніемъ Карла-Альберта, всѣ остальные ничуть не желали войны: Пій IX колебался между любовью къ родинѣ и опасеніями всѣхъ католиковъ; великій герцогъ Тосканскій былъ австріецъ по происхожденію, и кромѣ того, честолюбивая политика Карла-Альберта вызывала въ немъ подозрѣнія; наиболѣе враждебно былъ настроенъ король Неаполитанскій, который сейчасъ же задержалъ отправку своихъ батальоновъ. Однимъ словомъ, когда дѣло дошло до испытанія огнемъ, то все, что было лживаго и нечистаго, отдѣлилось отъ раскаленнаго металла.

На этотъ разъ, какъ и прежде, судьбы Италіи должны были рѣшиться въ знаменитомъ четырехугольникѣ, образуемомъ четырьмя крѣпостями—Пескьерой и Мантуей на р. Минчіо и Вероной и Леньяго на р. Эчѣ—который можетъ считаться классическимъ полемъ сраженія итальянцевъ.

Въ первыхъ числахъ апрѣля пьемонтское войско появилось въ виду врага на берегахъ Минчіо и послѣ сраженій при Гоитѣ (*Goito*), Валеджіо (*Valeggio*) и Монзамбано (8,

9 и 10 апрѣля) овладѣло рѣкой, занявъ мосты въ средней его части между Мантуей и Пескьерой.

Пьемонтское войско было воодушевлено сильнымъ воинственнымъ духомъ, воспитаннымъ во всемъ населеніи вѣковыми традиціями страны; оно было хорошо дисциплинировано и предано королю и тому дѣлу, за которое сражалось. Офицеры были доблестны и смѣлы, но къ сожалѣнію мало заботились о военной наукѣ: они думали, что на войнѣ все зависитъ отъ личной храбрости. И такое ложное понятіе о войнѣ раздѣляли всѣ, начиная съ младшихъ офицеровъ и кончая королемъ.

Согласно традиціи своей семьи, Карль-Альбертъ принялъ на себя высшее командованіе арміей; но, по своему характеру, онъ всего менѣе былъ способенъ стоять во главѣ войска: его постоянныя колебанія, благодаря которымъ его образъ дѣйствій въ политикѣ долго казался сомнительнымъ и подозрительнымъ, дѣлали его и теперь нерѣшительнымъ, растеряннымъ во время битвы, когда наоборотъ, необходимы энергичныя и немедленныя дѣйствія. Начальникомъ главнаго штаба былъ избранъ генераль Карло ди Саласко (Carlo di Salasco), человѣкъ образованный и честный, но безъ инициативы и не имѣвшій большого авторитета, такъ что при немъ всѣ хотѣли распоряжаться. Лучшимъ генераломъ во всемъ пьемонтскомъ войскѣ былъ командиръ перваго армейскаго корпуса, Евсевій Бава (Eusebio Bava), человѣкъ ученый и съ яснымъ и точнымъ умомъ; но онъ не сумѣлъ подчинить своему вліянію чувства и умъ короля, чтобы заставить его принять его планъ. И Карль-Альбертъ, не имѣвшій своего плана, собиралъ отъ окружающихъ разные проекты и предложенія и соединялъ ихъ въ нѣчто мало полезное. Храбрость его спокойная и безмолвная, не сообщалась солдатамъ: какъ настоящій искатель опасности, онъ всегда былъ въ первыхъ рядахъ сражающихся и хладнокровно оставался тамъ, гдѣ всего чаще

падали пули, но не говорилъ ни слова, не дѣлалъ ни одного движенія, чтобы пробудить энтузіазмъ проходившихъ передъ нимъ войскъ.

Во второй половинѣ апрѣля въ распоряженіи Карла-Альберта было 60 тысячъ пьемонтцевъ, 6 тысячъ тосканцевъ и три тысячи моденскихъ и пармскихъ солдатъ, собранныхъ на берегахъ р. Минціо; кромѣ того, онъ могъ располагать 17 тысячами солдатъ папы, прибывшихъ на нижнее теченіе По подъ начальствомъ генерала Джіованни Дурандо, и отъ 4 до 5 тысячъ ломбардскихъ добровольцевъ, которые старались съ береговъ озера Гарда проникнуть въ Тироль; въ общей сложности у него было около 90 тысячъ солдатъ, не считая отрядовъ венеціанскихъ повстанцевъ и неаполитанскаго войска, еще находившагося въ пути.

Наоборотъ, численность войскъ Радецкаго, вслѣдствіе потерь въ сраженіяхъ, при сдачахъ и отъ дезертирства, уменьшилась до 50 тысячъ; онъ сосредоточилъ ихъ въ четырехъ-угольникѣ крѣпостей, съ трудомъ сохраняя единственную линію сообщенія съ Австріей по долинѣ р. Эчь. Это войско, подавленное, деморализованное, со всѣхъ сторонъ окруженное врагомъ, казалось, было наканунѣ гибели; оно побѣдило, ибо, будучи хорошо дисциплинированнымъ, оно, кромѣ того, было отлично знакомо съ мѣстностью, такъ какъ ежегодно являлось сюда на маневры, и имѣло прекраснаго командующаго въ лицѣ маршала Радецкаго, который, несмотря на свои восемьдесятъ два года, сохранилъ удивительную бодрость тѣлесную и живость ума.

Стараясь слѣдовать правиламъ классической стратегіи, Карль-Альбертъ собралъ войско на Минціо и началъ осаждать ближайшую изъ четырехъ крѣпостей—Пескьеру, а чтобы прервать сообщеніе ея съ Вероной, пытался отнять у врага нѣсколько укрѣпленныхъ позицій между Минціо и Эчемъ; 30 апрѣля онъ даже отправилъ отрядъ до Па-

стренго на Эчѣ, къ сѣверу отъ Вероны. Изъ эпизодовъ этой битвы особенно извѣстна блестящая кавалерійская атака карабинеровъ, составлявшихъ эскортъ короля *).

Довольный счастливымъ исходомъ битвы при Пастренго Карль-Альбертъ рѣшился сдѣлать попытку овладѣть Вероной, тѣмъ болѣе, что его увѣрили, будто жители готовы возстать: 6 мая онъ съ боемъ прошелъ до деревни Санта-Лучія, но обѣщанное возстаніе не состоялось, и пьемонтское войско принуждено было отступить, совершивъ чудеса храбрости. Тогда король отказался отъ какихъ бы то ни было рѣшительныхъ дѣйствій, такъ что въ теченіе нѣкотораго времени пьемонтское войско было занято исключительно осадой Пескіеры; здѣсь, среди постоянныхъ переходовъ, среди однообразія скуки и трудовъ осады, энтузіазмъ войска сталъ охладѣвать.

Между тѣмъ, заключенный въ своемъ грозномъ четырехугольникѣ, Радецкій спокойно ожидалъ подкрѣпленій, которыя генераль Нугентъ собиралъ на р. Изонцо. Въ срединѣ апрѣля Nugent переправился чрезъ рѣку Изонцо и, оставивъ въ сторонѣ Пальманову, защищаемую генераломъ Цукки, двинулся на Удинэ (Udine), потомъ быстрыми переходами достигъ Пиаве (Piave), не встрѣтивъ серьезнаго сопротивленія. Противъ этой части австрійскаго войска были направлены папскія войска генерала Дурандо; однако, сраженіе, происшедшее 8 мая при Корнудѣ (Cornuda), не удержало наступленія Нугента. Быстро подвигаясь впередъ, онъ даже пытался овладѣть Виченцой, но это ему не удалось, такъ какъ на выручку Виченцы подошелъ Дурандо.

*) При Пастренго былъ смертельно раненъ маркизь Джироламо Бевилаква (Girolamo Bevilacqua), доброволецъ изъ Брешии; его мать и сестра, какъ бы для утѣшенія въ перенесенныхъ страданіяхъ устроили въ Валеджіо госпиталь для раненыхъ итальянцевъ, за которыми онѣ сами ухаживали.

Во всякомъ случаѣ генераль Нугентъ достигъ цѣли: между Виченцой и Вероной онъ соединился съ Радешкимъ. Понимая важность положенія Виченцы, этотъ послѣдній хотѣлъ снова послать отрядъ Нугента, чтобы повторить попытку овладѣть ею; 23 мая произошелъ второй штурмъ Виченцы, продолжавшійся и ночью, но удачныя распоряженія Дурандо и храбрость его войска и жителей одержали верхъ надъ численностью; австрійцы должны были отказаться отъ Виченцы и отступить къ р. Эчу.

Въ то время, какъ развивалась эта первая фаза войны, въ другихъ частяхъ Италіи совершались важныя событія.

Съ 25 марта въ Палермо происходили засѣданія Сицилійскаго парламента, который утвердилъ Руджіеро Сеттимо (Ruggiero Settimo) въ должности президента временнаго правительства, а затѣмъ приступилъ къ обсужденію новаго политическаго устройства Сициліи. Всеобщее теченіе, охватившее умы всѣхъ въ Италіи, требовало не объединенія, а федераціи; поэтому Сицилія хотѣла образовать самостоятельное королевство, которое впослѣдствіи должно было войти въ союзъ съ другими италіянскими государствами. Вошли въ тайныя сношенія съ Фердинандомъ II Неаполитанскимъ, чтобы онъ уступилъ управленіе Сициліей одному изъ своихъ сыновей, но король отказалъ; тогда (13 апрѣля) парламентъ въ Палермо объявилъ, что династія Бурбоновъ навсегда свергнута съ престола Сициліи. Такимъ образомъ произошелъ окончательный разрывъ между Неаполемъ и Сициліей.

Между тѣмъ Римъ, который далъ первый толчекъ, пробудивши національное самосознаніе, явился источникомъ первой измѣны. Слабохарактерный Пій IX, презиравшій славу, сопряженную съ трудомъ и опасностью, не замедлилъ почувствовать неудобства начатаго имъ самимъ движенія. Послѣ введенія въ Римъ конституціи между нимъ и его министрами возникла настоящая борьба; министры стара-

лись заставить папу сказать больше, чѣмъ онъ хотѣлъ высказать, а папа старался сдѣлать меньше, чѣмъ обѣщалъ. Война вызвала въ немъ сильное безпокойство: реакціонеры старались запугать его новымъ нѣмецкимъ расколомъ, и тогда онъ рѣшилъ уклониться отъ борьбы.

29 апрѣля, не сообщивъ предварительно своихъ намѣреній министрамъ, онъ прочелъ рѣчь въ консисторіи, въ которой открыто заявлялъ, что, какъ земной представитель Бога мира, онъ не можетъ желать войны и что онъ одинаково принимаетъ въ свои отеческія объятія австрійцевъ и итальянцевъ. Эти слова вызвали въ Римѣ серьезные безпорядки; папа еще разъ уступилъ требованію народа, и римскія войска, уже перешедшія черезъ По и вступившія въ Венеціанскую область, продолжали сражаться; но духовенство охладѣло къ національному дѣлу. Отнынѣ мечта Джіоберти о папствѣ—возродителѣ Италіи—исчезла навсегда.

Нравственная реакція, начавшаяся въ Римѣ энцикликой 29 апрѣля, выразилась матеріальной реакціей 15 мая въ Неаполѣ.

Вслѣдствіе слабаго развитія торговли и отсутствія промышленности въ Неаполитанскомъ королевствѣ буржуазія, вездѣ создававшая общественное мнѣніе и являвшаяся опорой новыхъ идей, была менѣе многочисленна, нежели въ остальной Италіи; поэтому конституціонное правительство было лишено прочной и твердой опоры въ странѣ.

Только подъ давленіемъ обстоятельствъ король ввелъ конституцію и отправилъ на войну пятнадцатитысячное войско подъ начальствомъ генерала Вильгельма Пепе (Giuglielmo Pepe), возвращеннаго изъ изгнанія; но онъ намѣревался какъ можно скорѣе отнять то, что даровалъ, и отозвать свои войска, такъ какъ не былъ заинтересованъ въ войнѣ. Вслѣдствіе этого недоувѣріе между либералами и королемъ не замедлило обнаружиться и росло съ каждымъ

днемъ. Тогда какъ извѣстія изъ Сициліи все сильнѣе возбуждали либеральную партію и толкали ее на крайности и насилія, папская энциклика 29 апрѣля побудила короля къ реакціи. Съ этого времени недоставало только повода для начала враждебныхъ дѣйствій, но поводъ легко представился при открытіи Парламента (15 мая).

Между дворомъ и депутатами возникъ споръ относительно формулы присяги; буржуазія, имѣвшая основанія не довѣрять намѣреніямъ двора, вооружилась, чтобы поддержать депутатовъ, а король Фердинандъ, воспользовавшись случаемъ, направилъ противъ толпы войска, оставшіяся ему вѣрными, и лаццарони. Когда такимъ образомъ парламентъ былъ распушенъ и безпорядки прекращены, Фердинандъ сказалъ, улыбаясь: „Я тоже произвелъ демонстрацію“. Этой королевской демонстраціей 15 мая 1848 г. начинается въ Европѣ контръ-революція; съ этого дня стало возможно возвращеніе прошлаго, которое, казалось, кануло въ вѣчность.

Этотъ государственный переворотъ ослабилъ возможность счастливаго исхода національной войны, ибо Фердинандъ сейчасъ же отдалъ приказъ генералу Пепе, уже достигшему Феррары, возвратиться со всѣмъ войскомъ. Но старый генералъ—настоящій ветеранъ итальянскаго либерализма—не желая повиноваться королю-измѣннику, отказался отъ своей должности, и потомъ пытался убѣдить войско послѣдовать за нимъ на ту сторону По, чтобы выполнить славную миссію—бороться за независимость Италіи. Только нѣсколько сотъ солдатъ послѣдовали за нимъ; они достигли Венеціанской области, когда она почти вся была уже завоевана Австріей, и поэтому заперлись въ Венеціи.

Такъ началось отпаденіе государей отъ національнаго дѣла; но и среди народовъ исчезало удивительное согласіе первыхъ дней. Итальянцы слишкомъ долго жили врозь, чтобы при первой же попыткѣ исчезли мѣстные интересы.

Въ первомъ порывѣ къ освобожденію идея независимости и національности преодолѣла всѣ другія чувства; но послѣ первыхъ военныхъ успѣховъ, какъ будто этимъ окончилась борьба съ иноземцами, снова замѣчается преобладаніе мѣстныхъ интересовъ и стремленія къ большей политической свободѣ. Такимъ образомъ, когда Парма и Модена втировали немедленное слияніе съ Пьемонтомъ, Венеція воскресила республику св. Марка, а въ Миланѣ радикалы волновались, чтобы воспрепятствовать соединенію съ Пьемонтомъ, и даже послѣ того, какъ плебисцитъ высказался за соединеніе (29 мая), они не переставали вести ожесточенные споры относительно столицы новаго королевства.

Само сабою разумѣется, это несогласіе умовъ отражалось въ арміи, которая въ утѣшеніе получила лишь горячее привѣтствіе Верхне-Альпійскаго парламента, 9 мая начавшаго свои засѣданія; Лоренцо Валеріо „торжественно засвидѣтельствовалъ глубокую благодарность и довѣріе, питаемое всей страной къ королю и къ войску“ ¹⁾.

Послѣ сраженія при Санта-Лючіи Карль-Альбертъ, все еще имѣвшій цѣлью осаду Пескіеры, сосредоточилъ войска между Пескіерой и Вероной, ослабивъ свое правое крыло, такъ что возлѣ Мантуи находилось только 6000 тосканцевъ. Радецкій задумалъ напасть врасплохъ на этотъ отрядъ, прогнать его прежде чѣмъ къ нему придутъ подкрѣпле-

¹⁾ Парламентъ Верхнихъ-Альпъ былъ открытъ въ Туринѣ 8 мая княземъ Евгеніемъ Савойскимъ—Нариньяно, который во время отсутствія короля, задержаннаго въ войскѣ, былъ назначенъ Намѣстникомъ королевства, во дворцѣ, наз. „Madama“, т. е. герцогиня Джіованна-Баптиста Савойи-Немуръ въ началѣ XVIII в. приказала пристроить къ старому дворцу это зданіе съ большой лѣстницей и колоссальнымъ фасадомъ. Въ этомъ дворцѣ всегда происходили первыя засѣданія Верхне-Альпійскаго парламента, и онъ служилъ мѣстомъ засѣданій Сената, тогда какъ Палата Депутатовъ собиралась во дворцѣ Нариньяно.

нія, потомъ подняться по правому берегу Минчіо и запереть такимъ образомъ пьемонтское войскъ между Минчіо и Эчемъ; тогда ему легко было бы снабдить Пескіеру съѣстными припасами и войскомъ. Съ этой цѣлью 27 мая, пока вниманіе пьемонтцевъ было сосредоточено на Пескіерѣ, уже готовой, повидимому, сдать, Радецкій съ 35 тысячами солдатъ вышелъ изъ Вероны, направляясь къ Мангуѣ.

29 мая онъ встрѣтился съ отрядомъ тосканцевъ, расположеннымъ близъ деревень Куртатоне (Curtatone) и Монтанара (Montanara) и здѣсь на берегахъ Минчіо, гдѣ пѣли Виргилій и Сорделло—два лица, которыми воспользовался Данте, чтобы въ одномъ величественномъ эпизодѣ воплотить самую сво и возвышенныя желанія для великой своей родины—здѣсь, съ священнымъ именемъ Италіи на устахъ, сражались и пали героями юные студенты изъ Пизы, Флоренціи и Сіены, которые въ качествѣ добровольцевъ, руководимые профессорами, поспѣшили на театръ войны¹⁾. Это сраженіе послужило темой для цѣлаго ряда поэтическихъ произведеній. Радецкій, располагавшій несравненно большими силами, въ концѣ концовъ побѣдилъ, но сопротивленіе тосканцевъ продолжалось дольше, чѣмъ онъ предполагалъ (оно продолжалось цѣлый день), такъ что пьемонтское войско могло сосредоточиться на Минчіо, и на другой день, когда Радецкій атаковалъ мостъ Гоито, онъ встрѣтилъ такой серьезный отпоръ, что принужденъ былъ отступить. На полѣ сраженія у Гоито, когда раздавались уже клики побѣды, такъ долго оспариваемой и, наконецъ,

¹⁾ Муниципалитетъ Флоренціи велѣлъ написать на двухъ бронзовыхъ доскахъ въ храмѣ св. Креста (Santa Croce) имена флорентійцевъ, убитыхъ на войнѣ за независимость въ теченіе кампаніи 1848 г.; когда послѣ несчастій 48 г., свирѣпствовала реакція, эти доски были сняты по приказанію правительства. Муниципалитетъ Турина, подъ вліяніемъ національнаго чувства, заказалъ другія, подобныя имъ, и прибилъ ихъ у входа въ зданіе муниципалитета.

достигнутой, Карль-Альбертъ получилъ радостное извѣстіе, что Пескіера сдалась (30 мая). Эта двойная побѣда вновь пробудила энтузіазмъ; къ сожалѣнію это были послѣдніе успѣхи итальянскаго оружія въ кампанію 1848 г. Карль-Альбертъ дошелъ до плоскогорія (altipiano) Риволи (къ сѣверу отъ Вероны), но не отважился на смѣлую попытку проникнуть въ Венепіанскую область, чтобы помочь отрядамъ повстанцевъ. Напротивъ, старый австрійскій фельдмаршалъ, болѣе рѣшительный и предприимчивый, хотѣлъ сейчасъ-же поднять духъ войскъ, подавленный послѣ пораженія при Гоито; поэтому оставивъ въ крѣпостяхъ, чтобы ввести врага въ заблужденіе, не болѣе 6000 человекъ, онъ съ большей частью своего войска двинулся въ Венеціанскую область противъ отряда генерала Дурандо, отчасти съ намѣреніемъ облегчить подходъ новыхъ австрійскихъ подкрѣплений, шедшихъ изъ Тироля. Около Виченцы произошло новое сраженіе; наконецъ, не смотря на доблесть итальянскихъ войскъ, Дурандо былъ принужденъ сдаться (11 іюня); гарнизонъ вышелъ изъ города съ оружіемъ и припасами, но подъ условіемъ не сражаться противъ австрійцевъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ ¹⁾.

Послѣ этого Радецкій хотѣлъ окончательно усмирить Венеціанскую область, и пока онъ поспѣшно возвращался въ четырехугольникъ крѣпостей, Карль-Альбертъ отправилъ часть войскъ, чтобы занять Падую и Тревизо; вскорѣ Пальманова тоже перешла въ руки австрійцевъ. Однимъ изъ самыхъ блестящихъ эпизодовъ во время усмиренія Венеціанской области была оборона Кадоре (Cadore) въ маѣ мѣсяцѣ, жители котораго подъ руководствомъ Піетро Фортунато Кальви (Pietro Fortunato Calvi), присланнаго Венеціанскимъ правительствомъ, нѣсколько разъ отражали при-

¹⁾ При оборонѣ Виченцы былъ раненъ Массимо Д'Азельо, бывшій помощникомъ начальника штаба генерала Джіованни Дурандо.

столпы врага; но въ первыхъ числахъ іюня они должны были уступить численности врага и снова подчиниться игу иностранцевъ. Такимъ образомъ во всей Венеціанской области только въ Венеціи, среди ея лагунъ, и въ крѣпости Озоппо, расположенной на скалѣ у подножія Альпъ, продолжало еще развѣваться трехцвѣтное итальянское знамя. А между тѣмъ Карлъ-Альбертъ, дѣйствовавшій по всѣмъ правиламъ прежней стратегіи, овладѣвъ Пескіерой, собирався сосредоточить войска въ Мантуѣ — второй крѣпости на р. Минчіо.

Въ виду успѣха австрійцевъ Венеція тоже рѣшила доверить свою судьбу Карлу-Альберту, и 4 іюля, подчиняясь необходимости, постановила соединиться съ Пьемонтомъ. Въ этотъ день самъ Даніель Манинъ убѣждалъ свою партію пожертвовать республиканскими идеями ради торжества идеи о независимости.

Въ это же время сицилійскій парламентъ предложилъ корону Сициліи второму сыну Карла-Альберта, Фердинанду, герцогу Генуэзскому; хотя это событіе и могло способствовать расширенію владѣній Савойскаго дома, но за то создало серьезныя затрудненія въ Пьемонтѣ, который не хотѣлъ одновременно съ войной съ Австріей вести борьбу съ Неаполитанскими Бурбонами. Поэтому по совѣту отца герцогъ Генуэзскій просилъ времени на размышленіе. Все зависѣло отъ исхода войны за независимость, а исходъ ея угрожалъ неудачей.

Теперь Карлу-Альберту пришлось вести борьбу одному: неаполитанское войско уже ушло, папскія войска сдались въ Виченцѣ, тосканскія были почти совершенно уничтожены при Куртатоне и Монтанарѣ, ломбардскіе добровольцы, пытавшіеся ворваться въ Тироль, были отражены и теперь приводили въ порядокъ свои разстроенные ряды; Венеція, вмѣсто того, чтобы прислать подкрѣпленіе, сама въ нихъ нуждалась. Духъ войскъ упалъ: одержавъ почти вездѣ побѣду,

они не видѣли никакихъ серьезныхъ результатовъ всѣхъ этихъ сраженій и все еще стояли на берегу Минчіо, куда съ такимъ воодушевленіемъ пришли еще въ апрѣлѣ и гдѣ теперь изнывали въ трудахъ новой осады,—осады Мантуи. Нѣсколько тысячъ солдатъ были больны маляріей, которая свирѣпствуетъ здѣсь, вслѣдствіе большого числа окружающихъ городъ болотъ. Въ общей сложности у Карла-Альберта было не больше 65 тысячъ человекъ, тогда какъ численность войскъ Радецкаго, благодаря подошедшимъ подкрѣпленіямъ, достигала 75.000.

Кромѣ того, фронтъ этого 65.000 пьемонтскаго войска былъ чрезвычайно растянутъ, отъ Риволи до окрестностей Мантуи, гдѣ находилась самая сильная часть войска. Понятно, что такая растянутая линия фронта представляла много слабыхъ пунктовъ, а подкрѣпленія не могли быть быстро сосредоточены. Радецкій задался цѣлью разбить лѣвое крыло, а затѣмъ обратиться противъ центра. Послѣ штурма Риволи, заставившаго пьемонтцевъ отойти къ Пастренго, онъ со всей арміей атаковалъ позиціи въ Соммакампаньи и въ Кустоцѣ; на этихъ высотахъ между Минчіо и Эчемъ въ теченіе трехъ дней, съ 23 до 25 іюля, шель бой, и рѣшилась судьба этой первой кампаніи. Доставка припасовъ, съ самаго начала войны плохо организованная въ пьемонтскомъ войскѣ, въ эти три дня была такъ неудовлетворительна, что многіе полки вовсе ихъ не получили; жара была невыносима; истомленные солдаты падали отъ солнечнаго удара, отъ жажды, отъ голода, и все-таки четыре бригады пьемонтцевъ въ теченіе трехъ дней держались противъ пяти австрійскихъ корпусовъ. Наконецъ онѣ отступили въ полномъ порядкѣ и отошли за р. Минчіо.

Для обезпеченія отступления Карлу-Альберту слѣдовало отойти къ Піаченцѣ, чтобы между нимъ и непріателемъ была линія р. По; однако онъ предпочелъ идти на выруч-

требовавшіе его смерти: уже начали стрѣлять въ окна дворца. Королю грозила большая опасность, потому что, желая выразить довѣріе миланскому народу, онъ оставилъ войско внѣ города, и былъ окруженъ лишь небольшимъ отрядомъ карабинеровъ. Наконецъ стрѣлковый полкъ, подъ командой полковника Ла-Мармора, узнавъ о безвыходномъ положеніи короля, пришелъ на выручку, и толпа разсѣялась, не пытаясь даже сопротивляться.

Было около полуночи; мракъ нарушался лишь красноватымъ пламенемъ горѣвшихъ домовъ на окраинѣ города, подожженныхъ, чтобы не стать убѣжищемъ врага; Миланъ былъ погруженъ почти въ полное молчаніе, только по временамъ вдали раздавался ружейный выстрѣлъ, да изъ сосѣднихъ деревень доносились звуки набата.

Карль-Альбертъ, блѣдный и постарѣвшій въ лицѣ и въ походкѣ, вышелъ изъ дворца Гресси и изъ города, съ разбитымъ сердцемъ, но съ сознаниемъ исполненнаго долга.

За пьемонтскимъ войскомъ, отступавшимъ къ Тичино, многія тысячи ломбардцевъ добровольно отправились въ изгнаніе, и съ этой грустной свитой возвращался въ Пьемонтъ Карль-Альбертъ. Но именно теперь въ несчастіи, его душа и вся его личность достигаетъ наибольшаго нравственнаго величія. Съ какимъ благородствомъ, достоинствомъ и силой обратился онъ къ народу:

„...Мнѣ извѣстны обвиненія, коими многіе хотятъ запятнать мое имя, но Богъ и моя совѣсть—свидѣтели правоты моихъ дѣйствій. Предоставляю безпристрастной исторіи судить ихъ.

„Нынѣ съ непріятелемъ заключено перемиріе *); или въ

*) 9 августа было заключено перемиріе наз. Саласко, по имени начальника пьемонтскаго главнаго штаба, который его подписалъ; согласно этому договору границей обоихъ государствъ должна была быть линія соприкосновенія обѣихъ армій.

это время мы выработаемъ почетныя условія мира, или снова возобновимъ борьбу. Мое сердце всегда сочувствовало независимости Италіи, но Италія еще не показала міру, что можетъ сама добиться самостоятельности.

„Жители королевства! Покажите свое мужество въ этомъ первомъ несчастіи. Примите въ расчетъ возникшія у васъ новыя учрежденія. Если, узнавъ нужды народа, я первый даровалъ ихъ вамъ, я сумѣю всегда охранять ихъ. Я помню восторгъ, съ которымъ вы нѣкогда привѣтствовали мое имя, онъ звучалъ еще въ моихъ ушахъ въ пылу сраженія. Спокойно довѣрьтесь вашему королю. Дѣло независимости Италіи еще не погибло“!

Послѣднимъ сложилъ оружіе Джузеппе Гарибальди. Этотъ молодой морякъ изъ Ниццы, въ 1834 г. принужденный эмигрировать вслѣдствіе своихъ политическихъ убѣжденій, отправился въ Южную Америку, гдѣ своей смѣлостью, храбростью и военнымъ талантомъ пріобрѣлъ извѣстность, какъ кондотьеръ. Извѣстіе объ его необыкновенныхъ успѣхахъ въ Америкѣ достигла Италіи въ 1846 г., когда полуостровъ пробуждался къ новой жизни, и было встрѣчено, какъ хорошее предзнаменованіе для родины. Кто могъ думать, однако, что будущія судьбы Италіи будутъ такъ тѣсно связаны съ жизнью молодого героя при Монтевидео? Узнавъ о томъ, что дѣла въ Италіи приняли новый оборотъ, Гарибальди немедленно отправился въ Италію съ небольшимъ отрядомъ товарищей по оружію, чтобы содѣйствовать святому дѣлу искупленія родины. Пріѣхавъ въ Италію, онъ поспѣшилъ въ главную квартиру Карла-Альберта, чтобы предложить свои услуги тому самому королю, именемъ котораго въ 1834 г. былъ приговоренъ къ смерти; Карль-Альбертъ, однако, окруженный людьми, которые боялись дать оружіе въ руки народу, принялъ пылкаго американскаго воина очень нерѣшительно. Тогда Гарибальди, нетерпѣливо рвавшійся въ битву, наскучивъ коле-

баніями короля и проволочками министровъ, предложилъ свои услуги временному Миланскому правительству, которое въ серединѣ іюля поручило ему командованіе отрядами добровольцевъ, находившимися между Миланомъ и Бергамо; Гарибальди присоединилъ къ нимъ свой отрядъ ветерановъ Монтевидео, одѣтыхъ въ красное съ зеленымъ. Но едва онъ успѣлъ организовать свой партизанскій отрядъ, какъ было заключено перемиріе между Карломъ-Альбертомъ и австрійцами (9 августа 1848 г.). Гарибальди не хотѣлъ его признать и во главѣ около тысячи человекъ нѣкоторое время держался на берегахъ Лаго-Маджіоре, пока, наконецъ, преслѣдуемый цѣлымъ корпусомъ, не былъ принужденъ уйти въ Швейцарію, оказавъ послѣднее сопротивленіе въ Мораццоне.

Защитники крѣпости Озоппо въ долинѣ верхняго теченія Тальяменто тоже отказались принять перемиріе и болѣе двухъ мѣсяцевъ держались противъ австрійцевъ; наконецъ въ октябрѣ они должны были сдаться.

Однимъ словомъ, вся возставшая область была возвращена подъ власть Австріи, за исключеніемъ Венеціи, которая подъ защитой своихъ лагунъ, сохраняла еще свою свободу и независимость. Въ Венеціи тоже заключеніе перемирія вызвало негодованіе противъ Пьемонта; 11 августа вышли въ отставку комиссары, которые послѣ присоединенія приняли управленіе отъ имени Карла-Альберта, а Даніель Манинъ объявилъ народу, что черезъ два дня созывается собраніе для избранія новаго правительства; при этомъ онъ прибавилъ: „Въ теченіе этихъ 48 часовъ управляю я“; слова эти были приняты бѣшеными аплодисментами и радостными криками, свидѣтельствовавшими о довѣриіи къ нему народа.

Австрія, кажется, не могла пожаловаться на папу, который своимъ двусмысленнымъ поведеніемъ способствовалъ охлажденію энтузіазма итальянцевъ; и тѣмъ не менѣе Ра-

децкій послалъ корпусъ солдатъ также и въ Legazioni. Энергическое сопротивление, оказанное въ Болоньѣ, и протестъ Рима заставили его отказаться отъ движенія на эту территорию.

Въ теченіе шести мѣсяцевъ итальянцы перешли отъ самыхъ смѣлыхъ надеждъ къ самому мрачному отчаянію, зато они узнали, что если нѣсколько дней борьбы на баррикадахъ достаточны, чтобы произвести революцію, то для того, чтобы завоевать себѣ и упрочить за собой независимость, нужны гораздо болѣе серьезныя усилія.

Несчастный исходъ войны 1848 г. естественно повліялъ на событія на всемъ полуостровѣ.

Побѣжденная Савойская династія не могла больше думать о Сициліи; поэтому герцогъ Генуэзскій отказался отъ короны, предложенной ему сицилійскимъ парламентомъ. Тогда Фердинандъ Неаполитанскій отправилъ свое войско, чтобы покорить островъ. 3 сентября началась бомбардировка Мессины, которая во всѣхъ цивилизованныхъ народахъ пробудила ненависть къ Фердинанду II и доставила ему кличку „король-бомба“.

Бомбардируемый изъ крѣпости запершимся тамъ гарнизономъ и изъ порта—королевскимъ флотомъ, городъ продержался въ теченіе нѣсколькихъ дней, но 7 сентября наконецъ сдался. Тогда представилось зрѣлище, которое могли дать только войска Бурбоновъ: грабежъ, убійства, пожары свирѣпствовали въ городѣ; наконецъ командующіе англійскаго и французскаго флота, находившагося у береговъ Сициліи, вмѣшались во имя челоувѣколюбія и добились временнаго прекращенія враждебныхъ дѣйствій.

Король Фердинандъ между тѣмъ занимался искорененіемъ всякихъ слѣдовъ свободы также и въ Неаполитанскомъ королевствѣ. Онъ хорошо сумѣлъ воспользоваться событіями 15 мая: сначала онъ удовольствовался измѣненіемъ изби-

рательнаго закона; но и новый парламентъ, выказывавшій очень большую умѣренность, дѣйствовалъ недолго: созванный 1 июля, онъ былъ закрытъ 5 сентября, вновь созванъ 1 февраля 1849 г. и окончательно закрытъ 13 марта того же года. Такимъ образомъ, хотя конституція юридически не была отмѣнена, но фактически она не существовала.

Въ Папской области событія шли быстро. Скоро обнаружилось, что конституціонная система невозможна въ теократическомъ государствѣ. Какъ разъ въ то время, когда министерство нуждалось въ силѣ и энергіи для преобразования государства, Пій IX открыто порицалъ дѣйствія своихъ министровъ. Воспользовавшись услугами Маміани, Фабро и др., Пій IX обратился къ Пеллегриню Росси, пріобрѣвшему славу ученаго юриста и искуснаго дипломата, который послѣ введенія во Франціи республиканскаго образа правленія жилъ въ Римѣ, какъ частный человекъ. Гордый и энергичный, онъ разсчитывалъ господствовать надъ партіями, но палъ жертвой ненависти окружающихъ его людей. 15 ноября 1848 г. Пеллегриню Росси былъ убитъ, когда всходилъ на лѣстницу дворца Cancelleria, гдѣ происходили засѣданія римскаго парламента. Въ теченіе этого дня въ городѣ царствовало недоумѣніе и беспорядокъ; на другой день народъ сталъ волноваться и къ вечеру собрался у Квиринала—резиденціи Пія IX, гдѣ было произведено даже нѣсколько выстрѣловъ. Уступая требованіямъ толпы, папа назначилъ демократическое министерство; побѣда радикаловъ ознаменовалась иллюминаціей и празднествами. Черезъ десять дней произошло важное событіе, которое произвело тяжелое впечатлѣніе на весь городъ: въ ночь съ 24 на 25 ноября Пій IX бѣжалъ изъ Рима.

Онъ искалъ убѣжища у неаполитанскаго короля, который предоставилъ въ его распоряженіе крѣпость Гаэту. Римское министерство направило къ папѣ депутацію, чтобы убѣдить его вернуться, но она не была принята; вмѣсто

того вышелъ декретъ Пія IX, которымъ объявлялись недѣйствительными всѣ рѣшенія, состоявшіяся въ Римѣ послѣ 16 ноября. Тогда рѣшено было созвать собраніе для обсужденія формы правленія, которую слѣдовало принять; папа объявилъ, что отлучаетъ отъ церкви всѣхъ, кто приметъ участіе въ собраніи, но это имѣло послѣдствіевъ устраненіе съ собранія умѣренныхъ элементовъ и дало полную побѣду радикаламъ. 5 февраля 1849 г. состоялось собраніе; оно объявило объ уничтоженіи свѣтской власти папъ и провозгласило Римскую республику.

Въ Тосканѣ великій герцогъ тоже не сочувствовалъ конституціонному образу правленія; онъ терпѣлъ его по необходимости. Въ это время радикалы подняли возстаніе въ Ливорно, и великій герцогъ долженъ былъ назначить демократическое министерство, въ составъ котораго входили Гуэрацци (Guerrazzi) и Монтинелли (27 октября 1848 г.). Они придерживались мысли о необходимости созыва въ Римѣ учредительнаго собранія для обсужденія вопроса о политическомъ устройствѣ полуострова, и послѣ бѣгства папы они стали агитировать въ пользу осуществленія этой мысли. Когда Леопольдъ II увидѣлъ, что событія быстро слѣдуютъ одно за другимъ, онъ задумалъ послѣдовать примѣру Пія IX: сначала онъ отправился въ Сіену, центръ реакціонной партіи (30 января 1849 г.), потомъ въ Порто-Санъ-Стефано, а оттуда въ Гаэту. Тогда въ Тосканѣ было установлено временное правительство во главѣ съ Гуэрацци, Монтанелли и Манцони.

Въ герцогствахъ Пармѣ и Моденѣ Австрія возстановила прежній образъ правленія, а въ Ломбардіи и Венеціи она довершала свое мщеніе.

Одна Венеція продолжала защищаться, подавая примѣръ героизма и величія. Въ Венеціи снова была провозглашена республика; президентомъ былъ избранъ Даніель Манинъ, который въ сотrudники себѣ выбралъ двухъ лю-

дей, свѣдущихъ въ военномъ и морскомъ дѣлѣ, полковника Каведалисъ (Cavedalis) и контръ-адмирала Граціани (Graziani); войсками командоваль неаполитанскій генераль Вильгельмъ Пепе (Guglielmo Pepe). Видъ стариннаго знамени св. Марка радовалъ сердца венеціанцевъ, но они нуждались также въ сокровищахъ и галерахъ древней ихъ республики. Во всякомъ случаѣ всѣ, отъ богатаго патриція и до послѣдняго бѣдняка, доказали свое самоотверженіе и свой патріотизмъ. Помощь пришла также и извнѣ, а Верхне-Альпійскій парламентъ, предсѣдателемъ котораго былъ тогда Винченцо Джіоберти, вотироваль въ пользу Венеціи ежемѣсячную субсидію въ 600 тысячъ лиръ.

Чтобы поднять духъ защитниковъ и прорвать желѣзное кольцо, окружавшее городъ, 27 октября 1848 г. была сдѣлана вылазка. Венеціанскимъ войскамъ удалось занять Местру (Mestre), гдѣ находился главнокомандующій непріятельскими силами, и нанести большой уронъ осаждающимъ, но они ограничились только тѣмъ, что показали свою храбрость и отступили. Въ этомъ сраженіи былъ тяжело раненъ неаполитанскій поэтъ Алессандро Поэріо (Alessandro Poerio), умершій нѣсколько дней спустя.

Въ это время въ Австріи происходила смѣна правителей: въ декабрѣ 1848 г. Фердинандъ I отрекся отъ престола въ пользу своего восемнадцати-лѣтняго племянника Франца-Іосифа. Несмотря на одержанныя въ Италіи побѣды, австрійское правительство находилось въ тяжеломъ положеніи: между тѣмъ, какъ внутри государства продолжалась революціонная агитація, въ Венгріи начиналось возстаніе, Венеція продолжала бороться, Пьемонтъ грозилъ войной.

ГЛАВА XI.

Война 1849 года.

Возобновленіе борьбы Пьемонта съ Австріей.—Пораженіе при Новарѣ и отреченіе Карла-Альберта.—Десять дней осады Бресши.—Возстановленіе абсолютизма въ Неаполитанскомъ королевствѣ; покореніе Сициліи; Возстановленіе велико-герцогскаго правительства въ Тосканѣ.—Римская республика; вмѣшательство французовъ; Гарибальди.—Героическая оборона Венеціи; Даніель Манинъ.

Въ Пьемонтѣ Парламентъ, печать, эмигранты,—всѣ требовали войны, и старанія европейской дипломатіи не могли сдержать этого великодушнаго и возвышеннаго рвенія; самъ Карлъ-Альбертъ хотѣлъ возобновить борьбу. Послѣ компаниі 48 года онъ намѣревался отречься отъ престола, но потомъ отказался отъ этого въ надеждѣ, что ему удастся дать реваншъ на войнѣ, или разсчитывая, что этимъ докажетъ всему міру лживость взводимой на него клеветы. 12 марта 1849 г. было прекращено перемиріе, 20 должны были возобновиться враждебныя дѣйствія.

На этотъ разъ Пьемонтъ былъ совершенно одинокъ: Неаполь и Сицилія готовились снова начать свою братоубійственную борьбу; Римское и Флорентійское правительства были заняты исключительно упроченіемъ республиканскаго строя; Ломбардо-Венеціанская область ожидала прихода пьемонтскихъ войскъ, прежде, чѣмъ возстать; Венеція была занята собственной обороной; слѣдовательно, пьемонтское войско одно готовилось встрѣтить австрійцевъ.

Правда, цѣною огромныхъ жертвъ численность войска была доведена до 90,000, но это были большей частью войска новаго призыва, еще не бывшія въ сраженіи; кромѣ того, крайнія партіи распространяли недовольство въ войскѣ, не довѣрявшемъ офицерамъ, которые вели предыдущую кампанію.

Сознавая свою неспособность, король отказался отъ командованія; это была одна изъ самыхъ тяжелыхъ жертвъ, которую онъ принесъ благу Италіи. Единственнымъ генераломъ, который могъ его замѣнить, былъ Бава; но какъ разъ въ это время Бава, чтобы оправдать себя отъ взводимыхъ на него обвиненій, опубликовалъ обзоръ войны 48 г., который нанесъ тяжелый ударъ королю; поэтому Бава остался въ сторонѣ. Думали пригласить какого - нибудь французскаго генерала, но французская республика не хотѣла портить отношеній съ Австріей изъ-за Пьемонта и нашла множество затрудненій. Тогда главнокомандующимъ былъ назначенъ полякъ Чарновскій (Czarnowsky), извѣстный благодаря участію въ борьбѣ за независимость Польши. Къ сожалѣнію, выборъ оказался неудачнымъ: извѣстностью своей Чарновскій былъ обязанъ не столько своему таланту, сколько той симпатіи, которой пользовалась Польша въ Европѣ; кромѣ того, онъ не зналъ ни языка, ни нравовъ Пьемонта и не изучилъ мѣстности, гдѣ ему приходилось сражаться; наконецъ, онъ былъ некрасивъ, маленькаго роста, очень сдержанный, — однимъ словомъ не имѣлъ даже внѣшнихъ данныхъ, чтобы внушить довѣріе войску. Радецкій располагалъ въ Италіи стотысячной арміей, храброй и воодушевленной побѣдами; самъ онъ чувствовалъ себя помолодѣвшимъ, благодаря послѣднимъ успѣхамъ, и въ этотъ послѣдній періодъ войны, онъ сумѣлъ еще увеличить свою славу.

Границей между Пьемонтомъ и Ломбардіей служила рѣка Тичино, длиною около 100 км., вытекающая изъ Лаго Маджіоре и впадающая въ По немного ниже Павіи; Радецкій

задумалъ соединить свои силы у Тичино, вступить въ Пьемонтъ и немедленно дать рѣшительное сраженіе; въ случаѣ побѣды, возстанія, могущія вспыхнуть въ Ломбардо-Венеціанской области, будутъ подавлены очень скоро. Съ этой цѣлью онъ сосредоточилъ войска у Павіи, и здѣсь 20 марта семьдесятъ тысячъ австрійцевъ перешли р. Тичино, не встрѣтивъ сопротивленія.

Между тѣмъ эту переправу предполагалось охранять; это было поручено генералу Раморино, тому самому, который въ 34 году руководилъ экспедиціей Мадзини въ Савойю, а теперь добился командованія въ такомъ важномъ пунктѣ для расположенія войска.

Раморино получилъ приказъ двинуться къ La Cava,—позиціи, господствующей надъ переправой черезъ Тичино близъ Павіи; вмѣсто этого онъ остался на правомъ берегу По, а въ Ла-Кава послалъ лишь нѣсколько батальоновъ, которые принуждены были отойти при приближеніи австрійцевъ. За это генерала Раморино обвинили въ измѣнѣ; во всякомъ случаѣ, онъ виновенъ въ неповиновеніи, происшедшемъ или вслѣдствіе легкомыслія или вслѣдствіе неспособности, а можетъ быть и изъ зависти къ Чарновскому, который въ Польшѣ сражался съ нимъ въ томъ же чинѣ, а теперь былъ его начальникомъ. Раморинъ понесъ наказаніе за свой проступокъ: онъ былъ приговоренъ къ смерти и разстрѣлянъ въ крѣпости въ Туринѣ.

Итакъ, австрійское войско вступило въ Пьемонтъ. Одновременно съ этимъ Чарновскій и Карль-Альбертъ съ болъшею частью пьемонтскаго войска переправились черезъ Тичино гораздо сѣвернѣе, у моста Буффалора (Buffalora) и, не встрѣтивъ врага, вступили въ Мадженту (Magenta). Это движеніе было такое-же, какъ движеніе Радецкаго, но, чтобы достигнуть хорошихъ результатовъ, нужна была рѣшимость и смѣлость: надо было смѣло вступить въ Ломбардію, не обращая вниманія на Радецкаго. Дѣйствительно,

что могло бы сдѣлать австрійское войско среди враждебнаго ему населенія, когда Ломбардо-Венеціанская область возстала бы у него въ тылу, а пьемонтское войско грозило отрѣзать ему отступленіе? Чарновскій же, вмѣсто того, чтобы дѣйствовать согласно собственному плану, кончилъ тѣмъ, что—какъ всегда поступаютъ неспособные полководцы—принялъ планъ непріятеля: онъ рѣшилъ вернуться назадъ и переправился обратно черезъ Тичино.

Исходъ этой кампаніи долженъ былъ рѣшиться въ мѣстности между Сезіей и Тичино; въ центрѣ лежитъ городъ Новара, а немного южнѣе—Мортара и Виджевано (Vigevano). Близъ послѣднихъ двухъ городовъ пьемонтское войско встрѣтилось съ австрійскимъ 21 марта; при Виджевано и при Сфорцеска (Sforzesca) оно побѣдило, но при Мортара было разбито.

Тогда Чарновскій стянулъ все свое войско къ Новарѣ, гдѣ 23 марта разыгралась послѣдняя сцена этой драмы. Войска находились еще подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ пораженія при Монтанарѣ; кромѣ того, доставка провіанта и на этотъ разъ производилась настолько неудовлетворительно, что въ этотъ день многимъ не хватило съѣстныхъ припасовъ; мрачныя предзнаменованія волновали всѣхъ. Въ началѣ все-таки счастье было на сторонѣ пьемонтцевъ; герцогу Генуэзскому, подъ которымъ были убиты двѣ лошади, удалось отбросить австрійцевъ отъ Бикокки; но Чарновскій, составившій оборонительный планъ кампаніи и не хотѣвшій отъ него уклоняться, вмѣсто того, чтобы послать подкрѣпленія, приказалъ отступать. Между тѣмъ къ австрійцамъ подошли свѣжія войска, и послѣ упорной борьбы, продолжавшейся до поздняго вечера, побѣда осталась за ними. Ужасенъ былъ вечеръ 23 марта 49 г. въ Новарѣ! Шель проливной дождь; разстроенныя пьемонтскія войска бѣжали; повозки съ ранеными загромождали дороги, а между тѣмъ австрійская артиллерія продолжала распро-

странять смерть. Карль-Альбертъ, блѣдный, нахмуренный еще болѣе сторбившійся, смотрѣлъ на это грустное зрѣлище; тщетно онъ бросался туда, гдѣ опасность была сильнѣе, тщетно онъ хотѣлъ быть убитымъ на полѣ сраженія, гдѣ пали генералы Пассалаква (Passalacqua) и Перроне и столько доблестныхъ воиновъ. Онъ долго стоялъ на стѣнахъ Новары, окрестивъ на груди руки и погруженный въ воспоминанія. Ровно годъ тому назадъ вечеромъ 23 марта онъ, съ балкона своего дворца въ Туринѣ, объявилъ войну за независимость; и вотъ первая годовщина этого счастливаго дня стала такимъ роковымъ днемъ для Италіи и для него самого. Быть можетъ, въ эту минуту онъ вспомнилъ, что явился именно въ Новару 28 лѣтъ тому назадъ, когда отказался помогать защитникамъ конституціи; несомнѣнно, онъ долженъ былъ помнить, что его сотрудники въ 21 г. подъ этими самыми стѣнами тоже защищали трехцвѣтное итальянское знамя и, потерпѣвъ поражение, должны были эмигрировать. Нынѣ и для него исчезла всякая надежда на славу и величіе.

На вопросъ, можно ли еще продолжать борьбу? генералы отвѣтили отрицательно. Карль-Альбертъ просилъ у Радецкаго перемирія, но условія, предложенныя Радецкимъ, показались ему слишкомъ тяжелыми.

Думая, что онъ самъ служитъ препятствіемъ для установленія болѣе благоприятныхъ условій, онъ принесъ послѣднюю жертву благу Италіи: онъ отрекся отъ престола въ пользу своего сына Виктора-Эмануила II; а чтобы никто не предполагалъ въ немъ желанія вмѣшиваться въ общественныя дѣла, онъ рѣшилъ уѣхать подальше отъ Пьемонта—въ Португалію.

Торопясь уѣхать, онъ даже не дождался наступленія дня и ночью, въ наемной каретѣ, онъ отправился въ изгнаніе; все какъ будто напоминало ему объ ошибкѣ молодости: въ Ниццѣ, при выѣздѣ изъ своего королевства, его

встрѣтилъ и привѣтствовалъ послѣдними словами утѣшенія сынъ Санторре Сантароза, сообщника его по 21 году. Тяжело было его путешествіе черезъ Францію и Испанію до далекаго Опорто, гдѣ вскорѣ, 28 іюня 1849 г., великодушный государь, сокрушенный несчастіями, скончался *).

Пьемонтъ, взявшись за оружіе, старался увлечь за собою Ломбардо - Венещанскую область; нѣкоторые города, какъ напр. Комо, Бергамо, Брешиа, возстали, но при извѣстїи о пораженїи пьемонтскаго войска они немедленно сложили оружіе. Только Брешиа, введенная въ заблужденіе ложными слухами, упорствовала въ своемъ мятежѣ и осадила австрійскій крѣпостной гарнизонъ: но въ скорѣ сама она была осаждена другою частью австрійскаго войска, подъ начальствомъ генерала Гейнау (Haunau). Брешиа сопротивлялась въ теченіе десяти дней. 31 августа австрійцы вступили въ городъ, но не могли еще считать его покореннымъ: имъ пришлось осаждать каждый домъ по очереди: только 1 апрѣля Брешиа, разрушенная и заваленная трупами, подчинилась Австріи. Жестокость австрійцевъ равна была героизму брешианцевъ; такимъ образомъ, тогда какъ совершенныя ими звѣрства внушали ненависть къ генералу Гейнау, во всемъ цивилизованномъ мірѣ имя Брешии было окружено ореоломъ безсмертной славы.

Для Италїи наступилъ періодъ несчастья: пораженіе при Новарѣ, разумѣется, должно было отразиться на всемъ полуостровѣ. Обрадованный побѣдами Австріи, Фердинандъ II Неаполитанскій тотчасъ-же снова взялся за оружіе, чтобы завершить покореніе Сициліи. Въ концѣ марта двадцатитысячное войско Бурбоновъ отправилось изъ Мессины противъ возставшаго острова; 4 апрѣля оно заняло Таормину, 6-го апрѣля—Катанію, потомъ двинулось къ Па-

*) Прахъ его былъ перевезенъ въ Италію и покоится въ храмѣ Суперга близъ Турина.

лермо. Временное правительство вступило въ переговоры, а наиболѣе скомпрометированные во время возстанія патриоты покинули островъ; однако народъ избралъ себѣ новыхъ вожаковъ и хотѣлъ продолжать борьбу. Королевское войско должно было сражаться въ теченіе трехъ дней прежде, чѣмъ вступить въ городъ; оно заняло городъ только 15 мая, обѣщая выгодныя условія, которыя король и не подумалъ исполнить. Островъ терпѣлъ еще большія притѣсненія, чѣмъ прежде.

Въ Неаполитанскомъ королевствѣ Фердинандъ, наконецъ сбросившій маску, не только не созывалъ больше Парламента, но употребилъ всѣ старанія, чтобы арестовать самыхъ извѣстныхъ либераловъ, какъ, напр., Луиджи Сеттембрини, Антонио Шіалоіа (Scialoia), Карло Поэріо, Сильвіо Спавента и много другихъ. Къ несчастью, онъ нашелъ подлыхъ и подкупныхъ судей, всегда готовыхъ исполнить его низкія желанія.

Нѣсколько спокойнѣе обошлось дѣло въ Тосканѣ. Вслѣдствіе бѣгства великаго герцога власть перешла къ демократической партіи; Гуэррацци сдѣлался даже диктаторомъ Тосканы. Республиканскій образъ правленія однако не соотвѣтствовалъ нравамъ страны: онъ нарушалъ привычки населенія. Послѣ пораженія при Новарѣ вступленіе австрійскихъ войскъ въ Тоскану казалось неизбѣжнымъ; тогда люди умѣренной партіи рѣшили уничтожить всякій поводъ къ вмѣшательству, призвавъ обратно великаго герцога. Риказоли, Каппони, Перуцци и нѣкоторые другіе выдающіеся люди умѣренной партіи вмѣстѣ съ муниципалитетомъ Флоренціи 12 апрѣля 1849 г. захватили власть въ свои руки именемъ великаго герцога Леопольда II, и эта перемѣна правленія вскорѣ была признана почти всѣми городами Тосканы. Только Ливорно оставался во власти революціонеровъ.

Умѣренная партія просила тогда великаго герцога, нахо-

дившагося въ Гаэтѣ, возвратиться въ свои владѣнія. Онъ согласился на все то, что было сдѣлано въ его пользу, но послалъ впередъ австрійскую милицію, быстро усмирившую Ливорно (11 мая). И точно недостаточно было позора иностраннаго вмѣшательства, чтобы вывести изъ терпѣнія народъ, внезапно возстановившій великогерцогскую власть,— Леопольдъ II при въѣздѣ во Флоренцію надѣлъ мундиръ австрійскаго генерала. Съ этого дня все населеніе Тосканы отвернулось отъ Лотарингской династіи; даже умѣренная партія высказалась противъ этой династіи, подчинявшейся всякому знаку изъ Вѣны.

Болѣе важныя событія совершались въ Папской области.

Когда въ февралѣ 1849 года въ Римѣ былъ введенъ республиканскій образъ правленія, Джузеппе Мадзини немедленно поспѣшилъ туда.

Мадзини, который въ теченіе столькихъ лѣтъ былъ самымъ ревностнымъ апостоломъ единства Италіи, въ 48 году, когда страна возстала противъ иностранцевъ, остался въ сторонѣ, такъ какъ итальянцы не хотѣли привести въ исполненіе его плана о республикѣ, а думали дѣйствовать за-одно со своими государями и съ папой, побуждаемые къ этому идеями Джіоберти и Бальбо; поэтому дѣятельность Мадзини въ 48 г. не принесла пользы Италіи, такъ какъ поддерживала несогласія. Когда однако въ 49 г. въ Римѣ раздались голоса за республику, онъ надѣялся, что оттуда идея эта распространится по всему полуострову. Исполнительная власть въ новой республикѣ была поручена триумвирату, въ составъ котораго входили Мадзини, Саффи и Армеллини; въ дѣйствительности же это была диктатура Мадзини.

Римской республикѣ на первыхъ же порахъ ея существованія представились серьезныя затрудненія. Начиная съ 18 февраля Пій IX изъ Гаэты обратился къ католическимъ державамъ съ просьбой возстановить его правленіе. Испанія,

ревностная защитница Церкви, сейчас-же предложила свое содѣйствіе; Неаполитанскій король, пріютившій папу, выразилъ готовность помочь ему; Австрія, поддерживавшая принятую Піемъ IX роль, тоже обѣщала свое посредничество; но наибольшее удивленіе вызвало вмѣшательство одной изъ республикъ, а именно Франціи.

10 декабря 1848 г. президентомъ Французской республики былъ избранъ Людовикъ-Наполеонъ. Замышляя уничтожить республику, во главѣ которой стоялъ, и основать имперію, Людовикъ-Наполеонъ понималъ, что для этого ему необходима поддержка клерикальной партіи, а единственнымъ средствомъ ея добиться было возстановленіе власти папы; встрѣтивъ, однако, оппозицію въ парламентѣ, въ которомъ преобладала либеральная партія, онъ сталъ вести двусмысленную политику. Онъ объявилъ, что въ интересахъ Франціи мѣшать распространенію въ Итали австрійскаго вліянія, и вооружилъ небольшой флотъ для перевозки въ Папскую область войска, подъ командой генерала Удино (Oudinot), чтобы защищать — по его словамъ — интересы свободы и предоставить жителямъ свободно рѣшать свою судьбу Римская республика сочла это вмѣшательство иностранцевъ за оскорбленіе и заявила, что на силу отвѣтитъ силою-же. 30 апрѣля 1849 войска Удино подошли къ Риму, но были отражены благодаря доблести волонтеровъ, поспѣвшихъ къ Риму со всѣхъ концовъ полуострова и дѣйствовавшихъ подъ умѣлымъ руководствомъ Джузеппе Гарибальди. Это сраженіе открыло глаза французскимъ либераламъ; чтобы нѣсколько успокоить ихъ негодованіе, въ Римъ въ качествѣ посла былъ отправленъ Фердинандъ Лессепсъ (впослѣдствіи пріобрѣтшій извѣстность благодаря прорытію Суэцскаго канала). Лессепсъ началъ переговоры съ Римской республикой и добился перемирія.

Во время пріостановки военныхъ дѣйствій между Франціей и Римомъ австрійцы заняли область Феррары, двину-

лись къ Болоньѣ (которая сдалась послѣ отчаяннаго сопротивленія) и, спустившись по берегу Адриатическаго моря, захватили Анкону; здѣсь имъ пришлось остановиться, такъ какъ французы оставили за собой честь возстановленія власти папы въ Римѣ. Пока австрійское войско шло съ сѣвера, въ Понтійскихъ болотахъ высадился корпусъ испанскихъ войскъ. Эти защитники христіанства, пройдя по странѣ, гдѣ не оказалось непріятели — торжественно вступили въ Фіумичино, не встрѣтивъ ни одного жандарма, а затѣмъ возвратились на родину съ сознаниемъ великихъ подвиговъ, совершенныхъ во славу Испаніи и во славу Божію. Противъ Римской республики ополчился также Фердинандъ II Неаполитанскій. Довольный успѣхомъ въ Сициліи, онъ думалъ оказать незамѣнимую услугу папѣ и заслужить его благодарность; онъ вступилъ въ Папскую область и дошелъ до Беллетри, гдѣ встрѣтился съ римскими войсками, и долженъ былъ отступить (19 мая); преслѣдуя его, Гарибальди перешелъ границу и, если бы не былъ отозванъ главнокомандующимъ Роселли, отступление войска Фердинанда могло бы превратиться въ пораженіе. Во всякомъ случаѣ послѣ этого сраженія Фердинандъ II предоставилъ другимъ честь возстановленія власти папы, требовавшую столькихъ усилій.

Между тѣмъ Людовикъ-Наполеонъ, преодолевъ внутреннюю оппозицію, послалъ новыя войска генералу Удино. 3 іюня истекалъ срокъ перемирія; хотя Удино и заявилъ, что не возобновитъ военныхъ дѣйствій раньше 4 іюня, онъ въ этотъ же самый день атаковалъ посты въ Вилла Корсини и Вилла Памфили; здѣсь произошло одно изъ самыхъ памятныхъ сраженій по чудесамъ личной храбрости, проявленной гарибальдійцами; здѣсь былъ смертельно раненъ молодой поэтъ Мамели, умершій мѣсяць спустя, когда его товарищи уже должны были эмигрировать. При славной оборонѣ Рима были убиты Лучіано Манара (Luciano Manara),

доблестный предводитель ломбардцевъ, Эмилио Морозини и покрылъ себя безсмертною славой Джакомо Медичи (Giacommo Medici), герой-защитникъ дома, наз. „Vascello“.

Нѣсколько тысячъ добровольцевъ не могли, конечно, противустоять многочисленному австрійскому войску. 2-го іюля Римскій парламентъ призналъ дальнѣйшее сопротивленіе бесполезнымъ, а на другой день, когда французы вступали въ городъ, депутаты въ видѣ протеста приняли республиканскій образъ правленія, который они обсуждали и выработали во время осады. 4 іюля зала парламента была закрыта, и Удинѣ возстановилъ въ Римѣ папскую власть.

Гарибальди съ отрядомъ въ 4.000 человекъ хотѣлъ на свой страхъ продолжать войну въ горахъ, но, преслѣдуемый французами въ Лаціумѣ и угрожаемый австрійцами въ Мархіи, потерялъ часть своего отряда; онъ вступилъ тогда на территорию республики Санъ-Марино, гдѣ освободилъ своихъ приверженцевъ отъ всякихъ обязательствъ. Триста человекъ выразили желаніе послѣдовать за нимъ въ Венецію, куда онъ рѣшилъ отправиться на помощь Венеціи, все еще не покорившейся Австріи. Въ Чесенатико они сѣли на 13 кораблей.

Къ несчастью въ эту ночь на совершенно ясномъ небѣ сіяла луна, освѣщавшая бѣглецовъ; этотъ свѣтъ, столько разъ благословляемый пловцами, принесъ несчастье бѣглецамъ: австрійскій флотъ замѣтилъ ихъ, бросился ихъ преслѣдовать и захватилъ восемь судовъ; пяти судамъ удалось достигнуть моря близъ устья По; въ одномъ изъ нихъ находился Гарибальди и его супруга Анита, которая хотѣла слѣдовать за нимъ въ опасности, не смотря на беременность. Это были тяжелыя минуты въ жизни героя. Разсказъ объ этихъ событіяхъ, полный простоты и силы, который онъ даетъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ дышетъ чисто эпическимъ величіемъ.

„Предоставляю судить о томъ, каково было мое состоя-

ніе въ эти ужасныя минуты. Несчастливая моя жена была при смерти! Непрiятель преслѣдовалъ насъ съ моря съ той быстротой, которую даетъ увѣренность въ побѣдѣ; а впереди намъ предоставлялась перспектива высадиться на берегъ, гдѣ почти съ полной увѣренностью можно было ожидать другого болѣе многочисленнаго непрiятеля, не только австрiйцевъ, но и войска Папской области, гдѣ тогда господствовала реакція. Какъ бы то ни было, мы высадились на берегъ. Я взялъ мою дорогую подругу на руки, вышелъ на берегъ и положилъ ее на землю. Я сказалъ моимъ товарищамъ, взглядомъ просившимъ моего совѣта, чтобы они шли наудачу и старались найти себѣ убѣжище, но во всякомъ случаѣ удалились отъ мѣста нашей высадки, такъ какъ съ минуты на минуту могли придти непрiятельскія суда. Что касается до меня, то я не могъ идти дальше, ибо невозможно было бросить умирающую жену. А между тѣмъ, эти люди были мнѣ очень дороги: это былъ Уго Басси и Сисегуасчио съ двумя сыновьями! Басси сказалъ мнѣ:

„Пойду, поищу хижину, гдѣ бы мнѣ дали пару панталонъ, чтобы переодѣться: эти слишкомъ подозрительны“. На немъ были красные панталоны, кажется снятые съ трупа французскаго солдата однимъ изъ нашихъ и подаренные имъ незадолго до того Уго Басси, чтобы замѣнить другую пару, слишкомъ заплатанную. Чичеруаккио дружески со мной простился и ушелъ съ сыновьями. Мы разстались съ этими доблестными итальянцами навсегда. Жестокіе австрiйцы и священники разстрѣляли этихъ благородныхъ людей, чтобы утолить свою жажду крови и такимъ образомъ отомстить за свой прежній страхъ *).

*) Уго Басси, арестованный австрiйцами близъ Комаккио (Comacchio), былъ разстрѣлянъ въ Болоньѣ 8 августа; черезъ два дня были схвачены и разстрѣляны Чичеруаккио (Ciccuacchio) и его сыновья.

Я остался невдалекѣ отъ моря въ полѣ кукурузы съ Анитой и лейтенантомъ Леджеро (Leggiero), неразлучнымъ моимъ спутникомъ, послѣдовавшимъ за мной даже въ Швейцарію въ предыдущемъ году послѣ дѣла при Мораццоне. Послѣднія слова моей любимой жены относились къ ея дѣтямъ, которыхъ она уже не надѣялась больше увидѣть!

Въ теченіе нѣкотораго времени мы оставались въ полѣ въ нерѣшимости, что намъ дѣлать. Наконецъ я просилъ Леджеро пройти немного вглубь, чтобы посмотрѣть, нѣтъ ли вблизи какого-нибудь дома. Со свойственной ему смѣлостью онъ сейчасъ же отправился въ путь. Въ теченіе нѣкотораго времени я ждалъ его возвращенія; вскорѣ я услышалъ голоса приближавшихся людей; я вышелъ изъ моего убѣжища и увидѣлъ Леджеро въ сопровожденіи челоуѣка, котораго я сейчасъ же узналъ и которому очень обрадовался. Это былъ полковникъ Нино Боннэ (Nino Bonnet), одинъ изъ самыхъ выдающихся моихъ офицеровъ, который былъ раненъ во время осады Рима, гдѣ былъ убитъ одинъ изъ его братьевъ. Онъ уѣхалъ домой для леченья. Встрѣча съ моимъ собратомъ по оружію была для меня счастливой случайностью. Онъ жилъ въ окрестностяхъ и имѣлъ даже помѣстье. Услыхавъ выстрѣлы и ожидая нашей высадки, онъ направился къ берегу моря, чтобы отыскать насъ и помочь намъ. Смѣлый и умный Боннэ съ опасностью для себя самого нашелъ насъ. Встрѣтивъ такого помощника, я совершенно положился на него, и это было нашимъ спасеньемъ. Онъ сейчасъ же предложилъ направиться къ находившейся по близости хижинѣ, чтобы дать пріютъ несчастной моей подругѣ. Мы отправились, вдвоемъ поддерживая Аниту, и съ трудомъ добрались до этого жилища бѣдняковъ, гдѣ нашли воду,—самое необходимое для страдалицы—и не помню что еще. Оттуда мы перешли въ домъ сестры Боннэ, которая обошлась съ нами очень ласково. Затѣмъ мы черезъ долину Комаккіо подошли къ Ман-

дріола, гдѣ долженъ былъ быть докторъ. Мы достигли Мандріола, при чемъ Анита лежала на матрасѣ въ телѣжкѣ, въ которой ее привезли.

Доктору Цаннини (Zanini), явившемуся какъ разъ въ эту минуту я сказалъ: „постарайтесь спасти эту женщину“.

А докторъ отвѣтилъ: „перенесемъ ее на постель“. Мы вчетверомъ взяли за углы матраса и перенесли въ кровать въ верхнемъ этажѣ дома. Когда я положилъ жену мою на постель, мнѣ показалось, что на лицѣ ея я замѣтилъ печать смерти. Я пощупалъ пульсъ... онъ не бился больше! Передо мной лежала мать моихъ дѣтей, такъ сильно мной любимая,—мертвая!.. Они спросятъ меня о своей матери при первомъ же свиданіи!

Я горько оплакивалъ мою Аниту, ту, которая была моей неразлучной спутницей во всѣхъ наиболѣе опасныхъ обстоятельствахъ моей жизни! Я просилъ окружавшихъ насъ добрыхъ людей похоронить ея трупъ и удалился по просьбѣ владѣльцевъ дома, которыхъ я могъ скомпрометировать, оставаясь у нихъ дольше.

Я направился къ Сант-Альберто съ проводникомъ, который привелъ меня въ домъ бѣднаго, но честнаго сапожника. Боннэ, которому я обязанъ жизнью, ³начинаетъ рядъ моихъ покровителей, безъ помощи коихъ я не могъ бы въ теченіе тридцати семи дней пробраться отъ низовьевъ рѣки По до залива Піомбино, откуда я на пароходѣ отправился въ Лигурию *).

*) Пьемонтское правительство, боясь, чтобы Гарибальди не далъ повода для волненій, предложило ему снова отправиться въ изгнаніе. Онъ провелъ нѣкоторое время въ Танжерѣ, потомъ въ Ливерпулѣ, и наконецъ, отправился въ Нью-Йоркъ, откуда вернулся въ Италію въ 1854 г., когда Пьемонтъ снова сталъ дѣйствовать болѣе смѣло. Онъ поселился въ Ниццѣ, а потомъ на о. Капрера, гдѣ купилъ себѣ у Сардинской казны небольшое помѣстье.

Шумъ оружія утихъ повсюду, кромѣ Венеціи. Когда въ мартѣ 1849 г. Пьемонтъ возобновилъ борьбу съ Австріей, Венеція съ восторгомъ привѣтствовала это извѣстіе и 22 марта, полная самыхъ радужныхъ надеждъ, отпраздновала первую годовщину освобожденія города. Къ несчастью, скоро получилась вѣсть о пораженіи при Новарѣ. Генераль Гейнау сообщилъ Даніелю Манину о пораженіи пьемонтскаго войска и о заключеніи перемирія, предлагая Венеціи безъ дальнѣйшаго сопротивленія подчиниться австрійскому императору; но старый городъ дожей тогда написалъ лучшую страницу своей исторіи. Въ залѣ Верховнаго Совѣта (*Maggior Consiglio*) было созвано собраніе представителей Венеціи; отнынѣ республика не могла рассчитывать на помощь; и все-таки въ этомъ знаменитомъ засѣданіи 2 апрѣля все собраніе единогласно постановило, что Венеція будетъ сопротивляться во что бы то ни стало. И славный городъ, подъ твердымъ и талантливымъ руководствомъ Даніеля Манина сумѣлъ сдержать обѣщаніе.

Тогда началась настоящая блокада Венеціи. Оборона ограничивалась одной лагуной отъ *Tre Porti* до Брондоло; на сушѣ центромъ борьбы сталъ фортъ Мальгера. 4 мая былъ произведенъ штурмъ; австрійцы были настолько увѣрены въ немедленной побѣдѣ, что самъ Радецкій съ тремя юными эрцгерцогами австрійскими прибылъ на поле сраженія, чтобы присутствовать при взятіи форта. Съ башни Местре они смотрѣли на происходившую тамъ жестокою борьбу; венеціанцы, съ крышъ домовъ и съ колоколенъ, тоже съ трепетомъ присутствовали при этой битвѣ, отъ которой зависѣла ихъ судьба. Канонада продолжалась цѣлый день; наконецъ венеціанцы могли съ радостью привѣтствовать побѣду своихъ защитниковъ.

Штурмъ Мальгеры повторился 6-го и въ слѣдующіе дни, но тщетно. Съ теченіемъ времени однако оборона этого форта стала невозможной: немногія устоявшія еще укрѣ-

пленія грозили разрушиться, а большое число защитниковъ было убито. Тогда гарнизонъ Мальгеры получилъ приказъ отступить въ городъ. Въ ночь съ 26 на 27 защитники въ полномъ молчаніи отступили на длинный мостъ, соединяющій городъ съ материкомъ; часть его была разрушена, а на центральной платформѣ установлена батарея. Австрійцы заняли Мальгеру, и оттуда начали сражаться съ батареей на мосту. Сколько героизма обнаружили здѣсь защитники! На центральной платформѣ умеръ смертью героя полковникъ Чезаре Россароль (Cesare Rossaroll), сынъ неаполитанскаго генерала, который въ 21 г. тщетно старался поддержать революцію въ Мессинѣ; тамъ же приобрѣлъ безсмертную славу Энрико Козенцо. Венеціанцы продолжали упорно защищаться, хотя съѣстныхъ припасовъ уже не доставало, а снаряды австрійскихъ орудій падали въ самый городъ; въ теченіе 24 дней около 23 тысячъ снарядовъ упали въ Венецію; и все-таки на каждое предложеніе о сдачѣ она отвѣчала отрицательно. 1 августа подъ командой Сиртори была сдѣлана вылазка къ Брондоло, гдѣ удалось захватить 200 быковъ и такимъ образомъ запастись пищей на нѣсколько дней. Къ несчастью, холера присоединилась къ дороговизнѣ и къ войнѣ. Можно себѣ представить, какъ свирѣпствовала страшная болѣзнь среди населенія, терпящаго голодь и множество другихъ лишеній, принужденнаго жить лишь въ третьей части города, потому что остальная часть была разрушена снарядами. Тогда, наконецъ, вступили въ переговоры съ непріателемъ. Даніель Манинъ, который во всѣхъ несчастяхъ выказалъ величіе своего ума и своей души, при послѣднемъ смотрѣ національной гвардіи, произнесъ слѣдующія слова, совершенно вѣрно изображавшія его дѣла: „Можетъ быть, вы скажете: этотъ человекъ заблуждался, но никогда вы не можете сказать: онъ вводилъ насъ въ заблужденіе“.

22 августа враждебныя дѣйствія прекратились, а 24

была подписана капитуляція; Манинъ, Томмазо, Пепе и многіе другіе эмигрировали; 30 Радецкій торжественно вступилъ въ Венецію и отправился въ соборъ св. Марка на молебень.

Во время гибели всѣхъ надеждъ итальянцевъ, одно государство не все еще потеряло: это былъ Пьемонтъ. Онъ былъ побѣжденъ Австріей, но сохранилъ статутъ; въ этомъ было его счастье и счастье всей Италіи, въ этомъ великая и главная заслуга короля Виктора-Эмануила II, который на окровавленномъ полѣ сраженія при Новарѣ принялъ корону Савойи.

ГЛАВА XII.

Начало царствованія Виктора-Эмануила II.

Бесѣда Виктора-Эмануила съ Радецкимъ въ Виньяле (Vignale).—Торжество реакціи въ Европѣ.—Важныя затрудненія для новаго короля.—Массимо Д'Адзельо и манифестъ (просіата) въ Монкальери.—Рѣчи графа Кавура.—Печальное положеніе остальной Италіи.—Письма Гладстона о правленіи Бурбоновъ.—Процессы въ Мантуѣ; 6 февраля 1853 г. въ Миланѣ.—Убійство герцога Пармскаго.

Викторъ-Эмануиль II, которому суждено было создать единую Италію, родился въ Туринѣ 14 марта 1820 г., въ томъ самомъ году, когда Италія впервые протестовала противъ договоровъ 1815 года; онъ родился тогда, когда въ умѣ его отца уже возникла мысль о возрожденіи Италіи. Но въ какую тяжелую минуту ему пришлось вступить на престолъ! Онъ долженъ былъ начать свое царствованіе большой жертвой, — примириться съ положеніемъ побѣжденнаго!

24 марта 1849 г. въ сопровожденіи немногихъ офицеровъ Викторъ-Эмануиль отправился въ Виньяле (Vignale) близъ Новары для личныхъ переговоровъ съ Радецкимъ. Узнавъ объ отреченіи Карла-Альберта, Радецкій надѣлся, что объединительныя стремленія Пьемонта погибли навсегда и что конституціонное устройство и трехцвѣтное знамя покинули страну вмѣстѣ съ каретой, увозившей въ изгнаніе побѣжденнаго короля; онъ имѣлъ основанія для этого, такъ какъ Вик-

торъ - Эмануиль женился на Маріи-Аделаидѣ, дочери эрцгерцога Австрійскаго Раньери. Радецкій, бывший въ дружескихъ отношеніяхъ съ Раньери и знавшій Марію - Аделаиду съ самаго дня ея рожденія, принялъ молодого короля съ должными почестями и далъ ему понять, что онъ можетъ расчитывать на расширеніе своихъ владѣній, если возстановитъ неограниченную монархію и подниметь снова прежнее голубое знамя Савойи. Викторъ-Эмануиль категорически заявилъ, что Савойская династія никогда не нарушала своего слова. Обстоятельства заставили его подписать тяжелыя условія мира, но онъ не оставилъ трехцвѣтнаго знамени, которое выражало сочувствіе Савойской династіи революціоннымъ идеямъ. Это сочувствіе, совершенно укрѣпившееся въ сознаніи короля, повидимому, не было замѣчено страной, которая, удрученная перенесенными несчастіями, не могла воздержаться отъ жалобъ. Виктора-Эмануила, въ послѣдствіи пользовавшагося такою популярностью, тогда всѣ подозрѣвали въ симпатіи къ Австріи; даже въ Туринѣ на стѣнахъ писали: „Кончено веселье: у насъ король и королева нѣмцы“. (*È finita la tresca; abbiamo un re ed una regina tedesca*). Выразителемъ общественнаго мнѣнія явился Парламентъ, встрѣтившій короля глубокимъ молчаніемъ, полнымъ недовѣрія, когда король явился туда для принесенія присяги на вѣрность конституціи. Въ этотъ же самый день (29 марта) противъ него вспыхнуло возстаніе въ Генуѣ.

Извѣстіе о катастрофѣ при Новарѣ возбудило во всемъ королевствѣ сильное броженіе. Республиканская партія считала, что настало время поднять возстаніе въ Генуѣ, гдѣ еще живы были республиканскія традиціи; стали распространять слухъ, будто городъ будетъ занятъ австрійскими войсками, и старались пробудить давнишнюю ненависть Лигурии къ Пьемонту. Возстаніе, начавшееся 28 марта, на слѣдующій день приняло размѣры настоящей революціи, и мя-

тежники овладѣли городомъ. Въ первыхъ числахъ апрѣля генераль Альфонсъ Ла-Мармора явился съ отрядомъ войска и строгими и энергическими мѣрами подавилъ возстаніе.

Это было время торжества реакціи, не только на Аппенинскомъ полуостровѣ, но и во всей Европѣ: повсюду отмѣнялась дарованная въ 48 году конституція. Всѣ державы убѣждали Виктора-Эмануила произвести государственный переворотъ и возстановить абсолютную монархію; сильная оппозиція демократической партіи тоже, повидимому, толкала его на этотъ путь; но онъ сумѣлъ устоять противъ искушенія. Побуждаемый благороднымъ чувствомъ сыновней преданности и руководимый яснымъ пониманіемъ политическаго положенія, онъ сохранилъ данный отцемъ его Статутъ; а чтобы выяснить направленіе, котораго онъ хотѣлъ держаться въ политикѣ, онъ въ маѣ 1849 г. избралъ главой министерства такого человѣка, чье имя являлось гарантіей законности и патріотизма, — Массимо д'Адзельо, который прекрасно характеризовалъ истинную и постоянную задачу Пьемонта знаменитыми словами: „Мы начнемъ съизнова и будемъ дѣйствовать лучше“.

Между тѣмъ перемиріе съ Австріей не могло продолжаться вѣчно: надо было придти къ какому-нибудь рѣшенію: или снова взяться за оружіе, или заключить миръ. Первое было невозможно въ виду состоянія Пьемонта и Италіи вообще. Начались поэтому переговоры о мирѣ, долгіе и затруднительные, результатомъ ихъ явился мирный договоръ, подписанный въ Миланѣ 6-го августа 1849 г., по которому Пьемонтъ обязался заплатить контрибуцію въ 75 милліоновъ. Трактатъ этотъ подлежалъ ратификаціи Пьемонтскаго Парламента. Въ преніяхъ по этому вопросу участвовалъ также Чезаре Бальбо, пять сыновей котораго сражались за независимость, причемъ одинъ погибъ при Новарѣ. Бальбо высказалъ мнѣніе, что слѣдовало молча признать договоръ; его предложеніе однако не понравилось большинству, хо-

тѣвшему пріостановить ратификацію. Это было тяжелое время для короля и для министровъ, которые тоже отстаивали честь Пьемонта, но понимали, что нельзя было подвергаться риску новой войны. По совѣту Массимо д'Адзеліо король распустилъ парламентъ и, создавъ новый, обнародовалъ слѣдующій манифестъ (20 ноября 1849), который по названію мѣстечка, гдѣ онъ былъ подписанъ королемъ, получилъ названіе „манифеста Монкальери (il proclama di Moncalieri):

При настоящихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ достаточно было-бы, мнѣ кажется, лояльности, проявленной мною въ моихъ словахъ и поступкахъ, чтобы устранить всякія сомнѣнія. Тѣмъ не менѣе, я чувствую, если не необходимость, то потребность обратиться къ моимъ подданнымъ со словами, кои должны служить новымъ залогомъ спокойствія и въ то-же время выраженіемъ справедливости и правды. Распушеніе палаты депутатовъ нисколько не угрожаетъ политическимъ правамъ страны. Эти права охраняются памятью отца моего, короля Карла-Альберта; онъ вѣренъ чести Савойской династіи; они находятся подъ защитой моею присяги: кто же дерзнетъ опасаться за нихъ?

Прежде, чѣмъ созвать Парламентъ, я обратился съ откровенной рѣчью къ народу, главнымъ же образомъ къ избирателямъ. Въ манифестъ отъ 3 іюля 1849 г. я убѣждалъ ихъ держаться такого образа дѣйствій, чтобы не сдѣлать невозможнымъ сохраненіе Статута. Однако лишь треть избирателей, или немного больше, участвовала въ выборахъ депутатовъ. Остальные пренебрегли этимъ правомъ, которое въ свободномъ государствѣ есть въ то-же время прямая обязанность каждаго гражданина. Я исполнилъ свой долгъ: почему же они не исполнили своего?

Въ тронной рѣчи я выяснилъ—хотя въ этомъ и не было о собенной нужды—печальное состояніе государства. Я показалъ необходимость сдержать всѣ партійныя страсти и

немедленно рѣшить жизненные вопросы, задерживающіе общее дѣло. Слова мои были внушены глубокой любовью къ родинѣ и безусловной честностью. Какіе они принесли плоды?

Первыя же дѣйствія палаты были враждебны королевской власти. Палата воспользовалась своимъ правомъ. Но если я забылъ, она не должна была забывать.

Умолчу о безразсудной борьбѣ оппозиціи противъ политики, коей честно слѣдовали мои министры и которая была единственно возможной. Умолчу о нападкахъ противъ меня, вопреки прерогативѣ, дарованной мнѣ законами государства. Но я имѣю полное основаніе требовать отъ Палаты строгаго отчета въ послѣднихъ ея дѣйствіяхъ, и, увѣренный въ своемъ правѣ, обращаюсь къ суду всей Италіи и Европы.

Я подписалъ договоръ съ Австріей, почетный и не разорительный. Этого требовало благо страны. Честь страны, святость моей присяги требовали честнаго его исполненія, безъ хитрости и обмана. Мои министры просили согласія Палаты, которая прибавила къ договору условіе, вслѣдствіе чего согласіе ея оказалось неприемлемымъ, ибо уничижало взаимную независимость трехъ державъ и нарушало такимъ образомъ Статутъ королевства. Я поклялся поддерживать въ королевствѣ справедливость и свободу согласно правамъ cadaго. Я обѣщаль спасти народъ отъ тиранніи партій, каковы бы ни были имена, цѣли, чины образующихъ ихъ людей.

Эти обѣщанія, эти клятвы я исполняю, распуская Палату, сдѣлавшуюся невозможной; ихъ я исполняю, созывая немедленно новый Парламентъ; если же страна и избиратели откажутъ мнѣ въ содѣйствіи, то не на меня падеть отвѣтственность за будущее, и въ случаѣ могущихъ произойти безпорядковъ, пусть вина въ не меня, а себя самихъ.

Я счель своимъ долгомъ произнести, въ данныхъ обстоятельствахъ, суровыя слова, но я вѣрю, что здравый смыслъ

и справедливость укажутъ обществу, что эти слова проникнуты также глубокой любовью къ моимъ подданнымъ и къ ихъ благу: что они вызваны твердой моей волей сохранить свободу народа, защитить ее какъ отъ внѣшнихъ, такъ и отъ внутреннихъ враговъ.

Никогда до сихъ поръ обращеніе Савойской династіи къ довѣрію, къ здравому смыслу, къ любви своихъ подданныхъ не было тщетно. Слѣдовательно, я имѣю право довѣриться имъ и въ данномъ случаѣ и быть увѣреннымъ, что, соединившись, мы сумѣемъ спасти Статутъ и страну отъ грозящихъ имъ опасностей".—Манифестъ этотъ произвелъ чрезвычайно сильное впечатлѣніе и обсуждался со всѣхъ сторонъ. Конечно, это было важное событіе, ибо имъ король дѣлалъ вызовъ Палатѣ и заставилъ избирателей высказать свои симпатіи: если бы результаты избранія оказались враждебными королю, то ему неминуемо пришлось бы произвести государственный переворотъ. Чтобы судить объ этомъ манифестѣ, слѣдуетъ замѣтить во-первыхъ, что рядомъ съ внушавшей еще мало довѣрія подписью короля стояла подпись Массимо д'Адзеліо, всѣми признаннаго вѣрнаго и честнаго поборника либеральныхъ идей, а во-вторыхъ, что онъ обращенъ былъ къ пьемонтцамъ, не разъ доказавшимъ свое благоразуміе даже въ самыхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ и свое полное уваженіе и расположеніе къ Савойской династіи. И на этотъ разъ здравый смыслъ народа выручилъ изъ тяжелаго положенія. Рѣчь короля имѣла желаемый результатъ: въ Палату избраны были представители, которые безпрекословно утвердили мирный договоръ.

Массимо д'Адзеліо принялся тогда за внутреннее устройство государства, слѣдуя строго - либеральной программѣ. Въ 1850 г. графъ Сиккарди, министръ юстиціи, внесъ законъ объ отмѣнѣ церковнаго суда, *foro ecclesiastico* (высшей юрисдикціи духовенства въ свѣтскихъ дѣлахъ), этого

пережитка средневѣковья, мѣшавшаго равенству всѣхъ передъ закономъ. Римъ возмутился; съ кафедръ, въ журнальныхъ статьяхъ, даже въ исповѣдальнѣ Церковь стала бороться съ этимъ законопроектъ. Несмотря на это, онъ былъ принятъ Палатой и утвержденъ королемъ, а епископы Турина и Кальяри, воспротивившіеся его исполненію, были посланы. Духовенство, желая выразить свое раздраженіе, не стѣснялось даже нарушить покой послѣдней минуты умирающихъ. Въ томъ же 1850 г. министръ земледѣлія, промышленности и торговли, графъ Пьетро ди Сантароза, передъ смертью просилъ утѣшенія религіи. Окружавшіе его священники потребовали, чтобы онъ сначала выразилъ неодобреніе закону Сиккарди; не смотря на свою глубокую вѣру, Сантароза отказался; а священники отказали ему въ причастіи, и только одинъ изъ нихъ, его близкій другъ аббатъ Гирингелло рѣшился его исповѣдывать.

Вмѣсто Сантарозы къ управленію этимъ министерствомъ былъ призванъ графъ Камилло-Бенсо ди Кавуръ (редакторъ „Risorgimento“), пользовавшійся въ Палатѣ большимъ авторитетомъ. Изъ министерства земледѣлія онъ скоро переведенъ былъ въ болѣе важное министерство финансовъ и не замедлилъ пріобрѣсти большое вліяніе на сотоварищей. Между тѣмъ Пьемонтъ постепенно снова пріобрѣталъ вѣру въ себя и въ свое будущее, а король обратилъ вниманіе на войска, пользуясь главнымъ образомъ услугами генерала Альфонса Ла Мармора, назначеннаго военнымъ министромъ.

Величественный примѣръ благоустроеннаго свободнаго государства, данный Пьемонтомъ всему міру, не нравился другимъ итальянскимъ государямъ, которые — если можно такъ выразиться — окружили его карантинъ, чтобы въ ихъ владѣнія не проникла зараза либерализма.

Фердинандъ II Неаполитанскій всѣ усилія направилъ на

то, чтобы арестовать и обвинять; самые образованные и честные люди, которые при справедливомъ правительствѣ составляли бы гордость страны, теперь наполняли тюрьмы, принужденные влачить свое существованіе въ обществѣ самыхъ низкихъ негодяевъ. Вильямъ Гладстонъ, жившій въ Неаполѣ во время этихъ политическихъ процессовъ, былъ такъ возмущенъ этой тиранніей, что, когда насталъ день испрошенной имъ при пріѣздѣ въ Неаполь аудіенціи у короля, онъ поспѣшилъ уѣхать изъ города, настолько ему было непріятно свиданіе съ такимъ королемъ. Возвратившись въ Англию, онъ напечаталъ 11 іюля 1851 г. письмо свое къ лорду Эбердину, стоявшему во главѣ англійскаго правительства, относительно состоянія Неаполитанскаго королевства.

Въ этомъ письмѣ онъ называетъ образъ дѣйствій правительства Бурбоновъ „постояннымъ оскорбленіемъ религіи, цивилизаціи, человѣколюбія и общественной нравственности“.

„...Я хочу рассказать не о простомъ несовершенствѣ, привести не примѣръ преступности второстепенныхъ чиновниковъ, случай примѣненія исключительной строгости,—нѣтъ, я хочу описать непрестанное, систематичное, обдуманное нарушеніе всѣхъ писанныхъ человѣческихъ законовъ, производимое съ цѣлью нарушить всякій другой, не написанный и вѣчный, законъ человѣческій или Божескій; это безусловное преслѣдованіе добродѣтели, соединенной съ умомъ, это преслѣдованіе, такое широкое, что ни одно сословіе не обезпечено отъ него... Что произвело эту систему? Извращеніе всѣхъ нравственныхъ и социальныхъ понятій. Вмѣсто того, чтобы заставить себя уважать, законъ сталъ тамъ ненавистнымъ. Правительство опирается не на расположеніе народное, а на силу. Между идеей свободы и порядка нѣтъ болѣе согласія, но существуетъ сильный антагонизмъ.

Правительство, называющее себя образомъ Божиимъ на землѣ, большинству народа представляется какъ бы пора-

женнымъ самыми гнусными пороками. Я часто слышалъ такое рѣзкое, но вѣрное мнѣніе: „Отрицаніе Бога было введено въ систему управленія“.

Въ этомъ письмѣ Гладстонъ даетъ совершенно объективное спокойное и сжатое описаніе печальнаго состоянія Неаполитанскаго королевства, затѣмъ останавливается особенно на политическихъ процессахъ: „Я думаю, что безъ преувеличеній число заключенныхъ за политическія преступленія достигаетъ двадцати тысячъ... До суда заключенные содержатся въ тюрьмѣ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, даже до года и двухъ лѣтъ; обыкновенно срокъ еще болѣе долгій... Я не боюсь утверждать, что прибѣгаютъ къ лжесвидѣтельству и клеветѣ, если не удастся установить обвиненіе путемъ искаженныхъ толкованій и пристрастныхъ свидѣтельствъ. Правительство совершенно сознательно пользуется въ качествѣ свидѣтелей противъ человѣка, котораго хочетъ погубить, отъявленными негодяями, готовыми продать за деньги свободу и жизнь себѣ подобныхъ, несчастными, какихъ много вездѣ, а особенно въ государствѣ, гдѣ правительство развращаетъ народъ. Вы думаете, что обвиняемый можетъ доказать лживость ихъ показаній, представивъ свои доказательства? Вы ошибаетесь: онъ можетъ привести сколько угодно разсужденій въ свое оправданіе, но ему не позволяютъ ими воспользоваться“.

Этотъ спокойный холодный разсказъ англійскаго министра уступаетъ мѣсто негодованію, когда онъ упоминаетъ о Карло Поэріо, о несправедливости и о мученіяхъ, причиненныхъ этому замѣчательному человѣку, стороннику конституціоннаго образа правленія.

„Разсмотрѣвъ внимательно дѣло, я долженъ сказать, что обвиненіе въ вѣроломствѣ такого лица, столько же согласно съ истиной, съ справедливостью, съ приличіемъ, сколько обвиненіе у насъ лучшихъ общественныхъ дѣятелей, напр.

лорда Русселя, лорда Лэнсдоуна, сэра Джемса Грэхема или васъ самихъ“.

Это письмо, въ которомъ простой гражданинъ бросаетъ вызовъ самодержавному монарху, имѣло огромное нравственное значеніе. Многіе итальянскіе патріоты напечатали благодарственныя брошюры. Съ своей стороны Неаполитанское правительство, желая нѣсколько смягчить пагубное для него значеніе письма, опубликовало официальное опроверженіе, въ которомъ, однако, не могло опровергнуть и сотою части обвиненій. Въ своемъ отвѣтъ Гладстонъ беретъ на себя всю отвѣтственность за нихъ.

„Достигнувъ двадцатаго года моей общественной дѣятельности, имѣя опредѣленное положеніе въ странѣ, гдѣ существуетъ жизнь и движеніе, я не могу привести въ свое оправданіе или въ защиту моей смѣлости мою неопытность, и не хочу уступить другимъ даже самой ничтожной доли отвѣтственности за эту статью... Я зналъ, что относительно безусловной справедливости моихъ обвиненій я рисковалъ моей репутацией, которая, какъ ни ничтожна сама по себѣ, для меня имѣетъ большое значеніе“.—Благородныя и рѣзкія слова этого великаго человѣка, который во всемъ руководствовался голосомъ своей совѣсти!

Что касается до Папской области, то Пій IX совершенно поддакъ вліянію реакціонеровъ. Тщетно Людовикъ-Наполеонъ, содержавшій еще войска въ Римѣ, не желая казаться сообщникомъ реакціонеровъ, совѣтовалъ папѣ сдѣлать уступки: кардиналъ Антонелли, пріобрѣвшій сильное вліяніе на Пія IX, былъ противникомъ всякаго прогресса и всякихъ нововведеній и скоро возстановилъ весь прежній порядокъ вещей.

Въ Тосканѣ тоже не было больше и рѣчи ни о законодательныхъ собраніяхъ, ни о Статутѣ; занятая имперской

милиціей, страна эта отнынѣ могла считаться присоединенной къ австрійскимъ владѣніямъ. Въ Моденѣ Франческо V добросовѣстно шелъ по стопамъ отца; въ Пармѣ Карлъ III (въ 49 г. наслѣдовавшій отцу Карлу-Людовику Бурбонскому) былъ типомъ средневѣковаго тирана, развратнаго, дерзкаго, невѣжественнаго и безбожнаго.

Въ Ломбардо-Венеціанской области Австрія чувствовала теперь ненависть народа и всѣми мѣрами старалась быть достойной ея: въ Миланѣ по приказанію полиціи даже женщины подвергались тѣлесному наказанію. Народъ съ яростью смотрѣлъ на бѣлые мундиры австрійцевъ, и многіе довѣрчиво обращали взоры къ Пьемонту. Многіе сохранили еще идеи Мадзини, и австрійское правительство арестовало и вѣшало виновныхъ. Въ числѣ мучениковъ этого періода слѣдуетъ упомянуть о рабочемъ Шіеза (Sciesa), приговореннаго къ смертной казни за то, что онъ прибивалъ къ заборамъ революціонныя прокламаціи; когда его вели на казнь, ему предложили свободу, если онъ назоветъ того, кто далъ ему эти прокламаціи, но онъ спокойно отвѣтилъ: „Идемъ дальше“ (Tigemm innanz) и пошелъ на смерть.

Большой заговоръ образовался въ 51 году; заговорщики думали даже, что имъ удастся взять въ плѣнъ самого императора во время его пребыванія въ Венеціи. Заговоръ распространялся съ каждымъ днемъ; случайно полиція арестовала одного изъ участниковъ и мало-по-малу раскрыла весь планъ. Тогда начался мрачный процессъ въ Мантуѣ; 7 декабря 1852 г. священникъ Энрико Таццоли, врачъ Карло Пома, Анджело Скарселлини, Бернардъ Канальи и Джіованни Дзамбелли были казнены; вскорѣ и другіе выдающіеся граждане Ломбардо-Венеціанской области, какъ напримѣръ священникъ Бартоломео Граціоли, графъ Карлъ Монтанари, Тито Спери и другіе погибли тоже отъ руки палача; другіе же были посланы на каторгу въ Моравію, какъ напр. Финци и Кавалетто.

Вслѣдствіе этихъ арестовъ, революціонная партія лишилась вожаковъ; все-таки около сотни миланцевъ хотѣли попытаться произвести возстаніе. 6 февраля 1853 г. они напали на нѣсколько австрійскихъ часовыхъ и убили ихъ; однако ихъ скоро схватили, и шестнадцать человѣкъ были повѣшены.

Вслѣдствіе этихъ событій Австрія конфисковала имущество эмигрантовъ, которые всѣ почти поселились въ Пьемонтъ, и старалась увѣрить, что эти возмущенія вызваны ими. Кавуръ, ставшій въ это время президентомъ министровъ короля Сардинскаго, въ торжественномъ „Меморандумѣ“ протестовалъ противъ такого насилія Австріи, указывая, что добросовѣстное правительство, прежде, чѣмъ произнести приговоръ, должно было бы доказать участіе этихъ эмигрантовъ; затѣмъ онъ заставилъ Суб-Альпійскій парламентъ открыть кредитъ для помощи ограбленныхъ и такимъ образомъ еще болѣе упрочилъ національную политику Пьемонта. Въ Пармѣ герцогъ Карлъ III ввелъ самый подлый режимъ, какой только можно себѣ представить: въ этомъ маленькомъ государствѣ въ теченіе четырехъ лѣтъ болѣе 300 человѣкъ были подвергнуты тѣлесному наказанію; понятно, какую ненависть народъ чувствовалъ къ этому государю. 26 марта 1854 г. днемъ, когда Карлъ III въ сопровожденіи одного офицера возвращался во дворецъ, онъ былъ раненъ неизвѣстнымъ человѣкомъ, закутаннымъ въ плащъ; убійцѣ удалось скрыться. Вся Парма знала имя убійцы, мстившаго за личное оскорбленіе, но молчала: ненависть къ убитому дошла до такой степени, что даже измѣнила въ умахъ критерій нравственности.

Вдова Карла III Марія-Луиза Бурбонская (сестра герцога Шамбора), съ которой онъ всегда обращался крайне грубо, стала управлять государствомъ отъ имени сына своего Роберта. Она возвѣстила подданнымъ смерть мужа въ манифестѣ, начинавшемся слѣдующими словами: „Всемогушему

Богу угодно было призвать къ Себѣ возлюбленнаго нашего супруга“... Однимъ словомъ, всѣ чувствовали освобожденіе отъ тяжелаго гнета. Однако, хотя правительство и стало болѣе гуманнымъ, но Австрія по-прежнему продолжала полновластно распоряжаться въ герцогствѣ.

ГЛАВА XIII.

Звѣзда Пьемонта.

Кавуръ—президентъ министровъ; развитіе національнаго чувства.—Участіе Пьемонта въ Крымской войнѣ.—Кавуръ на Парижскомъ конгрессѣ—Централизациа итальянской жизни въ Сардинскомъ королевствѣ.—Нетерпѣніе.—Экспедиціа въ Сапри.—Перемѣна австрійской политики въ Ломбардо-Венеціанской области.—Смѣлый образъ дѣйствій Пьемонта.—Дочь Кавура.—Союзъ съ Франціей.

Винченцо Джіоберти, котораго можно назвать пророкомъ революціи 48 г., написалъ въ Парижѣ въ 1851 г. книгу „Гражданское обновленіе Италіи“ („Rinnovamento civile d'Italia“). Изложивъ совершенныя итальянцами въ 48 и 49 гг. ошибки (въ которыхъ и самъ онъ участвовалъ), онъ заявляетъ, что Пьемонтъ долженъ взять на себя рѣководство національнымъ движеніемъ и завершить обновленіе Италіи въ Римѣ, какъ политическомъ центрѣ. Джіоберти вскорѣ послѣ этого умеръ (16 окт. 1852), какъ разъ въ то время, когда руководство управленіемъ Пьемонта перешло въ руки смѣлаго и твердаго волей графа Кавура, геніальнаго политическаго дѣятеля, сумѣвшаго почти цѣликомъ осуществить мечту Джіоберти.

Кавуръ прежде всего далъ толчокъ всей жизни въ Пьемонтѣ: вскорѣ страна покрылась во всѣхъ направленіяхъ сѣтью желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ; торговля и про-

мышленность достигли значительной степени развитія, и правительство стало покровительствовать всѣмъ полезнымъ предпріятіямъ; благодаря всему этому Пьемонтъ не только покрылъ ущербъ, нанесенный войной, но сталъ цвѣтущимъ и богатымъ. Въ то же время Кавуръ отстаивалъ независимость свѣтской власти отъ церкви и добился согласія парламента на упраздненіе нѣкоторыхъ монашескихъ орденовъ, и не пропускалъ ни одного случая, чтобы упрочить въ обществѣ сознаніе національнаго единства.

Отношенія съ Австріей продолжали быть очень натянутыми, но пока Пьемонтъ оставался одинокимъ, возобновленіе войны было немислимо. Крымская война послужила ему средствомъ выйти изъ одиночества.

Франція и Англія предложили Австріи принять участіе въ борьбѣ, но не встрѣтили ожидаемаго сочувствія. Кавуръ рассчитывалъ, что вмѣшательство въ этотъ важный европейскій вопросъ доставитъ Пьемонту, помимо симпатіи западно-европейскихъ державъ, еще большее значеніе въ политическомъ мірѣ. Не смотря на серьезныя затрудненія, онъ добился союза съ Франціей и Англіей (январь 1855 г.), обѣщавъ отправить въ Крымъ пятнадцати-тысячный отрядъ солдатъ. Однако это соглашеніе встрѣтило оппозицію въ Пьемонтскомъ парламентѣ, ибо многіе депутаты не постигали, какимъ образомъ эта далекая война можетъ служить на пользу національному дѣлу.

Въ это время Виктора-Эмануила постигли тяжелыя семейныя несчастія: захворали мать его Марія-Тереза, жена Адеалида и братъ его Фердинандъ, герцогъ Генуэзскій и въ теченіе менѣе мѣсяца (12 и 20 янв. и 10 февр.) всѣ трое сошли въ могилу. Это было тяжелое горе для короля и для всего населенія, которое теперь, преодолевъ прежнее недовѣріе, горячо любило своего государя. Клерикальная партія хотѣла извлечь пользу изъ этихъ несчастій и увѣряла, что Богъ караетъ короля за упраздненіе монашескихъ

орденовъ; королю пришлось вынести много нравственныхъ мукъ, но его энергія все-таки восторжествовала.

Между тѣмъ, подъ вліяніемъ ясныхъ, горячихъ, убѣдительныхъ рѣчей Кавура парламентъ утвердилъ предложенный союзъ. 15,000 пьемонтцевъ подъ начальствомъ Альфонса Ла Мармора отправились въ Крымъ и въ битвѣ на Черной рѣчкѣ (16 авг. 1855 г.) возстановили прежній престижъ своей доблести, сильно упавшій послѣ позора пораженія при Новарѣ *).

На Парижскомъ конгрессѣ, созванномъ въ 1856 г. для переговоровъ объ условіяхъ мира, представителемъ Пьемонта явился графъ Кавуръ. Ему удалось убѣдить уполномоченныхъ Англій и Франціи поднять на одномъ изъ засѣданій вопросъ о положеніи Италіи. Дѣйствительно, по окончаніи обсуждения условій мира президентъ конгресса французскій министръ Валевскій заявилъ, что, для упроченія дѣла конгресса, слѣдуетъ принять предупредительныя мѣры противъ могущихъ явиться осложненій; онъ указалъ на ненормальное положеніе Папской области и выразилъ строгое порицаніе Неаполитанскому правительству.

Послѣ него говорилъ англійскій министръ лордъ Кларендонъ, ратовавшій главнымъ образомъ противъ папскаго правительства, которое онъ назвалъ позоромъ для всей Европы. „По моему мнѣнію“, говорилъ Кларендонъ: „чтобы нѣсколько облегчить несчастное состояніе Папской области и даже самой власти Римскаго первосвященника, слѣдуетъ предложить ему преобразовать духовное управленіе въ свѣтское по крайней мѣрѣ въ легатствахъ (Legazioni), отдѣлить судебную власть отъ административной и учредить милицію изъ мѣстныхъ жителей“. Относительно Неаполитанскаго короля онъ прибавилъ: „Такъ какъ державы, пред-

*) Во время крымской войны умеръ отъ холеры генераль Александръ Ла Мармора (братъ Альфонса), учредитель корпуса берсальеровъ (итальянскихъ стрѣлковъ).

ставленные на конгрессъ, всѣ согласны охранять монархическій принципъ и бороться съ революціей, то онѣ должны вооружиться противъ такой системы, которая питаетъ въ душѣ толпы революціонныя идеи вмѣсто того, чтобы ихъ сдерживать. Мы желаемъ сохранить спокойствіе Европы; но миръ невозможенъ безъ справедливости, а потому мы обязаны довести до свѣдѣнія Неаполитанскаго короля желаніе конгресса относительно улучшенія порядка управленія и ходатайствовать предъ нимъ о помилованіи политическихъ преступниковъ“. Представители Австріи возразили, что не имѣютъ ни инструкцій, ни полномочій на обсужденіе итальянскаго вопроса.

Признавая за ними право отказаться отъ обсуждения вопросовъ, непредвидѣнныхъ въ полученныхъ ими инструкціяхъ, Кавуръ, тѣмъ не менѣе, счелъ своимъ долгомъ указать на тяжелое положеніе Пьемонта, окруженнаго населеніемъ другихъ государствъ, въ которомъ незаконныя дѣйствія дурныхъ правительствъ постоянно поддерживаютъ революціонное броженіе; съ другой же стороны угрожаемаго Австріей, которая, будучи первоначально призвана государями мелкихъ государствъ для устрашенія ихъ подданныхъ, теперь заняла войсками большую часть полуострова, продвинувшись съ одной стороны до Анконы, а съ другой—до Піаченцы; этимъ она нарушила политическое равновѣсіе между различными государствами Италіи.

Засѣданіе было чрезвычайно бурное и кончилось тѣмъ, что австрійскіе уполномоченные согласились съ французскимъ въ пожеланіи, чтобы австрійскій и французскій гарнизоны вышли изъ Римскаго государства, какъ только это станетъ возможнымъ безъ ущерба для власти папы. Кромѣ того, было признано желательнымъ введеніе большей мягкости и терпимости въ управленіе многими государствами Италіи, особенно Обѣими Сициліями. Передъ отъѣздомъ изъ Парижа графъ Кавуръ передалъ лорду Кларендону и

графу Валевскому меморіаль, въ которомъ указываль, что оппозиція Австріи препятствуетъ даже самому незначительному облегченію несчастій Италіи, и обращаль вниманіе Англии и Франціи на опасности, грозившія Сардинскому королевству—единственному итальянскому государству, которое воздвигло непреодолимья препятствія революціонному духу, сумѣло отстоять свою независимость отъ Австріи и служить противовѣсомъ ея всеобъемлющему влиянію.

Такимъ образомъ итальянскій вопросъ уже нельзя было назвать мечтой кучки революціонеровъ: онъ былъ представленъ на разсмотрѣніе Европейскихъ державъ на дипломатическомъ конгрессѣ. Это былъ значительный нравственный успѣхъ, и вся Италія благословляла имя Кавура, котораго отнынѣ стали считать руководителемъ національнаго движенія.

Уголокъ Италіи, гдѣ продолжало развѣваться трехцвѣтное знамя сдѣлался путеводной звѣздой итальянскихъ патриотовъ; многіе республиканцы тоже примкнули къ Пьемонту, какъ напр. Манинъ, писавшій изъ Парижа: „убѣжденная въ необходимости прежде всего создать единую Италію, и въ томъ, что это—первая и главнѣйшая задача, республиканская партія говоритъ Савойской династіи: „Создайте единую Италію, и тогда я съ вами за одно; если же нѣтъ,—нѣтъ“. Одновременно съ этимъ Джіорджіо Паллавичино и Джузеппе Ла Фарина основали въ Туринѣ „Національное Общество“, чтобы на всемъ полуостровѣ пропагандировать объединеніе вокругъ Пьемонта съ цѣлью завершить великое дѣло освобожденія Италіи. Эта идея была сейчасъ же принята Гарибальди и впослѣдствіи была имъ выражена въ словахъ: „Италія и Викторъ-Эмануиль“. Изгнанники изъ другихъ итальянскихъ государствъ нашли въ Пьемонтѣ новое отечество, гдѣ достигли не только должностей и каедръ, но и мѣсть въ парламентѣ. Такимъ образомъ въ Туринѣ подготовлялось объединеніе Италіи.

Нѣкоторые изъ сторонниковъ Мадзини все еще надѣялись спасти родину путемъ заговоровъ, направленныхъ главнымъ образомъ противъ короля Неаполитанскаго, котораго считали самымъ дурнымъ изъ всѣхъ государей. Режимъ въ королевствѣ былъ таковъ, что возстанія стали въ немъ обычнымъ явленіемъ. Въ ноябрѣ 1856 г. молодой баронъ Франческо Бентивенья пытался поднять населеніе Термини (въ Сициліи), но его банды были разсѣяны, самъ же онъ и нѣкоторые другіе—разстрѣляны. Какъ разъ въ это время на смотру войска на Piazza d'Armi, солдатъ Агезилай Милано (Agesilao Milano) ранилъ штыкомъ короля Фердинанда.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя группа патріотовъ отправилась на пароходъ „Кальяри“ изъ Генуи въ Тунисъ, но выйдя въ открытое море, они заставили капитана переменить курсъ и везти ихъ въ Неаполитанское королевство; они освободили заключенныхъ на о. Понца и высадились въ Сапри (въ пров. Салерно). Неаполитанское правительство распространило слухъ, что это—разбойничья шайка; невѣжественное населеніе повѣрило слуху и вмѣсто того, чтобы помогать имъ, стало на сторону полиціи. Произошло нѣсколько стычекъ; въ послѣдней изъ нихъ (въ Падулѣ) почти всѣ добровольцы послѣ отчаяннаго сопротивленія были убиты или ранены (30 іюня 1857 г.); предводитель ихъ, Карло Пизакане палъ мертвымъ, окутанный трехцвѣтнымъ знаменемъ. Раненые, въ томъ числѣ и Джіованни Никотера, были отправлены на каторгу.

Всѣ подобныя попытки служили печальнымъ доказательствомъ того, что нельзя было ожидать отъ подобныхъ движеній благопріятныхъ результатовъ; поэтому мало-помалу, Пьемонтъ сталъ представляться единственнымъ маякомъ, который бросалъ лучъ свѣта на мрачное будущее.

Пренія Парижскаго конгресса и все возрастающее значеніе Пьемонта въ глазахъ общественнаго мнѣнія Европы

безпокоили Австрію: она, дважды побѣдившая Пьемонтъ, она, сильная оружіемъ и людьми,—теперь не чувствовала себя въ безопасности отъ этого небольшого государства, сумѣвшаго приобрѣсти столько симпатій.

До сихъ поръ Австрія держалась въ Ломбардо-Венеціанской области тиранической политики, за что ей платили жестокой ненавистью, сквозившей въ каждомъ словѣ; между властителями и подданными, такъ сказать, возвышалась непроницаемая стѣна. Въ началѣ 57 г. Австрія сочла нужнымъ перемѣнить политику: Ломбардо-Венеціанская область точно стала любимымъ дѣтищемъ австрійскаго правительства. Императоръ помиловалъ политическихъ преступниковъ, посѣтилъ Венецію и Миланъ, назначилъ правителемъ Ломбардо-Венеціанской области брата своего Максимилиана, благороднаго человѣка, старавшагося расположить къ себѣ народъ. Однако всѣ эти попытки Австріи не измѣнили настроенія умовъ въ Ломбардо-Венеціанской области, и Манинъ совершенно точно выразилъ мысль своихъ соотечественниковъ въ слѣдующихъ словахъ, написанныхъ имъ изъ Парижа: „Мы непросимъ Австрію стать болѣе гуманной, мы просимъ ее уйти“ *).

Какъ разъ въ день торжественнаго въѣзда императора Франца - Юсифа въ Миланъ (январь 1857) муниципалитетъ Турина избралъ очень видное мѣсто на площади Кастелло для памятника, который Миланцы хотѣли воздвигнуть Сардинскому войску. Постановка этого памятника и выставка его для осмотра публики привели въ негодованіе австрійское правительство, и оно отозвало своего представителя изъ Турина. Такимъ образомъ сношенія между обоими государствами были прерваны.

Образъ дѣйствій Пьемонта съ каждымъ днемъ становился

*) Даніель Манинъ умеръ въ Парижѣ въ этомъ же 1857 г. (22 сентября). Его прахъ десять лѣтъ спустя былъ перевезенъ въ Венецію и погребенъ рядомъ съ соборомъ св. Марка.

все рѣшительнѣе: укрѣплялась крѣпость Александріи, увеличенъ арсеналь въ Спеціи и завязывались болѣе тѣсныя сношенія съ Франціей. Кавуру удалось убѣдить Наполеона III (который въ душѣ чувствовалъ нѣкоторое расположеніе къ Италіи, гдѣ провелъ часть своей молодости) въ необходимости какимъ нибудь благопріятнымъ для Италіи актомъ заставить позабыть о французской экспедиціи 49 г. противъ Римской республики. Покушеніе итальянца Феличе Орсини на жизнь императора Французовъ въ январѣ 1858 г. должно бы, повидимому, измѣнить его намѣренія; наоборотъ, онъ разрѣшилъ напечатать письмо, въ которомъ Орсини просилъ его подумать объ Италіи; это было хорошее предзнаменованіе. Кавуръ съ большимъ рвеніемъ продолжалъ переговоры, а между тѣмъ, чтобы еще лучше настроить общественное мнѣніе въ пользу Пьемонта, онъ въ своей рѣчи 16 апрѣля 1858 г. ясно изложилъ, каковы были до сихъ поръ политическія цѣли Виктора-Эмануила:

— „Послѣ катастрофы при Новарѣ и Миланскаго мира намъ открылись двѣ политическія дороги: мы могли, склонивъ главу подъ ударами судьбы, разъ навсегда отказаться отъ всѣхъ тѣхъ стремленій, которыми руководствовался въ послѣдніе годы своей жизни великодушный король Карль-Альбертъ; мы могли замкнуться въ узкихъ границахъ нашей страны и, опустивъ очи долу, дабы не видѣть того, что происходило по ту сторону Тичино или Магры, посвятивъ себя исключительно матеріальнымъ и нравственнымъ интересамъ нашей родины; мы могли до извѣстной степени возобновить и продолжать политику, господствовавшую до 1848 г., ту политику, которую такъ ясно обрисовалъ уважаемый графъ Де ла Маргерита въ своемъ „Меморандумѣ“ *); мы могли вернуться къ этой осторожной политикѣ, ко-

*) Кавуръ намекаетъ на „Историко - политическій меморандумъ, изданный графомъ Соларо Де ла Маргерита (Solaro Della Margherita)

торая занималась только внутренними дѣлами.... Другая система, наоборотъ, состояла въ признаніи совершившихся фактовъ, въ приспособленіи къ тяжелымъ обстоятельствамъ времени, но въ то же время въ сохраненіи той вѣры, которую внушили намъ великія дѣянія короля Карла-Альберта....

„Первая система, безъ сомнѣнія представляла многія значительныя преимущества: примѣненіе ея могло сдѣлать менѣе тяжелыми послѣдствія несчастной войны 48—49 г., привести финансы снова въ цвѣтущее состояніе и избавить народъ отъ столькихъ новыхъ податей.

Но принятіе этой системы влекло за собой полное отреченіе отъ всякой мечты о будущемъ, оно обязывало отказаться отъ всѣхъ славныхъ традицій Савойской династіи, и съ презрѣніемъ отвергнуть печальное, но славное наслѣдство короля Карла-Альберта. Великодушный сынъ его не могъ колебаться: не смотря на всѣ трудности, онъ избралъ вторую дорогу....

Если эта политика имѣла полезныя результаты, то она имѣла однако и многія серьезныя послѣдствія, она не лишена опасностей. Дѣйствительно, милостивые государи, мы не могли остаться вѣрными стремленіямъ короля Карла-Альберта, сохранить либеральную и національную политику, не вызывая неудовольствія нѣкоторыхъ державъ, которыя имѣютъ въ Италіи свои интересы, не согласныя съ нашими.... Я не хочу скрывать, что это создаетъ серьезное положеніе вещей, такое положеніе, которое должно серьезно заботить умы правителей и народа. Въ самомъ дѣлѣ, милостивые государи, если мы сравнимъ наши силы съ матеріальными силами упомянутыхъ мною державъ, то мы не можемъ не сознавать, что наше положеніе не лишено опасности 1852 г. съ цѣлью изложить и прославить свою дѣятельность въ качествѣ перваго министра Карла-Альберта съ 7 февраля 1835 г. до 9 октября 1847 г.

ности... Какъ же избѣжать этой опасности и предупредить ее? Мы старались разрѣшить этотъ вопросъ съ помощью союзовъ, попыткой образовать, поддержать, расширить союзы съ западными державами, не имѣющими въ Италиі интересовъ, противорѣчащихъ нашимъ....

„Если политическіе вопросы обсуждаются дипломатіей въ нотахъ, протоколахъ, меморандумахъ и юридическими доводами, то на полѣ сраженія они рѣшаются батальонами и эскадрами тѣхъ и другихъ державъ. Къ сожалѣнію въ этомъ счастье не всегда на сторонѣ справедливости; счастье, какъ во времена великаго Фридриха, все еще на сторонѣ большихъ армій. Когда народъ не располагаетъ большимъ войскомъ, то онъ долженъ стараться имѣть подъ рукою поддержку большого войска своихъ друзей, своихъ союзниковъ“.

Лѣтомъ того же года въ Пломбьерѣ (Plombières) Наполеонъ III и Кавуръ положили основаніе союзу Франціи съ Пьемонтомъ. По возвращеніи въ Италию великій министръ призвалъ Гарибальди и велѣлъ ему быть готовымъ. Рѣшительныя минуты приближались; вся Италия предчувствовала ихъ и ускоряла ихъ наступленіе горячностью желанія; Меркантини могъ уже начать писать „Гимнъ Гарибальди“ *).

Si scopron le tombe, si levano i morti,
I martiri nostri son tutti risorti!

*) Переводъ: Могилы открылись, мертвые встаютъ,

— Всѣ наши мученики воскресли!

— Съ мечомъ въ рукѣ, съ лаврами на челѣ,

— Съ огнемъ и съ именемъ Италиі въ сердцѣ!

Идемъ! Идемъ смѣлѣе, молодые полки,

Пусть знамена наши развѣваются по вѣтру!

Смѣлѣе идите съ желѣзомъ и огнемъ,

Смѣлѣе съ горячей любовью къ Италиі въ сердцѣ!

Прочь изъ Италиі, прочь, ибо настало время,

Прочь изъ Италиі, прочь о иноземецъ....

Le spade neꝝ pugno, gli allori alle chiome,
La fiamma ed il nome d'Italia sul cor!

Veniamo! Veniamo su, o giovanì schiere,
Su al vento per tutto le nostre bandiere!
Su tutti col ferro, su tutti col fuoco,
Su tutti col fuoco d'Italia nel cor!

Va fuora d'Italia, va fuora ch'è l'ora,
Va fuora d'Italia, va fuora, o stranier....

ГЛАВА XIV.

Война 1859 года.

Приготовленія къ новой войнѣ.—Рѣчь Кавура.—Ультиматумъ Австріи.—Манифестъ Виктора-Эмануила.—Состояніе обѣихъ армій.—Монтебелло, Палестро, Маджента и Меленьяно.—Гарибальди и „Альпійскіе охотники“.—Сольферино и Санъ-Мартино.—Переговоры въ Виллафранкѣ и Цюрихскій миръ.—Присоединеніе Эмиллі, Романьи и Тосканы къ владѣніямъ Виктора-Эмануила.—Уступка Франціи областей Ниццы и Савойи.

Перваго января 1859 года, Наполеонъ III во время приѣма дипломатическаго корпуса, обратившись къ австрійскому посланнику, сказалъ: „Je regrette que nos relations avec votre gouvernement ne soient pas aussi bonnes que par le passé; dites cependant à votre souverain que mes sentiments pour lui ne sont pas changés“ *). Присутствовавшіе на приѣмѣ послы поспѣшили сообщить это извѣстіе своимъ государямъ, и слова эти произвели сильное впечатлѣніе во всей Европѣ.

Понятно поэтому, съ какимъ душевнымъ волненіемъ 10 января была выслушана рѣчь Виктора-Эмануила при открытіи парламента. Съ какой силой, съ какимъ выраженіемъ прочелъ Викторъ-Эмануиль заключительную часть этой рѣчи:

*) „Я сожалею, что наши отношенія съ вашимъ правительствомъ не такъ хороши, какъ прежде; скажите однако вашему государю, что мои чувства къ нему не перемѣнились“.

„Господа Сенаторы, господа Депутаты!..... Горизонтъ, на которомъ всходитъ заря новаго года, не вполне ясенъ. Тѣмъ не менѣе вы съ обычной вашей поспѣшностью приступите къ вашимъ занятіямъ въ парламентъ.

Поддерживаемые опытомъ прошлаго, мы смѣло идемъ навстрѣчу случайностямъ будущаго. Это будущее будетъ счастливо, ибо наша политика основывается на справедливости, на любви къ свободѣ и къ родинѣ. Наша страна, небольшая по занимаемому ею пространству, приобрѣла значеніе во мнѣніи Европы, благодаря величію представляемыхъ ею идей, благодаря симпатіи, которую она внушаетъ. Это положеніе не лишено опасностей, ибо, соблюдая договоры, мы не равнодушны къ крику страданія, который изъ столькихъ областей Италіи возносится къ намъ.

Сильные согласіемъ, увѣренные въ нашемъ правѣ, будемъ съ осторожностью и рѣшимостью ожидать воли Божественнаго Провидѣнія“.

Невозможно описать энтузіазма, взрыва радости, вызванныхъ этой рѣчью.

Нѣсколько дней спустя въ Туринъ прибылъ двоюродный братъ императора принцъ Жеромъ-Наполеонъ, чтобы просить руки принцессы Клотильды, старшей дочери Виктора-Эмануила; эта свадьба указывала, что подъ семейнымъ союзомъ скрывался союзъ политическій.

Въ виду такого образа дѣйствій Пьемонта и Франціи, Австрія сочла необходимымъ приступить къ вооруженію, и отправила въ Италію новый корпусъ войска, расположивъ его вдоль границы Пьемонта. Кавуръ тогда сталъ дѣйствовать смѣлѣе и, предложивъ Гарибальди организовать отрядъ добровольцевъ подъ названіемъ „Альпійскихъ охотниковъ“ (Cacciatori delle Alpi), представилъ въ парламентъ проектъ закона, чтобы добиться чрезвычайнаго кредита въ 50 милліоновъ.

Замѣчательна рѣчь, произнесенная Кавуромъ 9 февраля

1859 г. въ палатѣ депутатовъ во время обсужденія этого законопроекта: „Уважаемые ораторы, возражавшіе противъ настоящаго законопроекта *), который былъ такъ сочувственно встрѣченъ въ коридорахъ (uffici) палаты, пытались доказать, что онъ есть слѣдствіе легкомысленной и вызывающей политики, имѣющей цѣлью вовлечь въ войну эту страну и, можетъ быть, вызвать ее во всей Европѣ. Одинъ изъ ораторовъ, продолжая дальше свои обвиненія, характеризовалъ эту политику, какъ личное мнѣніе предсѣдателя совѣта министровъ и, пренебрегая обычной своей сдержанностью и вѣжливостью, которую принято здѣсь соблюдать, хотѣлъ, повидимому, сказать, что предсѣдатель совѣта министровъ, дабы найти средство выйти изъ затрудненій, въ которыхъ запуталось министерство, по личнымъ побужденіямъ старается подвергнуть свою страну случайностямъ войны.

Чтобы оправдать себя и правительство отъ столь тяжкихъ обвиненій, я долженъ былъ бы, милостивые государи, повторить мою рѣчь, которую въ прошломъ году я произнесъ въ этомъ же собраніи по очень важному случаю: я долженъ былъ бы повторить исторію политики королевскаго правительства, начиная съ 1849 г. и до сего дня. Но я не хочу снова злоупотреблять вашимъ терпѣніемъ: льщу себя надеждой, что слова, сказанныя при тѣхъ памятныхъ обстоятельствахъ не изгладились изъ памяти большинства изъ васъ.

Поэтому, милостивые государи, я ограничусь лишь напоминаніемъ, что наша политика всегда оставалась вѣрной себѣ (consona a sè) съ самаго того дня, когда нашъ великодушный король принялъ отцовское наслѣдство на поляхъ Новары, и до той минуты, когда, мѣсяцъ тому назадъ, онъ произнесъ тѣ незабвенныя слова, которыя заставили

*) Между прочимъ и графъ Соларо делла Маргерита, бывшій министръ Карла-Альберта при самодержавномъ правленіи.

биться сердца всѣхъ итальянцевъ и произвели въ Европѣ сильное впечатлѣніе.

Наша политика, милостивые государи, никогда не была вызывающей или революціонной; зато она всегда была либеральной, національной и итальянской. Мы никогда не думали и не думаемъ и нынѣ, чтобы мы имѣли право вызвать войну; но мы всегда были убѣждены, что наша обязанность не только внутри страны развивать принципы свободы и національности, на которыхъ основываются учрежденія, дарованныя Карломъ-Альбертомъ своему народу, но кромѣ того стать предъ лицомъ всей Европы выразителями нуждъ, страданій и надеждъ Италіи. (Громкіе аплодисменты). Эту программу мы высказывали не только предъ народомъ, не только въ парламентѣ, но на совѣщаніяхъ всей Европы, на конгрессахъ дипломатическихъ. Эта наша политика въ прошломъ не заслуживаетъ названія легкомысленной и вызывающей. Наиболѣе серьезные государственные люди Европы, государственные люди, коихъ авторитетъ, навѣрное, не былъ бы отвергнуть почтеннымъ графомъ Соларо Делла Маргерита, выразили этой нашей политикѣ полное свое одобреніе.

Я ограничусь тѣмъ, что напомнимъ вамъ, милостивые государи, мои слова, обращенныя къ представителямъ западныхъ націй на Парижскомъ конгрессѣ. Эти слова не были менѣе ясны или менѣе рѣшительны, чѣмъ тѣ, которыя мы не разъ произносили въ этомъ самомъ зданіи; если по формѣ они казались болѣе осторожными, то по существу они нисколько не отличались отъ тѣхъ выраженій, которыя иногда срываются съ устъ наиболѣе горячихъ ораторовъ въ минуты увлеченія.

Послѣ Парижскаго конгресса политика наша не измѣнилась, не сдѣлалась ни наступательной, ни вызывающей. Я осмѣливаюсь даже бросить вызовъ моимъ уважаемымъ противникамъ, приглашая ихъ цитировать такія дѣйствія, кои

по существу являются болѣе возбуждающими, нежели только что мною упомянутыя.

Правда, возвратившись изъ Парижа, мы сочли необходимымъ принять болѣе энергичныя мѣры къ оборонѣ государства и приступили къ возведенію укрѣпленій въ Александріи. Мы сдѣлали это потому, что событія въ Парижѣ убѣдили насъ въ невозможности мирными средствами и дипломатическими переговорами достигнуть разрѣшенія итальянскаго вопроса. Но при этомъ, милостивые государи, мы не нарушили законности, наши дѣйствія не могутъ считаться вызывающими.

Дипломатическія сношенія съ Австріей были вслѣдствіе этого прерваны. Я не хочу вспоминать причинъ этого факта; достаточно сказать, что инициатива исходила не отъ насъ.

И въ этомъ случаѣ графъ Соларо делла Маргерита не можетъ обвинить насъ въ легкомысліи и въ вызывающемъ образѣ дѣйствій.

Въ чемъ заключались далѣе наши легкомысленныя и вызывающія дѣйствія? Повторяю, я предлагаю уважаемымъ моимъ противникамъ указать ихъ. Было только слѣдующее: мы не отступились отъ нашихъ намѣреній, мы продолжали при всякомъ удобномъ случаѣ обращать вниманіе Европы на несчастья Италіи, на ея ненормальное положеніе, на опасность, которыя влекли за собой всѣ эти несчастья и это ненормальное положеніе. И—позволяю себѣ спросить—развѣ остальные Европейскія державы считали такую политику вызывающей или легкомысленной? Я уже упомянулъ, что протестъ Пьемонта, очень рѣзко выраженный, если принять во вниманіе характеръ документа, заслужилъ открытое одобреніе Англій и Франціи; и не одно только одобреніе, ибо обѣ великія державы сочли своимъ долгомъ вмѣстѣ съ Сардиніей защищать итальянскій вопросъ на конгрессѣ, и отстаивали его—особенно Англія—въ выраженіяхъ, не уступающихъ въ силѣ и значеніи составленному нами

дипломатическому акту. Развѣ позднѣйшая наша политика подвергалась осужденію? Развѣ эти державы признали, что были нами введены въ заблужденіе? Развѣ имъ пришлось сознаться, что Пьемонтъ обманулъ ихъ относительно состоянія Италіи?...

Но если наша политика—возразятъ мнѣ—не легкомысленная и не вызывающая, то къ чему эти средства обороны? Къ чему на границѣ собрано все войско? Зачѣмъ поспѣшное вооруженіе Александіи и Казале? Зачѣмъ вы требуете значительнаго кредита на подготовленіе къ оборонѣ? Австрія не имѣетъ наступательныхъ намѣреній, она соблюдала и всегда будетъ соблюдать договоры; если вы не станете раздражать ее, она всегда будетъ относиться къ вамъ доброжелательно и дружелюбно (Смѣхъ).

Почтенный графъ Соларо, кажется, довелъ свою довѣрчивость до того, что совѣтовалъ намъ, для уменьшенія расходовъ, распустить часть нашего войска и совершенно довѣриться доброжелательности Австріи и поддержкѣ нашихъ союзниковъ (Смѣхъ). Я думаю, милостивые государи, что первый совѣтъ могъ бы оказаться полезнымъ, если бы былъ дополненъ, т. е. если бы вмѣстѣ съ распушеніемъ войска къ управленію судьбами государства были призваны другіе люди, представители иныхъ принциповъ. Въ такомъ случаѣ, конечно, безопасность со стороны Австріи и безъ солдатъ была бы полной (аплодисменты). Но такъ какъ, по моему мнѣнію, эта вторая, подразумѣваемая, часть совѣта можетъ быть выполнена не иначе, какъ съ помощью большинства націи, то я считаю, что было бы неблагоприятно имѣть такое просвѣщенное довѣріе къ благожелательнымъ намѣреніямъ Австріи. Съ другой стороны, рассмотримъ, соотвѣтствуютъ ли факты заявленію почтеннаго графа Соларо дела Маргерита.

Еще раньше меня уважаемый Маміани въ своей блестящей рѣчи напомнилъ вамъ о неоднократныхъ вызывающихъ

дѣйствіяхъ Австріи; онъ указалъ, какъ въ теченіе десяти лѣтъ она упрочила свое господство отъ устьевъ По до крайней границы Адриатическаго моря, до самой Анконы; какъ, вопреки договорамъ, она усилила укрѣпленія Піаченцы; какъ гарнизонъ этого города теперь занимаетъ и окружающіе его форты. Но къ чему вспоминать давно прошедшіе факты? Мы дѣйствуемъ подъ вліяніемъ недавнихъ событий.

Какъ вамъ было указано въ отчетѣ Палатѣ моего коллеги министра финансовъ *), безъ всякаго повода съ нашей стороны или со стороны другихъ итальянскихъ государствъ, Австрійское правительство сообщило Европѣ, что отправляетъ новый корпусъ войскъ въ Италію, и за этимъ сообщеніемъ послѣдовало исполненіе его съ такой быстротой, которая напоминаетъ походы первой имперіи. Въ теченіе нѣсколькихъ дней всѣ обыкновенные пути сообщенія, всѣ сообщенія желѣзнодорожныя были заняты правительствомъ; по желѣзной дорогѣ отъ Вѣны до Триеста и отъ Триеста до Милана возили только войска, лошадей, военные припасы, и какимъ образомъ расположили эти войска? Быть можетъ, ихъ оставили въ большихъ городахъ, гдѣ возможны народныя волненія? Нѣтъ: они распределены на нашей границѣ въ городахъ, гдѣ менѣе всего можно бояться возстаній; однимъ словомъ, по отношенію къ намъ Австрія приняла положеніе не оборонительное, а наступательное. Между тѣмъ, повторяю, съ нашей стороны не было принято ничего, не было передвиженія войскъ, а въ дипломатическихъ сферахъ было затишье, т. е. прошло нѣкоторое время, въ теченіе котораго Пьемонтъ не имѣлъ повода привлечь вниманіе Европы на событія въ Италіи. Слѣдовательно, я имѣю право громко заявить предъ лицомъ

*) Министръ финансовъ Джіованни Ланца, родившійся въ Казале Монферрато въ 1810 г., достигшій самыхъ высшихъ должностей и умершій въ 1882 г., бѣдный и скромный, какъ и во всей своей жизни.

Парламента, предъ лицомъ страны и всей Европы, что если былъ вызовъ, то не со стороны Пьемонта, а со стороны Австріи. Мнѣ отлично извѣстно, что Австрія тайно и явно заявила о своемъ миролюбіи, объ уваженіи своемъ къ учрежденіямъ Пьемонта; но развѣ, милостивые государи, воинственныя стремленія никогда не скрывались подъ словами мира? Графъ Соларо делла Маргерита слишкомъ свѣдушъ въ исторіи дипломатіи, чтобы поддерживать такое утвержденіе. Благоразуміе и долгъ требовали, слѣдовательно, чтобы мы приняли быстрыя и энергичныя мѣры.

Министерство сдѣлало все, что входитъ въ предѣлы исполнительной власти: оно сосредоточило на границахъ государства всѣ свободныя военныя силы; относительно же того, что выходитъ изъ компетенціи исполнительной власти, оно обращается къ вамъ, прося средствъ для организациі обороны страны, для исполненія требованій ея чести, ея самыхъ священныхъ интересовъ...

Мнѣ кажется, милостивые государи, я вамъ доказалъ, что наша политика не была легкомысленной, а наши дѣйствія—вызывающими. Испрашивая нынѣ средства на сопротивленіе, мы не имѣемъ намѣренія переменить политику или принять вызывающій образъ дѣйствій; но мы не хотимъ также и уступать, когда Австрія угрожаетъ, когда она сосредоточиваетъ войска на нашихъ границахъ (апплодисменты).

Надѣюсь, что такая политика, открыто и честно провозглашаемая нами, будетъ одобрена не только Парламентомъ, но всѣми благородными людьми въ Европѣ (Браво, отлично)!

Я увѣренъ, милостивые государи, что, успокоенные моими объясненіями, вы безъ колебаній благосклонно отнесетесь къ нашему ходатайству. Я вѣрю: отвѣтъ, который дастъ намъ голосованіе, блистательно докажетъ Европѣ, что, каковы бы ни были наши внутренніе раздоры, мы со-

гласны въ нашихъ желаніяхъ, когда дѣло касается защиты не только спокойствія и независимости народа, но и его чести“. (Продолжительные сильные аплодисменты въ Палатѣ и на трибунахъ).

Кавуръ настаивалъ на томъ, что вызовъ исходилъ отъ Австріи, потому что по договору съ Наполеономъ Франція обязывалась придти на помощь Пьемонту лишь въ случаѣ нападенія со стороны Австріи. Вслѣдствіе этого Кавуръ долженъ былъ всѣми средствами добиваться, чтобы Австрія бросила вызовъ Пьемонту. Сколько непріятностей, сколько сомнѣній пришлось вынести въ это время—съ февраля до конца апрѣля! Чтобы ясно представить себѣ огромныя препятствія, которыя преодолѣлъ Кавуръ, слѣдовало бы написать исторію этого періода изо дня въ день.

Въ мартѣ онъ отправился въ Парижъ, чтобы убѣдить Наполеона: общественное мнѣніе во Франціи не сочувствовало войнѣ, и императоръ колебался. Россія и Англія предложили разрѣшить вопросъ на конгрессѣ, и Наполеонъ согласился; Кавуръ считалъ дѣло проиграннымъ, такъ какъ Викторъ-Эмануилъ не могъ отказаться отъ этого предложенія, чтобы не сознаться въ своей неправотѣ. Къ счастью несогласіе Австріи выручило Пьемонтъ изъ этого положенія: она требовала, чтобы до созыва конгресса Пьемонтъ разоружился, и 23 марта послала ультиматумъ, требуя отвѣта въ трехдневный срокъ.

Подобное требованіе было равносильно объявленію войны, и Викторъ-Эмануилъ, съ нетерпѣніемъ ожидавшій минуты реванша, съ радостью объявилъ объ этомъ своему войску:

„Солдаты!

„Австрія, которая на нашихъ границахъ собираетъ войска и грозитъ вторгнуться въ нашу землю, потому что здѣсь свобода царствуетъ на ряду съ порядкомъ, потому что здѣсь государствомъ правитъ не сила, а согласіе и любовь между государемъ и народомъ, потому что здѣсь находятъ

сочувствіе стоны угнетенной Италіи,—Австрія осмѣливается требовать отъ насъ, вооружившихся лишь ради обороны, чтобы мы сложили оружіе и отдались подъ ея покровительство. Оскорбительное требованіе заслуживаетъ соотвѣтствующаго отвѣта. Я съ негодованіемъ отвергъ это требованіе.

„Солдаты! Объявляю вамъ объ этомъ, увѣренный, что вы примете на свой счетъ оскорбленіе, нанесенное вашему королю, вашему народу. Объявленіе это есть объявленіе войны. Къ оружію же, солдаты!

„Вы встрѣтите знакомаго уже вамъ врага; но если онъ храбръ и хорошо дисциплинированъ, то и вамъ не страшна встрѣча съ нимъ, вы можете хвалиться дѣлами при Гоито, при Пастренго, при Санта-Лучіи, Соммакампаньѣ, даже при Кустоцѣ, когда четыре бригады въ теченіе трехъ дней сражались противъ пяти корпусовъ. Я буду вашимъ вождемъ. Съ многими изъ васъ мы встрѣчались уже въ пылу битвы, и я, сражаясь рядомъ съ великимъ Родителемъ моимъ, съ гордостью восторгался вашей доблестью. На полъ чести и славы вы сумѣете—я въ этомъ увѣренъ—сохранить и умножить вашу славу.

„Товарищами вашими будутъ храбрые французскіе солдаты, побѣдители въ столькихъ сраженіяхъ, соратники ваши въ битвѣ при Черной рѣчкѣ, которыхъ многочисленными отрядами шлетъ намъ на помощь Наполеонъ III, всегда спѣшашій туда, гдѣ надо защищать правое дѣло и дать восторжествовать цивилизаціи.

„Идите же, вѣря въ побѣду, и украсьте новыми лаврами ваше знамя, то знамя, которое тремя своими цвѣтами и избранной молодежью, собравшейся вокругъ него со всѣхъ концовъ Италіи, указываетъ вамъ, что вашей цѣлью будетъ независимость Италіи; это правое и святое дѣло пусть станетъ вашимъ военнымъ кличемъ“.

Во главѣ Австрійскаго войска, численностью въ 170 тысячъ, кромѣ гарнизоновъ крѣпостей Ломбардо-Венеціанской области, стоялъ генераль Giulay, замѣнившій Радецкаго, который умеръ за годъ до того на 91 году жизни. Жулай рѣшилъ напасть врасплохъ на пьемонтскую армію и разбить ее прежде, чѣмъ она соединится съ французской; 29 апрѣля онъ перешель Тичино и двинулся вдоль Сези, высылая развѣдочные отряды до самаго Кивассо (Chivasso). Эта мѣстность представляетъ рисовыя поля и потому перерѣзана многими каналами; поэтому ихъ можно было затопить и задержать такимъ образомъ движеніе австрійцевъ къ Турину.

Между тѣмъ шестидесяти-тысячное пьемонтское войско на правомъ берегу По ожидало прибытія французовъ. 12 мая Наполеонъ III, предшествуемый своими войсками численностью до 120,000, высадился въ Генуѣ, а 14 былъ уже въ Александріи; здѣсь при устьѣ Танаро произошло соединеніе обѣихъ армій.

Линія расположенія австрійскаго войска тянулась отъ Новары до Верчелли, потомъ спускалась внизъ по Сези до самаго По и доходила до берега По противъ устья Танаро. Такъ какъ непріятель сосредоточилъ войска на правомъ берегу По, то Жулай предполагалъ, что Наполеонъ III намѣренъ переправиться черезъ По близъ Піаченцы, какъ это сдѣлалъ Наполеонъ I въ 1796 году; поэтому онъ сосредоточилъ свою армію на югѣ. Какъ разъ въ это время произошло сраженіе у Монтебелло между частью арміи австрійцевъ и соединенными пьемонтскими и французскими войсками (20 мая); сопротивленіе, оказанное союзниками, было настолько упорно, что австрійскій главнокомандующій былъ увѣренъ, что именно здѣсь находится центръ непріятельской арміи и что онъ угадалъ планъ Наполеона III; поэтому онъ продолжалъ движеніе къ югу. Такимъ образомъ Верчелли была имъ оставлена и немедленно занята пьемонтцами.

Наполеонъ между тѣмъ задумалъ смѣлое фланговое движеніе отъ По къ Тичино; а чтобы замаскировать это движеніе влѣво, поручилъ пѣмонтцамъ выдвинуться впередъ. Викторъ-Эмануиль во главѣ своего войска отъ Верчелли предпринялъ наступленіе на Палестро (30—31 мая), причемъ, за храбрость его, полкъ зуавовъ, входившій въ составъ его войска, провозгласилъ его своимъ капраломъ; французы же между тѣмъ, воспользовавшись желѣзной дорогой отъ Александріи черезъ Касале до Новары, достигли моста Буффалора на Тичино. Только тогда Жулай (Giulay) замѣтилъ этотъ ловкій стратегическій маневръ, открывавшій непріятелю доступъ въ Ломбардію, онъ былъ принужденъ тоже перейти черезъ Тичино и передвинуть войска обратно къ сѣверу, спѣша преградить врагу дорогу къ Милану.

4-го іюня при Маджентѣ все австрійское войско встрѣтилось съ французами; ожесточенный бой шель съ утра и до вечера; австрійцы были оттѣснены въ Мадженту, но сраженіе продолжалось въ самой деревнѣ, такъ что французамъ приходилось брать приступомъ каждый домъ *).

8-го іюня Викторъ-Эмануиль и Наполеонъ III торжественно вступили въ Миланъ, наконецъ освобожденный отъ австрійцевъ, которые отходили къ Минчіо. Въ тотъ же день корпусъ французовъ оттѣснилъ корпусъ австрійцевъ отъ Меленьяно, а Гарибальди вступилъ въ Бергамо.

Въ 48 году Гарибальди послѣдній оставилъ Ломбардію, въ 59 году онъ первый вступилъ на эту территорію: 23 мая онъ со своими „Альпійскими охотниками“ (Cacciatori dalle Alpi) высадился на Ломбардскомъ берегу Лаго-Маджіоре и, разбивъ австрійцевъ при Варезе, вступилъ въ Комо, снова разбилъ врага при Санъ-Фермо, и шель теперь къ Бергамо

*) Этой побѣдой французы въ значительной степени обязаны генералу Макъ-Магону, которому Наполеонъ далъ титулъ герцога Маджентскаго.

и Брешии, намѣреваясь достигнуть Трентинскихъ Альпъ и отрѣзать отступленіе австрійцамъ.

Послѣ битвы при Маджентѣ Жулай (Giulay) былъ смѣщенъ, и командованіе принялъ самъ императоръ Францъ-Іосифъ съ помощью стараго маршала Гесса (Hess). Въ ночь на 23 іюля австрійское войско отступило за Минчіо, но нѣсколько часовъ спустя вернулось, снова перешло Минчіо и расположилось на холмахъ къ югу отъ озера Гарда. Утромъ 24 мая союзное войско, выступивъ на разсвѣтѣ, вскорѣ наткнулось на австрійцевъ къ великому своему удивленію, ибо знало, что накануне они отступили на другой берегъ Минчіо. Бой былъ отчаянный: вскорѣ онъ разстянулся на линію около 12 километровъ.

Союзникамъ приходилось брать позиціи, расположенныя на грядѣ холмовъ съ двумя господствующими вершинами: Сольферино и Сан - Мартино. Въ Сольферино сражались французы, которымъ послѣ болѣе чѣмъ двѣнадцати часового боя удалось овладѣть этой позиціей. Пьемонтцы подъ командой Виктора-Эмануила бросились на Сан-Мартино; позиція четыре раза переходила изъ рукъ въ руки; наконецъ послѣ пятого приступа она осталась за ними. Къ шести часамъ вечера австрійское войско было разбито на всѣхъ пунктахъ; въ эту минуту ужаснѣйшій ураганъ, съ смерчами изъ пыли и съ проливнымъ дождемъ разразился надъ обѣими арміями; наступившая вслѣдствіе этого темнота способствовала бѣгству австрійцевъ. Наполеонъ III перенесъ свою главную квартиру въ Кавріану, въ тотъ же домъ, гдѣ была во время битвы главная квартира Франца-Іосифа. Въ бою участвовало 300,000 человѣкъ, т. е. 260,000 австрійцевъ противъ 140,000 союзнаго войска, и битва была очень кровопролитная: около 25.000 убитыхъ и раненыхъ покрывали поле сраженія. Отдохнувъ нѣсколько дней, союзники переправились черезъ Минчіо и осадили Пескьеру. Теперь надежда изгнать иноземцевъ перешла въ увѣренность.

федерация, на которую Франция всегда могла бы оказывать свое влияние. При первых же шагахъ въ Италии онъ убѣдился, что чувства страны были иныя, чѣмъ онъ воображалъ. Страданія развили въ душѣ итальянцевъ осторожность и благоразуміе, вслѣдствіе чего въ 59 г. народы полуострова не повторили ошибокъ 48 и 49 годовъ: уже нигдѣ не было споровъ о формѣ правленія, но вездѣ замѣчалось единодушное стремленіе сомкнуться вокругъ либеральной Савойской монархіи.

При самомъ началѣ войны великій герцогъ Тосканскій долженъ былъ бѣжать изъ своихъ владѣній (27 апрѣля *). Наполеонъ разсчитывалъ, что здѣсь, въ центрѣ итальянскихъ городскихъ общинъ, возможно образованіе новаго государства, корона котораго украситъ главу одного изъ Бонапартовъ; поэтому его 5-й корпусъ подъ командой Жерома Бонапарта высадился въ Ливорно подъ предлогомъ организаціи военныхъ силъ центральной Италиі, для того, чтобы безпокоить австрійцевъ на лѣвомъ флангѣ. Тосканцы однако скоро обнаружили эти планы, и временное правительство подъ предсѣдательствомъ Беттино Риказоли сейчасъ же выразило намѣреніе присоединить Тоскану къ Пьемонту; принцъ Наполеонъ, видя настроеніе страны, самъ былъ на сторонѣ присоединенія. Герцоги Пармскій и Моденскій тоже бѣжали изъ своихъ владѣній **), а папскіе легаты были принуждены уѣхать изъ Романьи; жители этихъ областей тоже заявили о своемъ сліяніи съ Пьемонтомъ. Это объединительное движеніе распространилось и

*) Леопольдъ II болѣе не возвращался въ Тоскану и умеръ въ 1870 г., оставивъ сына Фердинанда, который живетъ въ Зальцбургѣ (въ Австріи).

**) Они тоже не возвращались болѣе въ свои владѣнія: Робертъ Пармскій, которому тогда минуло 11 лѣтъ, живетъ въ Шварцау въ Австріи; Франческо V, Моденскій герцогъ, умеръ въ 1875 г., и съ нимъ прекратилось мужское потомство этой австрійской линіи дома Д'Эсте.

дальше: Мархія и Умбрія возстали противъ папы съ крикомъ. „Да здравствуетъ Викторъ-Эмануилъ!“ но здѣсь движеніе было подавлено, благодаря рѣзнѣ, произведенной швейцарской гвардіей.

Наполеонъ III съ негодованіемъ видѣлъ, что вся Италія стремится къ объединенію, и, по совѣту своихъ приближенныхъ, подписалъ Виллафранкскій договоръ.

Миръ былъ заключенъ 10 ноября въ Цюрихѣ, и здѣсь снова возникла мысль объ итальянской федераціи.

Бѣжавшіе государи должны были бы вернуться въ свои владѣнія; но какимъ образомъ это могло быть сдѣлано? Они не могли ожидать, что ихъ призовутъ подданные, ибо эти самые подданные и изгнали ихъ; они не могли занять свои государства собственными войсками, ибо таковыхъ не имѣли; иностранная помощь была невозможна, ибо Наполеонъ добился установленія принципа не вмѣшательства. Тогда народы центральной Италіи обнаружили большой здравый смыслъ и большую политическую смѣлость: подъ вліяніемъ Беттино Риказоли, диктатора Тосканы, и Луиджи Карло Фарини, диктатора Эмилиі и Романьи, они чрезъ собраніе депутатовъ заявили о своемъ горячемъ желаніи присоединиться къ владѣніямъ Викторъ-Эмануила. Образовавшееся послѣ отставки Кавура новое пьемонтское министерство дѣйствовало въ этомъ отношеніи очень робко, боясь возбудить подозрѣніе и неудовольствіе въ европейскихъ державахъ, которыя противились волненіямъ въ центральной Италіи; одна только Англія, которую радовало неудовольствіе итальянцевъ противъ Наполеона, покровительствовала національному движенію, разсчитывая изъять новое королевство изъ сферы вліянія Франціи. Пьемонтъ оказался въ серьезномъ и трудномъ положеніи, но могъ изъ него выйти, ловко воспользовавшись соперничествомъ обѣихъ западныхъ державъ. Всѣ понимали, что одна только

желѣзная рука Кавура сумѣла бы среди столькихъ опасностей благополучно довести корабль до пристани, и Викторъ-Эмануиль снова поставилъ его во главѣ министерства (январь 1860 г.).

Кавуръ сейчасъ же далъ болѣе рѣшительное направленіе политикѣ Пьемонта: онъ разослалъ державамъ циркуляръ съ заявленіемъ, что отнынѣ король Викторъ - Эмануиль не въ состояніи противиться естественному и необходимому ходу событій. Онъ думалъ, что Наполеонъ, вступившій на императорскій престолъ благодаря плебисциту, не можетъ отрицать значеніе для Италіи такой мѣры; онъ представилъ свою идею на обсужденіе Наполеону, который не могъ не одобрить ее. Однако французскій народъ выражалъ недовольство, ибо считалъ, что ничѣмъ не вознагражденъ за пролитую имъ въ Италіи кровь; ему не нравилось, что по ту сторону Альпъ готово создаться сильное государство. Кавуръ рѣшился тогда на великую жертву.

На свиданіи въ Пломбьерѣ было постановлено, что въ случаѣ образованія королевства отъ Альпъ до Адриатическаго моря съ населеніемъ въ одиннадцать милліоновъ, Пьемонтъ уступить Франціи Савойю. Такъ какъ по Виллафранкскому трактату Венеціанская область осталась во власти Австріи, то объ уступкахъ Франціи не было и рѣчи; съ присоединеніемъ же центральной Италіи населеніе королевства Виктора Эмануила достигало какъ разъ одиннадцать милліоновъ. Чтобы побудить французскаго императора одобрить подобное присоединеніе, Кавуръ предложилъ ему Савойю; Наполеонъ же потребовалъ еще Ниццу, и пришлось согласиться на его требованіе 24 марта 1860 года. Савойя, родина царствующей династіи, и Ницца—родина Гарибальди—были уступлены Франціи. Оскорбленный до глубины души, Гарибальди произнесъ рѣзкую рѣчь противъ Кавура, но Палата, хотя и сочувствовала скорби героя, все же утвердила договоръ, который въ то время являлся

необходимымъ ¹⁾. Одновременно съ этимъ Парма, Модена, Романья и Тоскана всеобщимъ голосованіемъ единодушно выразили твердое намѣреніе присоединиться къ Пьемонту, и черезъ нѣсколько дней совершилось ихъ присоединеніе къ владѣніямъ Савойской династіи.

Открывая 2 апрѣля новый парламентъ, Викторъ-Эмануиль имѣлъ полное право резюмировать достигнутые результаты въ слѣдующихъ словахъ:

„Въ короткое время отбито нападеніе врага, славными подвигами войска освобождена Ломбардія, стала свободна центральная Италія, благодаря изумительной доблести населенія, и нынѣ вокругъ меня собраны представители правъ и надеждъ всей націи“.

¹⁾ Само собою разумѣется, что и въ Савойѣ и въ Ниццѣ прибѣгли къ плебисциту, который состоялся 15 и 22 апрѣля и огромнымъ большинствомъ постановилъ присоединеніе къ Франціи.

ГЛАВА XV.

Франческо II, король Неаполитанскій. — Гарибальди и „Тысяча“ (i Mille) da Quarto) въ Марсала, въ Калатафими, въ Палермо, Милаццо и Вольтурно. — Войско Виктора-Эмануила въ Мархii и Умбрии. — Симпатія Англии къ итальянскому національному дѣлу. — Капитуляція Газты. — Провозглашеніе Итальянскаго королевства.

Въ то время, какъ въ Верхней Италиі началась вторая война за независимость, въ королевскомъ дворцѣ въ Казертѣ, всѣми ненавидимый, умеръ Фердинандъ II, король Неаполитанскій (22 мая 1859 г.). Ему наследовалъ его двадцатитрехлѣтній сынъ Франческо II, называемый обыкновенно Франческіелло, слабохарактерный, невѣжественный ханжа.

Въ виду родственныхъ связей, соединявшихъ съ нимъ Франческо (сына Маріи - Христины Савойской, которую народъ прозвалъ „святой“), Викторъ-Эмануиль совѣтовалъ молодому королю даровать конституцію и соединить неаполитанское войско съ пьемонтскимъ для борьбы съ Австріей. Франческо, окруженный группой реакціонеровъ, собирався идти по стопамъ отца, съ негодованіемъ отвергъ это предложеніе и соединился съ Пиемъ IX, который былъ занятъ подавленіемъ возстаній въ Мархii и въ Умбрии.

Полиціи удалось жестокими мѣрами снова подчинить эти области Римскому первосвященнику, но онѣ жаждали мщенія. Чтобы помѣшать возстанію, папа снова нанялъ войска во всѣхъ концахъ Европы и во главѣ ихъ поставилъ

французскаго генерала Ламорсьера (Lamorcière). Франческо II хотѣлъ уже спѣшить на помощь Пію IX, чтобы отнять у Виктора-Эмануила Романью, которой удалось свергнуть власть папы, но событія въ его собственныхъ владѣніяхъ скоро заняли его вниманіе.

Побѣды, одержанныя союзнымъ войскомъ при Сольферино и Сан-Мартино, и присоединеніе къ Пьемонту центральной Италіи,—все это волновало умы и въ Неаполь; у всѣхъ на устахъ были имена Виктора-Эмануила и Гарибальди, и во многихъ мѣстахъ происходили незначительныя демонстраціи.

Въ началѣ 1860 г. сицилійскій изгнанникъ Франческо Криспи дважды отправлялся въ Сицилію, чтобы ознакомиться съ настроеніемъ умовъ и поддержать надежды патріотовъ. Въ мартѣ того же года другой сициліецъ Розолино Пило съ кучкой послѣдователей отплылъ изъ Лигуріи въ Сицилію, чтобы призвать соотечественниковъ къ оружію; но еще до его прибытія возстаніе уже началось. 4 апрѣля въ Палермо набатъ съ колокольной монастыря della Gancia послужилъ сигналомъ къ возстанію; въ городѣ возставшіе были побѣждены, но въ деревняхъ еще продолжали держаться небольшіе отряды.

Когда извѣстіе объ этомъ распространилось на материкѣ, всѣ рѣшили, что надо спѣшить на помощь братьямъ; Агостино Бертани вербовалъ добровольцевъ, а Джузеппе ла Фарина собиралъ оружіе и деньги. Во главѣ всей экспедиціи хотѣли поставить Гарибальди, но онъ еще колебался: онъ боялся повторенія необдуманной экспедиціи въ Сапри; въ концѣ концовъ онъ сдался на горячія убѣжденія Нино Биксіо (Nino Bixio) и Франческо Криспи.

Вечеромъ 4 мая 1860 г. улицы Генуи кишѣли народомъ; всѣ повторяли слова: „Они уѣзжаютъ сегодня ночью“. Во время всеобщаго волненія одно только правительство, по-

видимому, дремало. Кавуръ понималъ, какихъ важныхъ результатовъ можно было ожидать отъ этой экспедиціи: если она потерпитъ неудачу, то отвѣтственность падеть только на Гарибальди; если же она увѣнчается успѣхомъ, то принесетъ огромную пользу національному дѣлу; поэтому онъ не только допустилъ экспедицію, но всѣми средствами содѣйствовалъ ей.

Въ ночь съ 4 на 5 мая Нино Биксіо какъ будто силой захватилъ въ Генуѣ два судна „Lombardo“ и „Piemonte“ принадлежавшія обществу Рубаттино (съ которымъ впрочемъ уже условились заранѣе) и привелъ ихъ въ сосѣдную деревню Кварто (Quarto), откуда 1200 добровольцевъ отправились на нихъ на помощь возставшему острову.

Гарибальди всегда воодушевлялся, вспоминая объ этихъ минутахъ, такъ что, рассказывая въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ объ отплытіи „Тысячи“, онъ возвышается до настоящей поэзіи.

„— Надо спѣшить туда, гдѣ братья-итальянцы борются за свободу“,—сказали вы и явились, не спрашивая о числѣ враговъ, не заботясь, велико ли число добровольцевъ, достаточны ли средства для выполненія смѣлаго предпріятія. Вы спѣшили туда, наперекоръ стихіямъ, пренебрегая трудностями, опасностями, которыя воздвигали вамъ недруги и такъ называемые друзья. Тщетно Бурбонъ своимъ многочисленнымъ флотомъ окружилъ непокорную Trinacria точно желѣзнымъ кольцомъ, и во всѣхъ направленіяхъ избороздилъ Тирренское море, стараясь потопить васъ въ его пучинѣ. Напрасно! Плывите, плывите смѣло, аргонавты свободы! Тамъ на крайнемъ югѣ сіяетъ свѣтило, которое не дастъ вамъ заблудиться, которое приведетъ васъ къ цѣли великаго предпріятія; свѣтило, которое среди бури и мрака сіяло великому пѣвцу Беатриче, и всѣмъ его великимъ послѣдователямъ,—звѣзда Италіи...

„Плывите, плывите неустрашимо! „Пьемонтъ“ и „Лом-

бардець“, благородныя суда благородныхъ воиновъ; исторія сохранить ваши имена вопреки всякой клеветѣ. Когда послѣдніе изъ „Тысячи“, которыхъ пощадить еще время, сидя у домашняго очага, станутъ рассказывать внукамъ о славномъ предпріятіи, въ которомъ участвовали, они напомнятъ изумленнымъ юношамъ имена героев—участниковъ смѣлой экспедиціи“.

Среди этихъ смѣльчаковъ находились Нино Биксіо (который, по словамъ Гарибальди, былъ главнымъ дѣятелемъ этого изумительнаго предпріятія), Криспи, Тюрръ, Ла Маза, братья Кайроли, Сиртори, Мосто и молодой поэтъ изъ Падуй — Ипполитъ Ніево, погибшій въ слѣдующемъ году во время кораблекрушенія. „Lombardo“ и „Piemonte“ пристали къ мысу Теламоне, гдѣ комендантъ крѣпости снабдилъ „Тысячу“ ружьями и небольшимъ орудіемъ. Гарибальди счелъ нужнымъ направить 60 человекъ въ Папскую область, чтобы отвлечь вниманіе державъ и дать поводъ предполагать, что экспедиція направлена противъ папы. Затѣмъ оба судна взяли курсъ на Сицилію.

11 мая они показали въ виду гавани Марсала, гдѣ стояли два англійскихъ судна: „Аргусъ“—стаціонеръ для охраны британскихъ интересовъ и „Intrepid“, направлявшійся въ Мальту; два неаполитанскихъ крейсера только что покинули портъ для наблюденія за берегами. Въ продолженіе менѣе, чѣмъ двухъ часовъ, большая часть отряда подъ начальствомъ Тюрра, высадилась на берегъ; но тутъ подошли два неаполитанскихъ крейсера и стали бомбардировать суда гарибальдійцевъ и берегъ, куда высадились добровольцы. Командиръ одного изъ англійскихъ судовъ отправился на неаполитанскій корабль и просилъ пощадить англійскіе магазины и зданія, увѣнчанные британскимъ флагомъ; а между тѣмъ послѣдніе добровольцы высадились на берегъ со всѣми припасами; неаполитанскія суда ушли, захвативъ въ плѣнъ пустой Piemonte и оставивъ въ гавани потопленный „Lombardo“.

ными путями, по глухимъ тропинкамъ пошелъ къ Палермо; 27 мая, благодаря удачной штыковой атакѣ, онъ овладѣлъ городомъ. Однако въ крѣпости еще оставалась часть гарнизона, а въ гавани все еще стоялъ неаполитанскій флотъ; поэтому городъ подвергался бомбардировкѣ съ двухъ сторонъ. Ночью волонтеры съ помощью населенія построили баррикады и могли уже дать отпоръ врагу, который послѣ нѣсколькихъ дней упорной борьбы принужденъ былъ просить перемирія, а 6 июня покинулъ Палермо.

Революція между тѣмъ охватила весь островъ, и пьемонтское правительство, увѣренное отнынѣ въ успѣхъ, предприняло болѣе рѣшительныя дѣйствія: изъ Генуи вышли новыя суда съ новыми добровольцами подъ начальствомъ Медичи и Козенца.

Неаполитанское войско сосредоточилось въ Милаццо, и Гарибальди рѣшилъ дать здѣсь сраженіе. Сначала успѣхъ былъ на сторонѣ неаполитанцевъ, и лишь къ вечеру счастье перешло къ Гарибальди. 20 іюля (день сраженія при Милаццо) весь островъ освободился отъ господства Бурбоновъ, и лишь цитадель Мессины оставалась имъ вѣрной, однако съ обязательствомъ не бомбардировать города.

Понявъ опасность, Франческо II счелъ за лучшее согласиться на конституцію и обѣщаль вступить въ союзъ съ Пьемонтомъ; но было уже поздно: никто не вѣрилъ его обѣщаніямъ. Во всякомъ случаѣ Пьемонтскому правительству необходимо было дѣйствовать крайне осторожно, ибо всѣ державы, кромѣ Англій, выражали свое негодованіе по поводу его отношенія къ экспедиціи Гарибальди; вслѣдствіе этого Викторъ-Эмануилъ написалъ Гарибальди официальное письмо, въ которомъ предлагалъ ему не переправляться черезъ проливъ. Одновременно съ этимъ Кавуръ черезъ адмирала Персано просилъ передать Гарибальди, что нельзя останавливаться на половинѣ. Гарибальди, не

обращая вниманія на официальное заявленіе короля, въ ночь съ 19 на 20 августа переправился на материкъ.

Кавуръ въ свою очередь всѣми мѣрами старался поднять возстаніе въ Неаполитанской области, пользуясь услугами маркиза Вилламарина, посланника Пьемонтскаго короля. Возстаніе вспыхнуло не въ Неаполѣ, а въ Базиликатѣ: 16 августа городъ Потенца поднялъ трехцвѣтное знамя при крикахъ: „Италія и Викторъ-Эмануиль!“ Находящіяся въ Калабріи войска, узнавъ о возстаніи въ тылу у себя, растерялись, и нѣсколько тысячъ солдатъ отряда генерала Бриганти отказались сражаться; Бриганти, обвиненный въ измѣнѣ, черезъ нѣсколько дней былъ убитъ этими же самыми солдатами.

Революція восторжествовала во всѣхъ провинціяхъ Неаполитанскаго королевства. Гарибальди оставилъ войска позади и, сопровождаемый лишь немногими офицерами, двинулся къ Неаполю: населеніе встрѣчало его, какъ освободителя. Изъ Реджіо-Калабріи до Неаполя это было непрерывное торжественное шествіе. Франческо II замѣтивъ, что его совѣтники собираются его оставить или измѣнить ему, 6-го сентября уѣхалъ изъ Неаполя въ Гаэту и приказалъ флоту слѣдовать за собой; флотъ однако не повиновался и соединился съ вошедшими въ гавань пьемонтскимъ флотомъ. На слѣдующій день Гарибальди вступилъ въ Неаполь среди восторженныхъ криковъ обезумѣвшаго отъ счастья народа.

Дѣло однако еще не было окончено. Пятьдесятъ тысячъ солдатъ — лучшая часть войска — занимали форты Гаэты и Капуи, защищенныхъ линіей Вольтурно; почти всѣ европейскія державы не сочувствовали революціи, а между тѣмъ Мархія и Умбрія тоже стремились къ освобожденію и волновались. Положеніе осложнялось еще тѣмъ обстоятельствомъ, что Гарибальди, легко подчинявшійся вліянію окру-

жающихъ, начиналъ уже поддаваться горячимъ убѣжденіямъ Джузеппе Мадзини, поспѣшившаго въ Неаполь.

Пьемонтъ желалъ немедленнаго присоединенія этихъ провинцій, чтобы представить на усмотрѣніе державъ уже совершившійся фактъ. Гарибальди же хотѣлъ сначала освободить Римъ и Венеціанскую область и отнять у Франціи Ниццу; тогда только на вершинѣ Капитолія онъ передалъ бы мечъ въ руки Виктора-Эмануила. Не менѣе смѣлый и рѣшительный, чѣмъ Гарибальди, Кавуръ понималъ, что все это было еще невозможно; отсюда между обоими великими людьми возникло разногласіе, обострившее ихъ отношенія, которыя, еще вслѣдствіе уступки Франціи Ниццы, были очень натянутыя.

При такихъ обстоятельствахъ, по мнѣнію Кавура, королю самому слѣдовало взять въ свои руки руководство національнымъ движеніемъ; онъ съ горячей энергіей рѣшилъ занять Мархію и Умбрию, что должно было не только содѣйствовать присоединенію Раманьи къ области Неаполя, но и дать возможность сдержать стремительное теченіе революціи, чтобы вѣрнѣе довести ее до цѣли. 7-го сентября (въ тотъ самый день, когда Гарибальди вступилъ въ Неаполь) пьемонтское правительство отправило посла въ Римъ съ заявленіемъ, что рѣзня, ежедневно производимая въ Мархіи и Умбріи наемными войсками Ламерсьера, возмущаетъ Виктора-Эмануила и что онъ будетъ вынужденъ вступить на защиту населенія, если эти войска не будутъ распущены. 11 сентября, прежде, нежели пришелъ отвѣтъ отъ папы (отвѣтъ крайне рѣзкій), итальянскія войска перешли границу Папской области.

Надо было дѣйствовать съ большою поспѣшностью, чтобы предупредить оппозицію Державъ, которыя (за исключеніемъ Англій, продолжавшей сочувственно относиться къ объединенію Италіи) отзывали своихъ посланниковъ изъ Ту-

рина*); генералы Чальдини и Фанти, командовавшие итальянской армией, отлично исполнили эту задачу. 18 сентября войско папы потерпело поражение при Кастельфидардо; Ламорсьеръ заперся въ Анконѣ. Осажденная съ суши и блокируемая съ моря, крѣпость была вынуждена сдаться 29 сентября. Викторъ-Эмануиль, во главѣ своего побѣдоноснаго войска, вступилъ въ Неаполитанскую область.

Въ это время неаполитанскій главный штабъ задумалъ смѣлое дѣло: онъ хотѣлъ, съ 50 тысячами собраннаго на берегахъ Волтурно войска, прорвать линію гарибальдійцевъ и открыть себѣ такимъ образомъ дорогу къ Неаполю, гдѣ подготавливалась контръ-революція. 1-го октября онъ атаковалъ войско Гарибальди, и это сраженіе самое кровопролитное за всю войну 60 года. Къ двумъ часамъ дня армія Гарибальди была, повидимому, разбита, но въ концѣ-концовъ Гарибальди удалось съ холма хорошо ознакомиться съ положеніемъ, дать послѣднія распоряженія, вслѣдствіе чего въ 5 часовъ вечера онъ могъ телеграфировать въ Неаполь: „Побѣда по всему фронту“. Радость побѣды омрачалась для него потерей многихъ храбрецовъ, особенно смертью Пилада Бронзетти, который съ сотней товарищей обрекъ себя на вѣрную смерть ради спасенія другихъ. На слѣдующій день бурбонскія войска повторили атаку, которая кончилась рѣшительной побѣдой Гарибальди; въ этомъ бою участвовалъ батальонъ пьемонтскихъ стрѣлковъ (bersaglieri), высадившихся незадолго до того въ Неаполь.

Между тѣмъ Гарибальди призвалъ въ Неаполь извѣст-

*) Въ дѣйствительности Пруссія тоже не отозвала своего посла, но она открыто выразила пьемонтскому правительству неодобреніе по поводу его политики въ центральной и южной Италіи. Кавуръ отвѣтилъ прусскому послу, сообщившему эту ноту: „Je donne un exemple, que probablement dans quel que temps la Prusse sera très-heureuse d'imiter“ Я подаю примѣръ тѣ, которому, вѣроятно, въ скоромъ времени Пруссія съ радостью послѣдуетъ.)

наго патріота Джіорджіо Паллавичино и сдѣлалъ его продиктаторомъ (proditatore). Горячій сторонникъ немедленнаго соединенія, Паллавичино старался освободить Гарибальди отъ вліянія республиканцевъ, особенно Криспи, который, въ качествѣ министра иностранныхъ дѣлъ, во многомъ руководилъ его политикой *). Герой опытный въ военномъ дѣлѣ, мало понималъ въ политикѣ и не умѣлъ рѣшить, къ какой партіи примкнуть; наконецъ Паллавичино съ помощью генерала Тюрра убѣдилъ его въ необходимости присоединенія къ Пьемонту. Жители Неаполя и Сициліи, созданные съ цѣлью плебисцита, почти единогласно постановили присоединиться къ королевству Виктора-Эмануила (21 окт. 1860 г.).

Такъ пало господство Бурбоновъ и, среди всеобщаго недовѣрія, одна только Англія одобрила революцію. Въ нотѣ къ англійскому посланнику Гудсону въ Туринѣ, написанной именно въ это время (27 окт. 1860 г.), англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ лордъ Руссельъ вспоминаетъ революціи 1820 и 1848 гг. въ Неаполь и прибавляетъ слѣдующее: „Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что неаполитанцы, озлобленные и недовольные, свергли Бурбоновъ, подобно тому, какъ въ 1688 г. англичане свергли Стюартовъ“. Онъ заключаетъ свои разсужденія такимъ образомъ: „Надо сознаться, что въ Италіи революція совершилась съ изумительной умѣренностью и терпимостью. Паденіе власти не сопровождалось, какъ это въ большинствѣ случаевъ бываетъ, вспышками народнаго мщенія; нигдѣ крайнія идеи демократовъ не восторжествовали; общественное мнѣніе помѣшало неумѣренности народнаго торжества; конституціонная монархія связана съ именемъ государя, представи-

*) Криспи въ 1865 г. отсталъ отъ республиканской партіи; причины этого онъ выразилъ въ слѣдующей знаменитой фразѣ: „Монархія насъ объединяетъ, республика насъ можетъ разъединить“.

теля старинной и славной династіи. Разсмотрѣвъ причины и побочныя обстоятельства итальянской революціи, правительство Е. В. не видитъ достаточныхъ причинъ, оправдывающихъ строгое осужденіе Россіей, Австріей, Франціей и Пруссіей образа дѣйствій короля Сардиніи. Правительство Е. В. съ большимъ удовольствіемъ обратило бы взоры на утѣшительную картину народа, созидающаго свои политическія права и упрочивающаго свою независимость среди симпатій и благопріятныхъ пожеланій всей Европы“.

29 октября Викторъ-Эмануиль, который отъ Тронто подвигался къ Неаполю, восторженно привѣтствуемый народомъ, встрѣтился съ Гарибальди въ мѣстечкѣ Монте-Кроче близъ Теано (въ пров. Казерта); народный герой поспѣшилъ ему навстрѣчу, привѣтствуя его „королемъ Италіи“. Нѣсколько дней спустя Гарибальди передалъ командованіе королю и удалился на о. Капреру. Гарибальди и Викторъ-Эмануиль питали другъ къ другу искреннее расположеніе; оба отличались прямою характера, смѣлостью въ поступкахъ, горячей любовью къ Италіи; эти двѣ честныя и благородныя личности являются выраженіемъ полного единенія итальянскаго народа съ Савойской династіей.

Теперь регулярному войску оставалось завершить дѣло, начатое добровольцами. 2 ноября они заняли крѣпость Капую и осадили Гаэту. Осада затруднялась тѣмъ, что французскій флотъ препятствовалъ ея блокадѣ съ моря. Викторъ-Эмануиль поэтому поставилъ на видъ Наполеону III, что онъ нарушаетъ принципъ невмѣшательства, и въ январѣ 1861 года Франція отозвала свой флотъ. Блокируемая съ моря и съ суши, Гаэта скоро была лишена возможности сопротивляться; 12 февраля Франческо II на французскомъ суднѣ бѣжалъ въ Папскую область, а на другой день Гаэта сдалась. Нѣсколько позже сложили оружіе гарнизоны Мессины и Чивителла на Тронто. Такимъ

образомъ все королевство признало власть Виктора-Эмануила *).

Въ февралѣ того же 1861 г. въ Туринѣ состоялась первая сессія итальянскаго парламента. Въ своей тронной рѣчи Викторъ-Эмануиль въ слѣдующихъ словахъ выразилъ благодарность Англiи: „Правительство и народъ Англiи, родины свободы, открыто поддерживали наше право рѣшать свою судьбу и оказали такія услуги, благодарная память о которыхъ никогда не изгладится“.

Официально Викторъ-Эмануиль былъ только королемъ Сардинiи, хотя и владѣлъ большею частью Аппеннинскаго полуострова. 14 марта 1861 г. по случаю дня рожденiя короля парламентъ единогласно принялъ предложенiе провозгласить Виктора-Эмануила королемъ Италiи; 17 марта это предложенiе получило силу закона.

Въ томъ же мартѣ новое Итальянское королевство было признано Англiей, а въ апрѣлѣ — Швейцарiей и Американскими Соединенными Штатами.

*) Франческо II умеръ 27 дек. 1894 г., не оставивъ потомства; его титулъ и его притязанiя перешли къ брату его Альфонсу, графу Казертскому, живущему въ Каннѣ (во Францiи).

ГЛАВА XVI.

Римскій вопросъ.

Рѣчи Кавура по поводу Римскаго вопроса.—Смерть Кавура.—Тяжелое положеніе новаго королевства; разбойники.—Движенія активной партіи. Аспромонте. Путешествіе Гарибальди въ Англію.—Конвенція 1864 г. и перенесеніе столицы изъ Турина во Флоренцію.

Въ теченіе короткаго періода времени было достигнуто много важныхъ результатовъ, но два вопроса требовали еще разрѣшенія, — Римъ и Венеція. Кавуръ, смѣлость и сила ума котораго не только не слабѣли, но росли съ увеличеніемъ препятствій, рѣшилъ найти путь къ разрѣшенію Римскаго вопроса.

11 октября 1860 г., т. е. еще въ то время, когда неаполитанское войско не потерпѣло пораженія, когда всѣ державы отозвали своихъ пословъ изъ Турина, а императоры русскій и австрійскій и король прусскій готовились съѣхаться на конгрессъ въ Варшавѣ, чтобы принять мѣры противъ Пьемонта, — именно въ эту минуту Кавуръ произнесъ въ Палатѣ рѣчь о необходимости сдѣлать Римъ столицей Италіи.

„ . . . Каждому министру чрезвычайно трудно высказать свое мнѣніе относительно великихъ вопросовъ будущаго; тѣмъ не менѣе, я признаю, что государственный дѣятель, достойный этого имени, долженъ имѣть опредѣленные взгляды, которые служатъ ему, такъ сказать, путеводной

звѣздой въ его дѣятельности; онъ можетъ сообразно съ обстоятельствами избирать средства или измѣнять ихъ, но взоръ его всегда долженъ быть устремленъ на то, что служить ему руководителемъ.

Въ теченіе послѣднихъ двѣнадцати лѣтъ путеводной звѣздой короля Виктора-Эмануила было стремленіе къ національному единству; что будетъ руководить имъ въ вопросъ о Римѣ? Наша цѣль, милостивые государи,—говорю это совершенно открыто—заключается въ томъ, чтобы вѣчный городъ, покрытый двадцативѣковой славой, сдѣлать столицей Италіи. (Громкіе и продолжительные апплодисменты).

Такой отвѣтъ, быть можетъ, не удовлетворитъ вполнѣ уважаемаго товарища, желающаго знать, какими средствами мы располагаемъ для достиженія этой цѣли. Я могъ бы на это сказать: отвѣчу вамъ въ томъ случаѣ, если вы мнѣ скажете, каково будетъ положеніе дѣлъ въ Италіи и вообще въ Европѣ черезъ шесть мѣсяцевъ; если же вы не сообщите мнѣ этихъ данныхъ, этихъ условій задачи, то ни я и ни одинъ изъ математиковъ дипломатіи не сумѣетъ найти искомое вами неизвѣстное. (Смѣхъ). Тѣмъ не менѣе, милостивые государи, я, не колеблясь, могу указать вамъ, если не опредѣленные средства, то тѣ великія причины, которыя, по моему мнѣнію, приведутъ насъ къ цѣли.. Я думаю, что разрѣшеніе Римскаго вопроса явится слѣдствіемъ все шире и шире распространяющагося въ обществѣ и церкви убѣжденія, что свобода благоприятствуетъ развитію истиннаго религіознаго чувства. (Браво! Браво!).

Когда это мнѣніе станетъ всеобщимъ, милостивые государи,—а это произойдетъ вскорѣ (образъ дѣйствій нашего войска и нашего государя способствуетъ его упроченію)—когда это сознаніе окрѣпнетъ въ душѣ другихъ народовъ и пуститъ глубокіе корни въ обществѣ, тогда—мы смѣло это утверждаемъ—огромное большинство просвѣщенныхъ

и искреннихъ католиковъ признають, что первосвященникъ и глава нашей церкви гораздо свободнѣе и независимѣе можетъ исполнять свою великую обязанность, охраняемый любовью и уваженіемъ двадцати двухъ милліоновъ итальянцевъ, нежели подъ защитой двадцати тысячъ штыковъ“.

Послѣ присоединенія Неаполитанскаго королевства вопросъ о столицѣ пріобрѣлъ еще большее значеніе: Туринъ, лежащій на окраинѣ Италіи, не могъ быть столицей королевства, которое простиралось до крайней оконечности Сициліи. Въ мартѣ 1861 г. Римскій вопросъ былъ внесенъ на обсужденіе парламента, а 25 марта Кавуръ произнесъ по этому поводу слѣдующую замѣчательную рѣчь:

„ . . . Вопросъ о столицѣ, милостивые государи, не можетъ быть разрѣшенъ по соображеніямъ климатическимъ, топографическимъ или даже стратегическимъ; если бы подобныя соображенія вліяли на избраніе столицы, то Лондонъ, конечно, не былъ бы столицей Великобританіи, а Парижъ—столицей Франціи. При избраніи столицы слѣдуетъ руководствоваться серьезными нравственными причинами. Подобные вопросы рѣшаются чувствомъ народа.

Въ Римѣ, милостивые государи, сосредоточиваются всѣ условія историческія, умственные и нравственные, кои опредѣляютъ положеніе столицы обширнаго государства. Римъ—единственный итальянскій городъ, прошлое котораго не имѣетъ исключительно мѣстнаго значенія: вся исторія Рима отъ Цезарей и до нашихъ дней, есть исторія города, значеніе коего распространяется далеко за предѣлы его территоріи, города, предназначеннаго стать столицей великаго государства. Убѣжденный, глубоко убѣжденный въ этой истинѣ, я считаю себя обязаннымъ торжественно заявить объ этомъ вамъ и всей Италіи; считаю своимъ долгомъ обратиться къ патріотизму всѣхъ гражданъ Италіи и всѣхъ представителей ея городовъ, съ призывомъ прекратить всѣ разногласія, дабы мы могли это объявить всей Европѣ и

чтобы тѣ, кто имѣетъ честь быть представителемъ нашей родины при иностранныхъ дворахъ, имѣли возможность сказать: „Необходимость сдѣлать Римъ столицей признана и заявлена всѣмъ народомъ“. (Знаки одобренія). Пренія по поводу Римскаго вопроса продолжались до 27 марта; въ этотъ день Кавуръ слѣдующей рѣчью заключилъ свои доводы:

„Министерство сказало вамъ, что надѣется разрѣшить римскій вопросъ, увѣривъ убѣжденныхъ католиковъ, что присоединеніе Рима къ Италіи не нанесетъ никакого ушерба независимости Церкви; министерство сказало вамъ, что, когда это мнѣніе будетъ принято католическимъ обществомъ, то легче будетъ достигнуть соглашенія съ Франціей, которая въ этомъ случаѣ является представительницей — и считаетъ это представительство своей обязанностью—всего католическаго міра; далѣе, оно говоритъ, что, когда здраво мыслящая часть католическаго общества убѣдится въ нашей правотѣ, и когда соглашеніе съ Франціей будетъ доступно, можно будетъ надѣяться, что самъ Римскій Первосвященникъ признаетъ справедливость нашего мнѣнія; если же онъ ея не признаетъ, то отвѣтственность за могущія совершиться событія падетъ не на насъ.

Мнѣ кажется, нельзя болѣе откровенно формулировать эту программу, которая такъ прекрасно выражена въ переходѣ къ очереднымъ дѣламъ, предложенномъ депутатомъ Боцкомпани. Не думайте, милостивые государи, что я создаю себѣ иллюзіи.

Отнынѣ, милостивые государи, кажется, съ математической ясностью доказано убѣжденнымъ католикамъ, что ошибочно обусловливать вопросъ о независимости римскаго первосвященника его свѣтской властью. Мы скажемъ убѣжденнымъ католикамъ: свѣтская власть является гарантіей независимости лишь въ томъ случаѣ, если доставляетъ тому, кто ею обладаетъ, оружіе и деньги для ея охраны; но когда свѣтская власть государя вмѣсто того, чтобы доставлять

ему оружіе и деньги, принуждаетъ его выпрашивать ихъ у другихъ державъ, то ясно, что свѣтская власть обусловливаетъ не независимость, а полное подчиненіе. (Браво!).

Человѣкъ, спокойно живущій дома, не имѣющій ни долговъ, ни недруговъ, по моему мнѣнію, гораздо болѣе независимъ, нежели богатѣйшій владѣтель латифундій, возбудившій противъ себя своихъ согражданъ и который не можетъ выйти изъ дому безъ эскорта берсальеровъ и солдатъ. (Браво! Прекрасно!)

Мнѣ кажется поэтому, что относительно этого пункта убѣжденные католики согласятся съ нами.

Остается убѣдить верховнаго первосвященника, что, даже лишившись свѣтской власти, Церковь остается независимой. Мнѣ кажется, что, если мы явимся къ верховному первосвященнику и скажемъ ему: „Святой Отецъ, свѣтская власть не гарантируетъ вамъ независимости; откажитесь отъ нея, и мы дадимъ вамъ ту свободу, которую вы въ теченіе трехъ вѣковъ тщетно просили у всѣхъ великихъ католическихъ державъ; вы старались добиться частицы этой свободы путемъ конкордатовъ, въ которыхъ вы, Святой Отецъ, принуждены были даровать привилегіи, даже хуже привилегій, даровать право употребленія духовнаго оружія тѣмъ свѣтскимъ властителямъ, которые давали вамъ незначительную долю свободы. Теперь мы предлагаемъ вамъ во всей полнотѣ то, чего вы никогда не могли добиться отъ державъ, называвшихъ себя вашими союзниками и вашими вѣрными сынами: мы готовы во всей Италіи провозгласить великій принципъ: Свободная Церковь въ свободномъ Государствѣ. (Хорошо!) *)

*) Какъ видно изъ этой рѣчи и еще яснѣе видно изъ многочисленныхъ документовъ относительно переговоровъ, начатыхъ Кавуромъ для разрѣшенія Римскаго вопроса, онъ предлагалъ Пію IX объявить въ Италіи принципъ „Свободная Церковь въ свободномъ государствѣ“ лишь въ вознагражденіе за немедленное отреченіе папы отъ свѣтской

Искренніе ваши друзья подобно намъ признають очевидность факта, т. е. признають, что свѣтская власть папъ въ ея настоящемъ видѣ не можетъ существовать. Они предлагаютъ вамъ реформы, которыхъ вы, какъ первосвященникъ, ввести не можете; они предлагаютъ вамъ издать повелѣнія, въ которыхъ есть стороны, не согласующіяся съ ученіемъ, хранителемъ коего вы являетесь; друзья же ваши настаиваютъ и осуждаютъ ваше упрямство; вы сопротивляетесь,—и вы правы; я не порицаю васъ, когда тѣмъ, кто упрекаетъ васъ за отсутствіе войска, основаннаго на рекрутскомъ наборѣ, вы возражаете, что не можете налагать принудительное безбрачіе на юношей въ возрастѣ отъ 20 до 25 лѣтъ, т. е. въ томъ возрастѣ, когда голосъ страстей всего сильнѣе; я не осуждаю васъ, когда вы отказываетесь провозгласить свободу религіи, свободу обученія, — я понимаю васъ. Вы должны проводить извѣстное ученіе и, слѣдовательно, не можете признавать за благо распространеніе всевозможныхъ ученій; вы не можете принять совѣтовъ искреннихъ вашихъ друзей, потому что они отъ васъ требуютъ того, чего вы не можете дать, и вы принуждены сохранить ненормальное положеніе отца вѣрныхъ, вынужденнаго удерживать народы въ порабоженіи съ помощью иностранныхъ солдатъ; или же вы должны принять принципъ свободы, честно, широко примѣненный къ первородному народу латинскаго племени, въ странѣ, являющейся естественной столицей католицизма.

власти. Преемники же Кавура, принявъ этотъ принципъ самъ по себѣ а не въ практическомъ его смыслѣ, какъ его понималъ Кавуръ, примѣнили его во всемъ полуостровѣ, не смотря на отказъ папы пойти на уступки. Отсюда произошло то, что Церковь, оставаясь враждебной Итальянскому королевству, оказалась однако въ нашей странѣ въ болѣе благоприятныхъ условіяхъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было, и могла воспользоваться всѣми преимуществами свободы для борьбы противъ государства.

Мнѣ кажется, милостивые государи, что подобное разсужденіе, подобное предложеніе, сдѣланное совершенно серьезно и честно, не можетъ быть принято неблагопріятно...

Въ доказательство искренности нашихъ предложеній я напому вамъ, что они соотвѣтствуютъ всей нашей системѣ. Мы находимъ, что принципъ свободы слѣдуетъ распространить на всѣ части общества религіознаго и гражданскаго; мы хотимъ свободы экономической; мы хотимъ свободы административной; мы желаемъ полной и безусловной свободы совѣсти; мы желаемъ всѣхъ политическихъ свободъ, совмѣстныхъ съ существующимъ общественнымъ порядкомъ; а слѣдовательно, какъ результатъ этого положенія вещей, мы считаемъ необходимымъ для гармоніи созидаемаго нами строенія, чтобы принципъ свободы былъ примѣненъ къ отношеніямъ между Церковью и государствомъ. (Прекрасно!)..

Эти истины будутъ приняты общественнымъ мнѣніемъ и, даже не имѣя возможности опредѣлить время, которое потребуется, чтобы эти взгляды приобрѣли непреодолимую силу, я едва ли обольщаю себя иллюзіями, если скажу, что въ нашъ вѣкъ, когда даже въ области мысли пользуются локомотивомъ, эти идеи не замедлятъ стать всеобщимъ достояніемъ. Когда это случится, то — какъ я сказала раньше — соглашеніе съ Франціей станетъ легко достижимымъ. Я надѣюсь, что по достиженіи этихъ двухъ условій — убѣжденія католиковъ и соглашенія съ Франціей — найдется способъ придти къ соглашенію со Святымъ Отцомъ. Я не хочу предвидѣть невозможности такого соглашенія, но я думаю, что, если оно будетъ создано не нами, то его не поставятъ намъ въ упрекъ; но даже и при такомъ предположеніи Римъ можетъ быть присоединенъ къ Италіи безъ всякихъ роковыхъ послѣдствій для насъ или для Церкви..."

Пренія закончились почти единогласнымъ принятіемъ предложеннаго депутатомъ Бонкомпаньи перехода къ очереднымъ дѣламъ:

„Выслушавъ заявленія Министерства и увѣренная въ томъ, что по обезпеченіи достоинства, сана и независимости папы и полной свободы Церкви, съ согласія Франціи, состоится примѣненіе принципа невмѣшательства, и что Римъ, провозглашенный столицей голосомъ всей націи, будетъ присоединенъ къ Италіи, — Палата переходитъ къ очереднымъ дѣламъ.“

Вслѣдствіе этого Кавуръ немедленно началъ съ Римомъ переговоры относительно отдѣленія власти свѣтской отъ духовной; но въ это время его сильно опечалило грустное событіе.

Въ это время обсуждался вопросъ о положеніи офицеровъ изъ отряда Гарибальди, поступившихъ въ ряды арміи; нѣкоторымъ изъ нихъ показалось, что правительство недостаточно цѣнить ихъ заслуги, и они возстановили Гарибальди противъ Кавура, чѣмъ только растравили еще не зажившую рану, нанесенную Гарибальди уступкой Ниццы Франціи. Гарибальди поспѣшилъ въ Туринъ и въ засѣданіи палаты заявилъ, что никогда не подастъ руки тому, кто сдѣлалъ его чужимъ въ Италіи. Король былъ огорченъ рознью между двумя величайшими дѣятелями Италіи и пытался добиться примиренія. Они пожали другъ другу руки въ Galleria d'armi королевскаго дворца въ Туринѣ; искренность примиренія доказывается письмомъ Гарибальди къ Кавуру отъ 18 мая 1861 г., въ которомъ между прочимъ заключаются слѣдующія слова: „Увѣренный въ вашихъ великихъ дарованіяхъ и твердомъ желаніи блага родинѣ, я буду ожидать благопріятнаго голоса, зовущаго меня снова на поле сраженія“.

Однако Кавуръ, удрученный трудами послѣднихъ лѣтъ и постояннымъ умственнымъ напряженіемъ, совершенно раз-

строилъ свое здоровье. 29 мая 1861 г. онъ заболѣлъ лихорадкой, 2 июня онъ всталъ и работалъ цѣлый день; вечеромъ лихорадка возобновилась, а 6 июня его не стало *). Викторъ Эмануиль, посѣтившій его незадолго до того, пожелалъ, чтобы прахъ его покоился въ базиликѣ Superga рядомъ съ гробницами членовъ Савойской династии. Это была благородная мысль; но Кавуръ завѣщалъ, чтобы останки его были погребены въ склепѣ его семьи въ деревнѣ Сантена (близъ Кьери), и желаніе его было исполнено.

Между Викторомъ-Эмануиломъ и Кавуромъ часто возникали пререканія, но они сейчасъ же прекращались, такъ какъ оба понимали, насколько необходимо было для Италіи ихъ согласіе. Кавуръ говорилъ, что безъ Виктора-Эмануила невозможно было бы объединить Италію, но и Викторъ-Эмануиль сознавалъ, что лишь мощный умъ Кавура могъ преодолѣть всѣ политическія осложненія того времени.

Лордъ Пальмерстонъ, глава англійскаго министерства, сказалъ: „Имя графа Кавура останется всегда живымъ и скажу даже, неизгладимымъ въ памяти всего рода человѣческаго, оно всегда будетъ произноситься съ благодарностью и восхищеніемъ до тѣхъ поръ, пока существуетъ исторія, вспоминающая о событіяхъ“. Лордъ Руссель признаетъ его достойнымъ „одного изъ величайшихъ мѣствъ въ родѣ человѣческомъ“, а сэръ Робертъ Пиль (Peel)—сынъ великаго министра—тоже занимавшій высшія должности въ Ан-

*) Священникъ его прихода, добрый францисканскій монахъ (о. Яковъ), другъ семейства Кавура немедленно поспѣшилъ къ одру умирающаго, чѣмъ устранилъ серьезныя возмущенія, которыя непременно возникли бы въ Туринѣ противъ духовенства. если бы повторилось то, что произошло съ министромъ Сантароза. Римская Курія, ожидавшая и желавшая скандала, была этимъ возмущена, потребовала о. Якова въ Римъ и не только лишила его прихода, но отрѣшила отъ сана и заточила его въ отдаленный монастырь.

гли, называетъ его „величайшимъ государственнымъ дѣяте-
лемъ, который когда либо руководилъ судьбами какой бы то ни
было націи на пути къ свободѣ“. Эти сужденія лицъ, по-
нимавшихъ толкъ въ политикѣ, подтверждаются потом-
ствомъ. Послѣ смерти Кавура прошло цѣлое поколѣніе,
а имя его не только не меркнетъ, но съ каждымъ днемъ
сіяетъ все новымъ свѣтомъ, а совершенное имъ дѣло пред-
ставляется все болѣе замѣчательнымъ.

Смертью Кавура заканчиваются самыя блестящія стра-
ницы исторіи воскресенія Италіи. Министры, часто смѣ-
нявшіе другъ друга въ управленіи (Рикасоли, Мингетти,
Раттацци, Фарини, Ла Мармора, Ланца и др.), хотѣли про-
должать систему и традиціи Кавура, но не сумѣли под-
няться на такую высоту или даже приблизиться къ ней.

Правда, положеніе новаго королевства было тяжелое:
четыре династіи (Неаполитанская, Тосканская, Моденская
и Пармская) стремились вернуть себѣ утраченный престолъ;
изъ четырехъугольника крѣпостей Австрія подозритель-
нымъ взоромъ наблюдала за новымъ королевствомъ, грозя
вторгнуться въ его предѣлы; громы папскаго отлученія
готовы были разразиться надъ новымъ зданіемъ; клерика-
лизмъ удерживалъ Наполеона отъ покровительства судьбѣ
Италіи; а между тѣмъ, какъ всѣ европейскія державы не-
довѣрчиво взирали на воскресшую для новой жизни Италію,
партія Гарибальди добивалась отнять у папы Римъ, а у Ав-
стріи—Венецію. Населеніе различныхъ областей, въ тече-
ніе столѣтій привыкшее къ особенной жизни, не могло
слиться во-едино; нѣкоторыя племена, порабошенные тира-
нами—врагами всякаго прогресса, теперь сильно отстали
въ культурномъ отношеніи; финансы были истощены, войско
еще только создавалось, администрація не была организо-
вана, и въ довершеніе всего южныя области страдали отъ
разбоевъ.

Разбои всегда были бичомъ южныхъ провинцій, отчасти потому, что здѣсь правительственная власть никогда не была достаточно сильна; въ этотъ періодъ, когда прежнее управленіе исчезло, а новое еще не образовалось, они возобновились сильнѣе прежняго и получили политическую окраску.

Изгнанный король Франческо II посылалъ изъ Рима самымъ отчаяннымъ негодьямъ оружіе, деньги и чины полковника и генерала, напр. *Cipriano La Gala*, Крокко, Карузо и многимъ другимъ, опустошавшимъ Аbruццы, Базиликату и Калабрию. Вокругъ нихъ собралось нѣсколько тысячъ разбойниковъ; въ 1861 г. одной шайкѣ удалось даже овладѣть городомъ Мельфи, центромъ уѣзда.

Вскорѣ послѣ того, въ сентябрѣ того же года испанецъ донъ Хозѣ Борхесъ, искатель приключеній, увлекавшійся легитимистскими идеями и считавшій возможнымъ возстановленіе владычества Бурбоновъ въ королевствѣ обѣихъ Сицилій, высадился въ Калабрию, сталъ во главѣ разбойничьихъ шаякъ и захватилъ нѣсколько деревень въ Калабрии и Базиликатѣ. Движеніе его отряда сопровождалось грабежомъ, разгромомъ и убійствами; вскорѣ онъ убѣдился, что дѣлу Бурбоновъ служатъ только разбойники, движимые жаждой наживы. Съ девятнадцатью товарищами Хозѣ Борхесъ пытался достигнуть границы Папской Области, чтобы открыть Франческо II, какой шайкой негодяевъ онъ пользуется для достиженія своей цѣли; онъ былъ схваченъ итальянскими солдатами и разстрѣлянъ.

Съ его смертью разбои не только не прекратились, но еще усилились по мѣрѣ того, какъ разбойничество теряло политической характеръ. Для прекращенія разбоевъ правительству пришлось употребить деньги и военную силу, издать и примѣнять чрезвычайно суровые законы; въ этой глухой и тяжелой борьбѣ итальянское войско доказало свою преданность родинѣ.

Между тѣмъ партія, называвшая себя „активной партіей“, такъ какъ хотѣла немедленнаго занятія Рима и Венеціи, продолжала волноваться; въ 1862 г., воспользовавшись тѣмъ, что власть перешла къ Урбану Раттацци, который, повидимому, покровительствовалъ демократіи, она рѣшила начать борьбу. Самъ Гарибальди взялся за вооруженіе добровольцевъ; однако правительство, вслѣдствіе угрожающаго образа дѣйствій Австріи, было вынуждено конфисковать складъ оружія въ Сарнико (въ провинціи Бергамо) и арестовать нѣсколько лицъ, которыя въ Брешии и Бергамо возбуждали населеніе къ войнѣ.

Съ другой стороны, на всѣ попытки итальянскаго правительства придти къ какому-либо соглашенію папа отвѣчалъ: „Non possumus“; въ Римѣ собрались 300 епископовъ со всѣхъ концовъ свѣта и представили Пію IX адресъ, въ которомъ настаивали на необходимости свѣтской власти. Какъ бы въ отвѣтъ на этотъ вызовъ, Гарибальди отправился въ Сицилію и сталъ вербовать волонтеровъ, при чемъ свои намѣренія выразилъ въ возгласъ: „Римъ или смерть“. Правительство оказалось въ очень затруднительномъ положеніи. Римъ все еще былъ занятъ французскимъ войскомъ, и подъ вліяніемъ клерикаловъ Наполеонъ далъ понять, что приметъ вступленіе гарибальдійцевъ въ Папскую Область за объявленіе войны со стороны Итальянскаго королевства. Раттацци былъ вынужденъ приостановить предпріятіе Гарибальди.

Гарибальди съ 2500 волонтерами высадился въ Калабріи и двинулся на высоты Аспромонте. Здѣсь онъ былъ окруженъ отрядомъ берсальеровъ подъ командой полковника Паллавичини. Всѣ итальянцы желали, чтобы обошлось безъ кровопролитія; къ сожалѣнію, съ обѣихъ сторонъ было произведено нѣсколько ружейныхъ залповъ, Гарибальди былъ раненъ (29 августа 1862 г.). Его отвезли въ фортъ

Вариньяно на заливъ Спеціи, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ былъ освобожденъ и вернулся въ Капреру.

Вслѣдствіе этихъ событій въ сентябрѣ 1862 года въ Лондонѣ состоялся большой митингъ въ честь Гарибальди. Англичане сочувствовали итальянцамъ, и въ мартѣ 1864 г. Гарибальди поѣхалъ въ Англію будто бы для того, чтобы посоветоваться съ знаменитыми англійскими хирургами относительно своей раны; въ дѣйствительности же онъ надѣялся добиться отъ Англійскаго правительства денегъ и поддержки для войны съ Австріей. Въ Англіи всѣ классы общества наперерывъ старались выразить ему свое восхищеніе; въ Лондонѣ никто никогда не былъ встрѣченъ съ такимъ всеобщимъ энтузіазмомъ (11 апрѣля 1864 г.); однако правительство, выражая ему полную симпатію, сумѣло отнять у этой поѣздки всякое политическое значеніе.

Въ Италіи между тѣмъ вопросъ о столицѣ принималъ все болѣе и болѣе острый характеръ; даже Наполеонъ понялъ, что необходимо сдѣлать какія-нибудь уступки національному чувству итальянцевъ, съ ненавистью относившихся къ французскому войску въ Римѣ; чтобы отозвать войско, онъ убѣдилъ министерство Мингетти заключить конвенцію 15 сент. 1864 г. Согласно этой конвенціи Франція обѣщала отозвать войска изъ Рима, но зато итальянское правительство обязывалось не нарушать и охранять отъ нарушенія границы остатка Папской Области и какъ бы въ доказательство того, что оно отказывается даже отъ всякой мысли о Римѣ, перенести столицу изъ Турина во Флоренцію. Туринцы, въ 60 и 61 годахъ выражавшіе горячее сочувствіе словамъ Кавура о необходимости перенесенія столицы въ Римъ, были крайне огорчены тѣмъ, что орелъ Савойскаго дома покинулъ берега По, чтобы опуститься не на берегъ Тибра, а на берегъ Арно; поэтому въ Туринѣ произошли

враждебныя министерству демонстраціи, и даже была пролита кровь гражданъ Турина. Какъ бы то ни было, въ 1865 г. столица была перенесена во Флоренцію.

Въ этомъ году истекало шестое столѣтіе со дня рожденія Данте, и со всѣхъ концовъ полуострова присылали привѣтъ Флоренціи, родинѣ „величайшаго поэта“.

ГЛАВА XVII.

Война 1866 года.

Союзъ Италіи съ Пруссіей. Состязаніе войскъ. — Битва при Кустоцѣ.—Гарибальди въ пров. Триента.—Морское сраженіе при Лиссѣ.—
Миръ.—Присоединеніе Венеціи къ Итальянскому королевству.

Въ самомъ началѣ 1861 г. Кавуръ задумалъ начать переговоры съ цѣлью заключенія союза съ Пруссіей; отправляя генерала Альфонса Ла Мармора для принесенія королю Вильгельму поздравленія по случаю его восшествія на престолъ, онъ поручилъ ему довести до свѣдѣнія прусскаго правительства, что, вслѣдствіе аналогіи въ историческихъ тенденціяхъ Пруссіи и Пьемонта, итальянцы привыкли считать Пруссію своей естественной союзницей. «Время еще не настало, но эти сѣмена принесли плоды въ послѣдствіи».

Когда послѣ войны съ Даніей обнаружались первые признаки вражды между Пруссіей и Австріей, президентомъ министровъ въ Италіи былъ именно Ла Мармора, который по просьбѣ Бисмарка съ радостью готовъ былъ осуществить старинный планъ: 8 апрѣля 1866 г. въ Берлинѣ былъ подписанъ тайный договоръ, по которому Пруссія и Италія обѣщали другъ другу взаимную помощь въ наступательной или оборонительной войнѣ съ Австріей. Угрожаемая съ двухъ сторонъ, Австрія чрезъ посредство Наполеона III предложила уступить Италіи Венеціанскую область, если Италія откажется отъ союза съ Пруссіей; но Викторъ-

Эмануиль, всегда честно исполнявший свои обѣщанія, отклонилъ это предложеніе.

20 іюня началась война: Викторъ-Эмануиль принялъ командованіе войскомъ, избравъ своимъ начальникомъ штаба генерала Ла Мармора. Гарибальди снова было поручено руководить добровольцами, въ большомъ количествѣ стекавшимися подъ его знамя. Викторъ-Эмануиль составилъ смѣлый и остроумный планъ: онъ хотѣлъ послать Гарибальди на побережье Далмаціи, гдѣ храброму генералу легко бы удалось поднять населеніе, направиться къ Вѣнѣ и заставить такимъ образомъ Австрію двинуть противъ него значительную часть своей арміи. Гарибальди съ восторгомъ принялъ этотъ планъ, который не былъ однако приведенъ въ исполненіе, такъ какъ окружающіе короля боялись, чтобы національный герой не приобрѣлъ слишкомъ большого вліянія; волонтеры поэтому были направлены въ Тироль *). Итальянское войско вмѣстѣ съ добровольцами составляло боевую силу въ болѣе, чѣмъ 220.000; большая часть была сосредоточена на рѣкѣ Минчіо, но сильный отрядъ подъ начальствомъ Чіальдини находился въ окрестностяхъ Феррары на нижнемъ теченіи По. Австрійское войско уступало итальянскому въ численности (оно достигало приблизительно 150.000), но занимаемая ими сильныя позиціи въ четырехъугольникѣ крѣпостей значительно увеличивали его боевую силу; оно находилось подъ командой эрцгерцога Альберта.

23 іюня итальянцы перешли черезъ Минчіо; 24 они встрѣтились съ австрійцами на высотахъ Кустоцы, столь роковыхъ для итальянскаго оружія въ 1848 г. Солдаты проявили большую храбрость и стойкость, но вслѣдствіе неумѣ-

*) Недостатокъ симпатіи правительства къ народнымъ движеніямъ и отсутствіе смѣлости помѣшали исполненію проекта (предложеннаго генераломъ Тюрромъ и Кошутомъ) о возбужденіи возстанія въ Венгріи, чтобы угрожать Австріи съ тылу.

лаго расположенія лишь треть итальянскаго войска могла принять участіе въ бою. Ла Мармора выказалъ много личной храбрости, постоянно находясь въ сферѣ огня и лично ведя полки въ битву, но обнаружилъ также полное отсутствіе свойствъ, необходимыхъ для главнокомандующаго. Напрасенъ былъ героизмъ отдѣльныхъ батальоновъ, сражавшихся неумѣло и безъ единства плана, напрасно была храбрость сыновей короля—Гумберта и Амедѣя, впервые участвовавшихъ въ сраженіи: итальянское войско, выдержавъ атаку, было принуждено отступить на другой берегъ рѣки Минчіо. Увѣренность въ побѣдѣ была такъ велика, что эта битва казалась огромнымъ несчастьемъ; пораженію придавали преувеличенное значеніе, что вызвало полное уныніе въ публикѣ.

Къ счастью, военныя операціи союзниковъ итальянцевъ въ Германіи шли болѣе успѣшно: 3 іюня пруссаки разбили австрійцевъ при Садовѣ. Тогда Австрія, намѣреваясь отозвать войска изъ Италіи для защиты Вѣны, которой, повидимому грозила опасность,—снова чрезъ посредство Наполеона III предложила уступить Венецію Италіи; но и на этотъ разъ Викторъ-Эмануиль отвергъ это предложеніе; общественное мнѣніе сочувствовало отказу, такъ какъ хотѣло возстановить честь итальянскаго оружія.

Вслѣдствіе этихъ причинъ было рѣшено смѣло перейти въ наступленіе: генераль Чіальдини получилъ приказъ переправиться черезъ По и вступить въ область Венеціи. Большая часть австрійской арміи уже оставила Вѣну, поэтому наступленіе не представляло затрудненій; 20 іюля Чіальдини подошелъ къ Піаве. Одновременно съ этимъ Гарибальди со своими добровольцами перешелъ съ берега озера Гарда въ область Триента, одержалъ побѣду при Бедзеккѣ и подступилъ почти къ самому Триенту.

Итальянцы возлагали большія надежды на свой флотъ, которымъ командовалъ адмираль Персано, поль-

зовавшийся извѣстностью, но далеко не по заслугамъ. Первое время войны онъ находился въ полномъ бездѣйствіи: онъ стоялъ въ Анконѣ, а между тѣмъ австрійскій адмираль Тегетовъ (Teghetoff) съ большой смѣлостью и рѣшительностью старался вызвать его на бой. Наконецъ, подъ влияніемъ всеобщаго неудовольствія, правительство дало адмиралу Персано приказъ немедленно перейти въ наступленіе, угрожая въ противномъ случаѣ отрѣшеніемъ отъ командованія. 16 іюля Персано вышелъ изъ Анконы и осадилъ островъ Лиссу; во время бомбардировки фортовъ подспѣлъ австрійскій флотъ, и смѣло завязалъ бой съ итальянцами. Въ эту минуту Персано перешелъ съ адмиральскаго судна „Re d'Italia“ на „Affondatore“ и держался внѣ сраженія; этотъ поступокъ ничѣмъ не можетъ быть оправданъ. Такъ какъ эскадрѣ не было ничего сообщено о дѣйствіяхъ командующаго, то исчезло всякое единство дѣйствія, и каждое судно было предоставлено самому себѣ. Тегетовъ съ фланга атаковалъ „Re d'Italia“, который затонулъ вмѣстѣ съ командиромъ и со всѣмъ экипажемъ въ 600 человекъ; изъ нихъ спаслись меньше трети; на другомъ итальянскомъ броненосцѣ — „Palestro“ — начался пожаръ; тогда командиръ его, Адольфъ Каппеллини, предвидя неминуемый взрывъ пороха, приказалъ перенести раненныхъ на другія суда, но самъ не хотѣлъ оставить своего поста и погибъ вмѣстѣ со всѣмъ экипажемъ въ 300 человекъ, послѣдними словами его было: „Да здравствуетъ Италия“. Послѣ этого австрійскій адмираль отступилъ въ полномъ порядкѣ, не преслѣдуемый Персано, который въ свою очередь вернулся въ Анкону.

Пораженіе при Лиссѣ глубоко опечалило итальянцевъ, такъ какъ они были увѣрены въ превосходствѣ своего флота надъ австрійскимъ. Адмираль Персано, обвиненный сначала въ измѣнѣ, былъ отрѣшенъ отъ должности за неспособность и небрежность.

22 іюля Пруссія, безъ предварительнаго соглашенія съ Італіей, заключила перемиріе съ Австріей. Это были тяжелья, страшныя минуты для Італьянскаго правительства: Австрія, ободренная успѣхами въ Італіи, могла всѣми своими силами обрушиться на полуостровъ. Необходимость заставила заключить немедленно перемиріе въ Compons (12 августа) и согласиться на условія Пражскаго мира (24 августа). По этому миру Австрія уступила Венеціанскую область Наполеону III, который въ качествѣ посредника, заявилъ о намѣреніи уступить ее Виктору - Эмануилу, послѣ плебисцита, при чемъ, само собою разумѣется, народъ высказался за присоединеніе къ остальной Італіи (21—22 октября 1866 г.) Между тѣмъ въ Вѣнѣ 3 октября былъ заключенъ частный договоръ, касавшійся интересовъ Італіи и Австріи, согласно которому императоръ Францъ-Іосифъ возвратилъ Італіи знаменитую желѣзную корону, увезенную въ 59 г. изъ Монцы въ Вѣну.

Конечно, способъ, благодаря которому Італія получила Венеціанскую область, былъ униженъ для итальянцевъ: но когда 7 ноября 1866 г. Викторъ-Эмануиль вступилъ въ Венецію, разукрашенную и ликующую, какъ въ былые счастливые дни ея могущества, всѣ позабыли о несчастномъ ходѣ войны въ радостномъ сознаніи полного освобожденія отъ власти иностранцевъ.

ГЛАВА XVIII.

Римъ—столица.

Гарибальди и отрядъ добровольцевъ въ Папской области. Вмѣшательство французовъ и битва при Ментанѣ.—Нейтралитетъ Италіи въ теченіе франко-прусской войны. Занятіе Рима итальянскими войсками (20 сентября 1870 г.)—Законъ о гарантіяхъ.

Остался не разрѣшеннымъ только вопросъ о Римѣ. Согласно конвенціи 1864 г. Наполеонъ понемногу отозвалъ свои войска изъ Рима, такъ что въ концѣ 1866 года прекратилась эта оккупация, продолжавшаяся въ теченіе семнадцати лѣтъ. Папское правительство оказалось въ одиночествѣ, лицомъ къ лицу со своими подданными. Въ Римѣ нѣкоторые тайные комитеты пытались возбудить возстаніе, въ королевствѣ же активная партія (*partito d'azione*) тоже рѣшила вмѣшаться для разрѣшенія распри; она надѣялась, что не встрѣтитъ возраженія въ министерствѣ, во главѣ котораго снова стоялъ Урбанъ Раттацци. Гарибальди объѣздилъ нѣсколько провинцій, чтобы побудить населеніе къ войнѣ.

Къ сентябрю 1867 г. подготовленія къ войнѣ очень подвинулись впередъ; но тутъ итальянское правительство, до сихъ поръ не мѣшавшее движенію, подъ вліяніемъ образа дѣйствій Наполеона III, заявившаго о своей готовности защищать папу, 23 сентября издало приказъ арестовать Га-

рибальди и отправило его въ Капреру, гдѣ за нимъ наблюдали четыре судна.

Однако и въ отсутствіи Гарибальди продолжали образовываться отряды волонтеровъ и проникали въ Папскую область.

Вечеромъ 22 октября въ Римѣ было вспыхнуло возстаніе: каменщики Монти и Тоньетти хотѣли взорвать казармы Серристоры, а около сотни молодежи захватили ворота св. Павла, однако это движеніе было немедленно подавлено.

Разсчитывая, что возстаніе еще продолжается, братья Энрико и Джіованни Кайроли (Cairoli) съ семьюдесятью сообщниками перешли границу, чтобы примкнуть къ инсургентамъ. Они спустились внизъ по Тибру и расположились на Monti Parioli, въ двухъ миляхъ отъ Рима, близъ виллы, называемой Глори, ожидая извѣстій о возстаніи. вмѣсто того прибылъ сильный отрядъ папскаго войска. Произошло не сраженіе, а кровавая рѣзня въ рукопашную, грудь съ грудью: всѣ семьдесятъ были убиты или ранены. Энрико Кайроли палъ на полѣ битвы; Джіованни, серьезно раненый и взятый въ плѣнъ, впоследствии, благодаря вмѣшательству одного англійскаго прелата, былъ освобожденъ, но прожилъ не больше года вслѣдствіе полученныхъ ранъ. Такимъ образомъ къ списку итальянскихъ мучениковъ за свободу прибавились два новыхъ имени изъ среды семьи Кайроли; еще раньше одинъ изъ Кайроли погибъ славной смертью въ Варезе во время кампаніи 1859 г., а другой умеръ въ Сициліи, истощенный утомительными походами экспедиціи „Тысячи“.

Нѣсколько дней спустя въ самомъ Римѣ въ Трастевринскомъ кварталѣ папскіе солдаты окружили мастерскую, гдѣ нѣсколько человѣкъ занимались изготовленіемъ снарядовъ; они отвѣтили залпами изъ ружей и бросали бомбы, но были побѣждены и почти всѣ убиты; въ числѣ послѣднихъ была Юдиѣ Тавани-Арквати (Tavani-Arquati), смѣлая

женщина—душа всей обороны. Возмущенный ходомъ дѣлъ въ Италіи, Наполеонъ III вооружилъ въ Тулонѣ цѣлый флотъ на помощь папѣ, тѣмъ болѣе, что Гарибальди бѣжалъ изъ Капреры. Ночью 16 октября старикъ-герой сѣлъ въ маленькую лодку и, обманувъ бдительность сторожевыхъ судовъ, высадился въ Маддаленѣ, откуда направился къ Тосканѣ. Раттацци, сознавая себя неспособнымъ предупредить надвигавшіяся событія, подалъ въ отставку. Во время министерскаго кризиса ни у кого не хватило мужества принять рѣшительныя мѣры, и Гарибальдійское движеніе продолжало развиваться.

По прибытіи во Флоренцію Гарибальди сказалъ рѣчь, возбуждая народъ къ войнѣ, и сталъ во главѣ сформированныхъ уже вооруженныхъ отрядовъ. Онъ перешелъ границу, встрѣтился 26 октября съ папскимъ войскомъ близъ Монтеротондо и разбилъ его. Въ это время дивизія французскихъ солдатъ высадилась въ Чивитавеккіи. Тѣмъ не менѣе Гарибальди убѣждалъ своихъ солдатъ продолжать борьбу; 3 ноября произошло новое сраженіе при Ментанѣ; Гарибальди удалось обратить въ бѣгство папскую милицію, но вслѣдъ за нею подошло французское войско. Вооруженные плохими ружьями, добровольцы не могли долго сопротивляться французамъ съ ихъ chassepots, которые, по неудачному выраженію командующаго экспедиціей генерала Де Фальи „въ этотъ день совершили чудеса!“. Гарибальди отступилъ, распустилъ свои отряды, вернулся въ Итальянское королевство и по приказанію правительства былъ снова водворенъ на о. Капрерѣ.

Такъ неудачно кончилась экспедиція Гарибальди въ 1867 г. Какъ бы для усиленія разлада, обнаружившагося благодаря этому между Италіею и Франціей, французскій президентъ министровъ Руэ, стараясь быть угоднымъ клерикальному большинству Палаты, категорически заявилъ въ парламентѣ: „Nous le déclarons au nom du gouvernement français: l'Italie

ne s'emparera pas de Rome; jamais, jamais la France ne supportera telle violence à son honneur et à la catholicité. Si L'Italie marche contre Rome, elle trouvera de nouveau la France sur son chemin" ¹⁾).

Между тѣмъ вся Италія думала о Римѣ; еще въ декабрь того же 1867 г., точно отвѣчая на рѣчь Руэ, Джюванни Ланца, принимая предсѣдательствованіе въ Палатѣ, высказалъ слѣдующее: „Мы единодушно желаемъ завершенія національнаго объединенія, и рано или поздно, въ силу необходимости и подъ вліяніемъ времени, Римъ долженъ сдѣлаться столицей Италіи“.

Впослѣдствіи, когда усилилась вражда между Франціей и Пруссіей, Наполеонъ III счелъ удобнымъ тѣснѣе сблизиться съ Австріей и Италіей. Императоръ Францъ-Іосифъ лелѣялъ надежду отомстить за пораженіе подъ Садовой, но не хотѣлъ, чтобы съ фланга ему снова угрожала Италія, которая, по его мнѣнію, готова была воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы отнять у него области Триеста и Триента; поэтому онъ согласился на союзъ съ Франціей лишь при условіи участія въ немъ Италіи. Итальянское же правительство поставило условіемъ очищеніе Рима отъ французскаго войска, вновь вступившаго въ него въ 1867 г. Наполеонъ III, находившійся совершенно подъ вліяніемъ клерикальной партіи, не хотѣлъ объ этомъ и слышать, и союзъ не состоялся.

Послѣ первыхъ же поражений, нанесенныхъ французамъ въ 1870 г., Наполеонъ отозвалъ свои войска изъ Рима. Викторъ-Эмануилъ готовъ былъ придти на помощь своему союзнику 1859 года, но итальянское общественное мнѣніе

¹⁾ „Мы заявляемъ отъ лица французскаго правительства, что Италія не будетъ владѣть Римомъ. Никогда, никогда Франція не потерпитъ такого оскорбленія своей чести и католическаго міра. Если Италія пойдетъ на Римъ, она снова встрѣтитъ на своемъ пути Францію“.

было враждебно Наполеону III; кромѣ того, если въ 1859 г. французы сражались бокъ о бокъ съ итальянцами, то въ 1866 году итальянцы были союзниками пруссаковъ; поэтому совѣтъ министровъ высказался за нейтралитетъ. 24 августа во Флоренцію прибылъ зять короля принцъ Наполеонъ, чтобы официально просить помощи Италіи, при чемъ ей предоставлялась полная свобода дѣйствій относительно Рима; однако, было уже поздно; такимъ образомъ и эта послѣдняя попытка къ союзу потерѣла неудачу.

Когда послѣ пораженія при Седанѣ въ Парижѣ началась революція, была свергнута имперія и провозглашена республика (4 сентября 1870), итальянское правительство сочло себя свободнымъ отъ обязательствъ, принятыхъ въ 64 г. относительно императора французовъ. Рѣшено было поэтому вмѣшаться въ дѣла Папской Области. Викторъ-Эмануилъ написалъ Пію IX письмо, въ которомъ „съ сыновней любовью“ просилъ его принять въ соображеніе положеніе Италіи и отказаться отъ свѣтской власти. Пій IX отвѣтилъ, что уступить только силѣ.

19 сентября итальянская армія подъ командой генерала Рафаила Кадорна подошла къ стѣнамъ вѣчнаго города; 20-го послѣ короткой борьбы у Porta Pia была пробита брешь въ городской стѣнѣ. Тогда Пій IX, желавшій только подчеркнуть, что надъ нимъ совершается насиліе, приказалъ войску отступить и заперся въ Ватиканѣ; онъ поступилъ такъ, какъ будто былъ плѣнникомъ новой Италіи, которая сплотившись въ единую націю, единодушно стремилась водрузить на Капитоліи трехцвѣтное итальянское знамя. 2 октября 1870 г. на всеобщемъ голосованіи населеніе Папской области торжественно высказалось за присоединеніе къ королевству Виктора-Эмануила. Такимъ образомъ совершилось одно изъ важнѣйшихъ событій новѣйшей исторіи—уничтоженіе свѣтской власти папъ, которая возникла одиннадцать вѣковъ тому назадъ, благодаря дару

Пипина, и которая всегда служила помѣхой къ объединенію Италіи.

Открывая 5 декабря 1870 года во Флоренці сессию новаго итальянскаго парламента, Викторъ-Эмануиль имѣлъ право съ гордостью воскликнуть: „Съ тѣхъ поръ, какъ Римъ сталъ столицей Италіи, я исполнилъ свое обѣщаніе и завершилъ дѣло, начатое двадцать три года тому назадъ моимъ великимъ родителемъ. Какъ король, и какъ сынъ, я испытываю глубокую радость, впервые привѣтствуя здѣсь представителей всей нашей дорогой родины и имѣя возможность сказать: Италія свободна и объединена; отнынѣ зависитъ лишь отъ насъ сдѣлать ее великой и счастливой“.

Прежде, чѣмъ перенести свои засѣданія въ Римъ, итальянскій парламентъ издалъ такъ называемый „законъ о гарантіяхъ“ („legge delle guarentigie“); по этому закону папѣ предоставлялись всѣ права и почести, принадлежащія государю, оставлялись въ его владѣніи дворцы Ватиканскій и Латеранскій и вилла Кастель-Гандольфо, свободные отъ налоговъ и повинностей, и предоставлялась ежегодная сумма въ 3.225.000 лиръ. Папа не призналъ этого закона, отказался отъ назначенной суммы и продолжалъ протестовать противъ итальянскаго правительства.

2 іюля 1871 года состоялся торжественный въѣздъ Виктора-Эмануила въ Римъ; онъ остановился въ Квириналѣ, при чемъ произнесъ знаменитыя слова:

„Мы пришли въ Римъ и останемся въ немъ“.

Палата депутатовъ занимаетъ дворець Montecitorio, а Сенатъ—т. наз. Palazzo Madama, гдѣ жила Маргарита Австрійская, дочь Карла V.

ГЛАВА XIX.

Италія послѣ 1870 года.

Внутреннее развитіе Италіи.—Смерть Мадзини. „Правая“ и „Лѣвая“.—Переходъ власти къ партіи „Лѣвой“.—Смерть Виктора-Эмануила.—Смерть Пія IX и избраніе Льва XIII. Начало тройственного союза.—Смерть Гарибальди.—Внутреннія реформы; усиленное развитіе общественныхъ работъ.—Занятіе Ассаба и Массавы; событія въ Африкѣ.—Процессы банковъ и „вопросъ нравственности“.—Майскія событія 1898 г.—Туринская выставка.—Выборы 1900 г.—Убійство Гумберта I.—Начало царствованія Виктора Эмануила III.

Достигнувъ наконецъ національнаго единства, Италія отнынѣ могла посвятить всѣ свои силы своему внутреннему развитію. Оставалось совершить еще очень многое, особенно въ южной части полуострова и въ Сициліи, гдѣ прежнія правительства никогда не заботились о благосостояніи народа. Достаточно одного примѣра: въ 1859 г. сѣтъ желѣзныхъ дорогъ въ Пьемонтѣ и Лигуріи равнялась 807 килом., въ Ломбардіи—200 килом., въ Тосканѣ — 308 килом.; въ области же Неаполя (площадь которой равна площади всѣхъ названныхъ мѣстностей, взятыхъ вмѣстѣ) длина желѣзныхъ дорогъ составляла лишь 124 килом., а въ Сициліи, пространство которой равно Пьемонту, ихъ вовсе не существовало. То же самое можно было бы сказать и относительно путей сообщенія вообще, относительно почтовыхъ и телеграфныхъ сношеній и т. д.; торговля была мало развита, промышленности почти не существовало, земледѣліе было въ упадкѣ; о народномъ образованіи нечего и гово-

Между тѣмъ мало-по-малу сходило со сцены то поколѣніе, которое совершило великое дѣло объединенія Италіи. 10-го марта 1872 г. въ Пизѣ умеръ Джузеппе Мадзини. Этотъ великій государственный дѣятель, всю свою жизнь посвятившій подготовленію итальянской революціи, впоследствии не сочувствовалъ принятому ею монархическому направленію; впрочемъ это нисколько не лишаетъ его права на уваженіе къ нему итальянскаго народа, какъ къ первому и самому горячему проповѣднику единства и независимости Италіи. Его прахъ покоится на кладбищѣ въ Генуѣ, его родинѣ.

Въ числѣ лицъ, умершихъ около того времени, былъ и Урбанъ Раттацци, котораго считали главой такъ называемой лѣвой парламентской партіи, т. е. партіи прогрессистовъ.

Послѣ смерти Кавура власть почти все время была въ рукахъ „правой“, т. е. консерваторовъ; но именно благодаря тому, что она постоянно стояла во главѣ управленія, эта партія возбудила антипатію многихъ, тѣмъ болѣе, что, по разрѣшеніи великихъ національныхъ вопросовъ, ея дѣятельность была главнымъ образомъ посвящена довольно сухой области ликвидаціи финансовъ. Нѣсколько сдѣланныхъ ею промаховъ и необычайная строгость во взиманіи налоговъ, примѣнявшаяся для скорѣйшаго достиженія рав-

итальянцамъ подписку для уплаты долговъ государства. Это предложеніе, появившееся на страницахъ Туринской „Gazzetta del popolo“ отъ 14 февраля 1866 г., было принято настолько сочувственно, что въ теченіе нѣсколькихъ недѣль было собрано до 300 милліоновъ. Къ сожалѣнію, война 1866 года прервала дальнѣйшее развитіе этого учрежденія, названнаго „Consorzio Nazionale“, такъ какъ пріостановила подписку и сдѣлала крайне затруднительнымъ самый сборъ пожертвованныхъ суммъ. Собранный капиталъ съ процентами на него составляетъ нынѣ (1 іюля 1900 г.) значительную сумму въ 53 милліона — драгоцѣнный запасный фондъ, который со временемъ можетъ оказать государству важныя услуги.

только за свою красоту и за чарующую прелесть обращенія, но и за возвышенныя чувства и за ея развитой умъ. Другой сынъ Виктора-Эмануила II Амедей, герцогъ Аостскій, въ декабрѣ 1870 года былъ призванъ на испанскій престолъ. но, убѣдившись въ бесполезности всѣхъ усилій, употребленныхъ имъ для успокоенія смуть, раздиравшихъ Испанію, онъ въ началѣ 1873 г. отрекся отъ престола и вернулся къ спокойной частной жизни въ своемъ любимомъ Туринѣ. Итальянскій престолъ, само собою разумѣется, перешель къ старшему изъ братьевъ, Гумберту I; вступая на престолъ, онъ заявилъ, что единственная его цѣль—быть достойнымъ своего отца.

Черезъ мѣсячъ послѣ этого (7 февраля 1878 г.) умеръ папа Пій IX; онъ дѣйствительно принесъ пользу дѣлу объединенія Италіи, какъ тѣмъ, что далъ первый толчекъ національному движенію, такъ и уклоненіемъ отъ этого движенія и отказомъ пойти на компромиссъ, ибо, благодаря этому, стало возможнымъ завершить объединеніе Италіи, не сдѣлавъ папѣ никакихъ другихъ уступокъ, кромѣ тѣхъ, которыя касались его духовной власти.

По смерти Пія IX въ Римѣ, столицѣ Италіи, собрался конклавъ, который навсегда останется памятнымъ въ исторіи церкви, благодаря полной свободѣ, съ коею онъ состоялся. Этотъ конклавъ былъ многочисленнѣе всѣхъ прежнихъ: въ немъ участвовали 61 кардиналъ,—только трое отсутствовали. Черезъ тридцать шесть часовъ, съ удивительнымъ единодушіемъ, безъ всякихъ политическихъ расчетовъ, на папскій престолъ былъ избранъ человекъ, повидимому, наиболѣе способный управлять Церковью, — кардиналъ Іоакимъ Печчи (Gioachino Pecci), 68 лѣтъ отъ роду. Онъ принялъ имя Льва XIII и съ болѣшимъ умомъ и дипломатической ловкостью, нежели Пій IX, продолжалъ политику оппозиціи Итальянскому королевству, чѣмъ создавалъ иногда серьезныя затрудненія, благодаря существующему въ со-

знаніи многихъ вѣрующихъ смѣшенію политическихъ интересовъ папства съ религіознымъ чувствомъ.

Рознь между Итальянскимъ королевствомъ и папствомъ способствовала возникновенію оппозиціи во Франціи, которая съ 1870 г. постоянно выказывала непріязнь къ Италіи за ея отказъ помочь въ войнѣ съ Германіей. Итальянское правительство старалось сохранить хорошія отношенія со всѣми державами, не сближаясь ни съ одной изъ нихъ; на Берлинскомъ конгрессѣ обнаружались вредныя послѣдствія такой замкнутости; Италія надѣялась, что Австрія, занявъ Боснію и Герцеговину, уступитъ ей область Триента, одну изъ еще не освобожденныхъ земель; однако она совершенно ошиблась въ разсчетѣ.

Во всей Италіи еще не улеглось испытанное по этому поводу разочарованіе, когда Франція, съ согласія другихъ державъ, смѣло приступила къ оккупациі Туниса (1881 г.), гдѣ и у Италіи были свои интересы и гдѣ она надѣялась со временемъ утвердиться. Это событіе вызвало сильное возбужденіе противъ Франціи, частью вслѣдствіе недовольства тѣмъ, что она предупредила въ этомъ Италію, частью потому, что занятіе ею Туниса нарушало равновѣсіе на Средиземномъ морѣ не въ пользу Италіи, а послѣ прорытія Суэцкаго канала это море вновь приобрѣло прежнее значеніе.

Рознь между обоими романскими народами усилилась, и итальянское правительство стало сближаться съ Германіей и Австріей, уже соединенныхъ союзомъ съ 1879 года. Съ присоединеніемъ Италіи возникъ въ 1882 г. Тройственный союзъ, который былъ возобновленъ въ 1887 г., затѣмъ въ 92 и продолжается и понынь.

Въ это время Италія лишилась своего великаго героя; 2 іюня 1882 г. на уединенномъ островѣ Капрерѣ, скончался Джузеппе Гарибальди, самый популярный челоуѣкъ во всемъ мірѣ.

„Откровеніе славы“, говоритъ Джозуэ Кардуччи въ

рѣчи, произнесенной имъ въ Болоньѣ, — Откровеніе славы, явившееся въ нашемъ младенствѣ, эпопея нашей юности, идеальное видѣніе цѣлыхъ лѣтъ, — исчезли и скрылись навсегда. Лучшая часть нашей жизни кончилась. Неподвижная и холодная, покоится на смертномъ одрѣ эта бѣлокурая голова съ львиной гривой и сіяньемъ архангела, которая мелькнула вдоль ломбардскихъ озеръ и подъ авреліановскими стѣнами, пробуждая римскія побѣды и распространяя ужасъ и удивленіе среди иноземцевъ. Во прахъ распадается знаменитая десница, направлявшая „Piemonte“ чрезъ Сицилійское море къ завоеванію новыхъ судьбъ Италіи, непобѣдимая десница, которая при Калатафими сразила врага со спокойной доблестью богатыря. Закрылись и угасли навѣки очи освободителя, которыя съ горъ Джибильросса (Gibilrossa) устремлялись на Палермо, очи диктатора, утвердившія въ Капуѣ побѣду и создавшія Италію. Его голосъ, смѣлый и сладкій голосъ, который въ Варезе и въ Santa Maria Capua Vetere воскликнулъ: „Впередъ, все впередъ, дѣти мои! Впередъ, бейте прикладами!“ а съ завоеванныхъ скалъ области Тріента отвѣтилъ: — „Повинуюсь“, этотъ голосъ умолкъ навѣки. Не бьется благородное сердце, не отчаявшееся въ Аспромонте и не разбившееся въ Ментанѣ.

Джузеппе Гарибальди повинуется вѣлнію судьбы“.

Различныя министерства *лѣвой*, смѣнявшія другъ друга послѣ 1876 года (особенно выдѣлялись среди министровъ, кромѣ Депретиса, Криспи, Никотера, Цанарделли и Кайроли) ввели обязательность первоначальнаго обученія, отмѣнили налогъ на муку и измѣнили избирательный законъ, расширивъ избирательный цензъ настолько, что число избирателей поднялось съ 600 тысячъ до двухъ милліоновъ.

Послѣ введенія этихъ реформъ разногласіе между партіями лѣвой и правой нѣсколько ослабѣли, и Депретисъ,

желая удержать власть въ своихъ рукахъ, сталь покровительствовать такъ называемую трансформизму, собирая вокругъ себя совершенно безцвѣтное большинство не объединенное опредѣленной программой, которое породило быстрое паденіе парламентскихъ нравовъ. Въ то же время ради удовлетворенія мелкихъ мѣстныхъ интересовъ, которые теперь стали руководить всей парламентской политикой, начались безумные расходы на общественныя работы, особенно на желѣзныя дороги; это совпало какъ разъ съ возрастаніемъ военныхъ расходовъ, въ зависимости отъ болѣе дѣятельнаго участія Италіи въ европейской политикѣ. Министру Мальяни (Magliani), ловкому финансисту, удалось на время поддерживать въ странѣ иллюзіи относительно благополучнаго состоянія финансовъ; но не прошло и десяти лѣтъ съ того дня, какъ было достигнуто равновѣсіе, какъ уже начался дефицитъ *).

Финансовое положеніе еще ухудшилось вслѣдствіе колониальной войны.

Еще въ 1870 году пароходное общество Рубаттино устроило для своихъ судовъ угольную станцію въ Ассабской бухтѣ (въ Красномъ морѣ) и купила небольшую часть земли у мелкихъ князьковъ на этомъ берегу.

Въ 1882 общество уступило свои права итальянскому правительству, которое вступило во владѣніе этимъ берегомъ, не разсчитывая сначала ни на какія расширенія территоріи, и ограничилось поддержаніемъ добрыхъ отношеній съ сосѣдними племенами. Впослѣдствіи правительство дало себя увлечь охватившимъ всю Европу стремленіемъ къ колониальной политикѣ, а случившееся въ 1884 г. между Макаллѣ и Ассабомъ убійство итальянскаго путешественника Густава Біанки и его спутниковъ послужило достаточнымъ поводомъ для снаряженія экспедиціи.

*) Балансъ финансоваго года съ 1 іюля 1885 до 30 іюня 1886 далъ такіе результаты: приходъ 1409 милліоновъ, расходъ 1432 милліона.

Надѣясь оказать также услугу Англіи, намѣревавшейся завладѣть Суданомъ, Италія въ началѣ 1885 года захватила городъ Массову, откуда рассчитывала способствовать дѣйствіямъ англійской экспедиціи. Взятіе Хартума дервишами помѣшало исполненію этого плана; поэтому расположенныя въ Массовѣ и ея окрестностяхъ итальянскія войска должны были ограничить свои дѣйствія попыткой завязать дружескія отношенія съ абиссинскимъ негусомъ Іоанномъ, чтобы привлечь въ Массову произведенія промышленности внутреннихъ областей. Имъ однако не удалось пріобрѣсти расположеніе подозрительнаго государя. Наоборотъ, одинъ изъ абиссинскихъ вождей, (гас Alula), во главѣ многочисленнаго отряда окружилъ близъ Догали колонну въ 500 итальянскихъ солдатъ, которые послѣ восьмичасоваго боя, истративъ снаряды и нанеся врагу значительныя потери, почти всѣ были перебиты вмѣстѣ со своимъ начальникомъ полковникомъ Де Кристофорисъ (26 января 1887 г.).

Тогда съ обѣихъ сторонъ начались приготовленія къ войнѣ.

Дождавшись удобнаго времени года негусъ во главѣ огромнаго войска двинулся къ Массовѣ и въ мартѣ появился въ виду занятыхъ итальянцами фортовъ; однако, при видѣ воздвигнутыхъ генераломъ Сан-Марцано укрѣпленій. онъ не рѣшился начать битву и отступилъ. Между тѣмъ возсталъ одинъ изъ его вассаловъ Менеликъ, король Шоа, а съ другой стороны ему угрожали дервиши. Негусъ пошелъ противъ дервишей и умеръ отъ полученной въ бою раны (11 марта 1889 г.).

Претендентовъ на престоль было нѣсколько, и въ теченіе нѣкотораго времени въ Абиссиніи свирѣпствовала междоусобная война. Итальянское правительство, во главѣ котораго тогда стоялъ Франческо Криспи (смѣнившій Де-прегиса, который умеръ въ 1887 году), задумало извлечь пользу изъ этихъ событій: распространивъ свои владѣнія

на все плоскогорье между Кереномъ и Асмарой, оно вошло въ соглашеніе съ Менеликомъ, который давалъ всевозможныя обѣщанія итальянцамъ, чтобы съ ихъ помощью одержать верхъ надъ своими соперниками. Казалось, наступилъ благоприятный періодъ для новой итальянской колоніи, названной Криспи Эритрейской (*Colonia Eritrea*) въ память древняго названія Краснаго моря. Одновременно съ этимъ итальянское правительство трактатами съ султанами Оппіи (*Orpia*) и Сомали установило свой протекторатъ надъ обширной областью африканскаго побережья Индійскаго океана *). Въ порывѣ увлеченія Криспи уже надѣялся, что ему удалось положить прочное основаніе счастливой будущности для колониальныхъ стремленій Италіи.

Однако въ 1889 году обозначился ужасающій дефицитъ въ государственномъ бюджетѣ: онъ превышалъ 200 милліоновъ. Для его пополненія пришлось ввести новые налоги, что вызвало неудовольствіе населенія, тѣмъ болѣе, что закрылся одинъ изъ главнѣйшихъ рынковъ сбыта произведеній итальянской промышленности, такъ какъ оказалось невозможнымъ возобновить торговый договоръ съ Франціей, возмущенной слишкомъ германофильской политикой Криспи. Съ другой стороны, по примѣру правительства, городскія общины и провинціи тоже увлечены были въ такіе же чрезмѣрные и непроизводительные расходы, такъ

*) Въ 1891 г. по соглашенію съ Англіей, была опредѣлена сфера вліянія Италіи въ восточной Африкѣ: она ограничивалась линіей, которая отъ устья р. Джуба (*Giuba*) поднималась вверхъ по его теченію до 6° с. ш., шла вдоль этой параллели до 35° з. д. д. (по Гринвичскому меридіану) и по этому 35 меридіану доходила до мыса Казаръ (*Kasar*) на 18° с. ш., составляющаго сѣверную оконечность итальянскихъ владѣній на берегу Краснаго моря. Абиссинія такимъ образомъ находилась въ сферѣ вліянія Италіи.

что разыгрался настоящій экономическій кризисъ *). Въ январѣ 1891 года министерство Криспи пало вслѣдствіе неблагопріятнаго голосованія Палаты. Криспи смѣнилъ сначала маркизь Ди Рудини, потомъ Джіолитти, которымъ удалось путемъ экономіи нѣсколько уменьшить дефицитъ.

Въ Африкѣ между тѣмъ возникли недоразумѣнія съ Менеликомъ: подчинивъ себѣ всю Абиссинію, онъ отказался признавать протекторатъ Италіи. Кромѣ того, дервиши тоже относились враждебно къ распространенію вліянія итальянцевъ; въ декабрѣ 1893 г. они напали на фортъ Агордаты, но были отбиты и отступили, оставивъ на полѣ сраженія тысячу убитыхъ и 72 знамени; итальянскимъ гарнизономъ командовалъ полковникъ Аримонди, который за военныя заслуги былъ произведенъ въ генералы.

Въ это время во главѣ министерства снова стоялъ Криспи; все еще предприимчивый и смѣлый, онъ побудилъ губернатора Эритреи генерала Баратьери къ смѣлому предпріятію.

Баратьери выступилъ противъ дервишей, въ іюль 94 г. изгналъ ихъ изъ Кассалы и занялъ эту важную позицію; такимъ образомъ, съ этой стороны колоніи нечего было опасаться. Между тѣмъ дипломатическій конфликтъ съ Абиссиніей превратился въ открытую войну. Въ виду подозрительнаго образа дѣйствій Мангаша (Mangascià), раса Тигре (ras del Tigre), Баратьери счелъ нужнымъ перейти въ наступленіе; скорыми переходами ему удалось напасть на него врасплохъ и нанести ему пораженія при Коатитѣ (Coatit) и Сенафѣ (Senafè) (въ январѣ 1895 г.); затѣмъ онъ безъ особенныхъ усилій занялъ Тигре.

Можно было впрочемъ предвидѣть, что это лишь начало войны: расъ Мангаша просилъ вмѣшательства негуса Менелика, который всю Абиссинію вовлекъ въ войну съ Италіей.

*) Въ бюджетахъ всѣхъ общинъ королевства 52.860.991 лиръ составляютъ проценты ихъ долговъ.

Съ наступленіемъ благопріятнаго времени года онъ съ стотысячнымъ войскомъ двинулся противъ итальянцевъ; губернаторъ же колоніи не сдѣлалъ соотвѣтствующихъ приготовленій и могъ выставить лишь нѣсколько тысячъ солдатъ. Главнымъ образомъ въ этомъ виновато легкомысліе министерства, которое не имѣло точныхъ свѣдѣній о положеніи дѣлъ и считало возможнымъ вести смѣлую завоевательную политику, ничего не сообщивъ объ этомъ странѣ и не испросивъ у парламента достаточныхъ средствъ на такое предпріятіе. Баратьери, котораго со всѣхъ сторонъ превозносили за его предыдущія побѣды, совершилъ крупную ошибку, поставивъ себя въ такое опасное положеніе.

7 декабря 1895 майоръ Тозелли во главѣ небольшого отряда въ 2000 человекъ былъ атакованъ въ Амба-Аладжи (Amba-Alagi) неисчислимымъ количествомъ непріятеля и послѣ продолжительнаго геройскаго сопротивленія палъ мертвымъ, такъ-же, какъ и большая часть его отряда. Абиссинцы продолжали наступленіе и окружили фортъ Макалле; небольшой гарнизонъ подъ командой маіора Галліано держался въ немъ почти въ теченіе цѣлаго мѣсяца. Генераль Баратьери не считалъ свои силы достаточными, чтобы идти на выручку Макалле; защитники, терпѣвшіе недостатокъ въ водѣ—ибо ближайшая рѣчка была захвачена непріателемъ—рѣшили уже взорвать фортъ и броситься на врага, чтобы пробиться или умереть; но Менеликъ, подъ впечатлѣніемъ упорнаго сопротивленія и понесенныхъ тяжелыхъ потерь, далъ знать Баратьери, что предлагаетъ гарнизону Макалле выйти изъ форта—съ сохраненіемъ оружія—на соединеніе съ остальной частью итальянскаго войскъ, сосредоточеннаго въ Адигратѣ. Такъ произошла сдача Макеллѣ (25 января 1896 г.).

Между тѣмъ изъ Италіи прибыли подкрѣпленія; но такъ какъ своевременно не было сдѣлано никакихъ приготовленій,

то оказалось невозможнымъ снабдить солдатъ всѣмъ необходимымъ среди пустынныхъ горъ и на столь далекомъ разстояніи отъ моря. Генераль Баратьери сохранялъ оборонительное положеніе и ограничивался наблюденіемъ и задержаніемъ врага, направлявшагося теперь къ Адуѣ. Въ концѣ концовъ, уступая требованіямъ министерства (желавшаго реваншемъ успокоить общественное мнѣніе) и рассчитывая, что наступленіе побудитъ врага атаковать итальянцевъ въ ихъ укрѣпленныхъ позиціяхъ или же отступить, Баратьери 1 марта 1896 г. со своимъ войскомъ (около 17.000) перешелъ въ наступленіе противъ врага, расположившагося въ окрестностяхъ Адуи. Вслѣдствіе ли плохого знанія мѣстности, или вслѣдствіе слишкомъ поспѣшнаго наступленія первой колонны, сообщеніе между различными частями войска было прервано; авангардъ, вмѣсто того, чтобы занять позицію въ ожиданіи приступа со стороны непріятеля, подошелъ къ самому лагерю абиссинцевъ. Они во много разъ превосходили численностью итальянцевъ, а потому успѣли уничтожить первую колонну (близъ Абба Гаримы) еще до прихода второй, а затѣмъ порознь разбили вторую и третью. Это была настоящая катастрофа, усилившаяся еще вслѣдствіе беспорядочнаго отступленія безъ руководителей и начальниковъ. Четверть итальянскаго войска пала на полѣ сраженія, въ томъ числѣ генералы Дабормида и Аримонди, полковники Аираги и Ромеро, подполковники (*tenenti-colonnelli*) Менини, Компіано и Галліано, доблестный защитникъ Макаллѣ, незадолго до того произведенный въ этотъ чинъ за военныя заслуги; другая четверть была взята въ плѣнъ, въ томъ числѣ генераль Альбертоне.

Не смотря на блестящую побѣду, Менеликъ не рѣшился продолжать наступленіе, а генераль Бальдиссера, только, что прибывшій въ Массову на смѣну Баратьери, сумѣлъ снова привести въ порядокъ свои войска и ослабить послѣдствія пораженія.

Извѣстіе о пораженіи при Адуѣ вызвало сильное негодованіе всего народа, не безъ основанія обвинявшаго правительство за неумѣлое веденіе труднаго и не желаемаго населеніемъ предпріятія. Министерство Криспи пало, не дерзнувъ даже дожидаться голосованія Палаты (5 марта 96 г.). Генераль Баратьери былъ преданъ суду, но былъ оправданъ, такъ какъ его не нашли виновнымъ ни въ какомъ преступленіи, предусмотрѣнномъ законами.

Новое министерство маркиза Ди Рудини громогласно заявило о своемъ намѣреніи отказаться отъ колоніальной политики Криспи и вступило въ переговоры объ освобожденіи плѣнныхъ и о заключеніи мира. Послѣ долгихъ и томительныхъ переговоровъ плѣнные были отпущены на свободу и заключенъ миръ, причемъ Италія отказалась отъ Тигре и отъ протектората надъ Абиссиніей и признала южной границей своихъ владѣній линію, образуемую рѣкою Марепъ отъ впаденія въ нее Белеза (Belesa) и рѣкою Муна, спускающейся съ плоскогорья и кончающейся въ долину. По соглашенію съ Англіей, Италія уступила ей крѣпость Кассалу, важную для Суданской экспедиціи *).

Колоніальная политика никогда не пользовалась популярностью въ Италіи, потому что народъ не считалъ себя достаточно богатымъ для подобныхъ предпріятій и еще потому, что занятія земли не обѣщали большихъ доходовъ. Несчастный исходъ африканской войны, конечно, еще

*) Колонія Эритрея, слѣдовательно, простирается вдоль побережья Краснаго моря отъ мыса Kasar (18 с. ш.) до Raheita (12,5 с. ш.) на Бабъ-эль-Мандебскомъ проливѣ, и углубляется внутрь страны до Кассалы, уступленной англичанамъ, и до линіи Марепъ-Белеза-Муна, признанной границей съ Эіопіей, хотя это разграниченіе еще официально не признано и не одобрено негусомъ Менеликомъ. Эритрея обнимаетъ округи Массовы, Керень, Асмару и Ассабъ, съ населеніемъ, нѣсколько превышающимъ 200 тысячъ (по переписи 1893 года); она управляется гражданскимъ губернаторомъ.

болѣ поколебаль бюджетъ, такъ что правительство, желавшее вести смѣлую политику, не имѣя къ тому ни умѣнья, ни необходимыхъ средствъ, возбудило къ себѣ недовѣріе общественнаго мнѣнія.

Положеніе вещей внутри государства тоже вызывало неудовольствіе.

Новая Италія, повидимому, ни въ чемъ не оправдала благородныя мечты поколѣнія, такъ горячо желавшаго ея созданія. Особенно въ Сициліи и въ области Неаполя обнаруживались—какъ въ нравственномъ такъ и въ экономическомъ отношеніи—пагубныя послѣдствія печальнаго прошлаго. Новое правительство не удовлетворило полностью жажду справедливости, которая давно уже мучила всѣхъ честныхъ людей, наоборотъ, спокойствія ради, оно тоже стало опираться на кучку обманщиковъ, приобрѣвшихъ такую сильную власть при прежнемъ государственномъ строѣ; вслѣдствіе этого тайныя общества Каморра и Мафія продолжали дѣйствовать на горе всей странѣ. Съ другой стороны, благодаря слабому экономическому развитію, налоги являлись для Сициліи еще болѣе тяжелымъ бременемъ, чѣмъ для остальныхъ областей королевства. Торговля и промышленность въ Неаполѣ и Сициліи не могли достигнуть той же степени развитія, какъ на сѣверѣ; поэтому здѣсь не могла образоваться сильная и многочисленная буржуазія, которая была бы въ состояніи замѣнить мѣсто старинной аристократіи; немногіе разбогатѣвшіе горожане въ концѣ концовъ тоже стали на сторону богатыхъ помѣщиковъ противъ низшихъ классовъ. Такимъ образомъ здѣсь продолжалась печальная рознь между немногими господствующими въ странѣ богачами и огромной массой бѣдняковъ. Самое введеніе здѣсь новыхъ политическихъ правъ имѣло единственнымъ результатомъ сосредоточеніе всего общественнаго управленія въ рукахъ богатаго класса, чѣмъ

онъ и воспользовался съ выгодой для себя, сложивъ все бремя мѣстныхъ налоговъ на простой народъ.

Такое положеніе вещей вызвало недовольство всѣхъ, кто ожидалъ отъ новаго государственнаго строя прекращенія тяготѣвшаго надъ страной вѣкового гнета, а вмѣсто того увидѣлъ, что правительство продолжаетъ покровительствовать прежнему режиму. Партія социалистовъ, начинавшая распространяться и въ Италіи, старалась воспользоваться недовольствомъ народа и образовала — особенно въ Сициліи—ассоціаціи, называемыя „Союзами рабочихъ“; эти ассоціаціи увеличили въ угнетенныхъ сознание терпимыхъ ими бѣдствій и такимъ образомъ сдѣлали ихъ еще болѣе невыносимыми.

Въ концѣ 1893 г. въ различныхъ мѣстностяхъ Сициліи произошли довольно серьезные беспорядки (главнымъ образомъ направленные противъ городскихъ управленій), имѣвшіе цѣлью добиться отмены пошлинъ и передѣла общественныхъ земель. Въ январѣ 1894 г. возстаніе приняло болѣе широкіе размѣры: во многихъ коммунахъ были сожжены таможни, раззорены зданія муниципалитета, освобождены заключенные въ тюрьмахъ, въ солдатъ бросали камнями, такъ что даже приходилось стрѣлять въ толпу. Сицилія была объявлена въ осадномъ положеніи; главы центрального комитета „Союзовъ“ были арестованы; были введены военный судъ и приняты энергичныя мѣры къ усмиренію возстанія. Новые мятежи возникли въ южной Италіи, а въ Луниджіанѣ (Lunigiana) развилось даже движеніе анархическаго характера среди рабочихъ, занятыхъ въ мраморныхъ ломкахъ Каррары: здѣсь также было объявлено осадное положеніе, произведены аресты и введенъ военный судъ. Такими мѣрами порядокъ былъ вазстановленъ, но причины зла не были устранены, хотя не было недостатка въ трудахъ извѣстныхъ дѣятелей и широкихъ обѣщаніяхъ со стороны правительства.

Финансовый кризисъ, тяготѣвшій надъ государствомъ, принялъ еще большіе размѣры вслѣдствіе нѣсколькихъ банковыхъ краховъ. Правительство должно было пяти важнѣйшимъ банкамъ продлить на шесть лѣтъ право выпуска банковыхъ билетовъ; тогда въ публикѣ стали высказываться подозрѣнія относительно правильности веденія дѣлъ въ этихъ банкахъ, особенно въ Римскомъ банкѣ, директоромъ котораго состоялъ Бернардо Танлонго. Вскорѣ открылись большія злоупотребленія, обнаружилось, что въ пользу многихъ политическихъ дѣятелей дѣлались значительныя отступленія отъ правилъ. Слѣдствіемъ этого явились нѣсколько процессовъ, которые выяснили нравственное разложеніе въ извѣстныхъ политическихъ сферахъ, но которые окончились оправдательными приговорами, не успокоивши впрочемъ негодованія народа.

Глава крайней лѣвой Феликсъ Кавалотти своими рѣчами въ парламентѣ и брошюрами началъ настоящую войну по поводу такъ называемаго „вопроса нравственности“, стараясь окончательно погубить Криспи. Какъ мы видѣли раньше, министерство Криспи пало, благодаря событіямъ въ Африкѣ; но все то, что говорилось и печаталось относительно банковыхъ скандаловъ, сильно повлияло на общественное мнѣніе, такъ что крайнія партіи (республиканцы и социалисты съ одной стороны и клерикалы съ другой) нашли благодарную почву для своей пропаганды. Въ то время, какъ либеральная партія, столько лѣтъ стоявшая у власти, тѣшила себя пріятными иллюзіями относительно прочности своего положенія, предавалась полному бездѣйствію и пренебрегла приобрѣтеніемъ новыхъ голосовъ и усвоеніемъ новыхъ стремленій народа,—клерикалы и социалисты, наоборотъ, проявляли большую энергію въ области политической пропаганды.

Въ такое тревожное время, къ всеобщему недовольству по поводу хода дѣлъ въ Африкѣ и банковыхъ процессовъ при-

соединилось еще повышение цѣнъ на хлѣбъ, вызванное войной Америки съ Испаніей. Въ нѣкоторыхъ областяхъ южной Италіи, гдѣ вслѣдствіе различныхъ мѣстныхъ условий, причина которыхъ кроется еще въ прошлыхъ вѣкахъ, положеніе крестьянъ крайне тяжелое, экономической кризисъ вызвалъ новыя возстанія. На этотъ разъ, по выше указаннымъ причинамъ, возстанія эти распространились и въ Верхней Италіи, особенно въ Миланѣ, гдѣ крайнія партіи имѣли особенно много приверженцевъ. Движеніе было быстро подавлено (въ маѣ 1898 г.), но произвело тяжелое впечатлѣніе на народъ*).

*) Сенаторъ Пасквале Виллари въ статьѣ „Современные вопросы“ („Nuovi problemi“), напечатанной въ „Nuova Antologia“ 16 дек. 1899 года со свойственной ему ясностью излагаетъ причины движеній въ Миланѣ. Я приведу нѣсколько выдержекъ:

„Миланъ превратился въ большой, сильный, работающій и цвѣтущій городъ; населеніе его сильно возрасло и продолжаетъ расти вслѣдствіе постояннаго притока народа со всѣхъ концовъ Италіи въ поискахъ за заработкомъ. Такимъ образомъ въ немъ скопляется все недовольство, вся ненависть, вся вражда общественныхъ классовъ, разсѣянные по всему полуострову... И вотъ, среди такого-то скопленія страстей, надеждъ и ненависти проповѣдуютъ апостолы разрушительныхъ партій. Нѣтъ силы въ странѣ, которая могла бы нейтрализовать этотъ ядъ, проникающій въ плоть и кровь толпы, потушить этотъ пожаръ, который явно и тайно распространяется повсюду. Правительство остается какъ бы равнодушнымъ и безсильнымъ зрителемъ, и лишь при возникновеніи настоящаго возстанія прибѣгаетъ къ насилію, которое сѣетъ новое недовольство и увеличиваетъ зло. Религія не имѣетъ больше никакого вліянія, а нетерпимость духовенства только подливаетъ масла въ огонь. Частныя лица не считаютъ себя обязанными сплотиться и сопротивляться, противопоставляя свою программу и свою пропаганду революціоннымъ программамъ и пропагандѣ. Въмѣсто этого сплачиваются крайнія партіи, достигающія благодаря этому большого успѣха, и печать ихъ проявляетъ усиленную дѣятельность. Клерикальная печать тоже не бездѣйствуетъ...

„Вслѣдствіе всѣхъ изложенныхъ причинъ, мало-по-малу въ Миланѣ сложилось общее убѣжденіе, что жизнь идетъ какъ на вулканѣ, что

Къ счастью въ Туринѣ произошло событіе, которое нѣсколько поддержало бодрость духа въ населеніи. Богатый городъ Пьемонта, нисколько не пришедшій въ упадокъ послѣ перенесенія столицы, а наоборотъ, достигшій необыкновеннаго развитія, направивъ всю свою энергію на торговлю и промышленность, устроилъ промышленную выставку въ честь пятидесятилѣтія введенія Статута. Туринская выставка втеченіе шести мѣсяцевъ (май — октябрь 1898 г.) привлекала многочисленную публику; она показала, какіе

по неспособности правительства, вслѣдствіе бездѣтельности правящихъ классовъ, допустили огромныя опасности, и что при первомъ столкновеніи сопротивленіе окажется невозможнымъ. Такимъ образомъ и случилось, что когда со всѣхъ сторонъ Италіи, вслѣдствіе повышенія цѣны на хлѣбъ, раздался призывъ къ возстанію, и Миланъ тоже присоединился къ движенію, всѣ были увѣрены, что настальъ часъ расплаты, и что катастрофа неминуема. Благодаря этому общему убѣжденію, дѣйствовали такъ, точно катастрофа уже разразилась и чуть было не вызвали ее на самомъ дѣлѣ. Сами мятежники боялись, потому что не были готовы, у нихъ не было оружія, они не знали хорошенько, чего требуютъ, у нихъ не было руководителей. Пришелъ часъ, когда они могли распоряжаться; но какъ, гдѣ и съ чего начать — они не знали. Буржуазія думала, что настало свѣтопреставленіе; власть считала себя не въ силахъ бороться. И революція, которой не было, стала дѣйствительнымъ фактомъ, потому что всѣ повѣрили въ ея существованіе. Нерѣшительность правительства въ первыя минуты дала усилиться мятежу, а слишкомъ поздно наступившая реакція выразилась съ такой силой, что повлекла за собой смерть многихъ невинныхъ.

„Дѣйствительно, если въ Миланѣ не было настоящей революціи, то въ извѣстномъ смыслѣ можно сказать, что было нѣчто гораздо худшее. То, что случилось, обнаружило существованіе огромнаго общественнаго бѣдствія, глубокаго, неопредѣленнаго, болѣе опаснаго, нежели революція, которая имѣетъ по крайней мѣрѣ опредѣленную цѣль, начинается ради ея достиженія и прекращается, когда цѣль достигнута. Настоящее всеобщее неопредѣленное недовольство неизвѣстно къ чему насъ приведетъ. А пока мы дѣлаемъ все рѣшительно для его усиленія“.

успѣхи сдѣлала Италія за эти полвѣка, дала всему народу сознаніе совершившагося прогресса и выгоды, достигнутыхъ благодаря свободѣ и серьезному, упорному, сосредоточенному труду. Такъ этотъ городъ, колыбель Воскресенія Италіи, и нынѣ подаль примѣръ къ подъему духа и обновленію умовъ. Дѣйствительно, Туринская выставка является началомъ экономическаго роста, усиливающагося въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ.

Къ несчастью, именно въ это время, когда страна, счастливая этимъ знакомъ возрождающагося благосостоянія, не желала ничего кромѣ возможности мирно трудиться, министръ Пеллу (Pelloux), достигшій власти послѣ событій 1898 года, счелъ необходимымъ подготовить цѣлый рядъ политическихъ мѣръ для измѣненія законовъ относительно права собраній, ассоціацій и печати. Законопроектъ этотъ вызвалъ оппозицію депутатовъ крайней лѣвой, которые, не надѣясь препятствовать его утвержденію другими способами, прибѣгли къ обструкціи и постояннымъ требованіемъ переклички и безконечными рѣчами мѣшали ходу преній.

Чтобы бороться съ обструкціей, министерство прибѣгло къ такимъ мѣрамъ, которыя были найдены противными конституціи и побудили крайнюю лѣвую силой прервать занятія Палаты; наконецъ положеніе настолько осложнилось, что правительство нашло своевременнымъ приступить къ общимъ выборамъ (іюнь 1900), которые ни къ чему не привели, а только дали революціонной партіи болѣе широкое и дѣйствительное средство пропаганды.

Крайняя лѣвая не только не была побѣждена, но возвратилась въ Палату сильнѣе и смѣлѣе прежняго, такъ что министерство Пеллу принуждено было подать въ отставку. Король призвалъ на постъ перваго министра сенатора Джузеппе Саракко, который предложилъ депутатамъ рассмотреть программу экономическихъ реформъ и такимъ образомъ достигъ успокоенія умовъ.

Подобный исходъ исключаль всякую возможность какихъ-либо недоразумѣній относительно либеральныхъ намѣреній короля; къ несчастью, именно въ это время совершилось возмутительное преступленіе, повергнувшее [весь народъ въ глубокое горе. Вечеромъ 29 іюля 1900 года король Гумбертъ, который незадолго до того переѣхалъ въ свою виллу въ Монцѣ, хотѣлъ присутствовать на гимнастическомъ конгрессѣ въ этомъ же городѣ, чтобы еще разъ доказать, какъ ему пріятно находится среди народа. Послѣ раздачи наградъ побѣдителямъ на состязаніяхъ, онъ сѣлъ въ экипажъ, чтобы ѣхать во дворецъ, но когда, привѣтствуемый восторженными кликами толпы, онъ обернулся, чтобы отвѣтить ей, анархистъ—его имени я не хочу вспоминать—нѣсколько разъ выстрѣлилъ въ него изъ револьвера. Раненый въ сердце, король упалъ на подушки экипажа и черезъ нѣсколько минутъ скончался. Королева Маргарита, при стукѣ экипажа поспѣшившая навстрѣчу супругу, сейчасъ же угадала ужасную трагедію и сквозь рыданія воскликнула: „Это величайшее преступленіе нашего вѣка“.

Такъ же отнеслась къ этому факту и вся Италія; удрученная горемъ, она не могла постигнуть, какимъ образомъ итальянецъ дерзнулъ поднять руку на сына великаго Короля-Освободителя; она не могла повѣрить, чтобы чело-вѣческое существо могло рѣшиться лишить жизни добраго кроткаго государя, который во всѣхъ общественныхъ и частныхъ бѣдствіяхъ отличался любовью къ народу, который, повинувшись голосу своего благороднаго сердца, въ самый разгаръ холерной эпидеміи въ Неаполѣ и въ Бускѣ не задумался подвергнуть опасности свою жизнь, лишь бы своимъ примѣромъ побудить всѣхъ къ исполненію своего долга.

Наслѣдный принцъ Викторъ-Эмануиль (род. 11 ноября 1869 г. и съ 1896 женатый на княжнѣ Еленѣ Черногорской) получилъ печальное извѣстіе, когда возвращался съ супру-

гой изъ Константинополя. Онъ поспѣшилъ въ Монцу, чтобы исполнить послѣдній долгъ любящаго сына, и 2 августа обратился къ итальянцамъ съ манифестомъ, въ которомъ, упомянувъ о благородныхъ примѣрахъ своего августѣйшаго родителя и дѣда, заключилъ слѣдующими словами:

„Итакъ, да поможетъ мнѣ Богъ и да будетъ мнѣ утѣшеніемъ любовь моего народа, чтобы всѣ мои заботы, какъ король, я могъ посвятить на покровительство свободѣ и на защиту монархіи, связанныхъ несокрушимыми узами съ высшими интересами моей родины.

„Итальянцы! Слезами воздайте почести священной памяти короля Гумберта I Савойскаго, вы, которые еще разъ доказали, что горе моей семьи считаете общимъ вашимъ горемъ. Эта солидарность мыслей и чувствъ всегда была и будетъ надежнѣйшей защитой моего королевства, лучшей гарантіей единства родины, которое выражается въ священномъ имени несокрушимаго Рима, символъ величія Италіи и залогъ ея единства.

Таково мое убѣжденіе, мое честолюбіе, какъ гражданина и какъ короля“.

При такихъ трагическихъ обстоятельствахъ началось царствованіе Виктора-Эмануила III; въ его тяжеломъ и неожиданномъ горѣ ему служило утѣшеніемъ сознаніе всекрѣпнущаго единенія между итальянскимъ народомъ и Савойской династіей. Какъ ученый и образованный человѣкъ, знакомый съ историческими причинами этого взаимнаго расположенія, онъ сумѣетъ въ прошломъ почерпнуть указанія, чтобы упрочить его еще болѣе и ровнымъ, вѣрнымъ шагомъ вести Италію на пути цивилизаціи; онъ сумѣетъ окружить себя людьми, понимающими духъ новыхъ временъ.

Несмотря на полную и твердую вѣру въ будущность Италіи, не слѣдуетъ закрывать глаза на недовольство, существующее во многихъ частяхъ государства; наоборотъ слѣдуетъ изучить причины зла и стараться ихъ устранить.

Послѣдніе парламентскіе выборы обнаружили, что въ городахъ Верхней Италіи, слѣдовательно въ наиболѣе богатой и культурной части Италіи, социализмъ дѣлаетъ быстрые успѣхи. Не будемъ тѣшить себя иллюзіями: время тревожное; постараемся не дать ему принять революціонный характеръ. Наибольшее зло, тяготящее надъ Италіей, — это нравственный и патріотическій скептицизмъ, понемногу проникшій въ кровь и плоть, при видѣ, какъ это неоднократно повторялось за послѣдніе годы, безнаказаннаго обмана въ правящихъ классахъ и академической распри парламентскихъ партій, до которыхъ, повидимому, не доходитъ голосъ народа. Чтобы внушить гражданамъ новую вѣру въ правительство и въ государственныя учрежденія, необходимо напомнить всѣмъ тѣ добродѣтели, кои создали единую Италію, и укрѣпить сознание долга. Если же либеральная партія хочетъ сохранить за собой жизненный смыслъ, она должна ясно отдать себѣ отчетъ въ новыхъ нуждахъ общественныхъ, должна проникнуться желаніями народа и бороться противъ пропаганды крайнихъ партій путемъ не менѣе дѣятельной пропаганды своей новой политической программы.

„Въ Англии“, совершенно справедливо замѣчаетъ Пасквале Виллари, и этими благородными словами знаменитаго итальянскаго историка я заканчиваю главу, „въ Англии консерваторы побѣдили социализмъ, ставъ во главѣ социальныхъ реформъ, и народъ встрѣчаетъ анархистовъ свистками. Въ Швейцаріи и въ Германіи—странахъ, гдѣ замѣчается не обыкновенное развитіе промышленности—правительство, не пугаясь словъ „государственный социализмъ“, предпріяло коренныя экономическія и социальныя реформы, и тѣмъ самымъ упрочило внутреннее спокойствіе и благосостояніе родины. Социалисты же, ставъ болѣе практичными, тоже способствуютъ общему благосостоянію самыми законными и мирными средствами. Этимъ же путемъ слѣдуетъ идти и намъ, если хотимъ выйти изъ настоящаго опаснаго положенія.

Какъ Кавуръ для объединенія Италіи воспользовался приверженцами Мадзини и Гарибальди, которыхъ привлекъ подъ Савойское знамя, принявъ часть ихъ взглядовъ,—такъ же точно и дѣйствительно либеральная и консервативная партія должна рѣшиться признать минимальную программу социалистовъ во всѣхъ сколько-нибудь исполнимыхъ ея пунктахъ. И сдѣлать это она должна искренно, не какъ уловку, не какъ ловкій партійный маневръ, и не какъ дѣло благотворительности, но признавъ законныя права народа, какъ исполненіе священнаго нашего долга, какъ актъ мудрой политики *).

*) Nuova Antologia, 16 декабря 1899 г.

ГЛАВА XX.

Италія въ 1900 году.

Населенность. — Столица; папа въ Ватиканѣ и король въ Квиринальѣ.—Политическое устройство.—Государственный бюджетъ.—Войско и флотъ.—Общественныя работы.—Начало экономического возрожденія страны.—Ввозъ и вывозъ.—Образованность.—Главные города.

Послѣдняя перепись населенія Итальянскаго королевства была произведена 31 декабря 1881 года. По полученнымъ даннымъ въ Италіи числилось 28.459,628 жителей; такъ какъ королевство занимаетъ приблизительно 286.600 кв. килом., то плотность населенія равнялась тогда 99 человекъ на 1 кв. килом. Въ концѣ февраля 1901 г. предстоитъ новая перепись; пока же, по даннымъ относительно прироста населенія, можно сказать, что число жителей Италіи достигаетъ тридцати одного съ половиной милліона (110 чел. на 1 кв. килом.), то есть почти вдвое противъ 1748 года *).

*) Подсчетъ населенія, сдѣланный Главнымъ Статистическимъ Управленіемъ (Direzione Generale di Statistica), 30 июня 1897 г. далъ въ результатѣ 31.384,853 ж., распределяющихся слѣдующимъ образомъ: въ Пьемонтѣ—3.353,162 ч., въ Лигуріи—985.685, въ Ломбардіи—4.070,149 ч. въ Венеціанской области—3.108,669, въ Эмилии—2.302,981, въ Тосканѣ—321,369, въ Мархіи—977.506, въ Умбрии—608.515, въ Лациумѣ—1.031,598 въ Абруццахъ и Молизѣ—1.291,551, въ Кампаньѣ—3.153,003, въ Апуліи—1.882,412, въ Базиликатѣ—548,981, въ Калабріи—1.346,880; въ Сициліи—3.543,718, въ Сардиніи—758,674 (Министерство земледѣлія, промышленности и торговли—„Movimento dello stato Civile dell'anno 1897“, Римъ, 1898).

Почти все населеніе исповѣдуетъ католическую религію, изъ иновѣрцевъ, евреевъ около 40,000, главнымъ образомъ въ сѣверной и центральной Италіи; число протестантовъ достигаетъ 60,000; больше всего распространена секта вальденсовъ (10,900 чел.).

Ростъ населенія былъ бы еще значительнѣе, если бы не было такъ развито выселеніе, не только временное—въ сосѣднія государства, но и постоянное—въ Америку, куда ежегодно эмигрируетъ болѣе 150.000 итальянцевъ.

Въ нѣкоторыхъ городахъ за послѣдніе года замѣчается по истинѣ необыкновенный ростъ населенія, особенно въ Римѣ: въ 1871 г. въ немъ было едва 245.000 жителей, теперь число ихъ удвоилось и приближается къ полумилліону. Само собою разумѣется, такой ростъ населенія вызвалъ необходимость въ новыхъ постройкахъ, такъ что и съ внѣшней стороны Римъ уже не тотъ, что тридцать лѣтъ тому назадъ: онъ имѣетъ видъ современнаго города, выросшаго рядомъ съ развалинами форума и съ базиликой Св. Петра.

Желая выразить неодобреніе переменѣ государственнаго строя Италіи, папа живетъ, запершись въ великолѣпномъ дворцѣ Ватикана; но его кардиналы и высшія должностныя лица его двора вполнѣ наслаждаются матеріальнымъ и нравственнымъ прогрессомъ Рима. Пользуясь всеобщимъ уваженіемъ, они въ своей религіозной, политической, общественной и частной жизни не встрѣчаютъ никакихъ стѣсненій; они поддерживаютъ явныя или тайныя, прямыя или косвенныя сношенія также и съ членами итальянскаго свѣтскаго общества—съ министрами, сенаторами, депутатами и чиновниками.

Религіозныя торжества совершаются въ Римѣ безъ всякихъ препятствій, наравнѣ съ національными празднествами либераловъ, какъ это лучше всего доказалъ юбилей текущаго года. Такимъ образомъ на дѣлѣ доказана возможность одновременнаго существованія въ Римѣ главы католицизма и короля Италіи. Со временемъ папство, конечно, убѣдится, что, освобожденное отъ свѣтской власти, оно гораздо лучше можетъ исполнять свою духовную миссію, и тогда оно примирится съ новой Италіей, представите-

лемъ которой является славная династія, сумѣвшая проникнуться идеями всего народа и переселиться съ своихъ родныхъ Альпъ на холмъ, носящій имя обоготвореннаго основателя Рима.

Итальянскій престоль по наслѣдству переходитъ къ членамъ Савойской династіи согласно салическому закону, т. е. по мужской линіи. Такъ какъ царствующій нынѣ король Викторъ-Эмануиль III еще не имѣетъ сыновей, то наслѣдникомъ престола является двоюродный братъ короля Эмануиль, герцогъ Аостскій, женатый на принцессѣ Еленѣ Орлеанской, отъ которой имѣетъ двухъ сыновей.

Если ему придется царствовать, то престоль такимъ образомъ перейдетъ къ потомкамъ принца Амедея, скончавшагося въ Туринѣ въ 1890 г.; послѣ него, кромѣ названнаго герцога Аостскаго, осталось еще трое сыновей: Викторъ, графъ Туринскій, Людовикъ, герцогъ Абрुццскій (отправившійся въ іюнь 1899 г. на суднѣ „Stella Polare“ въ экспедицію къ сѣверному полюсу) и Гумбертъ, графъ Салеми*).

По государственной росписи королю полагается ежегодная сумма въ 15 милліоновъ лиръ. Исполнительная власть принадлежитъ королю чрезъ посредство назначаемыхъ королямъ министровъ; король вмѣстѣ съ сенатомъ и палатой депутатовъ участвуетъ въ выработкѣ законовъ.

Сенатъ состоитъ изъ неограниченнаго числа членовъ (впрочемъ никогда не достигающихъ 400 чел.), назначаемыхъ королемъ пожизненно и раздѣленныхъ на опредѣленныя категоріи нотаблей; президентомъ Сената былъ до послѣдняго времени адвокатъ Джузеппе Саракко (род. въ 1821 г.), но 24 іюня 1900 г. онъ былъ избранъ предсѣдателемъ совѣта министровъ и 2 августа утверждень въ этой должности

*) См. въ концѣ книги родословную Савойской династіи, начиная съ Эмануила-Филиберта и до нашего времени.

королемъ; должность президента Сената пока остается вакантною.

Палата Депутатовъ состоитъ изъ 508 членовъ, избираемыхъ на пять лѣтъ въ избирательныхъ коллегіяхъ съ достаточно широкимъ правомъ голоса *). Въ настоящее время президентомъ палаты депутатовъ состоитъ Томмазо Вилла (род. въ 1830 г.), краснорѣчивый адвокатъ, занимавшій прежде должность министра внутреннихъ дѣлъ и юстиціи. Въ настоящее время въ Италіи существуютъ одиннадцать министерствъ: внутреннихъ дѣлъ, иностранныхъ дѣлъ, юстиціи, финансовъ, государственное казначейство, военное министерство, морское, народнаго просвѣщенія, общественныхъ работъ, министерство земледѣлія, промышленности и торговли, и министерство почтъ и телеграфовъ.

Государственный бюджетъ за послѣдніе года составляетъ приблизительно 1.700.000.000, при чемъ доходъ почти равенъ расходу **). Изъ главнѣйшихъ статей дохода поземельный налогъ даетъ 106 милліоновъ, промышленный— 89.000.000, налогъ на движимую собственность (ricchezza mobile) — 286.000.000, на права наслѣдства — 40,

*) Въ текущемъ 1900 г. число избирателей составляетъ 2.248.509, т. е. 7,08% населенія; наибольшій процентъ избирателей сравнительно съ числомъ жителей приходится на Пьемонтъ (10,56%); наименьшій— на Сицилію (3,87%). Въ выборахъ 1900 г. участвовали 1.310.480 избирателей, т. е. 58,28% всего числа, меньше, нежели въ 1897 г. (58,54%) и въ 1895 (59,02%), но больше, чѣмъ въ 1892 г. (55,86%).

**) Бюджетъ (bilancio consuntivo) финансоваго года отъ 1 іюля 189 до 30 іюня 1897 г. далъ слѣд. цифры: доходъ 1.745.497.676 и расходъ 1.745.370.744; а бюджетъ съ 1 іюля 97 по 30 іюня 98 далъ слѣдующее доходъ 1.731.728.371 и расходъ 1.732.833.944. — Предполагаемый бюджетъ съ 1 іюля 1899 по 30 іюня 1900 далъ слѣд. цифры: доходъ 1.700.645.823 и расходъ 1.701.791.875 съ дефицитомъ немного больше милліона, который впрочемъ былъ покрытъ поступленіемъ налоговъ сверхъ предполагаженной суммы.

на штемпеля—125, таможенный сборъ—240, монополія на табакъ—190 и на соль—74, лотерея даетъ 65 милліоновъ и т. д.—Въ числѣ расходовъ наибольшая сумма поглощается процентами государственнаго долга (около 600 милліоновъ) и военными расходами по арміи—236 милліоновъ, (флотъ—100 милліоновъ).

Итальянское войско составляется, благодаря обязательной воинской повинности для всѣхъ гражданъ. По достиженіи двадцатилѣтняго возраста молодые люди, признанные годными къ военной службѣ, записываются въ солдаты и должны прослужить около трехъ лѣтъ; получившіе высшее образованіе и внесшіе налогъ въ 1.200 фр. служатъ лишь одинъ годъ. Такимъ образомъ ежегодно поступаетъ въ войско 250.000 человекъ; но такъ какъ служба въ войскѣ обязательна и послѣ окончанія образованія до 40 лѣтняго возраста, то въ военное время можно собрать почти полтора милліона солдатъ. Въ войскѣ примѣнены всѣ новѣйшія изобрѣтенія: магазинныя ружья, бездымный порохъ или балиститъ (balistite) и т. д.

Въ послѣднее время расширяется морское вѣдомство, благодаря трудамъ министровъ Бринъ и Saint-Von, и вполне естественно, что по географическимъ условіямъ Италіи необходимо создать сильный флотъ. Уже Наполеонъ I сказалъ о будущемъ объединеніи Италіи: „Первымъ условіемъ для существованія этого королевства является необходимость стать морской державой, дабы имѣть возможность господствовать надъ островами и защищать свои берега“. Славныя традиціи морскихъ республикъ теперь восторжествовали, ибо Италія первая дала примѣръ постройки большихъ сильныхъ судовъ, а въ докахъ въ Спеціи, Венеціи, Тарантѣ, Неаполѣ и Кастеламаре съ неслабѣющей энергіей строятся все новыя суда. Частная промышленность въ этомъ отношеніи сдѣлала большіе успѣхи, такъ что могла исполнить значительные заказы для Испаніи и Аме-

рики.—Послѣ военныхъ расходовъ, по количеству истраченныхъ суммъ слѣдуетъ министерство общественныхъ работъ, смѣта котораго со всѣми обыкновенными и чрезвычайными расходами достигаетъ почти 100 милліоновъ. Дѣйствительно, сдѣлано уже многое, особенно относительно желѣзныхъ дорогъ: за двадцать лѣтъ общая длина всѣхъ путей увеличилась почти вдвое и нынѣ превышаетъ 15.700 километровъ. Повсюду проведены шоссе, улучшены порты*), произведено осушеніе болотистыхъ мѣстностей — особенно въ провинціи Феррары—и многія другія важныя работы.

Всѣ указанныя усовершенствованія принесли странѣ огромную пользу;— сильно развилась промышленность, особенно въ Пьемонтѣ и Ломбардіи, такъ что стало возможнымъ въ значительной степени удовлетворять нужды государства и даже производить экспортъ въ другія страны. Нынѣ же, когда новыя изобрѣтенія въ области электричества даютъ возможность передавать двигательную силу на большія разстоянія, Италіи предстоитъ въ этомъ отношеніи великая будущность, ибо она имѣетъ большое число рѣкъ, которыя могутъ служить источникомъ двигательной силы и такимъ образомъ вознаградить за отсутствіе каменнаго угля.

Вмѣстѣ съ промышленностью подвинулось впередъ и сельское хозяйство, благодаря распространенію земледѣльческихъ машинъ, употребленію химическаго удобренія и болѣе рациональному способу скотоводства. Ежегодный ввозъ продуктовъ сельскаго хозяйства въ настоящее время превышаетъ 5 милліардовъ лиръ. Мало-по-малу исчезаетъ разница ввоза и вывоза, и за послѣдніе годы она едва превышаетъ 100 милліоновъ, что, впрочемъ, составляетъ доста-

*) Особенно грандіозныя работы производились при увеличеніи гавани въ Генуѣ, на что Рафаэль Феррари, герцогъ Галліера (умеръ въ 1876 г.) пожертвовалъ 20.000.000 лиръ.

точно почтенную сумму *). Предметами вывоза являются шелкъ, вино, оливки, пенька, яйца, овощи, фрукты, сѣра и пр.; зато Италія принуждена ввозить хлѣбъ (вслѣдствіе недостатка собственной пшеницы), каменный уголь (вслѣдствіе полнаго его отсутствія), желѣзо и другіе продукты. Въ январѣ 1899 г. заключенъ торговый договоръ съ Франціей; такимъ образомъ возобновились сношенія, почти прекратившіяся въ теченіе десяти лѣтъ, что одинаково вредно отразилось на обоихъ государствехъ.

Вообще можно сказать, не опасаясь быть опровергнутымъ, что благосостояніе страны возросло, и что именно за послѣдніе года замѣчается новое развитіе промышленности. Высокій курсъ ренты и пониженіе del cambio, большее, противъ предполагаемаго, поступленіе налоговъ, постоянное распространеніе почтовыхъ, телеграфныхъ и морскихъ сношеній являются краснорѣчивымъ доказательствомъ возрастающаго благосостоянія страны.

Въ области общественной гигиены тоже замѣчается значительное улучшеніе, благодаря устройству водопроводовъ въ большихъ и малыхъ городахъ и благодаря разрушенію нездоровыхъ кварталовъ. Повсюду — въ самыхъ маленькихъ деревняхъ и мѣстечкахъ — учреждены начальныя школы для борьбы съ неграмотностью, господствовавшей при прежнемъ государственномъ строѣ. Въ этомъ отношеніи еще надо многое сдѣлать, ибо, если въ Пьемонтѣ почти нѣтъ неграмотныхъ, и если они рѣдко встрѣчаются въ остальной части Верхней Италіи, то число ихъ возрастаетъ по мѣрѣ

*) Въ 1895 г. общая сумма ввоза равнялась 1187 милліонамъ, а общая сумма вывоза — 1037 милліонамъ; въ 1896 г. ввозъ составлялъ 1.180 милліоновъ, а вывоза — 1.052 милліона; въ 1897 г. сумма ввоза — 1.191.000,000, а вывоза — 1.091.000,000. Въ 1898 году ввозъ поднялся до 1.413.000,000, а вывозъ — 1.203.000,000. Въ 1898 году разниа была больше обыкновеннаго, потому что вслѣдствіе плохого урожая въ Италіи увеличился ввозъ пшеницы.

приближенія къ южной части полуострова, и въ Калабріи достигаетъ почти 75⁰/₁₀₀; этимъ объясняется высокій общій процентъ неграмотныхъ во всей Италиі. Въ 1895 г. на сто рекрутъ приходилось 38 неграмотныхъ; впрочемъ при отбываніи воинской повинности почти всѣ выучиваются грамотъ *).

Очень многочисленны среднія школы въ различныхъ областяхъ королевства, а также и университеты,—17 правительственныхъ и 4 вольныхъ. Наиболѣе посѣщается Неаполитанскій университетъ (болѣе 5.800 слушателей), потому что онъ единственный въ южной Италиі, затѣмъ слѣдуютъ университеты: въ Туринѣ (3.000 слушателей), Римѣ (2.300), въ Болоньѣ (1.600), въ Падуѣ (1.500), въ Павіи (1.300), въ Генуѣ (1.250) въ Палермо (1.200), въ Пизѣ (1.000) и др. Учреждено также нѣсколько высшихъ институтовъ, напримѣръ во Флоренціи и въ Миланѣ, и три коммерческихъ училища въ Венеціи, Генуѣ и Бари.

Можно сказать, что въ Итали столько же центровъ общественной жизни, сколько главныхъ областныхъ городовъ, ибо мѣстныя традиціи славнаго прошлаго препятствовали слишкомъ сильной централизациі.

Такъ, напримѣръ, жизнь всего Пьемонта сосредоточи-

*) Въ этомъ отношеніи съ каждымъ годомъ замѣчается улучшение; такъ, среднее число супруговъ мужского пола, по неграмотности не подписавшихъ свидѣтельство о бракѣ, въ 1871 г. составляло 57⁰/₁₀₀, въ 1881 г.—48⁰/₁₀₀, въ 1891 г.—41⁰/₁₀₀, въ 1.397 г.—36⁰/₁₀₀ (почти тѣ-же цифры получаются для рекрутъ); среднее число неграмотныхъ женщинъ составляло въ 1871 году 76⁰/₁₀₀, въ 1881—69⁰/₁₀₀, въ 1891—59⁰/₁₀₀ и въ 1897—52⁰/₁₀₀. Разница по областямъ огромна: отъ минимальныхъ 4⁰/₁₀₀ въ Туринской провинціи она поднимается до 14⁰/₁₀₀ въ Миланской пров., достигаетъ 33⁰/₁₀₀ въ пров. Болоньѣ, 59⁰/₁₀₀ въ пров. Флоренціи, 41⁰/₁₀₀ въ провинціи Рима, 49⁰/₁₀₀ въ Неаполитанской, 62⁰/₁₀₀ въ пров. Салерно, 66⁰/₁₀₀ въ Мессинской, 69⁰/₁₀₀ въ пров. Кальяри, 77⁰/₁₀₀ въ Реджіо-Калабріи и 78⁰/₁₀₀ въ пров. Козенцы (См. изданіе главнаго Статистическаго Управленія „Movimento dello stato Civile 1897“).

вается въ Туринѣ и во всемъ подражаетъ ему. Туринъ (360.000 жителей), съ правильными, прямыми улицами, соотвѣтствуетъ, такъ сказать, характеру всего населенія. Центромъ восхитительнаго Лигурійскаго побережья съ его виллами, утопающими въ зелени оливковыхъ роощъ, является „гордая“ Генуя (230.000 ж.) съ ея мраморными дворцами и многочисленными улицами,—первый торговый портъ Италіи *). Дѣятельный, работающій Миланъ, центръ плодородной Ломбардіи, по количеству населенія занимаетъ третье мѣсто (480.000 ж.), но по промышленному, торговому и желѣзнодорожному движенію является первымъ городомъ Италіи. Въ то время, какъ подъ сѣнью дивнаго Миланскаго собора развивается экономическая жизнь Итальянскаго королевства, Венеція (160.000 ж.), сказочный городъ, подымающійся среди лагуны, продолжаетъ быть однимъ изъ важнѣйшихъ артистическихъ центровъ государства, хотя она и не отказалась отъ своихъ традицій промышленнаго и торговаго города. Главнымъ городомъ Эмилии и Романьи (отъ Пармы до Равенны—древней столицы остготовъ и мѣста вѣчнаго успокоенія Данте) служитъ древняя Болонья (150.000 ж.), съ самымъ древнимъ итальянскимъ университетомъ, которая обязана своимъ процвѣтаніемъ преимущественно промышленной дѣятельности населенія. Въ Тосканѣ промышленный центръ—Ливорно (105.000 ж.), но главнымъ городомъ области является изящная Флоренція (212.000 ж.), въ привычкахъ и чудныхъ окрестностяхъ которой какъ бы отражается вся жизнь и природа Тосканы. Только одинъ Римъ отчасти утратилъ свои характерныя

*) Портъ въ Генуѣ одинъ изъ важнѣйшихъ факторовъ экономической жизни. По статистическимъ даннымъ 1898 г. въ Генуѣ прибыло 3.750 пароходовъ съ 3.809.871 тоннъ товара и 105.266 пассажировъ и 2.324 парусныхъ судна съ 349.479 тоннъ. Изъ Генуи вышло 3.756 пароходовъ съ 634.578 тоннъ товара и 126.802 пассажирами, и 2.385 парусныхъ судовъ съ 92.053 тоннъ товара и 13.944 пассажирами. •

черты и принялъ космополитическій оттѣнокъ. Даже Неаполь, наиболѣе населенный городъ Италіи, имѣеть свои отличительныя черты: въ немъ сосредоточивается изнѣженная, веселая и шумная жизнь южной Италіи; здѣсь создается извѣстность, здѣсь же изобрѣтаются законы моды, которыми безпрекословно подчиняются всѣ южные провинціальныя города. Почти то-же самое можно сказать о Палермо (290.000 ж.), по отношенію къ Сициліи, гдѣ впрочемъ замѣчательны еще Мессина (150.000 ж.), и Катанія (130.000 ж.).

Наполеонъ I, привыкшій къ централизаціи французской жизни, говорилъ, что „форма Италіи имѣеть одинъ коренной недостатокъ: ея длина не соотвѣтствуетъ ширинѣ“, и прибавлялъ: „Если бы границей Италіи былъ monte Velino почти на широтѣ Рима, и если бы все пространство между нимъ и Ионическимъ моремъ, въ томъ числѣ и Сицилія, помѣщались между Сардиніей, Корсикой, Генуей и Тосканой, то Италія пріобрѣла бы единство водныхъ путей, климата и мѣстныхъ интересовъ“. Замѣчаніе Наполеона совершенно справедливо, и позднее — сравнительно съ Франціей и Испаніей — объединеніе Италіи въ одну націю отчасти объясняется ея географическимъ положеніемъ. Оно до сихъ поръ препятствуетъ образованію одного крупнаго центра общественной жизни, который могъ бы придать большую интенсивность народной дѣятельности; но, если это положеніе имѣеть недостатки, то съ другой стороны оно не лишено извѣстныхъ выгодъ, ибо возбудило благородное соревнованіе между различными городами и поддерживало разносторонность умственнаго развитія, что особенно ясно обнаружилось въ области науки и искусства.

ГЛАВА XXI.

Науки и искусство.

Возрожденіе наукъ и искусствъ.—Классицизмъ. Парини, Альфіери, Монти, Фосколо, Ботта, Канова, Аппіани, Чимароза, Паизиелло. Романтизмъ; Манцони и его послѣдователи; Леопарди; Гвэрраци, Никколини, Джустини. Патріотическое направленіе поэзіи: Прати, Томмазо, Росмини, Джюберти и Маміани. Историки. Композиторы: Беллини, Россини, Доницетти, Бартолини, Хайецъ (Hayez) и Мароккетти.—Новое направленіе: Кардуччи, Бонги, Виллари, Массарани, Берсеціо. Историки и критики. Журнализмъ. Поэты.—Де-Амичисъ, Фогаццаро, Верга, Капуана, Серао, Фарина, Баррилли, Кастельнуово, Роветта, Д'Аннунціо.—Театръ; Джакометти, Феррари, Косса, Кавалотти, Галлина, Джакоза, Мартини и др.—Индуно, Палицци, Дюпрэ, Вела, Морелли, Монтеверде.—Современные итальянскіе артисты.—Музыка: Верди, Понккѣлли, Бойто, Пуччини, Масканья и др.—Италія продолжаетъ трудиться.

Если за послѣдніе 150 лѣтъ своей исторіи Италія, цѣною многихъ усилій и вопреки всѣмъ препятствіямъ, сумѣла приобрести значеніе, какъ нація, и объединиться; если она совершила чудеса на поприщѣ политической жизни, то и въ области умственнаго развитія европейскихъ народовъ она поддержала честь своего имени.

Политическое обновленіе Италіи предшествовалось и сопровождалось возрожденіемъ наукъ и искусствъ. Это умственное пробужденіе началось во второй половинѣ XVIII вѣка, и мы отмѣтили его въ первой главѣ этой книги, указавъ замѣчательныхъ дѣятелей того времени. Такъ какъ итальянская литература XIX вѣка имѣла преимущественно патріотическія задачи и направленіе, то мы въ теченіе нашего по-

вѣствованія неоднократно имѣли случай говорить о ней. Слѣдовательно, намъ остается лишь собрать въ одно цѣлое всѣ разбросанныя свѣдѣнія и сдѣлать изъ нихъ выводъ.

XVIII вѣкъ блестящимъ образомъ завершился въ литературѣ великими именами Парини, Альфіери и Монти. Парини скончался на самомъ исходѣ столѣтія (15 августа 1799 г.); Альфіери видѣлъ начало новаго вѣка—онъ умеръ во Флоренціи 8 окт. 1803 г.; зато слава Винченцо Монти (1754—1828) гремѣла въ теченіе всей первой четверти XIX столѣтія. Онъ былъ главой школы классической поэзіи, господствовавшей во времена Наполеона I. Ставъ придворнымъ поэтомъ, Монти въ своихъ стихахъ воспѣвалъ коронацію, войны, бракосочетаніе Бонапарта и рожденіе Римскаго короля; это не помѣшало ему, впрочемъ, по возвращеніи австрійцевъ воспѣвать новыхъ властителей. Одаренный удивительнымъ поэтическимъ чутьемъ, онъ обращалъ главное вниманіе на форму и въ своихъ произведеніяхъ достигъ необыкновенной гармоніи и граціи стиха; что-же касается содержанія, то оно было лишь отраженіемъ общественнаго мнѣнія: робкій и боязливый, Монти только слѣдовалъ теченію, которое въ тѣ времена отличалось чрезвычайнымъ непостоянствомъ.

Человѣкомъ совершенно другого склада былъ Уго Фосколо (1778—1827). По возвращеніи австрійцевъ въ Миланъ онъ удалился сначала въ Швейцарію, потомъ въ Англію, гдѣ провелъ послѣдніе годы жизни; онъ много способствовалъ знакомству англичанъ съ итальянской литературой. „Богатый“ (по его собственнымъ словамъ) „пороками и добродѣтелями“, странный по характеру и одаренный пылкимъ и могучимъ умомъ, Уго Фосколо, безспорно, былъ однимъ изъ самыхъ выдающихся итальянскихъ писателей, и его величавые, мощные стихи имѣли большое вліяніе на молодое поколѣніе нашего (XIX) вѣка *).

*) Уго Фосколо умеръ въ Turnham Green 10 октября 1827 г. и по-

Монти и Фосколо были величайшими поэтами этого периода. Въ прозѣ лучшимъ представителемъ манеры и стиля классической школы является историкъ Карло Ботта (1766—1837). По красотѣ слога и широтѣ взгляда съ которыми онъ описываетъ событія, онъ вполне заслужилъ названія итальянскаго Ливія *).

Въ эту эпоху классицизмъ господствовалъ во всѣхъ отрасляхъ искусства. Италія, въ лицѣ Антонія Кановы (1757—1822), могла гордиться художникомъ, достигшимъ высшей степени совершенства въ такъ называемой академической скульптурѣ. Канова работала непрерывно въ теченіе всей своей жизни, оставилъ много произведеній, и ему преимущественно итальянская скульптура обязана своимъ развитіемъ въ нашемъ вѣкѣ.

Въ живописи лучшимъ представителемъ классической школы является Андрей Аппіани (1754—1817), придворный художникъ императора, украсившій столькими замѣчательными фресками дворецъ въ Миланѣ и королевскую виллу въ Монцѣ.—Въ то время, какъ Италія, благодаря этимъ художникамъ, прославилась въ области литературы, ваянія и живописи, на югѣ появилась цѣлая плеяда выдающихся композиторовъ, во главѣ съ Чимарозой (1754—1801) и Паизіелло (1741—1816).

Въ тотъ самый годъ, когда умеръ Фосколо, а Монти былъ пораженъ параличемъ, который вскорѣ свелъ его въ могилу, вышелъ романъ Алессандро Манцони (1785—1873)

хороненъ на кладбищѣ въ Чизвикѣ (Chiswick); оттуда прахъ его въ 1871 г. перенесенъ въ церковь Santa Croce во Флоренціи, которую онъ въ своемъ произведеніи „I Sepolcri“ воспѣлъ, какъ пантеонъ славы Италіи.

*) Ботта умеръ въ Парижѣ въ 1837 г. и похороненъ на Монпарнаскомъ кладбищѣ; въ 1874 г. прахъ его перевезенъ въ церковь Santa Croce во Флоренціи.

„I Promessi Sposi“ („Обрученные“). Это не было первое произведение начинающего автора, ибо „Inni Sacri“ („Священные гимны“) и ода „На 5 мая“ („5 Maggio“), написанная на смерть Наполеона I, уже создали Манцони известность.

Но „I Promessi Sposi“—лучшее его произведение и, без сомнѣнія, являются самымъ популярнымъ романомъ XIX вѣка. Самъ Вальтеръ Скоттъ на признаніе Манцони, что онъ вдохновлялся произведеніями англійскаго писателя, отвѣтилъ, что въ такомъ случаѣ считаетъ „I Promessi Sposi“ лучшимъ своимъ романомъ.

Манцони былъ самымъ талантливымъ и самымъ известнымъ поборникомъ новаго романтическаго направленія, которое въ Италіи являлось синонимомъ либерализма. Его простой, ясный содержательный рассказъ дышетъ горячей любовью къ свободѣ и правдѣ, глубокимъ расположеніемъ къ народу, къ смиреннымъ труженикамъ; но даже при видѣ самой возмутительной несправедливости Манцони никогда не унижается до проклятій; въ немъ преобладаетъ міросозерцаніе убѣжденнаго католика: онъ вѣритъ въ возрожденіе родины, но проповѣдуетъ покорность.

Какая огромная разница между Манцони и другимъ современнымъ ему великимъ писателемъ—Джіакомо Леопарди (1798—1837)! У перваго—полное равновѣсіе между воображеніемъ и разсудкомъ, какъ слѣдствіе спокойной, пріятной жизни; у втораго, напротивъ, вѣчное, рѣзкое противорѣчіе между величіемъ его стремленій и ограниченностью окружающей его среды въ его родномъ Реканати, гдѣ ему приходилось жить по семейнымъ обстоятельствамъ; между его жалкой внѣшностью, дѣлавшей его неспособнымъ нравиться женщинамъ, и безпредѣльной силой страстей. Осюда мрачная, глубокая скорбь, благодаря которой онъ видѣлъ въ жизни одно страданіе; отсутствіе вѣры въ providѣніе, недовѣріе къ людямъ; пессимизмъ, усиливавшійся

съ каждымъ днемъ и доходящій до полнаго отчаянія. Это пессимистическое міровозрѣніе, хотя и выраженное въ дивныхъ стихахъ, почти классическихъ по красотѣ формы, мало кому пришлось по душѣ въ то время и не имѣло сильнаго вліянія на современниковъ. И это было къ лучшему: скептицизмъ Леопарди не могъ воспитать смѣлое, сильное поколѣніе, какое было необходимо для освобожденія Италіи

Въ теченіе долгаго времени Леопарди, какъ одинокій гигантъ, оставался непонятнымъ и почти забытымъ, тогда какъ вокругъ Манцони образовался многочисленный кругъ подражателей и учениковъ. Среди нихъ наиболѣе выдавались Томмазо Гросси (1791—1853), авторъ романа Марко Висконти; Джіованни Бершэ (Berchet—1783—1857), извѣстный патріотическими стихами; Массимо Д'Адзельо (1798—1866), художникъ, гсударственный дѣятель, воинъ и писатель; Сильвіо Пеллико (1788—1854), кроткій авторъ „*Mie Prigioni*“ („Мои тюрьмы“), одной изъ самыхъ популярныхъ въ Италіи книгъ, Джіованни Руффини (1807—1881), эмигрировавшій въ Англію, гдѣ написалъ нѣсколько романовъ на англійскомъ языкѣ; наиболѣе извѣстны „*Dottor Antonio*“ и „*Logenzo Venoni*“; Чезаре Канту (1804—95), извѣстный болѣе своими историческими статьями и „*Всеобщей исторіей*“, нежели романомъ „*Margherita Pusterla*“.

Школа Манцони проповѣдовала умѣренность; зато изъ мирной Тосканы раздавался громкій призывъ къ возстанію. Франческо-Доменико Гвэрраци (1804—1873), родомъ изъ Ливорно, старался восторженнымъ и даже напыщеннымъ слогомъ выразить самую пылкія страсти; это, впрочемъ, вполне соответствовало негодованію той части итальянскаго народа, которая стремилась во что бы то ни стало разорвать тяготѣвшія надъ нею цѣпи рабства. Въ Пизѣ Гвэрраци познакомился съ Байрономъ и такъ увлекся произведеніями великаго англійскаго поэта, что—по собственному признанію—въ теченіе многихъ лѣтъ во всѣхъ своихъ воззрѣніяхъ

и чувствахъ руководствовался взглядами и чувствами лорда Байрона.

„Это была именно та поэзія, которую я предчувствовалъ, но не умѣлъ опредѣлить: безпредѣльная сила всѣхъ способностей ума и сердца; весь міръ, отразившійся на его палитрѣ; древняя и новая мудрость; Богъ рядомъ съ Сатаной; неслышанная печаль и муки, непредвидѣнныя тайны; неиспытанная глубина чувства; слезы и смѣхъ, щедрой рукой разсѣянные на его безсмертныхъ страницахъ; это была поэзія, о которой я мечталъ и которую теперь узналъ въ дѣйствительности“. Поэтому можно сказать, что Гвэррацци главнымъ образомъ вдохновлялся произведеніями Байрона. Хотя послѣ Гвэррацци не осталось произведеній, которые могли бы удовлетворить современнаго критика, но его страстные романы (особенно „La battaglia di Benevento“ и Assedio di Firenze“) имѣли огромное вліяніе на пылкіе умы молодежи.

Въ это же время другой тосканскій поэтъ способствовалъ возбужденію ненависти къ иностранному владычеству и свѣтской власти папъ; это былъ талантливый драматургъ Джіованни-Баттиста Никколини (1782—1861), съ честью продолжавшій дѣло Витторіо Альфіери.

Негодующій горячій протестъ меньше соотвѣтствовалъ характеру тосканцевъ, нежели остроумная насмѣшка; поэтому вполне естественнымъ и свободнымъ продуктомъ Тосканы является политическая сатира Джузеппе Джусти (1809—1850). Его насмѣшки, которыя—по его собственнымъ словамъ—„кажутся улыбкой, а на самомъ дѣлѣ—глубокая скорбь“, имѣли большое значеніе для пробужденія въ обществѣ стремленія къ свободѣ и добродѣтели и чувства любви къ родинѣ. Вся итальянская литература того времени служила орудіемъ политики; мы имѣли уже случай упомянуть о южныхъ итальянскихъ поэтахъ, извѣстныхъ патріотическими стихами, — о Габріэлѣ Россетти (1783—1854),

гдѣ изгнанный изъ Неаполя генераль Пьетро Коллетта (1775—1831) написалъ „Исторію Неаполитанскаго королевства“ („Storia del reame di Napoli“), Маркизь Джино Каппони (1792—1876) въ 1842 г. основаль вмѣстѣ съ Vieussieux „Итальянскій историческій архивъ (Archivio storico italiano“); Атто Вануччи (1810—1883) написалъ „Исторію древней Италиі“ („Storia dell'Italia antica“).

Въ Римѣ всѣ отрасли науки были въ полномъ пренебреженіи. Нельзя сказать, чтобы онѣ пользовались покровительствомъ и въ Неаполитанскомъ королевствѣ, но подь вліяніемъ традицій здѣсь продолжали заниматься историческими и философскими вопросами; самыми замѣчательными учеными въ этой области являются историкъ Карло Тройя (1784—1858) и философъ Пасквале Галуппи (1770—1846). Изъ сицилійскихъ ученыхъ сталъ приобрѣтать извѣстность не только въ ученомъ мірѣ, но и въ публикѣ, Михаилъ Амари (1806—1889) своей „Storia del Vespro“ (Исторія Сицилійской Вечерни).

Южная Италиа, впрочемъ, главнымъ образомъ является родиной знаменитыхъ композиторовъ: Ксаверія МеркадANTE (1797—1870), братьевъ Риччи (веселыхъ авторовъ „Crispino e la Comare“), Энрико Петрелла, автора „Precauzioni“ (1813—1877), Джіованни Пачини (1796—1867); отсюда-же былъ родомъ самый выдающійся изъ всѣхъ—Винченцо Беллини (1802—1835)*), приводившій весь міръ въ восторгъ и умиленіе сильными и въ то же время нѣжными страницами „Нормы“, „Соннамбулы“ и „Пуританъ“.

Къ первой половинѣ XIX вѣка относится эпоха расцвѣта итальянской музыки. Еще до появленія на сценѣ оперъ Беллини, вышелъ въ свѣтъ „Севильскій Цирюльникъ“ (1816); онъ былъ написанъ Іоахимомъ Россини изъ Пезаро (1792—1868)—истиннымъ волшебникомъ музыки—въ теченіе 13 дней.

*) Беллини умеръ 33 лѣтъ въ Puteaux, но въ 1876 г., прахъ его перенесенъ въ Катанію.

Одаренный сильным талантомъ, Россини писалъ чрезвычайно быстро; его оперы полны огня и увлеченія. Талантъ его крѣпнеть съ годами, и въ „Отелло“, „Семирамидъ“ и „Вильгельмъ Телль“ (1829) онъ достигаетъ высокаго совершенства. Наконецъ, когда Россини почувствовалъ, что вдохновеніе его истощилось, онъ умолкъ и спокойно наслаждался своей славой *).

Въ то время, какъ Сицилія прославилась благодаря Беллини, а центральная Италія имѣла полное право гордиться Россини, въ сѣверной Италіи появился выдающійся композиторъ—Гаэтано Доницетти (1798—1848); своими операми „Lucia di Lamermoor“, „Poliuto“ и „La Favorita“, онъ способствовалъ упроченію за Италіей первенства въ этой области.

Едва-ли найдется въ исторіи какого-либо другого народа поль-столѣтія, столь богатое великими людьми, какъ первая половина XIX вѣка въ Италіи. Казалось, точно своей упорной дѣятельностью на поприщѣ науки и искусства она хотѣла доказать, что достойна стать наравнѣ съ другими народами Европы. Только въ области живописи и скульптуры въ этотъ періодъ не было генія, равнаго Кановѣ. Само собою разумѣется, что въ искусствахъ классическая школа тоже уступила мѣсто романтической. Представителемъ ея въ области скульптуры является Лоренцо Бартолини (1776—1850), а въ живописи—Франческо Хайэцъ (Hayez—1791—1881), наиболѣе выдающіеся художники этой эпохи. Наряду съ ними слѣдуетъ упомянуть о другомъ скульпторѣ—Карло Мароккетти (1805—1868), жившемъ, впрочемъ, постоянно во Франціи и въ Англии, гдѣ сумѣлъ пріобрѣсти богатство и извѣстность.

*) Россини умеръ въ 1868г. въ Пасси; прахъ его въ 1887 г. перенесенъ въ церковь Santa Croce во Флоренціи.

Событіями 1848—49 года заканчивается славный подготовательный періодъ; но дѣло обновленія Италіи было совершено тѣмъ же самымъ поколѣніемъ, благодаря подвигамъ 1859 и 1860 годовъ.

Послѣ объединенія Италіи въ одно королевство (1861 г.), въ литературѣ и въ искусствѣ обнаруживается новое направление. Лучшие представители романтической школы, правда, еще не сошли со сцены, но противъ нихъ возникаетъ новое теченіе: какъ они въ былые годы не хотѣли и слышать о греческихъ и римскихъ герояхъ классическаго періода, такъ теперь молодое поколѣніе оставляетъ любимые романтиками средневѣковые сюжеты и приближается къ современной жизни.

Джозуэ Кардуччи *), еще двадцатилѣтнимъ юношей сдѣлавшійся извѣстнымъ въ Тосканѣ, въ первыхъ же своихъ произведеніяхъ выказалъ анти-романтическія, анти-христіанскія и совершенно противоположныя Манцони тенденціи. Хорошо знакомый съ языческой и классической культурой, Кардуччи сначала казался приверженцемъ классицизма и послѣдователемъ Фосколо и Альфіери; но очень скоро обнаружился его настоящій характеръ: въ эту классическую форму онъ облекалъ самыя новѣйшія воззрѣнія, какъ, на примѣръ, въ „Гимнъ Сатанѣ“ — восторженной хвалебной пѣснѣ прогрессу и свободѣ. Этотъ гимнъ, появившійся въ 1865 г., доставилъ Кардуччи нѣкоторую извѣстность, но много лѣтъ прошло и много томовъ его стихотвореній вышло въ свѣтъ прежде, чѣмъ дѣйствительно установилась его слава, какъ величайшаго современнаго итальянскаго поэта.

Не меньшимъ изяществомъ и силой языка отличаются и прозаическія произведенія Кардуччи,—его рѣчи и критическіе этюды,—въ которыхъ онъ съ рѣдкимъ искусствомъ со-

*) Кардуччи родился въ 1836 г., въ Вальдикастелло (Пьетрасанта); теперь онъ имѣетъ званіе сенатора и читаетъ итальянскую литературу въ университетѣ въ Болоньѣ. +1907

единяетъ точность и тщательность изслѣдованія съ возвышенностью мастера и увлекательностью изложенія.

Въ теченіе этого періода получили большое распространеніе критическія и историческія изслѣдованія. Однимъ изъ самыхъ выдающихся дѣятелей на этомъ поприщѣ былъ Руджеро Бонги (1828—1895); человѣкъ широко образованный, отличавшійся глубиной мысли, онъ посвятилъ свою неутомимую дѣятельность столькимъ разнообразнымъ предметамъ, что, хотя принесъ огромную пользу современникамъ, не оставилъ ни одного значительнаго произведенія, которое доставило бы ему извѣстность среди будущихъ поколѣній *).

Современникомъ Бонги былъ Пасквале Виллари, величайшій изъ нынѣшнихъ итальянскихъ историковъ **). Онъ ввелъ въ Италіи позитивный методъ и способствовалъ его распространенію не столько своими философскими статьями, сколько умѣлымъ его примѣненіемъ въ необыкновенно ясномъ и точномъ изображеніи флорентійской жизни эпохи Савонаролы и Макиавелли. Виллари не только ученый, но мыслитель и художникъ, и въ его произведеніяхъ предъ глазами читателя какъ бы возрождается жизнь минувшихъ столѣтій. Онъ не ограничиваетъ свои изслѣдованія бытомъ прошлыхъ поколѣній, но изучаетъ съ точки зрѣнія социолога и современные вопросы, имѣетъ гражданское мужество высказывать многія печальныя истины, какъ, на примѣръ, въ „Lettere meridionali“ („Письма съ юга“), и въ статьяхъ въ „Nuova Antologia“ относительно происходившихъ недавно безпорядковъ въ Сициліи и революціи 1898 года въ Миланѣ.

Другимъ замѣчательнымъ мыслителемъ, одареннымъ

*) Бонги былъ министромъ народнаго просвѣщенія съ 1874 г.—до 1876 г.

***) Виллари родился въ Неаполѣ въ 1827 г., и теперь сенаторъ и профессоръ Королевскаго института Высшихъ знаній во Флоренціи (R. Istituto di studii superiori). Онъ былъ министромъ народнаго просвѣщенія съ 1891 до 1892 г.

сильнымъ и яснымъ умомъ, является Тулло Массарани (род. въ 1826 г.); его произведенія,—особенно книга „*Come la pensava il dottor Lorenzi*“ (Что думалъ докторъ Лоренци)—представляютъ цѣлый кладъ благородныхъ мыслей и чувствъ, открывающихъ намъ всѣ стороны его души, художника, поэта, филантропа, ученаго и патріота. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ патріотическомъ движеніи въ Ломбардіи и далъ увлекательное живое описаніе его въ книгахъ о Карло Тенка и Чезаре Корренти, его друзьяхъ и собратьяхъ по перу.

Въ числѣ людей, болѣе другихъ содѣйствовавшихъ тому, чтобы сообщить итальянской образованности цѣлесообразное и здоровое направленіе, рядомъ съ Массарани слѣдуетъ поставить Витторіо Берсеціо (1830—1900), одного изъ самыхъ выдающихся итальянскихъ литераторовъ; онъ извѣстенъ главнымъ образомъ своими комедіями (*Le miserie del signor Travetti* и „*La bolla di sapone*“), романами („*Gli angeli della terra*“, „*La plebe*“), и послѣднимъ своимъ трудомъ: „Царствованіе Виктора-Эмануила II“ въ восьми томахъ („*Il regno di Vittorio-Emanuele II*). Ромуальдо Бонфадини (1831—1899) тоже принадлежитъ къ числу извѣстныхъ литераторовъ и историковъ; онъ посвятилъ свою дѣятельность распространенію умѣренныхъ либеральныхъ идей.

Къ историкамъ этого прошлаго періода, продолжавшимъ издавать новые труды и во второй половинѣ столѣтія, относятся еще слѣдующіе: бенедиктинскій монахъ Луиджи Тости (1811—1897), доминиканскій монахъ Альбертъ Гульельмотти (1812—1893), глубокой знатокъ итальянскаго мореплаванія; Луиджи-Карло Фарини (1812—1866) и Джузеппе Ла Фарина (1815—1863), занимавшіеся новой исторіей; Джузеппе Де Лева (1821—1895), изучавшій эпоху Карла V; Джузеппе Массари (1820—1884); Никомидій Біанки (1818—1886), Джузеппе Гвэрцони (1835—1886), Фердинандъ Раналли (1813—1894), Бартоломмео Капассо (1816—1900); а

изъ живущихъ и до сихъ поръ—кардиналь Альфонсъ Капечелатро, архіепископъ Капуи (род. въ 1824 г.), сенаторъ Доменико Карутти (род. въ 1821 г.), Франческо Бертолини, профессоръ Болонскаго университета (род. въ 1836 г.), сенаторъ Луиджи Кіала (род. въ 1834 г.), собравшій письма Кавура и авторъ замѣчательныхъ трудовъ относительно объединенія Италіи; сенаторъ Джіованни Фальделла (род. въ 1846 г.), оригинальный писатель, кромѣ цѣлаго ряда произведеній беллетристическаго характера извѣстный исторіей „Молодой Италіи“; депутатъ Помпей Мольменти (род. въ 1852 г.), изучавшій исторію Венеціи; депутатъ изъ партіи социалистовъ Этторе Чикотти, занимавшійся древней исторіей, профессора Августъ Франкетти, Рафаэль Джіованьоли, Джузеппе де Блазисъ, Пій-Карль Фаллетти, Карло Чиполла, Амедей Кривелуччи, Орестъ Томмазини; полковникъ Цецилій Фабрисъ, Карло Джіода, Констанцій Ринаудо, редакторъ „Rivista storica italiana“ („Итальянское историческое обозрѣніе“), Джакомо Горрини, Антоній Манно, Эрнесто Мази, Франческо Нитти, Фердинандо Габотто, Джузеппе Оччіони-Бонаффонсъ, Джузеппе Маркотти и др. Кромѣ того, многіе ученые посвятили свою дѣятельность разысканію документовъ и изслѣдованію фактовъ съ цѣлью дать историку вполнѣ достовѣрный матеріаль. Изслѣдованія касаются самыхъ отдаленныхъ временъ. Италія естественно представляетъ богатый матеріаль для археологіи, и эта отрасль науки за послѣдніе годы имѣетъ многихъ выдающихся представителей, какъ напримѣръ Джіованни Баттиста Де Росси (1822—1894), Аріоданте Фабретти (1816—1894), Джузеппе Фіорелли (1823—1896), сенаторъ Доменико Компаретти, Этторе Паисъ, профессоръ университета въ Пизѣ, Луиджи Пигорини, Этторе Де Руджеро и Родольфо Ланчіани, профессора въ Римѣ; Эдуардъ Бриціо, профессоръ Болонскаго университета; Джуліо Де Петра, профессоръ въ Неаполѣ, Феликсъ Барнабеи, Паоло

Орси и др. Во всѣхъ областяхъ Италіи образовались историческія общества, которыя занимаются собираніемъ документовъ и издаются журналы. Для объединенія этихъ трудовъ въ 1883 г. въ Римѣ основанъ Итальянскій историческій институтъ (Istituto storico italiano), первымъ президентомъ котораго былъ Чезаре Корренти (1815—1888), горячій патріотъ и авторъ статей на различныя темы, преимущественно же историческихъ. Его преемникомъ былъ Марко Табаррини (1818—1898)*), талантливый критикъ и беллетристъ.

Корренти и Табаррини писали на всевозможныя темы; рядомъ съ ними слѣдуетъ поставить Доменико Берти (1820—1897), философа, историка и политическаго дѣятеля; Аристида Габелли (1830—1891), писавшаго главнымъ образомъ о задачахъ народнаго образованія; Франческо-Паоло Пересъ (1815—1892), Эмилио Брольо (1814—1892), а изъ оставшихся еще въ живыхъ—сенатора Гаэтано Негри (род. въ 1838 г.), автора многихъ критическихъ, историческихъ и политическихъ статей; Вильгельма Ферреро и Сципіона Сигеле, которые умѣютъ облекать серьезные вопросы соціологии въ чрезвычайно привлекательную форму; Адольфо Падованъ и др.

При этомъ краткомъ обзорѣ умственнаго движенія въ Италіи нельзя не упомянуть о журналистикѣ, которая часто имѣла большое вліяніе на общественное мнѣніе въ разныхъ патріотическихъ начинаніяхъ. Въ періодъ, предшествовавшій 1870 году, три журналиста главнымъ образомъ являлись представителями враждебныхъ партій: Джіованни Баттиста Боттеро, редакторъ „gazzetta del Popolo“, убѣжденный антиклерикаль и смѣлый сторонникъ согласія, съ которымъ Викторъ-Эмануиль, Кавуръ и Гарибальди дѣйствовали въ дѣлѣ объединенія Италіи; Джіакомо Дина, редакторъ „Oriпione“, истолкователь мнѣнія „Правой“, которая управляла

*) Преемникомъ Табаррини былъ сенаторъ Пасквале Виллари.

страной по смерти Кавура; донъ Джіакомо Марготти, редакторъ „Unità Cattolica“, который энергично и, не признавая никакихъ компромиссовъ, ратовалъ въ защиту папства противъ всѣхъ либеральныхъ идей. Боттеро и Марготти обладали удивительнымъ умѣньемъ вести полемику, и въ теченіе многихъ лѣтъ ихъ литературныя поединки — въ которыхъ впрочемъ они никогда не унижались до личныхъ нападокъ — доставляли большое наслажденіе читателямъ.

Среди журналистовъ этого періода слѣдуетъ указать еще Антоніо Галленга, корреспондента газеты „Times“, переселившагося впослѣдствіи въ Англію, гдѣ онъ и умеръ въ 1895 г., Феликса Говеанъ, Аврелія Біанки-Джіовини, Карло Пизани, Паоло Фамбри, Пьеръ-Карло Боджіо (убитаго во время сраженія при Лиссѣ, гдѣ онъ присутствовалъ на адмиральскомъ кораблѣ), Целестина Біанки, Леоне Фортисъ, Филиппа Филиппи и Дезидерато Кіавесъ.

Итальянскія газеты, по примѣру англійскихъ и американскихъ, и теперь составляются изъ телеграфныхъ извѣстій; замѣчательно, что подобная дорогая система могла быть принята итальянскими издателями, которые, къ сожалѣнію, не обладаютъ большими денежными средствами: вслѣдствіе устройства поверхности страны, распространеніе каждой газеты ограничивается нѣсколькими провинціями, а цѣна газетъ очень невелика (5 сант. за номеръ). Многіе литераторы большую часть своего умственного труда посвящаютъ газетной дѣятельности. Я назову лишь тѣхъ, о комъ не упомянулъ раньше: Джуліо Пиччини (Iaggo), Доменико Олива, Артура Колаутти, Эдуарда Скарфольо, Сальваторе Ди Джакомо, Евгенія Кекки, Луиджи-Арнальдо Васалло, Дельфино Орси, Рафаэля Барбьера, Аттіліо Чентелли, Адольфо Росси, Меркателли, Луиджи Лоди, Федерико Вердинуа (Verdinois), Онорато Фава, Рафаэль де-Чезаре, Діодато Ліой, Винченцо Морелло, Карло Ромусси, Уго Пеши, Габардо Габарди, Е. А. Берта, Джузеппе Деабате и Аугусто Ферреро.

Періодъ воскресенія Італіи настолько богатъ событіями, что отъ многихъ изъ участвовавшихъ въ немъ дѣятелей естественно явилась потребность писать воспоминанія. Многія изъ этихъ „Воспоминаній“ имѣють скорѣе историческую, нежели литературную цѣнность; таковы напр. „I miei ricordi“ Марка Мингетти (1818—1886), „Воспоминанія“ (Memorie) Джіоржіо Паллавичино (1796—1878), „Автобіографія ветерана“ (Autobiografia di un veterano), изданная генераломъ Мороццо Делла Рокка (1807—1897) и др. Но нѣкоторыя имѣють и большое литературное значеніе, напр., „Мои воспоминанія (Miei Ricordi) Массимо Д'Адзельо и „Воспоминанія о моей жизни“ (Ricordanze della mia vita) Луиджи Сеттембрини (1813—1876) *).

Сеттембрини извѣстенъ также, какъ критикъ; но наибольшаго совершенства на этомъ поприщѣ достигъ Франческо Де-Санктисъ (1818—1888); благодаря ясному и острому уму, онъ умѣлъ уловить нравственное настроеніе вѣка и оцѣнить настоящія эстетическія достоинства произведенія, проникнувъ въ самыя сокровенныя мысли автора. Онъ былъ самымъ талантливымъ борцомъ старой критической школы, противниками которой является новая школа ученыхъ; лучшимъ ея представителемъ слѣдуетъ признать Адольфа Бартоли (1835—1894); его „Исторія итальянской литературы“ (Storia della letteratura italiana) въ 8 томахъ, можно сказать, воскресила всю исторію литературы перваго періода, съ ея возникновенія и до самаго Петрарки. Въ Італіи нынѣ много талантливыхъ ученыхъ занимаются критическими изслѣдованіями, между прочимъ, Алессандро Д'Анкаона (род. въ 1835 г.), профессоръ университета въ Пизѣ, Бонаventura Цумбини (род. въ 1840 г.) и Франческо Д'Овидіо (р.

*) Изъ произведеній этого рода, авторы которыхъ еще находятся въ живыхъ, слѣдуетъ упомянуть о книгѣ. Замѣтки одного изъ „Тысячи“ Джуліо-Чезаре Абба (р. въ 1838 г.).

въ 1849), профессора Неаполитанскаго университета; Исидоръ дель Лунго (род. въ 1841 г.), членъ академіи della Crusca; Пій Райна (Rajna) род. въ 1847 г., профессоръ Института высшихъ наукъ въ Флоренціи; профессора Римскаго университета Эрнесто Моначи (род. въ 1844 г.) и Анджело Де Губернатисъ (род. въ 1840); Эмилио Теца, Винченцо Крешини и Франческо Фламини, профессора Падуанскаго университета; Франческо Торрака, Родольфо Ренье (Renier), Михаилъ Скерилло, Томазо Казини, Дж. А. Чезарео, Франческо Новати и др.

Многіе изъ нихъ (наиболѣе замѣчательные по уму) пытаются примирить обѣ школы—тщательное и добросовѣстное изученіе фактовъ съ психологическимъ анализомъ. Къ этому направленію относится, напримѣръ, Артуръ Графъ (род. въ 1848 г.), профессоръ Туринскаго университета, не только ученый и критикъ, но и талантливый поэтъ. Можно даже сказать, что многіе соединяютъ научныя познанія съ поэтическимъ даромъ (лучшій примѣръ—Кардуччи). Назову поэтовъ Джузеппе Кіарини (род. въ 1833 г.), Олиндо Гверрини (род. въ 1845), извѣстнаго подъ псевдонимомъ Лоренцо Стекетти; Джованни Марради (род. въ 1852 г.); Гвидо Маццони (род. въ 1859), Джованни Пасколи и Северино Феррари;—они принадлежатъ большею частью къ школѣ Кардуччи. Личнымъ врагомъ Кардуччи считается сицилійскій поэтъ Маріо Раписарди (род. въ 1844 г.), авторъ двухъ поэмъ „Lucifego“ и „Giobbe“ („Люциферъ“ и „Ювъ“); онъ извѣстенъ также, какъ прекрасный переводчикъ латинскихъ и англійскихъ поэтовъ. Изъ поэтовъ послѣдняго періода слѣдуетъ упомянуть еще имена двухъ, одаренныхъ высокимъ поэтическимъ талантомъ, но умершихъ въ цвѣтѣ лѣтъ, а именно—Эмилио Прага и Иджиніо Уго Таркетти (Jginio Ugo Tarchetti). Изъ поэтовъ, живущихъ въ наше время, назову Энрико Панцакки (род. въ 1841 г.), который соединяетъ мелодичность съ силой стиха; Доменико Ньоли (род. въ

1836), Джузеппе-Аврелій Костанцо (род. въ 1843), Фердинанда Галанти (род. въ 1840), Альфреда Баччелли (род. въ 1863) и Джованни Чена, совсѣмъ еще молодого поэта, начавшаго свою литературную дѣятельность нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Изъ поэтессъ извѣстны талантливая импровизаторша Джаннина Милли, Алинда Боначчи-Брунамонти (род. въ 1842 г.); Викторія Аганооръ, у которой глубина чувства соединяется съ изяществомъ стиха, особенно же прославилась самая талантливая изъ всѣхъ молодая ломбардская поэтесса Ада Негри (род. въ 1870 г.), въ произведеніяхъ которой слышится отголосокъ новѣйшихъ социалистическихъ ученій.

Въ послѣднее время Эдмондъ Де Амичисъ (род. въ 1846 г.), безъ сомнѣнія самый популярный итальянскій писатель, тоже увлекся социализмомъ, вслѣдствіе сильнаго сентиментализма писателя. Еще будучи офицеромъ, онъ началъ писать „Bozzetti della vita militare“ (Картинки изъ военнаго быта“), проникнутыя глубокимъ чувствомъ. Впослѣдствіи онъ вышелъ въ отставку и посвятилъ себя всецѣло литературной дѣятельности. Де Амичисъ путешествовалъ по Испаніи, въ Марокко, Голландіи, посѣтилъ Лондонъ, Парижъ и Константинополь, и каждое путешествіе дало ему матеріалъ для новыхъ произведеній, поражающихъ силой и красотой описаній. Одна его книжка для школъ—„Suore“ („Дневникъ школьника“) имѣла огромный и вполне заслуженный успѣхъ: онъ умѣетъ затронуть самую интимную сторону души и пробудить въ читателяхъ глубокое умиленіе. Въ послѣднихъ его произведеніяхъ: „Romanzo d'un maestro“ („Романъ учителя“) и „La carozza di tutti“ („Карета для всѣхъ“) чувствуется вліяніе его новыхъ политическихъ возрѣній, но они пользуются успѣхомъ, какъ книги, способныя внушить читателямъ самая благородныя чувства.

Тѣмъ же великимъ достоинствомъ обладаютъ произведе-

денія другого замѣчательнаго литературнаго дѣятеля-поэта и романиста Антоніо Фогаццаро (род. въ 1842, назначенъ сенаторомъ въ 1900), три его романа: „Malombra“ („Тѣни прошлаго“), „Daniele Cortis“ и „Piccolo mondo antico“ служатъ какъ бы показателями постепеннаго развитія этого талантливаго писателя, вдохновляющагося всегда самыми возвышенными мистическими идеями.

Де Амичисъ и Фогаццаро—послѣдователи Манцони; напротивъ, Джованни Верга (род. въ 1840 г.) принадлежитъ къ писателямъ натуралистической школы Зола. Изъ его произведеній на первомъ мѣстѣ, по чрезвычайной объективности наблюденія, слѣдуетъ поставить „I Malavoglia“ и „Maestro Don Gesualdo“; и одну изъ своихъ „Novelle rustiche“ (Разсказы изъ деревенской жизни) онъ передѣлалъ въ одноактную драму „Cavalleria rusticana“, („Сельская честь“), которая послужила темой для знаменитой оперы Маскани.

Къ романистамъ натуралистической школы относится Луиджи Капуана (род. въ 1839 г.), авторъ романа „Giacinta“, перваго романа этого направленія. Капуана впрочемъ писалъ также критическія статьи и прекрасные рассказы для дѣтей („C'era una volta“, „Il regno delle fate“ и др.).

Матильда Серао (род. въ 1856 г., замужемъ за журналистомъ Эдуардомъ Скарфольо) тоже принадлежитъ къ писателямъ-реалистамъ. Кромѣ безчисленныхъ статей въ журналахъ, она написала нѣсколько романовъ, которые даютъ ей право на первенство среди всѣхъ итальянскихъ писательницъ *).

Совершенно въ иномъ духѣ пишутъ Сальваторе Фарина

*) Упомяну здѣсь имена другихъ романистовъ: Беатриче Сперацъ, известной подъ псевдонимомъ „Bruno Sperani“; Анны Радіусъ-Дзуккари (псевдонимъ „Neega“); Виргиніи Тревесъ (псевдонимъ Cordelia“); Маріи Торріани (псевд. „Маркиза Коломби“) и др. Книги для дѣтей пишетъ Ида Баччини.

(род. въ 1846 г.), Антонъ-Джуліо Баррили (род. въ 1836 г.) и Энрико Кастельнуово; они скорѣе подражаютъ англійскимъ писателямъ, и романы ихъ могутъ служить для чтенія въ кругу семьи. Рядомъ съ ними можно поставить Джироламо Роветта (род. въ 1850 г.), извѣстнаго также своими драматическими произведеніями.

Итальянскимъ писателемъ, произведенія котораго за послѣднее время возбуждаютъ наиболѣе ожесточенные споры, является, безъ сомнѣнія, Габріэль Д'Аннунціо (род. въ 1862 г.); одни превозносятъ его до небесъ, другіе подвергаютъ безпощадной критикѣ. Одаренный могучимъ умомъ и изумительнымъ поэтическимъ чувствомъ, въ совершенствѣ владѣя итальянскимъ языкомъ, онъ, впрочемъ, часто впадаетъ въ искусственность и изысканность выражений, чѣмъ иногда напоминаетъ писателей XVII в. Онъ создалъ въ итальянской литературѣ психологическій романъ въ духѣ Буржэ; онъ большею частью рисуетъ испорченное, изнѣженное высшее общество, жаждущее наслажденій; къ несчастью, на всѣхъ его произведеніяхъ лежитъ отпечатокъ глубокаго эгоизма, гордаго поклоненія своему „я“; онъ поставилъ себѣ цѣлью распространеніе въ Италіи странной теоріи о сверхъ-человѣкѣ. Въ послѣднее время Д'Аннунціо принялся писать драматическія произведенія съ явнымъ намѣреніемъ и въ этой области выступить въ качествѣ новатора, но до сихъ поръ онъ не пользуется болъшимъ успѣхомъ.

Наиболѣе талантливимъ и плодовитымъ драматургомъ XIX в. безспорно былъ Паоло Джіакометти (1816—1882); къ сожалѣнію на его талантѣ пагубно отразилось слишкомъ поспѣшное и поверхностное творчество,—вслѣдствіе отчасти кочевой жизни, которую онъ принужденъ былъ вести, въ качествѣ автора комедій странствуя съ драматическими труппами, а отчасти и принятаго имъ обязательства—ежегодно писать опредѣленное число пьесъ. Нѣкоторыя изъ его произведеній до сихъ поръ пользуются успѣхомъ,—напр., „La

чемъ, написаны почти исключительно на венеціанскомъ нарѣчіи.

Въ настоящее время пальма первенства среди драматурговъ, безъ сомнѣнія, принадлежитъ Джузеппе Джакоза (род. въ 1847 г.); блестящій писатель, въ совершенствѣ владѣющій стихомъ, онъ отъ романтическихъ идиллій („Partita a Scacchi“ и „Trionfo d'amore“) постепенно поднимается до высокой комедіи, до исторической драмы и психологическихъ этюдовъ; высшей степени совершенства его творчество достигло въ послѣдней его комедіи „Come le foglie“ („Подобно листьямъ“). Большія надежды подавалъ Ахилль Торелли (род. въ 1844 г.), давно впрочемъ умолкнувшій, а послѣдніе годы Роберто Бракко (род. въ 1861 г.), Марко Прага (род. въ 1863 г.), братья Камилль и Джаннино Антона-Траверси, Бутти и др. Нѣсколько небольшихъ драматическихъ произведеній написалъ баронъ Франческо де Ренцисъ (род. въ 1836 г.), нынѣ посланникъ въ Лондонѣ. Фердинандъ Мартини (род. въ 1841 г.) тоже началъ съ драмы, но извѣстенъ главнымъ образомъ своими блестящими критическими статьями; впоследствии онъ посвятилъ себя политической дѣятельности и въ настоящее время занимаетъ постъ губернатора Эритреи. Рядомъ съ нимъ сдѣдуетъ назвать двухъ недавно умершихъ остроумныхъ тосканскихъ писателей: Карло Лоренцини, издавашаго подъ псевдонимомъ „Collodi“ цѣлый рядъ прекрасныхъ дѣтскихъ книгъ, и Пьеръ Франческо Феррини, подъ псевдонимомъ „Юрикъ“ проелававшася своимъ глубокимъ и оригинальнымъ юморомъ. Стихотворенія Ренато Фучини (род. въ 1843 г.), написанныя на тосканскомъ нарѣчіи, тоже блещутъ остроуміемъ. Родомъ изъ Тосканы былъ также Энрико Ненціони (1840—1896 г.), авторъ замѣчательныхъ очерковъ о современной иностранной литературѣ, главнымъ образомъ объ англійскихъ поэтахъ.

Нѣкоторые изъ этихъ писателей занимались также изученіемъ искусствъ; но среди художественныхъ критиковъ

заслуживаютъ прежде всего упоминанія сенаторъ Джованни Морелли (1816—1891 г.), Джованни Баттиста Кавалкасселле (1827—1897 г.), написавшій вмѣстѣ съ англичаниномъ Стowe прекрасную „Исторію живописи“; Камилль Бойто, Адольфо Вентури, Джуліо Канталамесса, Конрадъ Риччи, Витторіо Пика, Уго Ойетти, Дино Мантовани, Уго Флересь, Энрико Товецъ и др., продолжающіе свою дѣятельность.

Въ области живописи и ваянія произошло то-же самое, что и въ литературѣ: въ теченіе нѣкотораго времени господствовала романтическая школа, но затѣмъ стремленіе приблизиться къ дѣйствительности заставило талантливейшихъ художниковъ уклониться отъ этого пути.

Первые шаги въ этомъ направленіи были сдѣланы братьями Доменико (1815—78) и Джироламо (1827—90) Индуно, которые создали жанровую живопись и тѣмъ приблизились къ современной жизни. Пока они въ Миланѣ создавали новую школу, въ Неаполѣ Филиппо Палицци (1818—99), посвятившій себя исключительно изображенію животныхъ, достигъ въ этой области такой жизненной правды, что приобрѣлъ многихъ послѣдователей.

Одновременно съ ними въ Тосканѣ—родинѣ Бартолини, великаго скульптора романтической школы—появился другой талантливый скульпторъ Джованни Дюпрэ (1817—1882), основатель цѣлой школы. Въ послѣдніе годы жизни онъ написалъ „Ricordi autobiografici“ (Автобіографическія воспоминанія). Величайшій итальянскій скульпторъ XIX в. Винченцо Вела (1822—91) былъ родомъ изъ кантона Тичино; изъ своей родной деревни Лигорнетто онъ, совсѣмъ еще юношей, пришелъ въ Миланъ, а впослѣдствіи поселился въ Туринѣ. Онъ имѣлъ огромное вліяніе на всю современную итальянскую скульптуру¹ и далъ ей дѣйствительно реалистическое направленіе. Лучшія его произведенія „Спартакъ“

и „Умирающій Наполеонъ“ всегда будутъ считаться настоящими chefs-d'oeuvre.

Съ 1861 года начинается въ Италіи рядъ національныхъ выставокъ, которыя повели къ дальнѣйшему развитію искусства и обнаружили взаимное вліяніе тенденцій, господствующихъ въ школахъ различныхъ областей. Вскорѣ появились два преобразователя: Доменико Морелли въ области живописи и Джуліо Монтеверде въ области скульптуры; оба въ настоящее время—члены сената.

Доменико Морелли (род. въ Неаполѣ въ 1826 г.) былъ противникомъ академической живописи, которая въ Неаполѣ сохранилась дольше, потому что при Бурбонахъ Неаполитанское королевство оставалось въ сторонѣ отъ теченія, охватившаго всю остальную Европу. Палици нанесли уже первый ударъ старой школѣ, но Морелли ратовалъ противъ нея гораздо смѣлѣе. Въ статьѣ о „Современной живописи въ Италіи и во Франціи“ Пасквале Виллари прекрасно характеризуетъ новое направленіе, данное Морелли: „Его стихія—свѣтъ: каждая новая картина представляетъ для него новую задачу въ области свѣтовыхъ эффектовъ; въ этомъ—источникъ всѣхъ похвалъ и всей критики... Онъ прежде всего стремится къ единству, силѣ, гармоніи въ общемъ тонѣ картины... Такимъ образомъ, когда ему представляется сюжетъ для картины, онъ неспособенъ имъ увлечься, если сюжетъ этотъ не превратится для него въ новый свѣтовой эффектъ“...

Джуліо Монтеверде (род. въ Бистаньо въ Пьемонтѣ въ 1837 г.) сталъ извѣстенъ благодаря „Юности Христофора Колумба“; новое его произведеніе „Геній Франклина“ упрочило его славу, а въ третьемъ „Дженеръ, испытывающій прививку оспы на своемъ сынѣ“ онъ достигъ высшаго совершенства въ натуралистическомъ направленіи.

Благодаря выставкамъ распространилась любовь къ искусству, и повсюду въ Италіи стали появляться талантливые

художники. Болѣе удобныя и постоянныя сношенія между областями имѣли слѣдствіемъ большее однообразіе умственнаго развитія; поэтому мало по малу сглаживаются характерныя черты отдѣльныхъ мѣстностей, сложившіяся подъ вліяніемъ историческихъ и географическихъ условій; но онѣ не исчезли совершенно, а наоборотъ стараются сообразоваться съ различными направленіями современнаго европейскаго искусства. Я не намѣреваюсь здѣсь указывать различныя школы (тѣмъ болѣе, что въ современной жизни существуетъ много совершенно противоположныхъ теченій), но хочу только назвать имена наиболѣе талантливыхъ художниковъ, прославившихъ различныя области за вторую половину XIX вѣка.

Въ Пьемонтѣ изъ пейзажистовъ извѣстны Антоніо Фонтанези, Анджемо Беккаріа, Карло Питтара и Деметріо Козола, а изъ живущихъ еще Бартоломео Джуліано (род. въ 1825 г.), Лоренцо Деллеони (род. въ 1840), Марко Кальдерини (род. въ 1850), Клементе Пульезе-Леви, Андрея Тавернье и др. Въ Пьемонтѣ долгое время жилъ Альберто Пазини (1826—1900), родомъ изъ Пармской области, извѣстный своими картинами изъ жизни Востока. Изъ жанровыхъ художниковъ извѣстенъ Джованни Баттиста Квадроне (1844—98); необыкновенной легкостью и обиліемъ творчества отличается Джакомо Гроссо (род. въ 1860 г.). Можно еще назвать Витторіо Каваллери, Джиларди, Турлетти и Эдуарда Каландра, который, впрочемъ, въ послѣднее время главнымъ образомъ занимается литературной дѣятельностью и своимъ романомъ „La bufera“ (Буря) составилъ себѣ имя и въ этой области.

Въ скульптурѣ рядомъ съ Эдуардомъ Табаки слѣдуетъ поставить Луиджи Белли и Давида Каландра, но самый выдающійся—Леонардо Бистольфи (род. въ 1859 г.), талантливый выразитель идей и идеализирующій чувства.

Связующимъ звеномъ между Пьемонтомъ и Ломбардіей

служить Eleuterio Pagliano, который родился въ Пьемонтѣ въ 1826 г., но давно уже живетъ въ Миланѣ. Онъ сражался вмѣстѣ съ Гарибальди и главнымъ образомъ занимается батальной живописью. Другимъ хорошимъ баталистомъ былъ Себастьянъ Де Альбертисъ (1828—97). Цѣлый рядъ талантливыхъ художниковъ являются учениками Джузеппе Бертини (1820—98), извѣстный правильностью рисунка и законченностью своихъ произведеній. Сильнымъ и оригинальнымъ талантомъ былъ одаренъ Транквилло Кремона, умершій 41 года отъ роду въ 1878 году, не успѣвъ еще вполне проявить свои качества. Уберто Дель Орто (1848—97) и Франческо Филиппини (1853—1895) были сторонниками новаго направленія, во главѣ котораго стояли Моисей Біанки и Филиппо Каркано, справедливо прозванный „художникомъ безконечныхъ пространствъ, расплывающихся въ туманѣ“. Рядомъ съ ними стоятъ Евгений Джиньусъ, Пьетро Микисъ, Эмиліо Гола, Арнальдо Феррагути, Помпео Маріани, Джорджіо Беллони, Джузеппе Ментесси, Леонардо Баццаро и многіе другіе.

Однимъ изъ талаѣтливѣйшихъ представителей импрессионизма былъ Джіованни Сегантини, родившійся въ Арко въ 1858 г. и скончавшійся въ 1899 въ самомъ расцвѣтѣ своего творчества.

Изъ ломбардскихъ скульпторовъ послѣдняго періода особенно выдаются Маньи, Бергонцоли, Барцачи, Гранди, а изъ живущихъ еще Эрнесто Баццаро, Эрико Бутти, Павелъ Трубецкой, Антоніо Карминати, Эмиліо Квадрелли и др.

Освободившись отъ иноземнаго владычества, Венеція тоже пробудилась отъ долгаго сна, главнымъ образомъ благодаря дѣятельности Джакомо Фавретто (1849—1887), котораго можно считать основателемъ венеціанской школы колористовъ. Къ ней въ настоящее время принадлежатъ много смѣлыхъ, сильныхъ и выдающихся художниковъ: Бартоломмео Бецци, Гульельмо Чарди, Пьетро Фрад-

жакомо, Алессандро Милези, Чезаре Лауренти, Сильвіо Ротта, Луиджи Ноно, Этторе Тито, Александръ Дзеццось, Анджелло Далл'Ока Біанка, Винченцо Де'Стефани, Эджисто Ланчеротто, Евгений Де Блаасъ, Ферруцци, Дзанетти-Мити, Брессанинъ, Виццотто-Альберти, Карньель и др. Изъ скульпторовъ слѣдуетъ отмѣтить Антоніо Даль Дзотто, Карло Лоренцетти, Эмилио Марсили и Урбано Ноно.

Венеція стала однимъ изъ главнѣйшихъ артистическихъ центровъ Италіи главнымъ образомъ послѣ 1895 г., когда по почину городского управленія, во главѣ котораго тогда стоялъ Риккардо Сельватико, была устроена первая международная художественная выставка. Организованная согласно системѣ приглашеній и съ особыми возвышенными цѣлями, эта выставка имѣла большой успѣхъ; она повторилась въ 1897 и 1899 г. все съ возрастающимъ успѣхомъ, такъ что окончательно рѣшено устраивать подобныя выставки каждые два года. Устройству выставки посвятилъ всю свою неутомимую энергію генеральный секретарь Комитета профессоръ Антоніо Фраделетто, имя котораго слѣдуетъ упомянуть и по другому поводу—какъ красно-рѣчивѣйшаго итальянскаго лектора нашихъ дней. Въ Лигуріи замѣчателенъ художникъ Николо Барабино (1831—1891), пишущій на патріотическіе и религіозные сюжеты; въ теченіе сорокалѣтней дѣятельности онъ далъ настоящія художественныя сокровища.

Изъ уроженцевъ Эмилиі назовемъ Адеодато Малатеста (1806—91), Джованни Муцціоли (1854—94), а изъ современныхъ—художниковъ Гаetano Кьеричи и Рафаэля Фаччіоли и скульпторовъ: Діэго Сарти, Энрико Барбери и Джузеппе Романьоли.

Тосканская школа славится многими знаменитыми художниками въ области живописи, какъ на примѣръ Стефано Усси (род. въ 1822 г.), Микеле Гордиджани (род. въ 1830), Телемака Синьорини (род. въ 1835), братья Франческо и Луиджи

Джоли, оба Томмази (Адоल्фо и Анджело), Стефанъ Бруцци, Артуръ Фальди, Тито Лесси, Франческо Винеа, Эдуардъ Джелли, Артуро Морадеи, Витторіо Коркосъ и др.; въ области скульптуры извѣстны Августъ Ривальта, Эмилио Галлори, Эмилио Дзокки и др. Одинъ изъ наиболѣе извѣстныхъ и талантливыхъ тосканскихъ художниковъ—Чезаре Маккари (род. въ Сіенѣ въ 1840 г.); онъ украсилъ своими изумительными фресками залы зданія Сената въ Римѣ, а въ Лорето придавъ знаменитому храму новую художественную прелесть. Своими фресками извѣстенъ въ Римѣ Франческо Подести (1800—1895), послѣдователь классической школы. Новое направленіе введено въ Римѣ неаполитанскимъ художникомъ Бернардо Челентано, умершимъ въ 1863 г., 28 лѣтъ; рядомъ съ нимъ слѣдуетъ назвать римскаго художника Чезаре Фракассини, тоже умершаго очень молодымъ (1838—1868). Изъ римскихъ художниковъ теперь извѣстны: Сципіонъ Ванутелли, Франческо Яковаччи, Чезаре Бизео, Энрико Колеманъ, Антоніо Манчини, Августъ Корелли и Аристидъ Сарторіо, рѣдко образованный юноша, послѣдователь англійскихъ прерафаэлитовъ. Изъ скульпторовъ, кромѣ Эрколе Роза (1846—93) извѣстны Роберто Бомпіани, Этторе Феррари, Евгений Макканьяни и Эрнесто Біонди.

Неаполитанскія провинціи, послѣ Морелли и Палицци, дали цѣлый рядъ выдающихся художниковъ: Франческо Саверіо Альтамура (1826—97), Ахиллъ Вертунни (1826—97), Джузеппе Де Ниттисъ (1841—84), Франческо-Нетти (1842—94); а нынѣ онѣ имѣютъ право гордиться Франческо-Паоло Микетти (род. въ 1851 г.), художникомъ, который умѣетъ въ своихъ картинахъ достигнуть наибольшей силы и жизни изображенія.

Изъ другихъ художниковъ южной Италіи упомяну еще Эдуарда Дальбоно, Федерико Кортезе, Камилло Міола, Юахима Тома, Альцеста Камиріани, Винченцо Каприле, Ру-

бенса Санторо, Сальваторе Постильоне, Гаэтано Эспозито, Винченцо Иролли и др.; изъ скульпторовъ: братьевъ Франческо и Винченцо Иераче, Альфонсо Бальзико, Ахилла Д'Орси, Винченцо Джемито, Филиппа Чифарьелло и др.

Однимъ изъ самыхъ знаменитыхъ художниковъ Сицилии является Джузеппе Шуги (Sciuti) (род. въ 1836 г.), нынѣ живущій впрочемъ въ Римѣ. Тамъ же поселились скульпторы Сальваторе Грита и Этторе Хименесъ (Ximenes), тоже уроженцы Сицилии. Другой молодой сицилійскій скульпторъ— Доменико Трентакосте живетъ во Флоренціи. Изъ художниковъ, оставшихся въ Сицилии, слѣдуетъ назвать Франческо Ло Джаконо (Jacopo) и Сальваторе Маркези и скульпторовъ Бенедетто Чивилетти (1846—99), Маріо Рутелли и Винченцо Рагуса. Изъ этого длиннаго перечня именъ, многія изъ которыхъ извѣстны и въ другихъ странахъ, и изъ различныхъ тенденцій, обнаружившихся на послѣднихъ художественныхъ выставкахъ, можно убѣдиться, что и на этомъ поприщѣ дѣятельность итальянцевъ значительна, и что въ Италіи тоже проникло то же броженіе идей, попытокъ и стремленій, которое замѣчается въ остальной Европѣ.

Больше всего прославилась Италія въ области музыки. Въ 1842 году появилась опера „Навуходоносоръ“, произведеніе Джузеппе Верди (род. въ 1813 г. въ Буссето въ пров. Парма), имя котораго гремитъ въ теченіе всей второй половины XIX вѣка. Онъ затронулъ всѣ стороны челоуѣческой души; его оперы, съ неслабѣющимъ успѣхомъ, слѣдовали одна за другой: Эрнани (1844), Риголетто (1851), Троваторе (1853), Травиата (1853), Аида (1871), Отелло. Никто изъ его современниковъ не можетъ съ нимъ равняться или даже сколько-нибудь приблизиться къ нему. Изъ произведеній другихъ композиторовъ этого періода уцѣлѣеть, быть можетъ, только „Джоконда“ Амилькара Понкіэлли (1834—86) и „Мефистофель“ Арриго Бойто (род. въ 1842). Въ по-

слѣднее время, впрочемъ, явился цѣлый рядъ молодыхъ композиторовъ, которые обѣщаютъ продолжать благородныя традиціи прошлаго: даже за предѣлами Италіи признанъ талантъ Джакомо Пуччини (род. въ 1858 г.), Пьетро Масканьи (род. въ 1863), Руджеро Леонкавалло (родился въ 1853), Альберта Франкетти (род. въ 1860) и Гумберта Джордано (род. 1870). Въ области духовной музыки тоже явился талантливый композиторъ въ лицѣ молодого священника Лоренцо Перози (род. въ 1872 г.). Не только на поприщѣ искусства и литературы, но и на поприщѣ науки Италія во вторую половину XIX в. можетъ назвать многія имена, поддерживавшія ея славу. Укажу лишь нѣсколько: Граціадіо Аскали (род. 1829) въ области филологіи; Роберто Ардиго (род. 1829) въ области философіи; Франческо Каррара (1805—1888), извѣстный криминалистъ; политико-экономы Франческо Феррара (1810—1900), Джироламо Боккардо (род. въ 1829) и Ахилль Лоріа (род. въ 1857 г.); извѣстнаго статистика Луиджи Бодіо (род. въ 1840); психолога Чезаре Ломброзо (род. 1836 г.); Анджело Моссо (род. въ 1846), извѣстнаго фізіолога; въ области медицины—Гвидо Баччелли (род. въ 1832 г.), въ области химіи—Станислава Каннидзаро (род. въ 1820 г.) и въ области математики—Евгенія Бельтрами; Галилео Феррарисъ (1847—1897) извѣстенъ работами по электричеству, Анджело-Секки (1818—78) и Джованни Скіапарелли [(род. въ 1835 г.)—по астрономіи, и т. д. вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ упомянуть нѣкоторыхъ талантливыхъ популяризаторовъ науки: Микеле Лессона (1823—1894), Антоніо Стоппани (1824—91), Паоло Мантеггца (род. въ 1831 г.) и Паоло Ліой (1836 г.). Духовное краснорѣчіе вновь получило распространеніе, благодаря брату Августину изъ Монтефельтро (въ міру Луиджи Вичини, род. въ 1839 г.), проповѣди котораго имѣютъ извѣстный отпечатокъ новизны, усиливающейся, благодаря горячности оратора.

Ра распространенію образованности способствуютъ многочисленные журналы; первое мѣсто среди нихъ принадлежитъ „Nuova Antologia“, основанной во Флоренціи въ 1865 г.; теперь этотъ журналъ издается въ Римѣ подъ редакціей депутата Маджорино Феррарисъ.

Однимъ словомъ, Италія работаетъ и приноситъ прекрасные плоды. Можетъ быть даже, что на этомъ поприщѣ— т. е. въ развитіи индивидуальной дѣятельности, она за послѣдніе годы достигла лучшихъ результатовъ, нежели въ политикѣ.

Во всякомъ случаѣ, прослѣдивъ совершившіяся въ Италіи въ теченіе XIX вѣка перемѣны, принявъ во вниманіе, какихъ долгихъ и тяжелыхъ усилій стоило ей стать наравнѣ съ великими націями въ первыхъ рядахъ прогресса, всякій признаетъ, что новѣйшая исторія Италіи во всѣхъ отношеніяхъ полна славныхъ страницъ.

Сравнительно съ результатами, достигнутыми цѣною столькихъ жертвъ, и сравнительно съ цѣлью, къ которой привели усилія ума и героическіе подвиги,—кажутся ничтожными и совершенно преходящими всѣ неудачи и невзгоды, отъ времени до времени выпадающія на долю итальянскому народу.

Быть, можетъ, существуетъ кризисъ (слѣдствіе утомленія) въ политическомъ и административномъ строѣ, но нѣтъ истощенія жизненныхъ силъ. И, преодолевъ этотъ кризисъ, Италія съ честью займетъ среди европейскихъ народовъ подобающее ей положеніе и въ свою очередь исполнитъ свою задачу—содѣйствовать политическому прогрессу, матеріальному благосостоянію и нравственному развитію народовъ.

1) Приложение къ 9-й главѣ.

Такъ какъ Статутъ, обнародованный Карломъ-Альбертомъ 4 марта 1848 года, въ послѣдствіи былъ распространенъ Викторомъ-Эмануиломъ на весь Аппенинскій полуостровъ и продолжаетъ дѣйствовать въ Италіи и до сихъ поръ, то мы считаемъ умѣстнымъ привести главнѣйшія его статьи.

Ст. 1. Римско-католическая апостольская религія есть единственная государственная религія. Другія нынѣ существующія вѣроисповѣданія терпимы согласно съ закономъ.

Ст. 2. Государство управляется монархическимъ и представительнымъ правительствомъ. Королевскій престоль наследственный по салическому закону.

Ст. 3. Законодательная власть принадлежитъ королю и двумъ палатамъ: Сенату и Палатѣ депутатовъ.

Ст. 4. Особа короля священна и неприкосновенна.

Ст. 5. Исполнительная власть принадлежитъ только одному королю. Онъ—верховный глава государства; ему подчинены всѣ сухопутныя и морскія силы, ему принадлежитъ право объявлять войну, заключать договоры о мирѣ и о союзахъ, торговые и иные, сообщая о нихъ палатамъ, если это не противорѣчитъ интересамъ и безопасности государства, и давая необходимыя разъясненія. Договоры, могущіе нанести ущербъ финансамъ, или же касающіеся измѣненія государственной территоріи, дѣйствительны лишь по одобреніи обѣими палатами.

Ст. 6. Король назначаетъ лицъ на всѣ должности; онъ издаетъ указы и правила, необходимыя для исполненія законовъ, но не пріостанавливающія ихъ дѣйствія.

Ст. 7. Король утверждаетъ и обнародуетъ законы.

Ст. 8. Королю принадлежитъ право помилованія и смягченія наказаній.

Ст. 9. Король ежегодно созываетъ обѣ палаты; онъ можетъ пріостановить ихъ сессіи или распустить палату депутатовъ; но въ этомъ случаѣ онъ обязанъ созвать новую въ четырехмѣсячный срокъ.

Ст. 10. Право законодательнаго почина принадлежитъ какъ королю, такъ и каждой изъ палатъ. Но законы о налогахъ и пошлинахъ или объ утвержденіи государственной росписи должны предварительно быть внесены въ палату депутатовъ.

.

Ст. 24. Всѣ подданные, независимо отъ ихъ званія и чина, равны передъ закономъ. Всѣ въ одинаковой мѣрѣ пользуются гражданскими и политическими правами и допускаются къ замѣщенію гражданскихъ и военныхъ должностей, кромѣ случаевъ, предусмотрѣнныхъ закономъ.

Ст. 25. Они всѣ, безъ всякаго различія, сообразно со своимъ имуществомъ, несутъ государственныя повинности.

Ст. 26. Неприкосновенность личности гарантируется. Никто не можетъ быть арестованъ или привлеченъ къ суду иначе, какъ въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ закономъ, и въ установленныхъ закономъ порядкѣ.

Ст. 27. Жилище неприкосновенно. Обыскъ можетъ быть произведенъ только въ силу закона и въ предписанномъ имъ порядкѣ.

Ст. 28. Печать свободна, но законъ долженъ ограничивать злоупотребленіе ея свободой.

.

Ст. 33. Сенатъ состоитъ изъ неограниченнаго числа назначаемыхъ королемъ пожизненно членовъ не моложе сорока лѣтъ и избираемыхъ имъ изъ слѣдующихъ категорій: 1) архіепископы и епископы государства; 2) президентъ палаты депутатовъ; 3) депутаты по истеченіи трехъ legislature

или шести лѣтъ исполненія обязанностей; 4) министры королевства; 5) государственные секретари (*i ministri segretari*); 6) посланники; 7) чрезвычайные послы послѣ трехлѣтняго исполненія этихъ обязанностей; 8) старшіе предсѣдатели и предсѣдатели кассационнаго суда и казначейства; 9) старшіе предсѣдатели (*i primi presidenti*) апелляціонныхъ судовъ; 10) *avvocato generale* при кассационномъ судѣ и генераль-прокуроръ, не менѣе пяти лѣтъ занимающіе эти должности; 11) предсѣдатели отдѣлений департаментовъ (*di classe*) апелляціонныхъ судовъ послѣ трехъ лѣтъ исполненія этихъ обязанностей; 12) совѣтники кассационнаго суда и счетной палаты казначейства (*—camera dei conti*) послѣ пяти лѣтъ исправленія этой должности; 13) *avvocati generali* или *fiscali generali* при апелляціонныхъ судахъ, не менѣе пяти лѣтъ занимающіе эти должности; 14) высшіе чины (*ufficiali generali*) сухопутныхъ и морскихъ войскъ; однако генераль-маіоры и контръ-адмиралы должны состоять въ этомъ чинѣ не менѣе пяти лѣтъ; 15) государственные совѣтники послѣ пяти лѣтъ исполненія этихъ обязанностей; 16) члены *dei consigli di divisione* послѣ трехъ сроковъ избранія; 17) генераль-интенданты послѣ семи лѣтъ исполненія этихъ обязанностей; 18) члены королевской академіи наукъ черезъ семь лѣтъ послѣ назначенія; 19) члены Высшаго Совѣта народнаго просвѣщенія послѣ семи лѣтъ дѣятельности; 20) лица, прославившія отечество чрезвычайными заслугами; 21) лица, въ теченіе трехъ лѣтъ платящія три тысячи лиръ прямыхъ налоговъ на имущество или промышленныя заведенія.

Ст. 34. Принцы королевской семьи, по праву рожденія, состоятъ членами Сената. Они занимаютъ мѣста непосредственно послѣ президента. Они начинаютъ присутствовать въ Сенатѣ въ возрастѣ 21 года и получаютъ право голоса по достиженіи двадцатипяти лѣтъ.

.

Ст. 39. Избирательная палата состоитъ изъ депутатовъ,

которые избираются въ избирательныхъ коллегіяхъ согласно съ закономъ.

Ст. 40. Депутатъ не можетъ быть допущенъ въ Палату, если онъ не подданный короля, не достигъ тридцатилѣтняго возраста, не имѣеть гражданскихъ и политическихъ правъ и не удовлетворяетъ прочимъ требуемымъ закономъ условіямъ.

Ст. 41. Депутаты являются представителями всего народа, а не только избравшихъ ихъ провинцій. Избиратели не могутъ давать имъ никакихъ обязательныхъ наказовъ.

Ст. 42. Депутаты избираются на пять лѣтъ; ихъ полномочія, со всѣми присущими имъ правами, теряютъ силу по истеченіи этого срока.

Ст. 43. Президентъ, вице-президентъ и секретари Палаты депутатовъ избираются ею самою изъ своей среды въ началѣ каждой сессіи и на все ея продолженіе.

Ст. 44. Если по какимъ бы-то ни было причинамъ депутатъ оставляетъ свою должность, то избиравшая его Коллегія немедленно созывается снова для новыхъ выборовъ.

Ст. 45. Депутатъ не можетъ быть арестованъ во время сессіи, за исключеніемъ того случая, когда онъ будетъ застигнутъ на мѣстѣ преступленія, и не можетъ, безъ предварительнаго согласія Палаты, быть привлеченъ къ суду.

.....

Ст. 47. Палата депутатовъ имѣеть право обвинять королевскихъ министровъ и привлекать ихъ къ высшему суду.

Ст. 48. Сессіи Сената и Палаты депутатовъ начинаются и кончаются одновременно. Всякое собраніе одной изъ Палатъ внѣ времени сессіи незаконно, и рѣшенія ея недѣйствительны.

Ст. 49. Сенаторы и депутаты, передъ вступленіемъ въ исполненіе своихъ обязанностей, приносятъ присягу въ вѣрности королю, въ соблюденіи Статута и государственныхъ законовъ и въ исполненіисвоихъ обязаннос тей съ единствен-

ной цѣлью блюсти нераздѣльное благо короля и родины.

Ст. 50. Сенаторы и депутаты не имѣютъ права на вознагражденіе за исполненіе своихъ обязанностей.

Ст. 51. Сенаторы и депутаты не могутъ быть привлечены къ отвѣтственности за высказываемыя въ Палатахъ мнѣнія или за свои рѣшенія.

Библиографическія примѣчанія.

Какъ увлекательна исторія Италіи за послѣднія полтора ста лѣтъ! Весь міръ съ интересомъ и увлеченіемъ слѣдилъ за событіями, благодаря которымъ прежняя носительница культуры снова объединилась въ одну націю. Ничего нѣтъ удивительнаго поэтому, что эти событія стали предметомъ такого огромнаго числа изслѣдованій, какого мы не имѣемъ ни для какого другого періода исторіи Италіи. Кромѣ итальянскихъ писателей особенно способствовали накопленію этой неизмѣримой сокровищницы трудовъ о національномъ воскресеніи французскіе, нѣмецкіе и англійскіе историки; но и на другомъ полушаріи появились книги объ этомъ періодѣ. Мы приводимъ здѣсь списокъ цѣлаго ряда сочиненій, въ которыхъ читатель найдетъ болѣе подробныя свѣдѣнія о любомъ періодѣ итальянской исторіи.

Сочиненія по всеобщей исторіи, въ которыхъ подробно говорится о событіяхъ въ Италіи въ новѣйшій періодъ.

Cesare Cantù (по нѣмецки). Allgemeine Weltgeschichte. Regensburg, 1875.

— Storia di cento anni (1750—1850). Firenze 1851; 3 тома.

— Gli ultimi trent'anni.—Torino, 1879.

Wilhelm Onken. Das Zeitalter der Revolution und des Kaiserreichs. II Band.

Th. Flathe. Die Zeit der Restauration und Revolution. I Band.

Оба въ сборникѣ Вильгельма Онкена: „Die Weltgeschichte in Einzeldarstellungen“.

- Lavisse et Rambaud. Histoire générale.—Paris, 1893. (См. томъ VII: Le XVIII siècle; VIII—La Révolution française; IX—Napoléon; X. — Les monarchies constitutionnelles; XI—Révolutions et guerres nationales; XII—Le monde contemporain.
- G. G. Gervinus. Geschichte des XIX Jahrhunderts. Leipzig, 1858—1862.
- Wolfgang Menzel. Geschichte Europas von 1789—1855.
— Allgemeine Geschichte der letzten vier Jahre (1856—1860).
- Georg Weber. Lehrbuch der zeitgenössischen Geschichte (1815—1870).
— Allgemeine Weltgeschichte, Bd. XIV u. XV. Geschichte des 19 Jahrhunderts. 1888—1889.
- Alfred Stern. Geschichte Europa's seit den Verträgen von 1815 bis zum Frankfurter Frieden von 1871. Berlin, 1894—1901. 3 тома.
- A. Debidour. Histoire diplomatique de l'Europe depuis l'ouverture du Congrès de Vienne jusqu'à la clôture du Congrès de Berlin. Paris, 1890; 2 vol.
- Seignobos. Histoire politique de l'Europe contemporaine: évolution des partis et des formes politiques (1814—1896). Paris, 1897.
- Lubomirsky. Histoire contemporaine; transformation politique et sociale de l'Europe (1850—1870).—Paris, 1889.

Исторія Італіи.

А.

Первыя изъ названныхъ здѣсь сочиненій охватываютъ почти весь періодъ, о которомъ идетъ рѣчь въ этой книгѣ; слѣдующія касаются лишь части его; они приведены въ хронологическомъ порядкѣ, смотря по періодамъ къ которымъ относятся:

Cesare Cantù. Storia degli Italiani.—Torino, 1854—1857; 6 vol.

— Cronistoria dell'indipendenza italiana.—Torino, 1872—1876; 3 vol.

Hermann Reuchlin. Geschichte Italiens von der Gründung

- der regierenden Dynastien bis zur Gegenwart.—Leipzig, 1859—1860. 4 Bde (= Staatengeschichte der neuesten Zeit, Bd. III—V, 16, 18).
- Antonio Coppi. Annali d'Italia in continuazione a quelli del Muratori (dal 1850 al 1861).—Roma, 1828—1877.
- Isaia Ghiron. Annali d'Italia in continuazione al Muratori e al Coppi (1861—1880).—Milano, 1888—1890; 3 vol.
- C. Vimercati. Histoire de l'Italie (1789—1863). Paris, 1863; 5 vol.
- L'Anelli. Storia d'Italia dal 1814 al 1863.—Milano, 1864; 4 vol. (съ продолженіемъ отъ 1863 до 1867 г. въ 2 томахъ. Миланъ, 1868).
- C. Belviglieri. Storia d'Italia dal 1804 al 1866.—Milano, 1861; 6 vol.
- R. Rey. Histoire de la renaissance politique de l'Italie (1814—1861).—Paris, 1864.
- Francesco Bertolini. Storia d'Italia dal 1814 al 1878.—Milano, 1880.
- Storia del Risorgimento Italiano (иллюстр.).—Milano 1880.
- John Webb Probyn. Italy from the fall of Napoleon I in 1815 to the death of Victor Emmanuel in 1878.—London 1884.
- Nicola Nisco. Storia d'Italia dal 1814 al 1880.—Roma 1880—1890; 9 vol.
- Carlo Tivaroni. Storia critica del risorgimento italiano.—Torino, 1888—1897, 9 vol.
- J. W. Stillmann. The Union of Italy.—London, 1899.
- Bolton King. A history of italian unity (1814—1871).—London, 1899.
- Raffaello Giovagnoli. Il Risorgimento.—Milano, 1900.
- Alfredo Comandini. L'Italia nei cento anni del secolo XIX giorno per giorno illustrata.—Milano, 1900.
- Giuseppe Ferrari. Histoire des révolutions d'Italie.—Paris, 1858; 4 vol.
- Carlo Botta. Storia d'Italia continuata da quella del Guicciardini (1534—1789). 1 изд., Парижъ, 1832.
- Storia d'Italia dal 1789 al 1814 (окончена въ 1822 г.).
- Augusto Franchetti. Storia d'Italia dal 1789 al 1799.—Milano 1878 (новое издание печатается).

- Giovanni de Castro. Storia d'Italia dal 1799 al 1814.—Milano 1881.
- Giuseppe Martini. Storia d'Italia dal 1814 al 1822.—Capo-
lago 1851—1852; 4 vol.
- Enrico Poggi. Storia d'Italia dal 1814 al 1846.—Firenze
1885; 2 vol.
- Ferdinando Ranalli. Istorie italiane dal 1846 al 1853.—
Firenze 1858; 4 vol.
- Agostino Gori. Storia della rivoluzione italiana durante il
periodo delle riforme (1846—14 марта 1848). Firenze 1897.
- Beaumont-Vassy. Histoire des états italiens depuis le Con-
grès de Vienne-Bruxelles 1851; 2 vol.
- L. C. Farini. Storia d'Italia dal 1814 al 1850.—Italia 1856;
2 vol.
- Giuseppe La Farina. Storia d'Italia dal 1814—1850. Firenze
1851—1860; 6 vol.
- L. Zini. Storia d'Italia contemporanea dal 1850 al 1866 (про-
должение сочинения La Farina).—Milano 1866—1869; 2 vol.
- F. A. Gualterio. Gli ultimi rivolgimenti italiani.—Napoli, 1861
и 1862; 6 vol.
- Jules Zeller. Pie IX et Victor-Emmanuel. Histoire contempo-
raine de l'Italie (1846—1878).—Paris 1879.
- Arangio Ruiz. Storia costituzionale del regno d'Italia (1848—
1898).—Firenze 1898.
- Giuseppe Massari. La vita e il regno di Vittorio Emanuele II.
Milano 1878; 2 vol.
- Vittorio Bersezio. Trent'anni di vita italiana (Il regno di
Vittorio-Emanuele II).—Torino 1878—1895; 5 vol.
- Licurgo Cappelletti. Storia di Vittorio Emanuele II e del
suo regno.—Roma 1892—1894; 3 vol.
- Pucciantie Giuliani. Vittorio Emanuele II e il risorgimento
italiano (1815—1878); Milano 1887.
- Carlo Corsi. Italia (1870—95).—Torino 1896.
- Costanzo Rinaudo. Cronologia italiana dal 1869 al 1896 in
continuazione alla Storia degli Italiani di C. Cantù.—
Torino 1897.
- Umberto I di Savoia ré d'Italia.—Torino 1899.
- Ugo Pesci. Il re martire. La vita e il regno di Umberto I:
date, aneddoti, ricordi (1844—1900).—Bologna 1900.

- La Vita Italiana nel Settecento. Conferenze.—Milano 1895—1896; 3 vol.
- La Vita Italiana durante la rivoluzione francese ed il impero. Conferenze.—Milano 1896—1897; 3 vol.
- La Vita Italiana nel Risorgimento (1815—1831). Conferenze.—Firenze 1897—1898; 3 vol.
- La Vita Italiana nel Risorgimento (1831—1846). Conferenze.—Firenze 1899; 3 vol.
- La Vita Italiana nel Risorgimento (1846—1849). Conferenze.—Firenze 1900; 3 vol.
- La Vita Italiana nel Risorgimento (1849—1861). Conferenze.—Firenze 1901 (in corso di pubblicazione).
- Pensiero ed azione nel Risorgimento Italiano. Conferenze tenute nel Collegio Romano.—Citta di Castello 1898.
- Giuseppe Occioni Bonaffons. Dell'unita storica politica e nazionale d'Italia.—Venezia 1867.
- Tullio Massarani. Studi di politica e di storia.—Firenze 1899.
- Francesco Bertolini. Letture popolari di storia del risorgimento italiano.—Milano 1895.
- Giosuè Carducci. Letture del Risorgimento italiano (Избранныя чтенія съ примѣчаніями).—Bologna 1895—1896; 2 vol.
- Bazin, Dejobete. L'Italie géographique, historique, administrative etc.—Paris 1896.
- Fischer. Italien und die Italiener. Berlin 1899.
- P. Gori. Il canzoniere nazionale 1814—1870 (raccolto, ordinato e illustrato da).—Firenze 1883.
- D. Rondini. Il risorgimento nazionale, letture storiche scelte ed annotate.—Milano 1900; 2 vol.
- Bragagnolo e Bettazzi. Il risorgimento nazionale (1818—1878).—Torino 1900.
- Nuova Antologia. Журналь.—Началь выходитъ во Флоренціи въ 1865 г., послѣ 1870 г. выходилъ въ Римѣ.

В.

Слѣдующія сочиненія или касаются важныхъ предметовъ, или же иллюстрируютъ факты или короткіе періоды времени; они расположены въ хронологическомъ порядкѣ.

- Nicomede Bianchi. Storia documentata della diplomazia europea in Italia dal 1814—1861. Torino 1865—1872; 2 vol.
- Luigi Chiala. Pagine di storia contemporanea dal 1858 al 1897; 2-a edizione.—Torino 1897; 3 vol. (I. Dal convegno di Plombières al congresso di Berlino; II. Tunisi; II. La triplice e la duplice alleanza).
- Mauro e Magni. Storia del Parlamento Italiano.—Roma 1884 e segg. (еще печатаются).
- Domenico Zanichelli. Studi di storia costituzionale e politica del risorgimento italiano.—Bologna 1899.
- M. Cellai. Pasti militari delle guerre dell'indipendenza italiana, dal 1848 al 1862.—Milano 1864—1868; 4 vol.
- Carlo Mariani. Le guerre dell'indipendenza italiana, dal 1848 al 1870.—Torino 1882—1883; 4 vol.
- C. Randaccio. Storia delle marine militari italiane dal 1750 al 1860 e della marina militare italiana dal 1860 al 1870. Roma 1886; 2 vol.
- A. V. Vecchi. Storia generale della marina militare.—Firenze 1891; 2 vol.
- Ruggero Bonghi. Storia della finanza italiana dal 1864 a 1868.—Firenze 1868.
- Sachs. L'Italie, ses finances et son développement économique (1859—1884).—Paris 1885.
- Achille Plebano. Storia della finanza italiana dalla costituzione del nuovo regno alla fine del secolo XIX.—Torino 1900 (I томъ до 1876 г., II—отъ 1876 до 1887—1888 г.).
- Francesco S. Nitti. Il bilancio dello Stato dal 1862 al 1896—1897: prime linee di un'inchiesta sulla ripartizione delle entrate e delle spese pubbliche in Italia.—Napoli 1908. — Nord e Sud.—Torino 1901.
- C. Schupfer. L'ordinamento amministrativo degli stati italiani prima dell'unificazione legislativa.—Milano 1900.
- G. Iacini. L'amministrazione dei lavori pubblici in Italia dal 1860 al 1867.—Firenze 1867. — Risultati finali dell'inchiesta agraria.—Roma 1890.
- Antonio Teso. L'Italia e l'Oriente. Studi di politica commerciale.—Torino 1900.
- A. Niceforo. Italiani del Nord ed Italiani del Sud.—Torino 1901.

- Brunialti. La costituzione italiana.—Torino 1881.
- Ernesto Masi. Parrucche e Sanculotti nel secolo XVIII.—Milano 1886.
- P. Gaffarel. Bonaparte et les républiques italiennes (1796—1799).—Paris 1894.
- Trolard. De Montenotte au Pont d'Arcole.—Paris 1893.
- F. Bouvier. Bonaparte en Italie (1796).—Paris 1899.
- G. Fabry. Histoire de l'armée d'Italie (1796—1797).—Paris 1900 (печат. 2 т.).
- E. Gachot. Histoire militaire de Masséna (la première campagne d'Italie 1795—1798).—Paris 1901.
- I. Casini. I deputati al Congresso Cispadano (1796—1797).—Torino 1897.
- Vittorio Fiorini. Le origini del tricolore italiano.—Roma 1897.
- De Cugnac. Campagne de l'armée de réserve en 1800. 1-ere partie: Passage du Grand-st. Bernard.—Paris 1899. 2-me partie: Marengo.—Paris 1900.
- Centenario della battaglia di Marengo. Memorie storiche del periodo napoleonico.—Alessandria 1900; vol I e II.
- Miscellanea Napoleonica a cura di Alberto Lumbroso—Modena 1858; 2 vol.
- Alessandro Verri. Vicende memorabili dal 1789 al 1801.—Milano 1858; 2 vol.
- Pietro Giordani. Panegirico a Napoleone detto nell'academia letteraria di Cesena nel 1807.—Bologna 1808.
- Giuseppe Pecchio Saggio storico sull'amministrazione finanziaria dell'ex regno d'Italia dal 1802 al 1814.—Torino 1852.
- Cesare Cantù. I diplomatici della repubblica cisalpina e del regno d'Italia.—Milano.
- Helfert. 1814. Ausgang der französischen Herrschaft in Oberitalien und die Brescia-Mailänder Verschwörung.—Wien 1890 (Archiv für österr. Geschichte, Bd. 76).
- Charles Dejob. Madame de Staël et l'Italie, avec une bibliographie de l'influence française en Italie de 1796 à 1814.—Paris 1890.
- C. Vacani. Storia delle campagne degli Italiani in Ispagna dal 1808 al 1813.—Milano; 3 vol.
- De Laugier. Gli Italiani in Russia nel 1812.—Firenze 1826—1827; 4 vol.

- A. Zanoli. Cenni storico-statistici sulla milizia cisalpino-italiana dal 1796 al 1814.—Milano 1845; 2 vol.
- F. Turotti. Storia delle armi italiane dal 1796 al 1814.—Milano 1856; 3 vol.
- H. Weil. Le prince Eugène et Murat. Opérations militaires et diplomatiques (1813—1814).—Paris 1901.
- Cesare Cantù. Il Conciliatore e i Carbonari.—Milano 1878.
— Carte segrete ed atti ufficiali della polizia austriaca in Italia (1813—1848); 3 vol.
- Stendhal. Rome, Naples et Florence en 1817.—1 v. 1826.
- Chateaubriand (De). Congrès de Vérone.—Paris 1856.
- Bianchi Giovini. L'Austria in Italia.—Italia 1853.
- Giovanni Faldella. Storia della „Giovine Italia“ Torino 1895—1897; 7 volumetti.
- E. Masi. Il segreto di Carlo-Alberto—Cospiratori in Romagna dal 1815—1859.—Bologna 1891.
- E. Zanoni. Speranze e conforti d'Italia dal 1815 al 1846.—Firenze 1890.
- V. Gioberti. Il primato morale e civile degli Italiani: 2-a edizione.—Bruxelles 1843; 2 vol.
— Prolegomeni del Primato.—Bruxelles 1845.
— Die geheimen Pläne der Jesuiten der Neuzeit (übersetzt von Bertholdy).—Leipzig.
- C. Balbo. Le speranze d'Italia; 2 ed. Parigi 1844.
- Massimo d'Azeglio. Scritti politici e letterari.—Firenze 1872; 2 vol.
- Giacomo Durando. Della nazionalità italiana.—Parigi 1846.
- C. A. Vecchi. Italia: storia di due anni (1848—1849)—Torino 1851.
- Perrens. Deux ans de révolution en Italie (1848—1849).—Paris 1857.
- Ferrero. Journal d'un officier de la brigade de Savoie sur la campagne de Lombardie.—Torino 1848.
- Eusebio Bava. Relazione delle operazioni militari dirette dal generale Bava nel 1848.—Torino 1848.
— Memorie e osservazioni sulla guerra d'indipendenza d'Italia del 1848—1849 raccolte da un ufficiale piemontese. (Составлена С. Промис по указаніямъ Карла Альберта). Torino 1850.

- A. Le Masson. *Custoza: Histoire de l'insurrection et de la campagne d'Italie en 1848.*—Turin 1849.
— *Novara: Histoire de la campagne du 49.*—Turin 1850.
- Anfossi. *Memorie sulla campagna di Lombardia del 1848.*—Torino 1851.
- v. Willisen. *Der italienische Krieg des Jahres 1848.*—Berlin 1849.
— *Die Feldzüge der Jahre 1859 und 1866.*—Leipzig 1868.
- von Hübner. *Ein Jahr meines Lebens (1848—1849).*—Wien 1891.
- Talleyrand Périgord (duc de Dino). *Souvenirs de la guerre de Lombardie pendant les années 1848 et 1849.*—Paris 1851.
- G. Moeller. *Eclaircissements sur les derniers mouvements révolutionnaires de l'Allemagne et de l'Italie. Les campagnes de 1848 et 1849 dans la péninsule.*—Genève 1851.
- Schönhals. *Erinnerungen eines österreichischen Veteranen aus den italienischen Kriegen der Jahre 1848 und 1849.*—Stuttgart und Tübingen. 1852.
- Ulloa. *Guerra dell'indipendenza italiana (1848—1849).*—Milano 1859; 2 vol.
- G. Camozzi. *Cenni e documenti della guerra d'insurrezione lombarda nel 1849.*—Capolago 1849.
- Cecilio Fabris. *Gli avvenimenti militari del 1848—1849.*—Torino 1898 e segg. (въ первыхъ двухъ томахъ доведено до слачи Пескиеры).
- V. Gioberti. *Il Rinnovamento civile d'Italia.*—Paris 1851; 2 vol.
- Cesana. *Ricordi di un giornalista.*—Milano 1889.
- Angelo Giacomelli. *Reminiscenze della mia vita politica negli anni 1848—1853.*—Firenze 1893.
- Bacci. *Ricordi del risorgimento italiano dal 1848 al 1889.*—Milano 1890.
- L. Martini. *Il confortatorio di Mantova negli anni 1851—1855; 2 ediz.* Mantova 1871; 2 vol.
- Giovanni De Castro. *I processi di Mantova e il 6 febbraio 1853.*—Milano 1893.
- Luigi Chiala. *L'alleanza di Crimea.*—Roma 1879.
- Bazancourt (De). *L'expédition de Crimée.*—Genève 1856.

Ceresa di Bonvillaret. Diario della campagna di Crimea (dal 1 aprile 1855 al 16 giugno 1856).—Torino 1894.

Cristoforo Manfredi. La spedizione sarda in Crimea nel 1855 al 1856.—Roma 1896.

F. Venosta. Carlo Pisacane e Giovanni Nicotera o la spedizione di Sapri.—Milano 1876.

Luigi Chiala. Politica segreta di Napoleone III e di Cavour in Italia e in Ungheria (1858—1861).—Torino 1895.

Giacomo Durando. Episodi diplomatici del risorgimento italiano dal 1856 al 1863.—Torino 1901.

La Varenne (De). Les Autrichiens et l'Italie.—Paris 1859.

— Les chasseurs des Alpes et des Apennins. Histoire de la guerre du 59.—Florence 1859.

— L'Italie centrale.—Paris 1859.

Pier Carlo Boggio. Storia politico-militare della guerra del 1859.—Torino 1865; 3 vol.

Bazancourt (De). La campagne d'Italie de 1859.—Paris 1859; 2 vol.

— Campagne de l'empereur Napoléon III en Italie, rédigée sous le ministère du maréchal comte Randon.—Paris 1862—1863; avec atlas.

Fr. Carrano. I cacciatori delle Alpi comandati dal generale Garibaldi nella guerra del 1859.—Torino 1860.

Genova di Revel. Dal 1847 al 1855. La spedizione de Crimea, Ricordi.—Milano 1890.

— Il 1859 e l'Italia centrale.—Milano 1892.

— Umbria e Aspromonte: ricordi diplomatici.—Milano 1894.

— La cessione del Veneto nel 1866.—Milano 1889.

Pietro Vayla. Il Principe Girolamo Napoleone e l'Italia.—Torino 1891.

G. Rüstow. Der italienische Krieg 1859.—Zürich 1859.

— Der italienische Krieg 1860.—Zürich 1860; 2 Bde.

Zobi. Cronaca degli avvenimenti d'Italia nel 1859.—Firenze 1859; 2 vol.

Forbes. The campaign of Garibaldi in the Two Sicilies.—Edinburgh 1861.

Marc Monnier. Garibaldi: histoire de la conquête des Deux-Siciles.—Paris 1861.

- A. Dumas. Les garibaldiens: révolutions de Sicile e de Naples.—Paris 1861.
- G. La Cecilia. Storia dell'insurrezione siciliana e delle gloriose gesta di Garibaldi.—Milano 1862; 2 vol.
- Carlo Pecorini-Mangoni. Storia della 15-a divisione Türr nella campagna del 1860.—Firenze 1876.
- Giulio Cesare Abba.—Da Quarto al Volturmo; noterelle d'uno dei Mille; 4 edizione.—Bologna 1899.
- C. de Persano. Diario privato-politico-militare della campagna navale negli anni 1860—1861.—Torino 1870.
- D. Pantaleoni. Ultimo tentativo di Cavour per la liberazione di Roma nel 1861.—Firenze 1885.
- H. d'Ideville. Journal d'un diplomate en Italie (1849—1862 et 1862—1866).—Paris 1872—1873.
- Celestino Bianchi. I martiri d'Aspromonte.—Milano 1871.
- Bianco di Saint Sorioz. Il brigantaggio alla frontiera pontificia dal 1860 al 1863.—Milano 1864.
- Marc Monnier. Histoire du brigandage dans l'Italie méridionale.—Paris 1862.
- Giulio Adamoli.—Da San Martino a Mentana.—Milano 1892.
- C. Cadorna. Il trattato franco-italiano del 15 settembre 1864.—Forino 1864.
- Marco Minghetti. La Convenzione di Settembre 1864.—Bologna 1899.
- Politica segreta italiana (1863—1870); 1 ed.—Torino 1880.
- Diamilla Müller.—Il riscatto della Venezia: prologo, preparazione, epilogo.—Torino 1890.
- G. Rüstow. Der Krieg von 1866 in Deutschland und Italien.—Zürich 1866.
- Minotto. La guerra italo-prussiana contro l'Austria nel 1866.—Venezia 1867.
- Alfonso La Marmora. Schiarimenti e rettifiche sulla campagna del 1866.—Firenze 1873.
- Persano (C. di). I fatti di Lissa.—Torino 1866.
- A. Branca. La campagna dei volontari italiani nel Tirolo.—Firenze 1866.
- F. Lecomte. Guerre de la Prusse et de l'Italie contre l'Autriche en 1866.—Paris 1868; 2 vol.
- La campagna del 1866 in Italia, redatta dalla sezione storica

- del Corpo di Stato Maggiore. — Roma 1875 — 1895; 2 vol.
- G. Gadda. Ricordi e impressioni della nostra storia politica nel 1866—1867.—Torino 1899.
- G. Cairoli. Spedizione dei Monte Parioli (23 ottobre 1867).—Milano.
- Felice Cavallotti.—Storia della insurrezione di Roma nel 1867.—Milano 1859.
- Luigi Guelpa. Mentana.—Torino 1891.
- A. G. Barrili. Con Garibaldi alle porte di Roma (1867).—Milano 1895.
- Stefano Castagnola. Da Firenze a Roma; diario storico-politico del 1870—1871.—Torino 1896.
- Raffaele Cadorna. La liberazione di Roma nel 1870; 2 edizione.—Torino 1889.
- C. Ricotti. Osservazioni al libro di Cadorna: „La liberazione di Roma“.—Novara 1890.
- Ugo Pesci. Come siamo entrati a Roma; ricordi.—Milano 1895.
- G. Rothan. Souvenirs diplomatiques (1870—1871): L'Allemagne et l'Italie.—Paris 1884—1885; 2 vol.
- A. Sorel. Histoire diplomatique de la guerre franco-allemande.—Paris 1887.
- M. Minghetti. Stato e chiesa.—Milano 1877.
- D. Liroy. L'Italia e la Chiesa: ultima fase della questione romana.—Napoli 1895.
- Ruggero Bonghi. Pio IX, e il papa futuro.—Milano 1877.
— Leone XIII e l'Italia.—Milano 1878.
- Raffaelle de Cesare. Il Conclave di Leone XIII.—Città di Castello 1887.
- P. Pillari. Le lettere meridionali ed altri scritti sulla questione sociale in Italia.—3 edizione.—Torino 1885.
- N. Colajanni. Gli avvenimenti di Sicilia e le loro cause.—Palermo 1896.
— L'Italia nel 1898.—Milano 1899.
— Nel regno della Mafia.—Roma 1900.
- T. Canovi. L'Italia presente e i suoi problemi.—Roma 1898.
- Ferdinando Martini. Cose africane da Saati ad Abba Garima: discorsi e scritti.—Milano 1896.
- Carlo Corsi. Prima e dopo Abba Garima.—Torino 1896.

- V. Mantegazza. La guerra in Africa.—Firenze 1896.
De la Jonquièrre. Les Italiens en Erytrée: quinze ans de politique coloniale.—Paris 1897.
Oreste Baratieri. Memorie d'Africa (1892—1896). Torino 1898. (Французское издание съ приложеніями.— Парижъ 1899).
B. Melli. La Colonia Eritrea dalle sue origini al 1 marzo 1900. 2-a ed.—Parma 1900.
Guido Moltedo. L'assedio di Macallè (campagna d'Africa 1895 al 1896).—Roma 1901.
Bolton King and Thomas Okey. Italy to-day.—London 1901.
T. S. Nitti. L'Italia all'alba del secolo XX.—Torino 1901.
Giacomo Novicow. La missione dell'Italia.—Milano 1901.
-

Биографіи и мемуары.

- Atto Vanucci. I martiri della libertà italiana dal 1794 al 1848. 7-a ed.—Milano 1887.
Leone Carpi. Il risorgimento italiano: biografie d'illustri italiani contemporanei.—Milano 1884 e segg.
I. Ghiron. I benemeriti dell'indipendenza e dell'unità italiana.—Milano 1877; vol. I (1820—1848).
Gaspere Finali. La vita politica di contemporanei illustri (Cavour, Ricasoli, Farini, Sella, Mamiani, Minghetti).—Torino 1895.
M. Tabarrini. Vite e ricordi di Italiani illustri del sec. XIX.—Firenze 1884.
R. Barbiera. Immortali e dimenticati.—Milano 1891.
Vittorio Alfieri. Vita scritta da esso.
Carlo Goldoni. Mémoires pour servir à l'histoire de sa vie età celle de son théâtre.—Paris 1787; 3 vol.
Cesare Cantù. Monti e l'età che fu sua.—Milano 1879.
Leone Vicchi. Vincenzo Monti: le lettere e la politica in Italia dal 1781 al 1830.—Ravenna 1883.
A. Zanolini. Antonio Aldini e i suoi tempi (1786—1809).—Firenze 1864—1867; 2 vol.

- Jacopetti. Biografia del conte Achille Fontanelli generale e ministro del regno d'Italia.—Milano 1843.
- Federico Confalonieri. Memorie e lettere pubblicate per cura di Gaetano Casati.—Milano 1890; 2 vol.
— Studio di Alessandro d'Ancona.—Milano 1898.
- Alessandro Luzio. Antonio Salvotti e i processi delventuno.—Roma 1901.
- Silvio Pellico. Le mie prigioni (1 изд. Туринъ 1832).
— Denkwürdigkeiten. Uebersetzt von Burkhardt.—Gotha 1861.
- Pietro Maroncelli. Addizioni alle mie prigioni di Silvio Pellico.—Italia 1833.
- A. Andryane. Mémoires d'un prisonnier d'état.—Paris 1850; 2 vol.
- Giorgio Pallavicino. Memorie pubblicate per cura della moglie e delle figlie.—Torino 1882—1895; 3 vol.
- Jessie White Mario. Vita di Giuseppe Mazzini.—Milano 1866.
- von Schack. Joseph Mazzini und die italienische Einheit.—Stuttgart 1891.
- G. Mazzini. Ricordi dei fratelli Bandiera. 1-a edizione.—Paris 1845.
- Gr. Guardione. Lettere inedite dei fratelli Bandiera.—Catania 1894.
- Vincenzo Gioberti. Opere, ricordi biografici e carteggio. —Torino 1861; 3 vol.
- D. Berti. Di Vincenzo Gioberti riformatore politico e ministro.—Firenze 1881.
- E. Ricotti. La vita e gli scritti di Cesare Balbo.—Firenze 1856.
- Massimo D'Azeglio. I miei Ricordi (последнее издание иллюстрировано).—Firenze 1899; 3 vol.
- Giuseppe Guisti. Memorie inedite (1848 — 1849), pubblicate da F. Martini.—Milano 1890.
- N. Tommaseo. Il secondo esilio; scritti concernenti le cose d'Italia e d'Europa dal 1849 in poi.—Milano 1862; 3 vol.
- T. Mamiani. Lettere dall'esilio.—Roma 1900; 2 vol.
- T. Casini. La giovinezza e l'esilio di Terenzo Mamiani. —Firenze 1896.
- G. Pepe. Memorie intorno alla sua vita ed ai recenti casi d'Italia.—Parigi 1847; 2 vol.

- G. Pepe. Histoire des révolutions et des guerres d'Italie en 1847—1849.—Paris 1850.
- Fr. Carrano. Vita di Guglielmo Pepe.—Torino 1857.
- Mariotti. Biografia del generale Bava.—Milano 1888.
- Giuseppe Garibaldi. Memorie autobiografiche. — Firenze 1888.
- Jessie White Mario. Vita di Garibaldi.—Milano 1884.
- Giuseppe Guerzoni. Vita di Garibaldi. — Firenze 1892; 2 vol.
- Vita di Nino Bixio.—Firenze 1875.
- Le comte de Cavour. Récits et souvenirs par W. De la Rive.—Paris 1862.
- N. Bianchi. Il conte di Cavour.—Torino 1863.
- D. Berti. Cavour avanti il 1848.—Roma 1886.
- Giuseppe Massari. Cavour: Ricordi biografici. — Torino 1873.
- Cavour. Heinrich von Treitschke: Historische und Politische Aufsätze. Neue Folge I Teil.—Hirzel, Leipzig 1870.
- par Ch. de Mazade.—Paris 1877.
- Ricordi di Michelangelo Castelli (1847 — 1875). — Torino 1886.
- by the Countess Evelyn Martinengo Cesaresco. — London 1899.
- nei „Ritratti contemporanei“ di Ruggero Bonghi. — Milano 1879.
- Franz Xaver Kraus. Weltgeschichte in Charakterbildern.—Mainz 1902.
- Oeuvre parlementaire du comte de Cavour (1848—1861) traduite et annotée par Artom et Blanc.—Paris 1862.
- Alfonso La Marmora. Ricordi della giovinezza di, editi da L. Chiala.—Roma 1881; 2 vol.
- Commemorazione di.—Firenze 1879.
- Giuseppe Massari. Ricordi biografici di Alfonso La Marmora.—Firenze 1880.
- E. Tavallini. La vita e i tempi di Giovanni Lanza: memorie ricavate dai suoi scritti.—Torino 1887; 2 vol.
- A. Gotti. Vita di Bettino Ricasoli.—Firenze 1895.
- Jarro (Giulio Piccini). Vita di Ubaldino Peruzzi. — Firenze 1891.

- C. Negroni. Della vita e dei fatti di Quintino Sella. — Novara 1884.
- Jessie White Mario. In memoria di Giovanni Nicotera. — Firenze 1894.
- Agostino Bertani e i suoi tempi.—Firenze 1888; 2 vol.
- Felice Orsini. Memorie politiche.—Torino 1858.
- R. Bonfadini. Vita di Francesco Arese.—Torino 1894.
- Luigi Chiala. Giacomo Dina e l'opera sua nel risorgimento italiano.—Torino 1897—1898; 2 vol.
- Dino Mantovani. Il poeta-soldato: Ippolito Nievo (1831 — 1861).—Milano 1899.
- Michele Amari. Carteggio inedito pubblicato per cura di Alessandro d'Ancona.—Torino 1896; 2 vol.
- G. Arrivabene. Memorie della mia vita (1795—1880).—Firenze 1880—1884; 2 vol.
- Francesco Carrano. Ricordanze storiche del Risorgimento Italiano (1822—1870).—Torino 1885.
- Francesco Mancardi. Reminescenze storiche.—Torino 1890—1893; 2 vol.
- Marco Minghetti. Miei ricordi.—Torino 1889—1890; 3 vol.
- E. Morozzo Della Rocca. Autobiografia di un veterano (1807—1893).—Bologna 1897—1898; 2 vol.
- La Cecilia. Memorie storico-politiche dal 1820 al 1876. — Roma 1876.
- Francesco Guardione. Biografia di Enrico Cosenz.—Palermo 1899.
- L. Breganze. Agostino Depretis e i suoi tempi.—Verona 1894.

Документы, письма и пр.

Первое мѣсто среди документовъ принадлежитъ, разумѣется, официальнымъ собраніямъ законовъ и указовъ прежде существовавшихъ государствъ, различныхъ временныхъ правительствъ, слѣдовавшихъ одно за другимъ на Апеннинскомъ полуостровѣ, и наконецъ нынѣшняго Итальянскаго Королевства. Къ этимъ большимъ сборникамъ относятся и парламентскія постановленія; въ 1898 году, по повелѣнію Сената и Палаты депутатовъ, были составлены

„Indici generali“, въ которыхъ указывается содержание всѣхъ постановленій съ самаго учрежденія обѣихъ Палатъ (1848 г.).

Документы относительно исторіи внѣшней политики мы находимъ, помимо официально обнародованныхъ договоровъ съ другими государствами и предварительныхъ дипломатическихъ переговоровъ, еще въ многихъ изъ выше названныхъ книгъ, особенно въ книгѣ N. Bianchi: „La diplomazia europea in Italia dal 1814 al 1861“ и въ сочиненіи L. Chiala: „Pagine di storia contemporanea dal 1858 al 1897“. Большой интересъ представляютъ письма и воспоминанія. Многія уже были указаны выше; мы приводимъ еще нѣкоторыя изъ наиболѣе важныхъ въ хронологическомъ порядкѣ.

Arnoeth. Briefe der Kaiserin Maria Theresia an ihre Kinder und Freunde.—Wien 1881; 4 Bände.

Arnoeth et Flammermont. Correspondance secrète entre le comte de Mercy Argenteau, l'empereur Joseph II et le prince de Kaunitz. Paris 1880—1891; 2 vol.

Correspondance de Napoléon I. Paris 1858—1870; 32 vol.

Francesco Melzi d'Eril. Memorie, documenti e lettere inedite.—Milano 1865; 2 vol.

Du Casse. Mémoires et correspondance du prince Eugène de Beauharnais.—Paris 1865.

— Mémoires et correspondance du roi Joseph Bonaparte.—Paris 1853—1854; 10 vol.

Correspondance du prince de Talleyrand et du roi Louis XVIII pendant le congrès de Vienne.—Paris 1889.

Talleyrand. Mémoires.—Paris 1891—1892; 5 vol.

Metternich. Aus nachgelassenen Papieren. — Wien 1880—1884; 8 vol. (по французски, Парижъ, 8 т.).

Giuseppe Mazzini. Scritti editi ed inediti: Milano — Roma 1873—1891; 18 vol.

— Duecento lettere inedite pubblicate da D. Giuriate. — Torino 1887.

— Lettres intimes publiées par D. Melegari.—Paris 1895.

— Lettere inedite pubblicate da L. Ordone de Rosales. — Torino 1898.

Camillo Cavour. Lettere edite ed inedite, raccolte ed illustrate da Luigi Chiala.—Torino 1883—1887; 7 vol.

РОДОСЛОВНАЯ САВОЙСКОЙ ДИНАСТИИ.

Эмануиль-Финибертъ,
Герцогъ Савойскій съ 1553—1580 года своей смерти.

Карль-Эмануиль (1580—1630).

Винторъ-Амедей I (1630—1637).

Маерикъ, Кардиналь, † 1657

Ома, принцъ Карьявяно, † 1656

Францискъ-Габриль Карль-Эмануиль II
(1637—1638) (1638—1675)

Эмануиль-Фрибертъ, князь Карьявяно, † 1709 г.

Евгений-Маерикъ, Грэфъ Суассонъ, † 1679

Винторъ-Амедей II

Винторъ-Амедей, князь Карьявяно, † 1741

Евгений, великій полков-дечъ, † 1736 г.

Герцогъ Савойскій съ 1675 г. Король Сицилии съ 1713 г., Король Сардинскій съ 1720 г., отрѣсенъ отъ престола въ 1730 г., и умеръ въ 1732 г.

Людовикъ-Винторъ, кн. Карьявяно, † 1778 г.

Карль-Эмануиль III (1730—1773).

Винторъ-Амедей, кн. Карьявяно, † 1780 г.

Винторъ-Амедей III (1773—1796).

Карль-Эмануиль, кн. Карьявяно, † 1800 г.

Карль-Эмануиль IV

Винторъ-Эмануиль I.

Карль-Фе-

Наполеонъ отцу въ 1796 г., въ Сардинскій король съ 1802 г., вновь владѣльи на мате-вновь приобрѣтъ въ 1814 г. владѣ- (1821—1831), рибъ и владѣльи только Сардинскій; въ нѣ на матерокѣ; въ 1821 отрѣсенъ 1802 г. отрѣсенъ отъ престола; † 1819 г. отъ престола, въ † 1824 г.

Карль-Альбертъ, род. въ 1798 г., король Сардинии съ 1831 г.; отрѣсенъ отъ престола 23 марта 1849 г., † 28 июля 1849 г.

Беатриса, супруга Марія-Тереза, сестра Франческо IV, герц. га Карла-Людовика, терц. Лукки.

Марія-Христина, за Фердинандомъ II Неаполитанскимъ.

Винторъ-Эмануиль II, род. въ 1820 г.; король Сардинии съ 1849 г., король Италіи съ 1861 г., † 9 января 1878 г.

Клотильда, род. въ 1843 г., вышла за Наполеона-Лероинимабо- доваля побѣд своего от- вадара въ 1859 г.; ов- ца Италійскій прет. жен. въ первый разъ въ доваля въ 1891 г. Жи- 9 янв. 1878 г. Убитъ въ Моньяврий; внахростомъ въ Моньяврий трехъ дѣток; 29 июля 1900 г. Былъ Винторъ, Людовика и женатъ съ 1868 г. на Летидио, влоду принца своей двородной са- стръ Маргаритъ, Амедей.

Одоине род. въ 1866 г.

Винторъ-Эмануиль III, род. 11 ноября 1869 г., женатъ съ 24 окт. 1896 г. на Еленѣ Червогорской. Царствують съ 29 июля 1900 г.

Эмануиль-Финибертъ, герц. Аустрий, род. въ 1869 г., жен. съ 1895 г. на Еленѣ Орлеанской.

Иоланта-Маргарита-Мифильда, Гумбертъ,

Винторъ-Эмануиль, Людовикъ, герц. Абруццскій, р. въ 1873 г. Гумбертъ, графъ Салемми, род. въ 1889 г.

Указатель именъ.

А.

Абба Гарима. 265
Абба Г. У. 302.
Абиссинія 261, 263, 266.
Абруццы 95.
Абукиръ 35.
Авезани 132.
Авеллино 62.
Авиньонъ 31.
Австрія 8, 11, 22, 24, 28, 30,
31, 32, 34, 36, 40, 43, 48,
53, 55, 56, 59, 64, 67, 68,
80, 81, 82, 97, 98, 103, 110,
118, 127, 155, 156, 165, 184,
185, 188, 190, 193, 203, 205,
206, 216, 237, 239, 242, 244,
246.
Агордаты 263.
Адда 149.
Адигратъ 264.
Адуя 265, 266.
Аираги 265.
Акви 29, 112.
Актонъ Джонъ 24.
Алеарди 293.
Алессандрія 29, 68, 194, 208.
Альбанія 10.
Альбери Евгений 293.
Альберони кард. 2.
Альбертоне ген. 265.
Альбрехтъ эрцгерцогъ 243.
Альвинци маршалъ 31.
„Альпійскіе охотники“ 199, 209.
Альфieri Витторіо 3, 6, 19,
21, 26, 27, 288, 292.
Альфонсъ графъ Казерта 227.
Амари Габріэле 120.

Амари Микеле 120, 294.
Амари Генрихъ 120.
Амба Аладжи 264.
Амедей принцъ 244, 257, 279.
Англія 31, 36, 43, 46, 59, 82,
136, 188, 202, 206, 213, 221,
223, 225.
Анкона 81, 83, 166, 190, 224,
245.
Ансальди Вильгельмъ 70.
Антонелли кард. 183.
Аоста 40.
Аппіани Андрей 289.
Аримонди полковн. 263, 265.
Аркольскій мостъ 31.
Армеллини Карло 164.
Арривабене Джіованни 57.
Артисты драматическіе 307.
Асмара 262, 266.
Аспромонте 115, 239.
Ассабская бухта 260.
Ассабъ 266.
Аустерлицъ 43.
Аяччіо 51.

Б.

Бава Евсевій 138, 158.
Базиликата 238.
Бальбо Чезаре 45, 93, 98, 102,
176, 293.
Бальдиссера ген. 265.
Бандіера братья 95, 96.
Банкъ Римскій 269.
Баньяско Франческо 120.
Баратьери ген. 264, 265, 266.
Баретти Джузеппе 5.
Баррили 306.

Далмація 10, 243.
Д'Аннунціо Габріэле 306.
Де Амичисъ Эдмондо 304.
Дего 29.
Де Кристофорисъ 261.
Дела Маргерита Соларо 112
194, 200, 202, 203, 205.
Де Лева Джузеппе 298.
Денина Карло 5.
Депретисъ 256.
Де-Санктисъ 302.
Десэ ген. 40.
Дженовези Антоніо 24.
Джирдженти 63.
Джіакометти Паоло 306.
Джіакоза Джузеппе 308.
Джіоберти Винченцо 89, 96,
97, 98, 122, 156, 187, 293.
Джіованна Беатриса Савойская
144.
Джіойя Мельхіори 56.
Джіолитти 263.
Джіорджини Д. В. 109.
Джусті Джузеппе 93.
Джулай ген. 208.
Дзуліанъ Джироламо 20.
Дзанелла 293.
Догали 261.
Доницетти 295.
Драматурги 306.
Дузе Элеонора 307.
Дурандо Джіакомо 101, 122.
Дурандо Джіованни 76, 139,
141, 146.
Дюпре 309.

Е.

Евгеній принцъ Савойи-Ка-
риньяно 144.
Египеть 34.
Елена св. островъ 50.
Елена, королева Итали 273.
Елизавета Фарнезе 22.

Ж.

Желѣзныя дороги 253, 254.

Женева 40.
Жуанъ заливъ 50.
Жулай ген. (см. Джулай).
Живописъ въ Итали 309.
Журналисты XIX в. 301.

З.

Зичи военный губернаторъ 128,
131.

И.

Иврея крѣпость 6.
Изонцо 140.
Импрессионисты XIX в. 312.
Индуно братья 309.
Испанія 2, 24, 61, 164.
Историческія записки 302.
Историки итальянскіе XIX 298,
299.
Истрія 10.
Итальянское королевство 42,
43, 44, 48, 49, 227.
Итальянская республика 41.
Искусство въ Венеціи 313.
„ въ Неополь 314.
„ въ Тосканѣ 313.
„ въ Пьемонтѣ 311.
„ въ Сициліи 315.

І.

Іена 50.
Іезунты 21, 73.
Іосифъ II 9, 17, 55.

К.

Кавалетто Альбертъ 184.
Кавалотти Феличе 307.
Каведалисъ полковн. 156.
Кавріана 210.
Кавуръ Камилло Бенсо графъ
122, 133, 180, 185, 187, 189,
190, 194, 196, 199, 206, 211,
214, 218, 221, 222, 224, 228,
235, 236, 242,

- Кадоре 146.
 Кадорна Рафаэль.
 Казарь (мысь) 262.
 Казале 111, 204.
 Каироли братья 219, 248.
 Каироли Бенедетто 259.
 Калабрия 46, 95, 222, 238.
 Калатафими 220.
 Кальви Пьетро 146.
 Кальяри 180.
 Каморра 267.
 Кампоформіо (миръ) 34, 40.
 Каналь Бернардо 184.
 Каноза министръ полиціи, 72, 81.
 Канова Антоніо 21, 289.
 Канту Чезаре 93, 291, 293.
 Каподимонте 23.
 Каппеллини Альфредъ 245.
 Каппони Джино 93, 163, 294.
 Капрера 226, 240, 248, 249.
 Капуана Луиджи 305.
 Капуя 222, 226.
 Караччиоло Доменико 25.
 Караччиоло Франческо 36.
 Карбоне Доменико 112.
 Карбонерія 61.
 Кардуччи Джозуэ 296.
 Карль III, король Неаполитанскій, 22, 23.
 Карль III, герцогъ Пармскій, 184, 185.
 Карль, эрцгерцогъ Австрійскій 32.
 Карль-Альбертъ 67, 68, 69, 83, 84, 90, 94, 98, 102, 103, 104, 109, 110, 111, 112, 123, 124, 133, 137, 138, 139, 140, 144, 146, 147, 148, 149, 150, 151, 157, 159, 161.
 Карль-Эммануиль III 1, 2, 35.
 Карль-Эммануиль IV 36, 49.
 Карло-Феличе 68, 69, 70, 83.
 Карль - Людовикъ Бурбонскій, герцогъ Лукки 111, 117.
 Каррера Валентинъ 307.
 Карретто Дель, министръ полиціи 75, 92.
 Кассала 263.
 Кастанъето графъ 111.
 Кастельфидардо 224.
 Кастелли Микельбанджело 122.
 Кастельнуово Энрико 306.
 Кастильоне делле Стивіере 30.
 Кастиллія Гаэтано.
 Катанія 92, 162, 286.
 Каттанео Карль 131.
 Кварто 218.
 Кверини Анджело 11.
 Керень 266.
 Кейтъ адм. 39.
 Кивассо 208.
 Киавенна 33.
 Киарини 302.
 Кларендонъ лордъ 189.
 Климентъ XIV 20, 21.
 Клотильда, принцесса Савойская 199.
 Коатитъ 263.
 Кобденъ Ричардъ 108.
 Козенць Энрико 172, 221.
 Козенца 96.
 Коллетта Пьетро ген. 64, 294.
 Комаккіо 168, 169.
 Комо 162, 209.
 Композиторы XIX в. 315—316.
 Компіано 265.
 Консальви кард. 58.
 Контарини Карло 11.
 Конфалоньери Федериги 55, 56, 118.
 Конфорти Франческо 36.
 Корлеоне 220.
 Кормонъ 246.
 Корнеро Джузеппе 122.
 Корнуда 140.
 Корренти Чезаре 118, 298.
 Корсини Вилла 166.
 Корсика 13, 51, 286.
 Корфу 95.
 Котроне 96.

- Криспи Франческо 217, 219, 259, 261, 263, 266.
- Критика въ XIX в. 303.
- Критики художественные 309.
- Крымъ 188.
- Куртатоне 145.
- Кустоца 148, 243.

Л.

- Лаго Маджіоре 152, 209.
- Лагранжъ Луиджи 5.
- Ла Кава 159.
- Ла Мандріола 170.
- Ла Маза Дж. 120.
- Ла Мармора Александръ 189.
- Ла Мармора Альфонсъ 150, 176, 180, 189.
- Ла Фарина Джузеппе 109, 191.
- Лафайетъ 77.
- Ламбускини кард. 99, 105.
- Ланди ген. 220.
- Ланери 71.
- Ланца Джіованни 204.
- Лайбахъ 65,
- Легатства 189.
- Леджеро лейтен. 169.
- Левъ XII 75, 56.
- Левъ XIII.
- Леньяло 132.
- Леобенъ 32.
- Леопарди Джіакомо 73.
- Леопольдъ I (Пьетро) 16, 17, 32, 74.
- Леопольдъ II 74, 94, 108, 124, 155, 163, 212.
- Лессена Микеле, 212, 285.
- Ливорно 15, 48, 155, 164.
- Лидо 32.
- Лигурія 36, 39, 44, 217.
- Лигурійская республика 33, 41, 43.
- Лисса островъ.
- Лионъ 41.
- Лоди 29.
- Ломбардія 6, 9, 29, 33, 40, 44, 48, 53, 131, 155, 158.

- Ломбардо-Венеціанская область 44, 55, 56, 98, 117, 119, 126, 128, 157, 162, 184, 193, 208.
- Ломброзо Чезаре 316.
- Лонато 30.
- Лондонъ 240.
- Лото (происхожденіе его) 14.
- Лотаринская династія 57.
- Лукка 18, 53, 111.
- Луниджіана 268.
- Луи-Филиппъ Орлеанскій 77, 80, 83, 125.
- Людовикъ XV, 13.
- Людовикъ VIII 50.
- Людовикъ, герцогъ Абруццскій 279.
- Лэнсдоунъ лордъ 183.

М.

- Маджента 159, 209.
- Маджіоре Лаго 152, 209.
- Макалле 260, 264.
- Маколей 99.
- Максимиліанъ, эрцгерцогъ Австрійскій 193.
- Макъ-Магонъ 209.
- Малгера фортъ 172.
- Мальта 25.
- Мальяни 260.
- Мамели Гоффредо 110, 135, 166, 293.
- Маміани Теренціо 81, 154, 203.
- Манара Лучіано 130, 166.
- Мангаша Расъ 263
- Мандріола 170.
- Манинъ Даніэле 118, 119, 127, 131, 132, 147, 152, 155, 171, 172, 173, 191, 193.
- Манно Джузеппе 293.
- Мантегацца Паоло 316.
- Мантуя 30, 31, 49, 78, 132, 144, 145, 147, 148, 184.
- Манцони Александръ 50, 93, 130, 155, 289, 291.

Монтеротондо 249.
Монтеское Альбертъ 16.
Монти Винченцо, 21, 48, 288,
289.
Монти 248.
Монца 273.
Мораццоне 152.
Морся 11.
Морелли Доменко 61, 72.
Морелли Микеле 310.
Моріана, Савойя 1.
Моро Доменико 95, 96.
Морони Газтано 99.
Морозини Эмилій 167.
Мортара 160.
Моффа ди Лизіо 67.
Мюрать Іоакимъ 46, 48, 49, 50,
51, 58.

Н.

Напіоне Галеани, графъ 6.
Наполеонъ Бонапартъ (Наполеонъ I) 29, 31, 32, 33, 34,
39, 40, 41, 42, 43, 44, 46,
47, 48, 49, 50, 51, 60, 286.
Наполеонъ Жеромъ 199, 212.
Наполеонъ Людовикъ (Наполеонъ III) 79, 165, 166, 183,
194, 196, 208, 209, 210,
211, 212, 213, 240, 244, 247,
249.
Наука въ Италіи 316.
„Национальное общество“ 191.
Наццари 119.
Неаполь 23, 35, 36, 46, 51, 62,
63, 64, 65, 66, 116, 121, 142,
157, 222, 224, 226.
Неаполитанское королевство 2,
22, 35, 45, 46, 49, 51, 58,
61, 75, 76, 114, 119, 142,
153, 163, 189, 222, 230.
Негри Ада 304.
Нейппергъ маршалъ 57.
Нельсонъ адм. 35, 37.
Нео-гвельфская партія 98.
Никколини 93, 292.

Никотеро Джіованни 192, 259.
Ніево Йпполитъ 219.
Ницца 1, 28, 29, 214, 223.
Новара 70, 160, 208.
Нови 40.
Нола 62.
Нугентъ ген. 140, 141,

О.

О'Доннель вице - президентъ
129.
Озоппо 132, 147, 152.
Ольо 149.
Опорто 162.
Оппіа 262.
Орбетелло 25.
Орсини 194.

П.

Павія 8, 127, 158, 159.
Падуя 127, 132, 146.
Падула 192.
Пагано Маріо 24, 36.
Паезиелло 289.
Пазолини Дж. 106.
Палермо 37, 63, 116, 119, 141,
220, 221, 286.
Палестро 209.
Палици Филиппо 309, 314.
Паллавичино Джордіо 181, 225,
239.
Пальманова 82, 132, 140, 146.
Пальмерстонъ лордъ 236.
Пальфи губернаторъ 128, 131,
Паоли Пасквале 13.
Папская область см. Церковная
область.
Парини Джузеппе 826, 288.
Парижъ 187, 202, 206.
Парижскій Конгрессъ 189, 192,
201.
Парма 14, 36, 41, 44, 49, 53,
57, 79, 117, 119, 135, 155,
184, 215.
Партеноиейская республика 35.

Пассалаква ген. 161.
Пастренго 139, 140, 148.
Пачини Джіованни 294.
Пезаро Франческо 12.
Пеккіо Джузеппе 56.
Пеллико Сильвіо 56, 92, 291.
Пеллу Луиджи 272.
Пене Вильгельмъ ген. 62, 142,
143, 156, 173.
Пепе Флорестанъ ген. 63, 66.
Перезъ Франческо 120.
Перголезе 26.
Перроне ген. 161.
Персано адм. 221, 244, 245.
Перуцци 163.
Пескіера 132, 139, 140, 144,
145, 146, 210.
Петрелла Энрико 294.
Пиза 17, 94.
Пизакане 192.
Пизани Джіорджіо 11.
Пизани 12.
Пило Розалино 117.
Пиль Робертъ 236.
Пиньятели ген. 35.
Пиццо (въ Калабріи) 51.
Піави 36, 140, 148, 244.
Піаченца 14, 41, 44, 57, 79, 80,
117, 135, 190, 204, 208.
Пій VI 9, 20, 21, 31, 35.
Пій VII 21, 41, 43, 49.
Пій VIII 76, 78.
Пій IX 58, 105, 106, 107, 108,
110, 124, 125, 141, 154, 164,
183, 216, 257.
Пиомино 25, 170.
Пломбьеръ (Вогезы) 196, 214.
По р. 80, 142, 148, 167, 208,
243, 244.
Пома Карло 184.
Понкіелли Амилькаръ 315.
Порпора 26.
Порто Эрколе 25.
Портолонгоне 25.
Португалія 161.
Поэты въ Италіи 303, 304.

Поэріо Джузеппе 66, 156, 163,
182, 243.
Пражскій миръ 246.
Прага Эмиліо 303.
Прати Джіов. 93, 293.
Presidii 25.
Пресбургскій миръ 43.
Прина графъ 48.
Провано ди Колленьо графъ 67.
Промышленость 282.
Просвѣщеніе 284.
Пруссія 59, 64, 82, 224, 242,
246.
Пуччини 301.
Пьемонтъ 1, 2, 28, 29, 35, 36,
41, 44, 53, 54, 55, 67, 71,
76, 89, 119, 122, 123, 147,
156, 157, 158, 162, 173, 176,
180, 187, 188, 190, 191, 192,
196, 199, 203, 205, 206, 211,
212, 213, 214, 215, 228,
284, 293.

Р.

Равенна 30.
Радецкій маршалъ 130, 139,
140, 141, 144, 145, 146, 148,
152, 158, 161, 171, 173,
174.
Разори Джіованни 56.
Раньери эрцг. Австрійскій 129,
174.
Раморино полк. 89, 159.
Ратацци Урбано 239, 247, 249,
250.
Реджись полк. 70.
Реджіо-Калабрія 116, 222.
Реджіо 31, 44, 57, 115, 135.
Риварола кард. 76.
Риволи 146, 148.
Рикасоли Бетитно 109, 124,
163, 212, 213.
Рикотти Эрколе 122, 293.
Римини 81, 99, 100.
Римъ 20, 35, 41, 43, 44, 49,
104, 124, 141, 155, 164, 180,
228, 239, 247, 248.

Соединенныя итальянскія провинці 79, 81.
 Сольферино 210.
 Сомали 262.
 Соммакампанья 148.
 Соммелъ инженеръ 254.
 Союзъ Священный 59.
 Союзы рабочихъ 268.
 Спалланцани Ладзаро 9.
 Спавента Сильвіо 163.
 Спери Тито 184.
 Спеція 194, 281.
 Стеккетти 303.
 Суб-Альпійскій парламнтъ 185
 Суворовъ 36.
 „Судьбы Романьи“ 100.
 Суперга (близь Турина) 162.
 Сфактерія островъ 71.
 Сфорца 6.
 Сфорцеска 160.

Т.

Тавани Арквати 248.
 Тальяменто 32, 152.
 Танаро 29, 208.
 Танлонго Бернардо 269.
 Тануччи Бернардо 22, 23.
 Таормина 162.
 Тартини Джузеппе 25.
 Таццоли Энрико 184.
 Тегетовъ адм. 245.
 Таламоне (мысь) 219.
 Термини 192.
 Тигре 263, 266.
 Тилло дю Вильгельмъ 14.
 Тичино 1, 133, 135, 150, 158,
 159, 160, 208.
 Тьеполо Дж.-Б. 13.
 Тозелли Пьетро 264.
 Толентино (миръ) 31.
 Томмазео Никколо 93, 119, 127,
 173, 293.
 Тоньетти 248.
 Тоскана 15, 16, 36, 41, 43, 44,
 49, 53, 57, 74, 108, 119,
 124, 155, 169, 183, 212, 215,
 285, 293.

Тости Луиджи 298.
 Тре Порти 171.
 Тревизо 32, 132, 146.
 Триентъ 30, 244.
 Тронто 226.
 Тройя Карло 93, 294.
 Тройственный союзъ 258.
 Тунисъ 11, 258.
 Туръ (дела) ген. 70, 103.
 Туринъ 3, 36, 49, 53, 71, 104,
 112, 123, 132, 145, 191, 208,
 227, 230, 240, 271.
 Тюрръ Стефано ген. 219.
 „Тысяча“ Гарибальди 218, 219,
 220.

У.

Угони Филиппо 56.
 Удине 132.
 Удино ген. 165, 167.
 Умбрія 31, 78, 212, 223.
 Утрехтскій миръ 2.

Ф.

Фавретти А. 312.
 Фальби (де) ген. 249.
 Фанти ген. 224.
 Фарина Сальваторе 305.
 Фарини Луиджи Карль 99,
 213, 298.
 Фарнезе (родъ) 14.
 Фердинандъ, эрцгерцогъ Ав-
 стрійскій 15.
 Фердинандъ, герцогъ Генуэз-
 скій 147, 153, 188.
 Фердинандъ, герцогъ Пармскій
 14.
 Фердинандъ III, великій гер-
 цогъ Тосканскій 49, 57, 74.
 Фердинандъ I, императоръ Ав-
 стрійскій 90, 156.
 Фирдинандъ I, король Неаполи-
 танскій 23, 47, 51, 58, 62,
 64, 65, 66, 72.
 Фердинандъ II, король Неа-
 политанскій 76, 91, 92, 94,
 114, 116, 121, 141, 143, 153,
 162, 163, 166, 180, 216 221.

Феррара 15, 30, 31, 32, 110, 118, 165.

Феррара Франческо 316.

Феррари Паоло 307.

Феррари Джузеппе 293.

Феррарисъ Галилей 316.

Феррарисъ Маджорино 317.

Ферретти кард. 105.

Филиппъ Бурбонъ, герцогъ Пармскій 14.

Финци Джузеппе 184.

Фиорелли Джузеппе 299.

Флоренція 15, 66, 69, 124, 145, 163, 240, 241, 250, 285.

Фогаццаро Антонио 305.

Фонтенбло 23.

Форли 79, 83.

Фоскарини Марко 11.

Фосколо Уго 34, 48, 288, 289.

Фоссомброни графъ 58.

Франція 11, 28, 36, 37, 41, 44, 49, 50, 51, 78, 82, 136, 188, 196, 206, 213, 226, 240, 258.

Франческо IV, герцогъ Модены 57, 77, 79, 80, 81, 117.

Фраческо V, герц. Модены 117, 184, 212.

Франческо Лотарингскій, великій герц. Тосканскій 16.

Францъ II императоръ Австрійскій 32, 57, 90.

Францъ-Иосифъ императоръ Австрійскій 156, 193, 211, 246.

Франческо I, король Неаполитанскій 75.

Франческо II, король Неаполитанскій 216, 217, 222, 226, 227, 237.

Фусината Арнальдо 293.

Х.

Хайэць 295.

Хартумъ 261.

Ц.

Цаккони Эрмете 307.

Цанарделли Джіов. 259.

„Дерковъ свободная въ свободномъ государствѣ“ 232.

Церковная область 19, 20, 31, 43, 58, 75, 106, 119, 125, 153, 164, 183, 189, 219, 223, 248.

Цизаданская республика 33, 34, 41.

Циспаданская республика 31.

Цукки ген. 81, 82, 132, 140.

Цюрихскій миръ 213.

Ч.

Чарновскій ген. 158, 159, 160.

Чева 29.

Чезена 83.

Чезенатико 167.

Чентофанти Сильвестро 109.

Черное море 266.

Черная рѣчка 189.

Чибо 15.

Чибраріо Луиджи 293.

Чивителла на Тронто 226.

Чивитавеккія 249.

Чиконья Эммануиль 293.

Чиленто 75.

Чимароза 289.

Чирилло Доменико 36.

Чичеруаккіо 107, 118.

Ш.

Шампюнна ген. 35.

Шалоя Антонио 163.

Шіеза 189.

Шоа 261.

Шпильбергъ 118.

Э.

Эбердинъ лордъ 118.

Эльба островъ 49.

Эммануиль, герцогъ Аостскій 279.

Эмилія 51, 79.

Эмо Анджели адм. 11.

Эрколе Ринальдо III 15.

Эритрея колонія 262, 266.

Эсте династія 15.

Этрурія королевство 41.

Эчь 30, 48, 132, 141, 148.

ЦУНБ

им. Н. А. Некрасова

2 000001 926420

зген. 3р 50к
неп 3р.

—

уничтожить ихъ иммунитеты и съ большой смѣлостью и энергіей покровительствовалъ религіозному движенію, начатому Пистойскимъ епископомъ, Сципіономъ Риччи, который хотѣлъ возстановить въ церкви всю чистоту пер-выхъ вѣковъ христіанства. Это послужило причиной пререканій съ Римомъ. Петръ-Леопольдъ ввелъ реформы во всѣхъ отрасляхъ государственнаго управленія: онъ далъ свободу торговли хлѣбомъ, установилъ равенство всѣхъ въ платежѣ податей и налоговъ, чему подчинился и самъ, внося повинности, причитавшіяся за его собственное имущество.

Онъ пытался улучшить состояніе Мареммы посредствомъ осушки части болотъ, покровительствовалъ торговлѣ, поощрялъ образованіе, для чего преобразовалъ и усовершенствовалъ университеты въ Пизѣ и Сіенѣ; онъ же, первый изъ государей всего міра, отмѣнилъ пытки и смертную казнь.

Отдавшись всецѣло дѣламъ мирнаго характера, герцогъ совершенно пренебрегалъ войскомъ: оно состояло лишь изъ 6.000 солдатъ, а два—три корабля составляли весь флотъ; вслѣдствіе этого среди тосканцевъ все болѣе и болѣе утверждалось отвращеніе къ военной службѣ. Между тѣмъ какъ во всѣхъ государствахъ общимъ правиломъ было сохраненіе въ тайнѣ государственнаго бюджета, Петръ Леопольдъ I въ 1789 г. обнаружилъ отчетъ о доходахъ и расходахъ Тосканы съ 1765 по 1788 г., откуда видно, что не смотря на преобразованія, ему удалось изъ бюджета въ 9.000.000 лиръ сберегать ежегодно около полу-милліона. Повидимому, Петръ-Леопольдъ намѣревался ввести конституцію, но въ 1790 г., по смерти брата своего Іосифа II, онъ былъ призванъ на австрійскій престоль.

Реформы Леопольда, вообще говоря, до такой степени превосходили уровень развитія его подданныхъ, что боль-

les rues des villes, sans voir un prêtre („Въ Италіи на дорогахъ нельзя оглянуться безъ того, чтобы не увидѣть монаха, а на городскихъ улицахъ—священника“).

ку Милана, чтобы не дать повода говорить, что онъ бросилъ его на произволь судьбы. Къ несчастью, послѣ мартовской революціи возвращеніе австрійцевъ считалось невозможнымъ, вслѣдствіе чего ни на Оліо, ни на Аддѣ не было сдѣлано никакихъ приготовленій къ защитѣ. Отъ Минчіо до самага Милана король нигдѣ не могъ оказать сопротивленія непріятелю, а сраженіе 4 августа у самыхъ стѣнъ Милана имѣло неблагопріятный для пьемонтцевъ исходъ.

Въ началѣ кампаніи Карль-Альбертъ не хотѣлъ проѣхать черезъ Миланъ, рассчитывая войти въ него лишь послѣ рѣшительной побѣды; теперь его въѣздъ въ Миланъ совершенно не соотвѣтствовалъ его мечтамъ. При его въѣздѣ не слышно было ни одного привѣтствія; всюду господствовало отчаяніе и негодованіе; на улицахъ возвышались баррикады, раздавались звуки набата; населеніе, повидимому, было готово къ отчаянной оборонѣ, къ такой же борьбѣ, какъ въ мартѣ. Однако, совѣтъ генераловъ рѣшилъ, что сопротивленіе невозможно, и Карль-Альбертъ долженъ былъ приготовиться къ тяжелой жертвѣ — подписать капитуляцію Милана.

Когда 5-го августа извѣстіе это распространилось по городу, всѣми овладѣло отчаяніе, и часть населенія, въ порывѣ ужаса и негодованія, обвиняла короля въ измѣнѣ.

Тогда Карль-Альбертъ заявилъ, что если миланцы рѣшились похоронить себя подъ стѣнами города, онъ и его сыновья раздѣлятъ ихъ участь; но муниципалитетъ Милана, сознавая всю тяжесть положенія, утвердилъ капитуляцію. Волненіе росло; разсвирѣпѣвшая толпа окружила дворецъ Греппи, гдѣ помѣщался Карль-Альбертъ, осыпала его оскорбленіями и проклятіями. Тщетно онъ пытался говорить съ толпой, стоя на балконѣ дворца: крики и обвиненія только усилились. Король долженъ былъ удалиться въ свои покои, между тѣмъ на улицѣ слышались крики,

Съ глубокой вѣрой въ успѣхъ всѣ ожидали извѣстій о боевыхъ столкновеніяхъ, которыя должны были произойти въ четырехугольникѣ крѣпостей, и объ успѣхахъ союзнаго флота, посланнаго въ Адриатическое море; вмѣсто того пришло совершенно неожиданное извѣстіе.

8-го іюля Наполеонъ III имѣлъ свиданіе съ Францомъ-Іосифомъ по поводу перемирія, а три дня спустя онъ подписалъ въ Виллафранкѣ условія мира. Согласно имъ Австрія должна была уступить Ломбардію Наполеону, а тотъ въ свою очередь долженъ былъ отдать ее Пьемонту; Итальянскія государства образовали союзъ подъ главенствомъ папы; Венеціанская область, хотя и входила въ эту федерацію, но оставалась подъ властью Австріи. Извѣстіе о мирныхъ переговорахъ погрузило въ печаль всю Италію. Кавуръ, всѣ свои силы посвятившій дѣлу освобожденія Италіи и считавшій цѣль почти достигнутой, Кавуръ поспѣшилъ въ лагерь и въ бесѣдѣ съ Викторомъ-Эмануиломъ совѣтовалъ не принимать этихъ условій. Но Викторъ-Эмануилъ съ болью въ сердцѣ подписалъ трактатъ, прибавивъ, впрочемъ, слова „согласенъ, что до меня касается“. Тогда Кавуръ подалъ въ отставку.

Какіе мотивы побудили Наполеона измѣнить данному незадолго до того обѣщанію—освободить Италію отъ Альпъ до Адриатическаго моря? Причинъ было много. Видъ огромнаго поля сраженія, покрытаго трупами, упорное сопротивленіе австрійцевъ, трудности, ожидавшія его въ четырехугольникѣ крѣпостей, недовольство клерикальной партіи во Франціи, враждебное отношеніе Пруссіи,—все это вмѣстѣ повліяло на Наполеона, но и еще одинъ фактъ имѣлъ на него вліяніе. Наполеонъ далъ себя вовлечь въ эту войну, не зная точно общественнаго мнѣнія итальянцевъ. Онъ желалъ независимости Италіи „отъ Альпъ до Адриатическаго моря, но ничуть не желалъ ея объединенія; напротивъ онъ хотѣлъ, чтобы въ Италіи организовалась

Въ это время нѣсколько добровольцевъ отправились на телеграфъ, чтобы помѣшать передачѣ извѣстій неаполитанскому правительству; они пришли какъ разъ въ ту минуту, когда телеграфистъ сообщалъ о прибытіи двухъ сардинскихъ судовъ съ десантомъ. Одинъ изъ добровольцевъ, знакомый съ телеграфнымъ дѣломъ, продолжалъ депешу: „Я ошибся: это коммерческія суда.“

Онъ подождать отвѣта, который состоялъ въ одномъ простомъ словѣ: „Дуракъ“, потомъ онъ перерѣзалъ проводъ.

Изъ Марсалы „Тысяча“ отправились въ Салеми, гдѣ Гарибальди обнародовалъ воззваніе, объявляя, что беретъ на себя диктатуру въ Сициліи отъ имени Виктора-Эмануила. Неаполитанское правительство, которому не удалось помѣшать высадкѣ этихъ „флибустьеровъ“, какъ оно презрительно называло пьемонтскихъ волонтеровъ, теперь поняло, насколько серьезно положеніе, и засыпало всѣ европейскіе кабинеты протестами противъ коварства пьемонтскаго правительства, а въ то-же время отдало приказъ генералу Ланди въ Палермо отправиться съ сильнымъ отрядомъ войска противъ Гарибальди.

Обѣ арміи встрѣтились 15 мая у Калатафими (Calatafimi); Ланди занялъ позицію на террасо-образномъ холмѣ и ожидалъ атаки Гарибальди. Борьба была ужасна. Хотя волонтеры были вооружены плохими ружьями и были очень малочислены сравнительно съ численностью врага, но они такъ смѣло бросились на приступъ, что неаполитанское войско отступило послѣ упорнаго сопротивленія.

Гарибальди направился къ Палермо и 20 мая оказался въ виду города. Ловкими маневрами обходя между окружающихъ Палермо холмовъ, онъ хотѣлъ выманить изъ города гарнизонъ, чтобы легче овладѣть городомъ. Дѣйствительно, ему удалось заманить гарнизонъ за собою по дорогѣ къ Корлеоне, и затѣмъ, оставивъ здѣсь лишь небольшой отрядъ, онъ съ отборной частью войска околь-

рить: характерной чертой этихъ областей является отсутствіе грамотности.

Необходимо было поднять эти провинціи до уровня остальныхъ, а затѣмъ дать имъ всѣмъ развиваться настолько, чтобы сравняться съ другими культурными странами Европы. Нельзя не признать, что многое было сдѣлано, особенно что касается общественныхъ сооруженій.

Уже въ 1871 году общая длина желѣзныхъ дорогъ достигла 6377 килом.; при проведеніи ихъ пришлось преодолѣть значительныя естественныя препятствія; на этомъ поприщѣ итальянцы приобрѣли съ этихъ поръ большую извѣстность, потому что въ 1871 году, послѣ многихъ лѣтъ труда, было закончено прорытіе туннеля черезъ Frejus (называемый также Монсенисомъ), самага длиннаго изъ всѣхъ прорытыхъ до того времени (12 километровъ)*). Было проведено также много шоссеиныхъ дорогъ; торговля разрослась, промышленность начала развиваться; повсемѣстно были учреждены школы. Всѣ эти улучшенія внутренняго состоянія страны и расходы, вызванные предшествовавшими войнами и введеніемъ новаго управленія, истощили финансы, такъ что пришлось потребовать тяжелыхъ жертвъ отъ налогоплательщиковъ налоговъ. Считаю долгомъ вспомнить о министрѣ Квинтино Селла (Quintino Sella), который заслужилъ благодарность всякаго итальянца тѣмъ, что принималъ мѣры къ улучшенію положенія финансовъ, нисколько не заботясь о своей популярности**).

*) Туннель черезъ Монсенисъ (Moncenis'io) былъ начатъ въ 1857 г. по смѣлой иниціативѣ Сардинскаго королевства, которое тогда владѣло обоими склонами — къ Пьемонту и къ Савойѣ; работами руководили инженеры Соммелье, Граттони и Грандисъ. Позже (1874—1881) сооруженъ туннель черезъ Сан-Готардъ (15 килом.), а въ 1899 г. начаты работы по прорытію Симплона, длина котораго превышаетъ 19 килом.

**) Здѣсь, мнѣ кажется, кстати будетъ припомнить, что тяжелое финансовое положеніе Итальянскаго королевства навело незадолго до того благороднаго журналиста Боттеро на мысль предложить всѣмъ

новѣсія государственнаго бюджета, вызвали во всей странѣ сильное неудовольствіе, которое не замедлило проявиться и въ парламентѣ. Въ томъ же году, когда послѣ долгихъ стараній удалось наконецъ достигнуть равновѣсія государственнаго бюджета *), оппозиція оказалась въ большинствѣ; министерство, во главѣ котораго стоялъ Мингетти, подало въ отставку, а съ нимъ вмѣстѣ окончательно пала власть „правой“ (18 марта 1876 г.).

Какъ настоящій конституціонный монархъ, Викторъ-Эмануиль поручилъ составленіе новаго министерства Августину Депретисъ, главѣ партіи „лѣвой“, который въ произнесенной имъ незадолго до того рѣчи въ его collegio di Stradella намѣтилъ главнѣйшія черты своей политики: расширеніе избирательныхъ правъ, отмѣна налога на муку, реформы коммунальнаго и провинціального закона, обязательное и бесплатное обученіе и т. д. Общіе выборы дали преобладающее большинство партіи лѣвой; однако, реформы вводились медленно и безъ большой ломки.

5 января 1878 г. во Флоренціи умеръ генераль Альфонсъ Ла-Мармора, а нѣсколько дней спустя (9 января), послѣ непродолжительной болѣзни, въ Римѣ, 58 лѣтъ отъ роду скончался Викторъ-Эмануиль II, доблестный и честный король, въ которомъ, такъ сказать, олицетворялась вся слава воскресенія Италіи. При его погребеніи ему были оказаны итальянскимъ народомъ неслыханныя до того времени почести. Прахъ его покоится въ Пантеонѣ въ Римѣ, и на его гробницѣ написаны вполне заслуженныя имъ слова: „Отцу отечества“.

Викторъ-Эмануиль оставилъ двухъ сыновей: двадцатичетырехлѣтняго Гумберта, за десять лѣтъ до того женившагося на Маргаритѣ (дочери герцога Генуэзскаго Фердинанда), которая вскорѣ пріобрѣла всеобщую любовь не

*) Il bilancio consuntivo. Балансъ 1875 года далъ слѣдующіе результаты: доходъ—1,096 милліоновъ, расходъ—1082 милліона.

Алессандро Поэріо (1802—1848) и о молодомъ героѣ генуезцѣ Гоффредо Мамели (1828 — 1849), пѣснь котораго: „Frate!li d'Italia“... раздавалась на полѣ сраженія въ теченіе всѣхъ итальянскихъ освободительныхъ войнъ. Назовемъ еще имена нѣсколькихъ венеціанскихъ поэтовъ: Франческо Даль Онгаро (1808—1873), Алеардо Алеарди (1812—1878), Джакомо Дзанелла (1820—1888), Арнальдо Фусинато (1817—1888) и самаго выдающагося изъ всѣхъ—Джованни Прати (1815—1884), одареннаго дѣйствительно большимъ поэтическимъ талантомъ.

Одновременно поэтомъ и философомъ былъ Николо Томмазео (1802—1874); но гораздо выше него по силѣ ума стоитъ его другъ Антоніо Росмини (1797—1855), оставившій неизгладимый слѣдъ въ исторіи философіи. Рядомъ съ Росмини слѣдуетъ поставить другого выдающагося философа этой эпохи Винченцо Джіоберти (1801—1852), который, какъ мы уже видѣли, принималъ дѣятельное участіе въ политическомъ движеніи. Теренціо Маміани (1799—1885) старался примирить взгляды Росмини и Джіоберти; онъ болѣе извѣстенъ изяществомъ слога, нежели глубиной мысли.

Въ это время начинается развиваться любовь къ историческимъ изслѣдованіямъ. Въ Пьемонтѣ примѣру Чезаре Бальбо (1789—1853) и Джузеппе Манно 1786—1867) слѣдовали Луиджи Чибраріо (1802—1870) и Эрколе Рикотти (1816—1883). Въ Ломбардіи замѣчательны Джузеппе Феррари (1811—1876), который изъ изученія итальянскихъ революцій вывелъ теорію историческихъ теченій, которыя можно точно опредѣлить, и Чезаре Канту, посвятившій всю свою неутомимую энергію распространенію въ публикѣ историческихъ познаній.

Въ Венеціи Эмануиль Чиконья (1789—1868), Самуиль Романинъ (1808—1861) и Евгений Альбери (1817—1878) съ честью поддерживали традиціи своей родины, давшей Италіи многихъ выдающихся критиковъ и ученыхъ. Въ Тосканѣ,

colpa vendica la colpa“, „Morte Civile“ („Гражданская смерть“); послѣдняя драма дала многимъ извѣстнымъ артистамъ, — какъ напр. Густаво Модена (1803—1861 г.), Эрнесто Росси (1828—1896 г.), и Томмазо Сальвини (род. въ 1829)—выказать всю силу ихъ сценическаго таланта. Такъ какъ я упомянулъ о нѣкоторыхъ актерахъ, то считаю своимъ долгомъ назвать по крайней мѣрѣ двухъ знаменитыхъ актрисъ этого періода, Карлотту Маркіонни (1796—1860 г.) и Аделаиду Ристори, маркизу Капраника дель Грилло (род. въ 1821 г.)*). Италія всегда была богата талантливыми артистами; изъ тѣхъ, которые и теперь вызываютъ всеобщій восторгъ, назову Элеонору Дузе, Эрмете Новелли, Эрмете Цаккони и Клавдія Лейгебъ (Leigheb).

Послѣ Джіакометти**) первое мѣсто принадлежитъ Паоло Феррари (1822—1889), извѣстному преимущественно историческими комедіями, напр.: „Гольдони и его шестнадцать комедій“ („Goldoni e le sue sedici commedie“, „Сатира и Парини“ (La Satira e Parini) и др. Выдающимся авторомъ историческихъ драмъ былъ Пьетро Косса (1834—1881 г.), умершій—какъ разъ въ то время, когда началъ обнаруживаться его талантъ. Феличе Кавалотти, поглощенный главнымъ образомъ политической дѣятельностью, тоже написалъ нѣсколько драмъ и комедій, пользующихся большимъ успѣхомъ.

Валентинъ Каррера (1830—1895 г.) принадлежитъ попытка возродить добродушную народную комедію Гольдони; лучше всего однако изображаетъ современную жизнь Джачинто Галлина (1852—1897 г.), произведенія котораго, впро-

*) Аделаида Ристори издала „Артистическія воспоминанія и этюды“ (Ricordi e studi artistici“). Эрнесто Росси написалъ свои воспоминанія подъ заглавіемъ: „Сорокъ лѣтъ артистической жизни“ (Quarant'anni di vita artistica).

**) Изъ современниковъ Джіакометти слѣдуетъ упомянуть о Томмазо Герарди Дель Теста (1818 — 1881), одаренномъ юмористической жилкой.

- Camillo Cavour. La politique du comte de Cavour de 1852 à 1861; lettres inédites avec notes, par N. Bianchi.—Turin 1885.
- Nouvelles lettres inédites, recueillies par A. Bert. — Turin 1889.
- Le comte de Cavour et la comtesse de Circourt. Lettres inédites publiées par le comte Nigra.—Turin 1894.
- Nuove lettere inedite raccolte da E. Mayor.—Torino 1895.
- Diario inedito con note autobiografiche per cura de D. Berti.—Roma 1888.
- Discorsi parlamentari, raccolti e pubblicate per ordine della Camera dei Deputati.—Torino 1863—1867; 11 vol.
- Gli scritti del Conte di Cavour nuovamente raccolti da D. Zanichelli.—Bologna 1892; 2 vol.
- Massimo D'Azeglio e D. Pantaleoni. Carteggio inedito, con prefazione di G. Faldella.—Torino 1888.
- Massimo D'Azeglio. Lettere inedite al nipote Emmanuele. Torino 1883; 2 vol.
- Constance D'Azeglio. Souvenirs historiques tirés de sa correspondance avec son fils Emmanuel, avec l'addition de quelques lettres de son mari, le marquis Robert D'Azeglio, de 1835 à 1861.—Turin 1884.
- Urbano Rattazzi. Documents inédits, correspondance, souvenirs intimes publiés par M-me Rattazzi.—Paris 1881—1887; 2 vol.
- Bettino Ricasoli. Lettere e documenti pubblicati per cura di M. Tabarrini e A. Gotti.—Firenze 1887—1895; 10 vol.
- Michelangelo Castelli. Carteggio politico.—Torino 1890—1891; 2 vol.
- Giuseppe La Farina. Epistolario.—Milano 1869; 2 vol.
- Scritti Politici.—Milano 1870; 2 vol.
- Bismark. Gedanken und Erinnerungen.—Stuttgart 1898; 2 B-de.
- Vittorio-Emanuele II. Discorsi al Parlamento e proclami all'esercito.—Roma 1878.
-

- Бартоли 302.
 Бартолини Лоренцо 295.
 Бассано 30.
 Басси Уго 168.
 Беатриче-Марія д'Эсте 15, 57.
 Бодзекка 244.
 Беккатино Франческо 19.
 Беккарія Чезаре 8.
 Беллини Винченцо 93, 294.
 Бенвенути кард. 81.
 Бендивенья 192.
 Бентинкь лордъ 47.
 Бергамо 152, 162, 209.
 Берлинъ 242.
 Бернетти кард. 99.
 Берсеціо Витторіо 298.
 Бертани Августинъ 217.
 Бертолини 299.
 Бершэ Джуованни 56, 69, 79,
 94, 291.
 Биксіо Нино 217, 218, 219.
 Билья Джузеппе 89.
 Біанки Густавъ 260.
 Біанки Никомидій 298.
 Блюхеръ фельдмаршалъ 50.
 Богарнэ Евгений 42.
 Бодіо Л. 316.
 Боджино 2.
 Бойто Арриго 315.
 Бокардо Джироламо.
 Болонья 18, 30, 31 32, 78, 83,
 125, 153, 166, 285.
 Больца директоръ полиціи 131.
 Бонапартъ Жеромъ-Наполеонъ
 см. принцъ Наполеонъ 212.
 Бонапартъ Іосифъ 43, 46.
 Бонапартъ Луи-Наполеонъ см.
 Наполеонъ III.
 Бонапартъ Наполеонъ см. На-
 полеонъ I.
 Бонги Руджеро 121, 297.
 Боннэ Нино 169.
 Бонрадини Ромуальдъ 298.
 Бонкомпаньи 25, 122.
 Бормида 29, 112.
 Борміо 33.
 Борсіери Пьетро 56.
 Борхесъ Хозе 238.
 Ботта Карло 37.
 Боттеро Дж.-Б. 254.
 Браски 21.
 Брента 30.
 Брешія 162, 210, 239.
 Бриганти ген. 222.
 Бринъ Бенедетто 281.
 Брондоло 171, 172.
 Брось Шарль 18.
 Бронзетти Пиладь 224.
 Брофферіо Анджелио 76, 122.
 Буонкомпаньи Карль 25, 122,
 235.
 Бурбоны Неаполитанскіе 22, 43,
 45, 46, 61, 63, 141, 225, 238.
 Бурбоны Пармскіе 41, 53.
 Буффалора 159, 209.

В.

- Ваграмъ 50.
 Валеджіо 137.
 Валевскій министръ 189.
 Валеріо Лоренцо 122, 144.
 Вальтеллино 33.
 Вануччи Атто 93, 109, 294.
 Варезе 209.
 Вариньяно (бл. Слещи) 240.
 Варшавскій конгрессъ 228.
 Васко Д. Б. 6.
 Васко Далмаццо 6.
 Ватерлоо 50.
 Вела Винченцо 309.
 Веллетри 166.
 Веллингтонъ 50.
 Венассино графство 32.
 Венеція и Венеціанская область
 10, 11, 30, 32, 33, 34, 41,
 43, 44, 53, 81, 118, 128, 131,
 142, 143, 144, 146, 147, 152,
 155, 156, 157, 171, 173, 211,
 214 222, 228, 244, 246, 281.
 Венеціанская республика 34.
 Верга Джуованни 305.
 Верди Джузеппе 93, 315.
 Верона 132, 140, 141, 144, 145.
 Верри А. 8, 21.

Верри П. 8.
 Верчелли 208, 209.
 Верхне-Альпійскій парламентъ
 144, 156.
 Вечеря Сицилійская 24, 58, 120.
 Виджевано 160.
 Викторъ-Амедей II 2, 24.
 Викторъ-Амедей III 3, 4, 29.
 Викторъ-Эммануиль I Савой-
 скій 49, 54, 67, 68.
 Викторъ-Эммануиль II 161,
 173, 174, 176, 188, 198, 206,
 209, 210, 214, 216, 217, 221,
 224, 226, 227, 236, 243, 246,
 252, 256.
 Викторъ-Эммануиль III 273,
 274.
 Викторъ, графъ Туринскій 279.
 Вилла Томмазо 280.
 Вилламарина (ди) посланникъ
 222.
 Вилла Памфили 166.
 Виллари Пасквале 270, 274, 297.
 Виллафранка 211, 213.
 Вилья 75.
 Виньяле 174.
 Висконти Эннио-Квирино 21.
 Висконти 6.
 Виченца 140, 141, 146, 147.
 Вичини Джіованни 79.
 Віареджіо 18.
 Вокъери Андрей 89.
 Вольта Александръ 9.
 Вольтурно 222, 224.
 Вѣна 32, 128, 244, 246.
 Вѣнскій конгрессъ 50, 52.
 Вьессе Жанъ-Пьеръ 74.
 Вурмсерь маршалъ 30.

Г.

Гавотти Антоніо 89.
 Газеты 301.
 Галіани Фердинандъ 24.
 Галліано полковн. 265.
 Галлина Джачинто 307.
 Галуппи Пасквале 294.

Гальваньо 122.
 Гамильтони лордъ 37.
 Гамильтони лэди 37.
 Гарда озеро 30, 139, 210, 244.
 Гарелли Джироламо 71.
 Гарибальди Анита 167.
 Гарибальди Джузеппе 90, 151,
 165, 166, 167, 170, 191, 199,
 209, 214, 217, 218, 219, 220,
 221, 222, 224, 225, 226,
 235, 237, 239, 240, 243, 244,
 247, 248, 249, 258.
 Газета 154, 222, 226.
 Гайсрухъ 118.
 Генуя 13, 14, 28, 33, 39, 40,
 48, 53, 70, 109, 112, 122,
 178, 208, 217, 285.
 Гейнау ген. 162.
 Гиригелло аббатъ 180.
 Гладстонъ Вильямъ 181, 182,
 183.
 Гоито 137, 145, 289.
 Гольдони 13.
 Гонзага династія 7.
 Грандисъ инженеръ 254.
 Гратони инженеръ 254.
 Граубюнденъ 33.
 Графъ Артуръ 303.
 Граціани контръ-адм. 156.
 Граціоли 184.
 Григорій XVI 78, 99, 105.
 Примальди 25.
 Гросси Томмазо 93, 291.
 Гульельмотти Альберго 298.
 Густавъ III, король шведскій
 12
 Гумбертъ I 244, 256, 257, 273,
 Гумбертъ графъ Салеми 279.
 Гуэрацци 93, 109, 155, 163,
 291, 292.

Д.

Дабормида ген. 265.
 Д'Адзеліо Массимо 53, 93, 100,
 102, 127, 176, 177, 179, 291.
 Д'Адзеліо Робертъ 123, 146

Манхесъ ген. 46.
Маргарита королева 273.
Маремма 17, 25.
Маренго 40.
Марія-Аделанда 175.
Марія-Беатриче д'Эсте (см. Беатриче).
Марія-Каролина Неаполитанская 23, 46, 47.
Марія-Луиза Бурбонская, герцогиня Луккская 185.
Марія-Луиза Бурбонская, герцогиня Пармская 53, 57, 79, 80, 117.
Марія-Тереза Савойская 188.
Марія-Терезія Австрійская 7, 9, 15, 55.
Марія-Христина Савойская 91.
Мариновичъ полк. 131.
Марокетти Карлъ 295.
Марончелли Пьетро 57.
Марсала 219.
Марсель 84, 88.
Мартиньоне 25.
Мартини адм. 131, 133.
Мархія 31, 43, 44, 78, 167, 212, 223.
Марчелло Бенедетто 13.
Масканьи Пьетро 316.
Маскерони Лоренцо 9.
Масса и Каррара 15.
Массари 298.
Массарани Туллио 298.
Массена ген. 39.
Массова 261, 266.
Мадзини Джузеппе 70, 87, 88, 92, 95, 164, 255.
Мачерата 51.
Маццони Дж. 109.
Маффеи Сципионъ 10.
Медичи родъ 15.
Медичи Джіакомо 167, 221.
Медино Датаико 131.
Мельфи 237, 238.
Мельци Франческо 41, 42.
Меморандумъ державъ 185, 194.

Менеликъ 261, 263, 265.
Меникино Луиджи 62.
Менини 265.
Менотти Чиро 77, 81.
Ментана 249.
Меркаданте Ксаверій 294.
Меркантини Луиджи 196.
Месседалья А.
Мессина 66, 115, 153, 172, 221, 226, 286.
Местре 156.
Меттернихъ кн. 52. 60, 90. 110, 128.
Милано Агезилай 192.
Миланъ и Миланская область 7, 26, 33, 42, 48, 49, 56, 90, 118, 126, 127, 129, 130, 131, 144, 149, 184. 209, 270, 285.
Миланскій миръ 49 г. 176.
Милаццо 221.
Мильо Франческо 89.
Миллезимо 29.
Мингетти Марко 240, 256.
Минто лордъ 114.
Минчио р. 48, 131, 135, 137, 145, 148, 209, 210, 243.
Модена 14, 31, 44, 49, 53, 57, 68, 77, 80, 119, 135, 144, 155, 184, 215.
„Молодая Италия“ 88.
Монако 25.
Мондови 29.
Монкальери (манифестъ) 177.
Мон-Сенись 254.
Монтанари 145.
Монтанари Карлъ 184.
Монтанелли Джузеппе 109, 155.
Монтебелло 208.
Монтеверде Джуліо 310.
Монте Велино 286.
Монтевидео 151, 152.
Монтеземоло Массимо 122.
Монтекроче близъ Теано 226.
Монтенотте 29.

Римская республика 35, 155.
 Рини капитанъ 71.
 Риччи Лунджи 294.
 Риччи Сципионъ 17.
 Риети 66.
 Робертъ Пармскій 185, 212.
 Романсты XIX в. 301.
 Романинъ Самуиль 293.
 Романьоли Дж. 56.
 Романья 32, 44, 76, 83, 95,
 215, 217.
 Ромеро полк. 264.
 Ромео Доменико 115.
 Ромилли графъ 118.
 Ронкони 74.
 Роселли ген. 166.
 Росмини Антонио 293.
 Россароль Дж. 66, 172.
 Россетти Габриэле 62, 64, 93.
 Россини 93, 294.
 Росси Пеллегрини 51, 106, 154.
 Росси Эрнесто 307.
 Россія 36, 43, 48, 59, 64, 82,
 206.
 Рубаттино пароходство 218,
 260.
 Рудини Антонио ди 263, 266.
 Руссель лодръ 183, 225, 236.
 Руффили 89, 291.
 Руффины Яковъ 88.
 Руффо кард. 36, 37.
 Руэ президентъ министровъ 249

С.

Савона 43.
 Савойская династія 1, 2, 53,
 134, 158.
 Савойя 1, 28, 29, 53, 89, 214.
 Садова 244.
 Саласко Карло ди 138.
 „ перемиріе 150.
 Салеми 220.
 Сальваньоли Винченцо 109.
 Сальвини Томмазо 307.
 Саффи Аврелій 164.
 Сан-Марино 25, 167.
 Сан-Мартино 210.

Сан-Марцано Карло-Азинари 67.
 Сан-Марцано Александръ 261.
 Сант'Альберто 170.
 Санта Лучія 140, 144.
 Сантароза Пьетро ди 122,
 123, 180.
 Сантароза Санторре 67, 70, 71,
 162.
 Сантена 236.
 Санто Стефано 155.
 Сан-Фермо 209.
 Сапри 192, 217.
 Саракко Джузеппе 272, 279.
 Сардинія островъ 2.
 Сардинское королевство 134.
 Сарнико 239.
 Св. Елена 50.
 Сегантини 312.
 Сен-Бонъ адм. 281.
 Сен-Бернардъ большой 40.
 Сен-Готардъ 254.
 Секки Анджеоло 316.
 Селла Квинтино 254.
 Сенафе 263.
 Сезія 208.
 Серао Матильда 305.
 Сеттембрини Лунджи 115,
 163, 302.
 Сеттимо Руджеро 121, 141.
 Сиккарди, министръ юстиціи
 180.
 Сильвати Джузеппе 61, 72.
 Сипмплонъ 254.
 Синео Риккардо 122.
 Сиракузы 92.
 Сиртори Джузеппе 172, 219.
 Сицилія островъ 2, 22, 24, 25,
 35, 46, 47, 58, 63, 92, 103,
 119, 135, 141, 157, 217,
 219, 220, 239, 267, 268.
 Сицилія (Корол. Обѣихъ Сици-
 лій) 58, 59, 65.
 Сіена 17, 155.
 Скарселлини Анджеоло 184.
 Склописъ 134.
 Скьянаерлли 316.
 Скульптура 313—315.